

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1
(33)

Москва
2017

Главный редактор — Молдован А. М., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, профессор, Институт проблем передачи информации РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор, Варшавский университет, академик Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор, Мадридский технический университет, Испания; Институт проблем передачи информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор, Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil., Цюрихский университет, Швейцария

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Вежбицкая А. — Ph.D., профессор, Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия

Гиппиус А. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия

Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зализняк А. А. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН

Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт востоковедения РАН; Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»

Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский университет, член-корреспондент Геттингенской академии наук, член-корреспондент Баварской академии наук, Германия

Касаткин Л. Л. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Кленин Э. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Лос Анжелес, США

Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор, Кильский университет, Германия

Мельчук И. А. — Ph.D., профессор, Монреальский университет, Канада

Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор, Белорусский государственный университет, Минск, Беларусь

Падучева Е. В. — д. ф. н., профессор, Всероссийский институт научной и технической информации РАН

Плунгян В. А. — член-корреспондент РАН, профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Институт языкознания РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Рождественская Т. В. — д. ф. н., профессор, Санкт-Петербургский государственный университет

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США

Толстая С. М. — д. ф. н., профессор, Институт славяноведения РАН

Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия

Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США

Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Шмелев А. Д. — д. ф. н., профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., д. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV INSTITUTE OF RUSSIAN LANGUAGE

RUSSIAN LANGUAGE AND LINGUISTIC THEORY

№ 1 (33)

Moscow
2017

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc. (Russian Language), Director, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Institute for Information Transmission Problems of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Full Member of the Polish Academy of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Technical University of Madrid, Spain; Institute for Information Transmission Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitry O. Dobrovolsky, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Harvard University, Cambridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language), Professor, National Research University Higher School of Economics, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;

Leonid L. Kasatkin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;

Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;

Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;

Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;

Igor Meščuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;

Elena V. Paducheva, D.Sc. (General Linguistics), Professor, All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the RAS, Moscow, Russia;

Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;

Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;

Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;

Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Moscow, Russia;

Hannu Tammola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;

Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia;

Ruprecht von Waldenfels, Ph.D (Slavic Languages), University of Zurich, Switzerland;

Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;

Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;

Andrey A. Zaliznyak, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;

Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Institute of Russian Language of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>Е. В. Падучева.</i> Об истинностном статусе пропозиции в предложениях с сентенциальным актантом.....	9
<i>В. А. Нуриев.</i> Местоимение неизвестности <i>кто-то</i> по данным русско-французского параллельного корпуса	43
<i>И. А. Мельчук.</i> КАК..., ТАК И...: Что это за?	67
<i>В. Ю. Апресян.</i> Русские посессивные конструкции с нулевым и выраженным глаголом: правила и ошибки.....	86
<i>П. В. Гращенков, Е. А. Лютикова.</i> О синтаксисе компаратива в русском языке.....	116
<i>И. В. Нечаева.</i> Прописная графема и её функции в современном письме	142
<i>И. В. Бегунц.</i> Об употреблении так называемых многократных глаголов в одном севернорусском говоре	161
<i>Г. А. Мольков.</i> Простой аорист в древнерусской письменности	179
<i>Т. И. Афанасьева.</i> Употребление указательных местоимений в функции личных местоимений 3-го лица в русских переводах конца XIV века	196
<i>Герд Хенциель.</i> Белорусско-русская смешанная речь («трасянка»): 11 вопросов и ответов.....	209
<i>А. В. Попова.</i> Конструкция типа « <i>вода тити</i> » по данным московских памятников XVI — нач. XVIII вв.....	251

Информационно-хроникальные материалы

XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (13—16 сентября 2016 г.) (<i>М. В. Ахметова</i>)	265
--	-----

Рецензии

Логика Псевдо-Маймонида в славянском переводе XV века [M o s h e T a u b e. The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-century Ruthenian Translation from Hebrew] (<i>А. А. Алексеев</i>)	271
М. В. К о п о т е в, Т. И. С т е к с о в а. Исключение как правило: Переходные явления в грамматике и словаре (<i>Г. И. Кустова</i>)	280

Новые книги

А. В. Ц и м м е р л и н г, Е. А. Л ю т и к о в а (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов (<i>О. Е. Пекелис</i>).....	284
Г. Я. Р о м а н о в а. Объяснительный словарь старинных русских мер (<i>А. Е. Соболева</i>)	286
Сведения об авторах	288
Правила подачи статей	290

CONTENTS

Articles

<i>Elena V. Paducheva.</i> On the truth value status of a proposition in sentences with a sentential complement.....	9
<i>Vitaly A. Nuriev.</i> The specific indefinite pronoun <i>kto-to</i> in the Russian-French parallel corpus	43
<i>Igor A. Meščuk.</i> Russian <i>KAK...</i> , <i>TAK I...</i> ‘≈ immediately after the moment that..., then...’: What kind of stuff is it?.....	67
<i>Valentina Yu. Apresjan.</i> Russian possessive constructions with overt ‘be’ and zero copula: rules and errors.....	86
<i>Pavel V. Grashchenkov, Ekaterina A. Lyutikova.</i> Syntax of Russian comparative constructions.....	116
<i>Iya V. Nechaeva.</i> Capitalized graphemes and their function in modern writing.....	142
<i>Irina V. Begunts</i> Iterative verbs and their function in one North-Russian dialect	161
<i>Georgy A. Mol’kov.</i> The root aorist in Old Russian monuments	179
<i>Tatiana I. Afanasjeva.</i> Use of demonstrative pronouns in the function of 3rd-person pronouns in late 14th-century Russian translations.....	196
<i>Gerd Hentschel.</i> Eleven questions and answers about Belarusian Trasyanka.....	209
<i>Anna V. Popova</i> The construction <i>voda piti</i> according to the 16 th /18 th century Moscow monuments	251

Reports

Fifteenth International Conference “Onomastics of Volga Region” (September 13—16, 2016) (<i>Maria V. Akhmetova</i>).....	265
---	-----

Reviews

Pseudo-Maimonides' Treatise on Logic in a fifteenth-century Slavonic translation [M o s h e T a u b e. The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-century Ruthenian Translation from Hebrew] (<i>Anatoly A. Alexeev</i>).....	271
M. V. K o p o t e v, T. I. S t e x o v a. Exception as Rule: Transitional Phenomena in Grammar and Lexis (<i>Galina I. Kustova</i>)	280

New books

A n t o n V. Z i m m e r l i n g & E k a t e r i n a A. L y u t i k o v a (eds.). Clause architecture in the parametric models: Syntax, information structure, word order (<i>Olga E. Pekelis</i>).....	284
G. A. R o m a n o v a. Explanatory Dictionary of Old Russian Measures (<i>Alexandra E. Soboleva</i>)	286
Authors.....	288
Notes for contributors	290

ИССЛЕДОВАНИЯ

Е. В. ПАДУЧЕВА

ОБ ИСТИННОСТНОМ СТАТУСЕ ПРОПОЗИЦИИ В ПРЕДЛОЖЕНИЯХ С СЕНТЕНЦИАЛЬНЫМ АКТАНТОМ*

Он врет, что он консультант.
(М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита)

В ряде работ последних лет фигурирует термин «истинностный статус пропозиции», см. [Noonan 2007; Добрушина 2016; Пекелис 2016]. Понятие истины проникло в лингвистическую семантику (экспликативную, т. е. в духе И. А. Мельчука, Ю. Д. Апресяна, Анны Вежбицкой) под флагом пресуппозиции (презуппции). Так что если речь идет о каком-то новом поприще, на котором истина нужна в экспликативной семантике, то на это следует обратить внимание.

Имеется понятие ассертивный статус пропозиции (см. [Падучева 2011]). Это параметр, который может принимать следующие значения¹:

— ассерция (*жалею, что поехал — не жалею, что поехал*: ассерция — это тот смысловой компонент предложения, который притягивает к себе отрицание);

— презуппция (*жалею, что поехал* ⊃ ‘поехал’; *не жалею, что поехал* ⊃ ‘поехал’: презуппция (иначе — пресуппозиция) — это тот смысловой компонент, который отрицание не затрагивает);

— импликация (добился того, что его приняли ⊃ ‘приняли’; не добился того, что его приняли ⊃ ‘не приняли’);

— отрицательная импликация: *забыл позвонить* ⊃ ‘не позвонил’; *не забыл позвонить* ⊃ ‘позвонил’);

— безотносительность к истине: *из думаю, что приняли* не следует, что приняли или что не приняли.

* Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 170400554а.

¹ Имеется сопряженное понятие **импликативный тип** предиката, см. [Зализняк 2006: 488—496].

Безотносительность к истине [Падучева 2016] — это то же, что неведикативность по [Giannakidou 1998] и снятая утвердительность по [Weinreich 1963/1970], см. о снятой утвердительности также [Падучева 2005; 2015].

Согласно общепринятым определениям (см., например, [Beaver, Geurts 2011]), предложение Р является презумпцией предложения S, если из S следует Р и из отрицания S следует ¬Р. Формально определение презумпции не содержит обращения к истине. Но по существу это тот компонент смысла предложения S, который должен быть истинным, чтобы предложение в целом было осмысленным. (Вообще, в определении презумпции вместо «следует Р» всегда можно сказать «следует, что Р истинно».)

В работах [Noonan 2007; Добрушина 2016; Пекелис 2016] используется понятие истинностный статус пропозиции — значения этого параметра, предположительно, истина, ложь, безотносительность к истине. Возникает вопрос, принципиальны ли отличия истинностного статуса (И-статуса) от ассертивного статуса; нельзя ли свести один к другому.

Основное, что бросается в глаза, — это то, что И-статус равнодушен к презумпциям, которые играют ключевую роль в ассертивном статусе.

Здесь надо учесть следующее. Статья [Noonan 2007] вводит отдельный параметр — коммуникативный статус пропозиции, его значения — данное/новое (скорее — известное/неизвестное). Была выдвинута гипотеза, что презумпция — это такая пропозиция, у которой истинностный статус — истина и коммуникативный статус — данное: предполагалось, что в этом случае подчиненная предикация остается истинной под отрицанием. Тогда в рамках И-статуса оставалась бы возможность пользоваться понятием фактивного (= презумптивного) глагола и фактивной (= презумптивной) пропозиции.

В самом деле, у фактивного глагола подчиненная пропозиция обязательно должна быть, в каких-то употреблениях, данным; иначе предложение с этим глаголом не имеет отрицания, т. е. не может иметь презумпцию, см. пример (118).

- (118) Скачет к нему Аггей и *дивится*, что не уходит олень, а на него всё смотрит большими глазами, точно сказать что-то хочет (Вс. М. Гаршин. Сказание о гордом Аггее (1886)).

Глагол *дивиться* не фактивный: подчиненная пропозиция не имеет хорошего отрицания.

Однако пример (37) показывает, что коммуникативный статус пропозиции может быть данным и при этом пропозиция не будет презумпцией:

- (37) На другой день штаб корпуса не *подтвердил*, что «таубэ» был сбит (В. П. Катаев. Юношеский роман (1980—1981)).

Даже если исходить из того, что И-статус подчиненной пропозиции глагола *подтвердить* истина, глагол не является фактивным: из предложения (37), отрицательного, не следует, что «таубэ» был сбит.

Так что гипотеза оказалась несостоятельной: фактивный глагол не может быть определен через И-статус и коммуникативный статус подчиненной пропозиции. Фактивный глагол — это глагол с фактивной презумпцией, которая может быть данным (*Иван не знал, что там есть столовая*), а может быть новым (*Иван не знал, что там есть столовая*).

Отметим важное различие между двумя понятиями — И-статусом и ассертивным статусом. Дело в том, что И-статус, как он фигурирует в упомянутых работах, есть только у подчиненной пропозиции. Независимая пропозиция не имеет И-статуса в языке, она может быть истинна или ложна при соотнесении языковых выражений с действительностью, так что у независимой пропозиции есть только истинность. А ассертивный статус определен и для независимой пропозиции — он характеризует поведение пропозиции под отрицанием. Так что И-статус и ассертивный статус — это разные параметры. Хотя и связанные друг с другом; так, безотносительность к истине является одним из значений обоих параметров.

З а м е ч а н и е 1. В работе [Кобозева 1999] термин «истинностный статус» используется в том значении, которое здесь закреплено за термином «ассертивный статус».

Термин И-статус предназначен, прежде всего, для предложений с сентенциальным актантом (СА) — например, в предложении *Я знаю, что Иван вернулся* предикация *Иван вернулся* — это СА. Сентенциальные актанты — это придаточные, введенные союзами *что, чтобы*, т. е. придаточные дополнения и подлежащие (а также инфинитивы и номинализации), см. [Летучий 2014]. В англоязычной терминологии сентенциальному актанту соответствует термин *completive*, комплетив (ср. также термин *sentential complement*).

Способны подчинять СА, прежде всего, два класса слов — глаголы и предикативные наречия (точнее, предикативные краткие прилагательные), иначе — предикативы; например, *важно, возможно*. В данной работе рассматриваются только глаголы. Глаголы, подчиняющие сентенциальный актант, — это, сокращенно, глаголы ПСА.

Сентенциальный актант имеет истинностный статус истина, если из предложения вида «глагол ПСА + союз + СА» следует истинность предложения вида «СА». Статус ложь, если следует ложность, и безотносительность к истине, если не следует ни то, ни другое. Например, в предложении *Я знаю, что Иван вернулся* СА *Иван вернулся* имеет И-статус истина; в предложении *Он лжет, что он консультант* СА *он консультант* имеет И-статус ложь; в предложении *Я думаю, что Иван вернулся* СА *Иван вернулся* имеет И-статус безотносительность к истине.

Истинностный статус, как и ассертивный, проверяется на следовании: И-статус сентенциального актанта истина, если из предложения в целом следует предложение вида СА. Причем «следует предложение Р» — это все равно, что «следует истинность предложения Р».

Суждения о том, что одно предложение следует из другого, опираются целиком на интуицию — так же, как суждения о грамматической правильности. Никаких критериев на этот счет предложить нельзя.

З а м е ч а н и е 2. Понятие безотносительность к истине необходимо не только для предложений с придаточным изъяснительным, но также и для предложений с придаточным условным: в протазисе и аподозисе нормального предложения вида «Если А, то В» пропозиция должна быть безотносительна к истине: она не истинна и не ложна. Так, если А истинно, то перед нами не условное предложение, а причинное [Пекелис 2015]: ‘Раз А, значит В’. А если А ложно, то будет не *если*, а *если бы*.

Ассертивный статус завоевал себе надежное место в лингвистической теории, взять хотя бы тот факт, что современная семантика немыслима без понятия пресуппозиция (см. о пресуппозициях, например, обзор в [Падучева 2011]). А для чего нужен И-статус? Тут можно указать следующее.

а) И-статус нужен для того, чтобы описать правила выбора между союзами *что* и *чтобы*. Так, предикаты *сомневаюсь*, *не верю*, *хочу*, *приказал*, *нужно* и др. допускают или даже требуют союза *чтобы*, см. о *чтобы* [Добрушина 2016]. А *считаю*, *верю* управляют союзом *что*. Обычно союз *чтобы* не употребляется, если И-статус подчиненной пропозиции — истина. Но если И-статус подчиненной пропозиции — безотносительность к истине, то возможны и *чтобы*, и *что*, ср. *мечтаю*, *чтобы* и *надеюсь*, *что*.

б) И-статус нужен для описания противопоставления *если* и *если бы*, см. [Пекелис 2015].

в) И-статус пропозиции нужен потому, что он зависим от класса подчиняющего предиката: возникает задача — описать эту зависимость.

В статье рассматриваются разные классы глаголов, подчиняющих союз *что*: выявляется зависимый И-статус подчиненных им сентенциальных актантов.

Итак, истинностный статус — это нужный параметр. Однако многое с истинностным статусом требует обсуждения.

Пр и м е р 1. Из *Маша утверждает, что Иван вернулся* НЕ СЛЕДУЕТ *Иван вернулся*, т. е. НЕ СЛЕДУЕТ, что *Иван вернулся* истинно: *Иван вернулся* безотносительно к истине. Но тогда:

Из *Маша отрицает, что Иван вернулся* НЕ СЛЕДУЕТ, что *Иван вернулся* ложно, а из *Маша не отрицает, что Иван вернулся* НЕ СЛЕДУЕТ, что *Иван вернулся* истинно.

Имеется два мира: мир субъекта глагола ПСА и мир говорящего, т. е. реальный мир. То, что имеет место в мире субъекта глагола ПСА, может не быть истиной в мире говорящего.

Пр и м е р 2. Из предложения *Он делает вид, что понимает теорему Геделя* СЛЕДУЕТ, что предложение *Он понимает теорему Геделя* ложно. Из *Он не делает вид, что понимает теорему Геделя* не следует ничего. Так какой же И-статус у сентенциального актанта этих предложений?

Пример 3. Трудность представляют примеры типа *Я сомневаюсь, что Иван вернулся*. Надо думать, истинностный статус пропозиции *Иван вернулся* — безотносительность к истине. А то, что ситуация *Иван вернулся* имеет малую вероятность, вытекает из смысла глагола ПСА. Едва ли параметр истинностный статус имеет более трех значений. См., впрочем, ниже Замечание 3.

Пример 4. Предложение с *редко бывает* (*Очень редко бывает, чтобы все устраивало в партнере*, пример из [Добрушина 2016]) должно было бы иметь особый И-статус, если считать, что выбор между *что* и *чтобы* зависит от И-статуса. В самом деле, при *часто бывает* невозможно *чтобы*. Возникает вопрос, не идет ли тут речь об отдельном И-статусе: как и с глаголом *сомневаться*, речь идет о малой вероятности ситуации.

Пример 5. Рассмотрим предложение:

- (1) Он было и её выписывал, да матушкины родные не пустили, написали, что больна (А. Н. Островский. Гроза (1860)).

Из контекста следует, что родные написали ложь (т. е. «Она больна» ложно). Но это на уровне импликатур следует из «родные не пустили»². А истинностный статус пропозиции в контексте *написали* — безотносительность к истине. Так что этот пример показывает только, что пропозиция сентенциального актанта, подчиненного глаголу речи, безотносительна к истине, см. об этом ниже.

Эти и другие проблемы обсуждаются по ходу дела.

Замечание 3. В [Добрушина 2016] для параметра Истинностный статус постулируется еще одно значение — истина маловероятна: для сентенциальных актантов предикатов *сомневаться* (*, чтобы*), *маловероятно* (*, чтобы*), а также *представлять*, *воображать*, *верить*, *поверить*, *помнить*, *припомнить*, *находить*, *думать*, *знать*, *вероятно* в контексте отрицания *не* и союза *чтобы*.

В отрицательных предложениях с глаголами этого типа ассертивный статус их сентенциального актанта может быть презумпция, как в примере (2) с союзом *что*, а может быть импликация, как в примере (3) с союзом *чтобы*.

- (2) Тот, казалось, вообще *не заметил, что* невеста пьяна (Маша Трауб. Ласточка...ка (2012)).
(3) А пятый и шестой вообще лежали на днище, и Винитар *не заметил, чтобы* они шевелились (Мария Семенова. Волкодав: Знамение пути (2003)).

Предложение (3) имеет импликатуру «они не шевелились». Однако И-статус сентенциального актанта не ложь, поскольку допускается ошибка восприятия. Это значение — «истина маловероятна». Оно и выражается союзом *чтобы*. При глаголах знания и восприятия (*не знаю*, *не помню*, *не представляю*, *не вижу*, *не заметил*) союз *чтобы* выражает отмену презумпции истинности. А при глаголах мнения

² Импликатура (по Г. П. Грайсу, см. [Grice 1975]) — неявно выраженный компонент смысла высказывания.

(*не верю, не думаю*) он просто подчеркивает нефактивность пропозиции сентенциального актанта. Глагол *сомневаться* содержит внутрисловное отрицание: *сомневаюсь, чтобы* ≈ ‘не думаю, чтобы’.

Ниже излагается классификация глаголов ПСА в русском языке с точки зрения истинностного статуса сентенциального актанта, введенного союзом *что*.

Разбираются примеры, полученные из Национального корпуса русского языка (<http://ruscorpora.ru/>) по запросу «глагол перед союзом *что*». При поиске были исключены самые частотные глаголы, что сократило объем выдачи более чем вдвое. Примеры с этими глаголами были добавлены отдельно. Другие типы сентенциальных актанта (например, инфинитивы) и другие союзы (*чтобы, будто бы*) рассматриваются только при сопоставлении. Глаголы совершенного и несовершенного вида, образующие видовую пару, обычно представлены по отдельности — в соответствии с тем, как принято в Корпусе.

Описание поиска в Корпусе. По запросу «V *всобща* на расстоянии 1 от *что*» найдено 15 237 вхождений. После исключения частотных слов осталось меньше половины. Окончательный запрос: «-говорить, -сказать, -вспомнить, -помнить, -думать, -подумать, -знать, -понимать, -понять, -решить, -считать, -почувствовать, -видеть, -увидеть, -узнать, -бывать, -быть, -казаться, -показаться, -оказаться, -заметить, -догадаться, -объяснить, -ответить, -слышать, -услышать V *всобща* на расстоянии 1 от “что”». Найдено 6 215 вхождений³.

В дальнейшем на каждый глагол был оставлен один пример. Пример является доказательством того, что данный глагол принадлежит к данному классу.

Поиск велся на Подкорпусе со снятой омонимией, поскольку на большом Корпусе оказалось невозможно исключить даже десяток частотных глаголов: возникал сбой в работе системы.

Рассматривались только глаголы. Предикативы (т. е. предикативные прилагательные), такие как *очевидно, странно, вероятно*, не принимались во внимание, хотя они подчиняют сентенциальный актанта так же, как глаголы.

Все примеры проверялись вручную, поскольку необходимо было исключить контексты с местоименным *что* вместо союзного (как в примере *Она многое помнила, что было неуместно*).

Дальнейшие разделы работы содержат перечень классов глаголов ПСА, получившихся в результате описанного поиска в Корпусе.

Наша классификация глаголов ПСА в значительной степени опирается на ту, которая предложена в [Noonan 2007]. При этом, как оказалось, полу-

³ Приношу благодарность Светлане Олеговне Савчук за помощь в работе с Корпусом.

чились классы, более или менее традиционные для экспликативной семантики:

- глаголы речи,
- глаголы мнения,
- дезидеративы и опасения,
- глаголы эмоции,
- глаголы знания и приобретения знания,
- глаголы восприятия,
- глаголы лжи и притворства,
- общесобытийные глаголы.

Для каждого класса глаголов (и для каждого глагола) указывается И-статус пропозиции-комплемента.

З а м е ч а н и е 4. В [Добрушина 2016: 202] говорится, что не охарактеризованы по параметру истинности (в моих терминах — безотносительны к истине) сентенциальные актанты предикатов, которые предсказывают сослагательное наклонение в сентенциальном актанте, т. е. требуют союза *чтобы* (например, *предпочитать*, *требовать*). На самом деле, безотносительны к истине также и сентенциальные актанты многих предикатов, которые подчиняют союз *что*, — например, *говорить*, *верить*, *считать* и многие другие.

1. Глаголы речи

Большой класс глаголов, у которых пропозиция сентенциального актанта обычно имеет статус «безотносительно к истине», составляют глаголы речи: из *сказал, что сделал* не следует, что сделал.

В класс глаголов речи включены, в частности, каузативные глаголы, типа *напомнить*, *предупредить*, которые в [Добрушина 2016: 206] отнесены к глаголам манипуляции (наряду с *требовать*, *приказать*, *просить* и других, требующих союза *чтобы*).

Список глаголов: *болтать*, *брюзжать*, *возразить*, *галдеть*, *говорить*, *диктовать*, *договориться*, *донести*, *жаловаться*, *заговорить*, *закричать*, *записать*, *заявить*, *извиняться*, *каяться*, *кричать*, *намекать*, *написать*, *напоминать*, *обещать*, *объявить*, *объявлять*, *объяснять*, *оправдываться*, *отвечать*, *отговариваться*, *отметить*, *отрицать*, *писать*, *передать*, *повторить*, *подсказать*, *подтвердить*, *подчёркивать*, *покаяться*, *поручиться*, *похвастаться*, *предупредить*, *прибавить*, *прибавлять*, *признать*, *признаться*, *рапортовать*, *расписаться*, *рассказывать*, *растолковывать*, *сказать*, *слышать*, *сообщить*, *убеждать*, *убедить*, *уверять*, *указать*, *утверждать*, *учить*, *хваляться*, *хрипеть*, *читать*.

Итак, у глаголов речи в целом И-статус пропозиции СА — безотносительность к истине. Не истина, поскольку из предложения в целом не следует его СА. Правда, есть глаголы речи, про которые хочется думать, что их СА имеет И-статус истина. Например, *поручиться*, *предупредить*,

признать, сообщить. Глагол *предупредить* является, к тому же, фактивным: его СА — презумпция.

В поисковых системах (см., например, [Karttunen, Zaenen 2005]) обычно считается, что истинность информации зависит от степени надежности источника. Однако теоретически у всех глаголов речи И-статус пропозиции СА — безотносительность к истине, а не истина.

Если И-статус пропозиции СА истина, это значит, что СА следует из предложения в целом. Если пропозиция СА не следует, то ее И-статус — безотносительность к истине.

Примеры.

- (4) *Болтали*, что электрический ток по ней пущен (Борис Екимов. Пиночет (1999)). Не следует, что электрический ток пущен.
- (5) Чистюли-меньшевики *брюзжали*, что — грабёж и террор, противоречит марксизму (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Не следует СА
- (6) На это дирижёр *возразил*, что дело не в красоте и не в возрасте, а в натуре (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)). Не следует СА — это точка зрения дирижера, а не говорящего.
- (7) Где было дважды два четыре, Александр хором *галдели*, что ещё одна десятая и две сотых (Александр Солженицын. В круге первом. Т.1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Не следует СА
- (8) А мама всегда *говорила*, что здесь жить нельзя (Андрей Геласимов. Жанна (2001)). Говорящий отделяет свое мнение от мнения субъекта. Т. е. с точки зрения говорящего «здесь жить нельзя» не следует из (8).
- (9) *Говорит*, что я ничего не довожу до конца (Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)). Здесь тоже говорящий не согласен с субъектом речи.
- (10) Элементарное понятие о честности *диктует*, что предложенная запись есть именно энцефалограмма, а не что-то другое (И. Грекова. В вагоне (1983)). И-статус пропозиции СА — истина.
- (11) Мы *договорились*, что сам Лёва, в отличие от меня, будет иметь право на личную жизнь, но лишь тогда, когда добьётся больших музыкальных успехов (Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)). Ситуация СА имеет место в мире договора, а не в реальном.
- (12) Мне только что *донесли*, что вы собираетесь обедать здесь, во втором зале (И. Грекова. На испытаниях (1967)). Пропозиция СА следует из (12) в виде импликатуры, которая может быть подавлена: «Но я знаю, что вы отказались от этого намерения». И-статус СА — безотносительность к истине.
- (13) Не любил я её: всегда приходила она к моей Матрене *жаловаться*, что муж её бьёт (Александр Солженицын. Матренин двор (1960)). Из того, что жаловалась, не следует, что это так и было.

- (14) После этого уже громко *заговорили*, что красномордого сняли (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 4 (1978)). Пропозиция СА не следует из (14).
- (15) Ударил его по щеке и *закричал*, что он всех тут измордует (Алексей Слаповский. Не сбылась моя мечта (1999)). Не следует, что измордует.
- (16) Это нужно в трубе угольком *записать*, что второй проверки нет (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). Не следует, что второй проверки нет.
- (17) Чуть-чуть подержал трубку и резко *заявил*, что — лучше, что намного лучше (Александр Солженицын. В круге первом. Т.1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Не следует: может быть, что заявляющий субъект не искренен; может быть, что говорящий не доверяет его словам.
- (18) А затем они *каются*, что жить они, дорогой, хотят (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 2 (1978)). Статус СА неясен.
- (19) А он всех презирал, *кричал*, что не может жить с «этими идиотами» (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)). Из «кричал, что не может жить», не следует «не может жить»; значит, статус СА — безотносительно к истине.
- (20) Она всё чаще поглядывала на пароходы и не раз *намекала*, что нам придётся скоро расстаться (А. С. Грин. Ива (1923)). Из «намекала, что нам придётся скоро расстаться», не следует «нам придётся скоро расстаться»; коммуникативный статус пропозиции СА — новое.
- (21) Он было и её выписывал, да матушкины родные не пустили, *написали*, что больна (А. Н. Островский. Гроза (1860)). Из контекста следует, что написали ложь (т. е. «она больна» ложно). Но это следование на уровне имплицатур из «не пустили». А истинностный статус пропозиции в контексте *написали* — безотносительность к истине.
- (22) *Напоминаю*, что вышеуказанные вещи принадлежали мне и не имели отношения к партийной кассе» (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 4 (1978)). И-статус пропозиции СА — истина: перформативное употребление глагола ПСА.
- (23) Клялся: никогда больше, никогда! *Обещал*, что исправится, всё наверстает (И. Грекова. Фазан (1984)). Из «обещал, что исправится» не следует «исправится».
- (24) И даже *объявил* однажды, что скоро приедет мулла из Тифлиса и окрестит его, Хаима Ягудина, в магометанскую веру (Анатолий Рыбаков. Тяжелый песок (1975—1977)). Из «объявил, что скоро приедет» не следует, что скоро приедет.
- (25) Так как меня прогоняют со службы, будто я пьянствую, то *объявляю*, что все вы мошенники и воры (А. П. Чехов. Жалобная книга (1884)). Не следует пропозиция СА.

Глагол *объявить* совместим с союзом, вводящим сослагательное наклонение и выражающим нереальность пропозиции, заключенной в СА:

- (26) В тот же вечер Ольга засела в шкаф, наутро всей квартире было *объявлено*, *будто бы* она уехала из города в неизвестном направлении (Вячеслав Пьецух. Шкаф (1997)). И-статус пропозиции СА — ложь: это выражено союзом.
- (27) Я вам уже *объяснял*, что существует более сложная система, которая при этом органична (Ordinamenti (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06). Из «*объяснял*, что существует» не следует «существует»; И-статус — безотносительность к истине. Впрочем, для ситуации, где мир субъекта речи совпадает с миром говорящего, возможно, следует сделать поправку; тогда И-статус СА Истина.
- (28) На другой день в школе Синягин весь урок *оправдывался*, что его положили неправильным приемом (Л. А. Кассиль. Кондуит и Швамбрания (1928—1931)). Из «говорил, оправдываясь» не следует, что так и было.
- (29) Я *отвечал*, что лично у меня в настоящее время таких квартир нет, крепко жал ему руку, с облегчением прощался — и всякий раз надеялся, что теперь уж навсегда (Андрей Волос. Недвижимость (2000) // «Новый Мир», 2001). Из того, что отвечал, не следует, что так и было.
- (30) Чтобы не погубить Галилея, издатель старательно *отговаривается*, что книга выпущена без ведома автора (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 1 (1964)). Не следует, что книга выпущена без ведома автора; И-статус СА безотносительность к истине.
- (31) Я только хотел *отметить*, что у нас из-за такого ложно понятого демократизма люди легко мирятся с любыми условиями жизни (И. Грекова. На испытаниях (1967)). Если глагол ПСА не в изъявительном наклонении, предполагается трансформация в утвердительную форму: *отметил, что*; совпадение субъекта речи с говорящим — И-статус, возможно, истина.
- (32) Он *отрицает*, что начал в Лондоне с выстрела в лицо, — может, потому что Джозеф Зив остался жив (Сергей Юрьенен. Покер с Ильичом (1997) // «Столица», 1997.04.01). Из *отрицает* не следует ложь, так же как из *утверждает* не следует истина: субъект речи говорит, что ложно, а говорящий может этому не верить.
- (33) В это время в палату зашёл санитар Медведев и *передал*, что сестру Терентьеву вызывает по телефону начальник хирургического отделения военврач Платонов (Василий Гроссман. Жизнь и судьба, ч. 1 (1960)). Не следует, что вызывает.
- (34) Две недели, я знаю, девочка торговала на рынке, а теперь *пишут*, что — болела... (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998). И-статус пропозиции СА ложь — как независимое истинностное значение (independent truth value).

- (35) Меня усадили рядом с ней и *повторили*, что я понятой (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 2 (1964)). И-статус истина; пропозиция СА следует из предложения в целом.
- (36) В милиции ей *подказали*, что такое возможно (Фазиль Искандер. Сюжет существования (1965)). Не следует, что возможно, хотя источник авторитетный! Коммуникативный статус пропозиции СА — новое.
- (37) На другой день штаб корпуса не *подтвердил*, что «таубэ» был сбит (В. П. Катаев. Юношеский роман (1980—1981)).

Даже если исходить из того, что И-статус глагола *подтвердить* истина, он не является фактивным: из предложения (37), отрицательного, не следует, что «таубэ» был сбит. При этом К-статус пропозиции СА — данное.

- (38) Тогда по условию вступил Яконов, самым тоном своим и негромкостью голоса *подчёркивая*, что говорит не как администратор, а как специалист (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Не следует, что истинностный статус СА — истина.
- (39) «Узнаешь ты эту метку?» — сурово спросил я. Немного струсив, она *покаялась*, что узнает (А. С. Грин. Ива (1923)). Не следует, что узнает.
- (40) Нельзя *поручиться*, что персонаж в точности так думал, но что-то похожее думал наверное (И. Грекова. Знакомые люди (1982)). Если в примере отрицание, то предполагается соответствующий утвердительный вариант. Из *Можно поручиться, что думал* следует, что думал; истинностный статус СА — истина. Хотя возможна и безотносительность к истине.
- (41) Я *похвасталась*, что испекла пирог (И. Грекова. Перелом (1987)). Не следует, что испекла.
- (42) Но я его *предупредила*, что ругаться с ним не буду (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 5 (1978)). Истинностный статус СА истина. Коммуникативный статус обычно данное, хотя может быть и новым; *предупредить* — фактив.
- (43) Тут только он сообразил, что не позвонил ей, не *предупредил*, что придет поздно, как предупреждал раньше (Анна Берсенева. Возраст третьей любви (2005)). «Придет поздно» — презумпция; И-статус — истина.
- (44) И, получив в ответ медлительное «yes», *прибавил*, что сегодня у них в вестибюле тарантелла — танцуют Кармелла и Джузеппе, известные всей Италии и «всему миру туристов» (И. А. Бунин. Господин из Сан-Франциско (1915)). Коммуникативный статус — новое. Сказал в дополнение к сказанному ранее. И-статус — безотносительность к истине.

- (45) Да ещё *прибавляет*, что сделал это искренне (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 1 (1943—1958)).
- (46) Он *признался*, что я для него по-прежнему привлекательна во всех смыслах, но там все-таки давняя любовь (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // «Волга», 2010). Здесь пропозиция СА — новое, но может быть и данным; предикат фактивный; *Признался ей, что женат* \supset 'женат', *Не признался ей, что женат* \supset 'женат'.
- (47) ... сердито смолкал, либо *признавался*, что этот материал они ещё не проходили (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 2 (1978)).
- (48) Он *признал*, что грубо ошибся, переоценил работу Штрума (Василий Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 3 (1960)). = Сообщил знание о себе; имеется речевой компонент, отсюда не полная веридикативность. И-статус истина. Допустимо отрицание, хотя, казалось бы, СА выражает новое; вопрос о фактивности *признать* остается открытым.
- (49) *Рапортовали*, что собраны лучшие силы (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Не следует, что собраны.
- (50) *Распишитесь*, что читали ордер. — Ну а если за эти годы я перекопался? (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 2 (1978)). Не следует, что читал.
- (51) А вот мне Корнилов *рассказывал*, что есть где-то старинная такая запись (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 2 (1964)). Не следует, что есть запись.
- (52) Ведь на следствии нам *растолковывали*, что народ всё знает и ненавидит нас как бешеных псов и наймитов капитала (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 5 (1978)). Не следует, что народ всё знает и ненавидит.
- (53) Антон Стрельников *сказал*, что влюбился в новую училку по истории (Андрей Геласимов. Нежный возраст (2001)). Не следует, что влюбился.
- (54) Ещё он *слышал*, что в их разведывательно-диверсионном деле многое зависит от тех, кто с тобой рядом (Василь Быков. Болото (2001)). Не следует, что зависит.
- (55) Чекист Круглов со странным удовлетворением *сообщил*, что теперь на неё (Ольгу) объявят всесоюзный розыск и, скорее всего, найдут (Вячеслав Пьецух. Шкаф (1997)). Не следует, что объявят. Коммуникативный статус новое.
- (56) Почему он не *сообщил*, что уезжает надолго? (Виктор Доценко. Срок для Бешеного (1993)). Из «Он *сообщил*, что уезжает надолго» не обязательно следует, что он уезжает надолго. Впрочем, есть какая-то разница между *сообщить* и *сказать*: *сказать* в меньшей

мере обязывает субъекта говорить правду. Согласно А. Вежбицкой, в семантике глагола *сообщить* присутствует компонент 'знать', см. [Вежбицка 1985]. Есть употребления *сообщить*, где И-статус СА — истина.

- (57) Он тут же пригласил меня на интервью на радио, *убеждал*, что исполнение «Реквиема» надо обязательно повторить (Сати Спивакова. Не всё (2002)). Не следует, что надо обязательно повторить.
- (58) Возможно, ей показалось или что-то *убедило* ее, что любовь бывает одна (Александр Терехов. Каменный мост (1997—2008)). Не следует в мире говорящего.
- (59) Какие-то люди ходят по городу и *уверяют*, что надо покупать марки (А. Н. Толстой. Черная пятница (1924)). Не следует, что надо; пропозиция СА — новое.
- (60) Софья Андреевна *уверяла*, что ее муж стал с годами красивее (Игорь Волгин. Уйти ото всех. Лев Толстой как русский скиталец // «Октябрь», 2010). Не следует, что стал красивее.
- (61) Девушкам *указали*, что и они тоже не должны изливаться на этих гадов всей ненависти, а в свою очередь выказывать внешнюю любезность (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Не следует, что не должны.
- (62) Например, в марте вы *утверждали*, что нашим ограниченным контингентом в Афганистане уничтожено около миллиона афганцев. Откуда до вас дошла эта ложь? (Василь Быков. Бедные люди (1998)). Не следует, что уничтожено.
- (63) А вот вождь нас *учит*, что советская печать — острейшее орудие и её нужно делать чистыми руками, это вы знаете?! (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 1 (1964)). Не следует, что острейшее орудие.
- (64) ... ночевал вместе со всем отрядом в вигваме собственной постройки и *хвалился*, что может разжечь костёр одной спичкой (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 4 (1978)). Из «хвалился, что может» не следует, что может.
- (65) Тракторист же, самоуверенный толстомордый здоровяга, *хрипел*, что ему видней, что он водитель и повезёт сани вместе (Александр Солженицын. Матренин двор (1960)). Не следует, что ему видней. Разница между точкой зрения субъекта речи и говорящего.
- (66) Где-то у Вундта, что ли, я *читал*, что когда полчища муравьёв встречаются по дороге ручей, то первые ряды бросаются в него и застилают своими телами, а остальные проходят по их трупам и идут дальше (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 1 (1943—1958)). В буквальном смысле здесь не следует истинность в мире говорящего. Есть импликатура, зависящая от степени компетентности источника информации.

Итак, в классе глаголов речи в целом И-статус сентенциального актан-та — безотносительно к истине. Однако есть исключения. У глагола *сообщить* СА часто имеет И-статус истина. Кроме того, И-статус истина возникает в контексте, где в СА субъект 1 лица.

2. Глаголы мнения

Речь идет об истинностном статусе подчиненной пропозиции — когда истинность пропозиции не произвольна, а зависима: она предопределена подчиняющим предикатом (в [Noonan 2007] говорится о truth value dependence).

Глаголы м н е н и я — это то, что в [Noonan 2007] называется глаголами пропозициональной установки. Использование Нунэном термина пропозициональная установка неудачно, поскольку знание тоже является пропозициональной установкой, а глаголы знания и глаголы мнения четко противопоставлены в отношении И-статуса.

У глаголов мнения пропозиция-комплемента не является ни истинной, ни ложной — т. е. она безотносительна к истине. Коммуникативный статус часто новое.

Действительно, из предложения (69) не следует, что «контуженный желает только добра». Из истинности предложения в целом не следует истинность пропозиции, соответствующей сентенциальному актанту. Мнение субъекта пропозициональной установки не является истиной для говорящего, т. е. его знанием.

Если И-статус пропозиции СА — истина, значит это не глагол мнения, см., например, глагол *предвидеть*: Он *предвидел*, что Каменев тоже не вечен (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990) И-статус истина. Из предложения в целом следует, что Каменев тоже не вечен. Это глагол не мнения, а знания.

У пропозиции СА глагола мнения И-статус безотносительность к истине (снятая утвердительность). Глаголы мнения — это класс, лицензирующий местоимения на *-нибудь* (см. [Падучева 2015; 2016]). Этим глаголы мнения отличаются от глаголов знания. Следует отметить, что глаголы речи, хотя они тоже порождают снятую утвердительность, не лицензируют местоимения на *-нибудь*.

Отрицание не меняет И-статуса пропозиции, подчиненной глаголу мнения. Однако под отрицанием союз *что* может заменяться на *чтобы* (факультативно):

- (67) — Но я не верю, *чтобы* тут без вас обошлось (Н. Леонов, А. Макеев. Ментовская крыша (2004)).
- (68) Не думаю, *чтобы* кто-то всё это заметил (Сергей Довлатов. Чемодан (1986)).

Список глаголов: *верить, верить, допускать, думать, думать, загадать, заключить, найти, находить, поверить, подозревать, подразумевать*.

вать, подумать, подуматься, полагать, предполагать, придумать, прикинуть, расчесть, решить, смекнуть, сомневаться, сообразить, считать, считаться, уверить, увериться, уловить, усвоить.

- (69) Солдат не упрявился и *верил*, что контуженый желает только добра (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001). Из предложения в целом не следует истинность пропозиции его СА в мире говорящего; И-статус — безотносительно к истине.
- (70) Почему-то мне *верится*, что он при этом не шутил («Аргументы и факты», 2003). Не следует, что не шутил.

Глагол *вериться* обычно употребляется с отрицанием, см. (71), причем возникает импликатура истинности СА:

- (71) Просто не *верится*, что ты её родственник! (Анатолий Алексин. Раздел имущества (1979)).
- (72) И так же она легко *допускала*, что заключённые, работающие во всех остальных комнатах, — кровавые злодеи (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Из предложения в целом не следует истинности пропозиции его СА в мире говорящего.

То же в (73), (74).

- (73) Пусть *думают*, что она разговаривает по делу (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002). Не следует истинности пропозиции СА в мире говорящего.
- (74) Я почему-то *думала*, что у тебя выходной (Андрей Геласимов. Чужая бабушка (2001)). Не следует, что выходной.
- (75) Ему *думается*, что я главный лаборант при его станции, где содержатся подопытные собаки. (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 2 (1943—1958)). Не следует, что я главный лаборант.
- (76) ...*загадал*, что не проживёт Батя ещё десяти лет, помрёт (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Не следует, что не проживёт.
- (77) Из этого Милий Алексеевич *заклучил*, что майор всё ещё под впечатлением от Лизаветы Ивановны (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988—1989)). То, что заключил субъект установки, не является истиной в мире говорящего.
- (78) Я проверил это и *нашёл*, что Брем ошибается! (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 1 (1943—1958)). Не следует, что Брем ошибается.
- (79) Она *находит*, что томность к ней идёт, — и, может быть, не ошибается (М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839—1841)). Не следует, что томность к ней идёт.

- (80) Колхозники боятся яблоки собирать (вот почему я сразу вам *поверил*, что там яблоки ещё остались) (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)). Коммуникативный статус — данное. Субъект установки, хотя бы и 1 лица, не совпадает с говорящим. Из «я сразу вам *поверил*, что там яблоки ещё остались» не следует, что там яблоки ещё остались.
- (81) Я *подозреваю*, что, возможно, неувязки по службе и стали причиной этого трагического случая (Лев Дворецкий. Шакалы (2000)). И-статус — безотносительность к истине.
- (82) Ведь мы об этом говорим, как бы прислушиваясь к собственной здоровой нормальности, и в то же время *подразумеваем*, что и мы могли бы позволить себе такого рода отклонения, но не хотим, нам это ни к чему (Фазиль Искандер. Начало (1969)). Не следует истинность пропозиции СА в мире говорящего.
- (83) Немного отойдя от первого испуга, учитель *подумал*, что, по-видимому, чудес в наш век не бывает. [Василь Быков. Камень (2002)] — Не следует, что чудес не бывает.
- (84) Вдруг отчётливо и очень твёрдо *подумалось*, что этот человек следит за каждым моим движением (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Пролог (1943—1958)). Коммуникативный статус — новое. Не следует, что следит.
- (85) Он *полагал*, что его с минуты на минуту должен позвать Великий курфюрст (Василь Быков. Главный кривсман (2002)). Не следует, что должен позвать.
- (86) Я *полагаю*, что больнее всегда тому, кто причиняет боль, а не тому, кому больно (Алексей Слаповский. Жизнь Лагарпова (1999)). Коммуникативный статус — новое. Не следует, что больнее всегда тому, кто причиняет боль. У глагола *полагать* нет отрицания.
- (87) Отто Герике *предполагал*, что сосуды с разрежённым воздухом должны подниматься в воздух (Владимир Лукашик, Елена Иванова. Сборник задач по физике. 7—9 кл. (2003)). Не следует, что должны подниматься в воздух, хотя это истина.
- (88) Никто *не предполагал*, что испытания кончатся так быстро (Анатолий Азольский. Лопушок // «Новый Мир», 1998). Под отрицанием И-статус пропозиции СА истина! Это нетривиальное семантическое развитие.
- (89) *Предполагалось*, что М. Твен будет веселить гостей, но именно этого М. Твену и не хотелось (Коллекция анекдотов: персоналии (1970—2000)). Не следует, что будет веселить.
- (90) Марине и *в голову не приходило*, что Данила придумал это название, что едут они в никуда, ни к кому, и заметила она — он робко пытается от неё избавиться, сбить её куда-нибудь (Виктор Астафьев. Пролетный гусь (2000)). Под отрицанием И-статус истина!

- (91) Может быть, просто сегодня «сегоночи», слушая вечную песню крана, он *придумал*, что тогда пошла вода? (И. Грекова. Фазан (1984)). И-статус пропозиции СА ложь.
- (92) Ураган Бык сразу *прикинул*, что со слонёнком не стоит связываться — лишняя трата сил и времени (Александр Дорофеев. Элефантик // «Мурзилка», 2003). Не следует, что не стоит связываться.
- (93) Фетюков свою миску из первых взял и ушёл: *расчёл*, что в бригаде сейчас не разживешься (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). К-статус — новое. Не следует, что не разживешься.
- (94) Моей дочке исполнилось полгода, я *решила*, что могу позволить себе поработать месяц (Кейт Уинслет: «Наше прошлое должно быть с нами» (2004) // «Экран и сцена», 2004.05.06) К-статус — новое. Не следует, что могу позволить.
- (95) *Смекнув*, что так и будет он по дороге на ТЭЦ дуть всё время в морду, Шухов решил надеть тряпочку (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). К-статус — новое. И-статус — истина.
- (96) Врачи — я советовался — *сомневаются*, что ⟨он⟩ будет как все. А мне и не надо, чтобы был как все (И. Грекова. Перелом (1987)). Компонент ‘малая вероятность’ ситуации СА порождается семантикой глагола *сомневаться*. Не следует, что будет как все; И-статус — безотносительно к истине.
- (97) Я сразу *сообразила*, что никогда в жизни не будет больше такого прекрасного случая прославиться на всю школу (Анатолий Алексин. Мой брат играет на кларнете (1967)). Не следует, что не будет.
- (98) Потому что они *считали*, что она тоже виновата (Андрей Геласимов. Жанна (2001)). Не следует, что она тоже виновата.
- (99) Там *считается*, что свинья сама себе найдёт пропитание (И. Грекова. На испытаниях (1967)). Не следует, что найдет.
- (100) Я *убедил* Альберта, что, если выехать с хорошим запасом, мы не опоздаем (Сергей Штерн. Ниже уровня моря // «Звезда», 2003). Не следует.
- (101) От боли он подпрыгнул, зато *убедился*, что не спит (Марк Сергеев. Волшебная галоша, или...). ИС истина. Значит, *убедиться* не глагол мнения.
- (102) Уже связывался по телефону с администрацией; *уверили*, что всё о’кей (И. Грекова. Перелом (1987)). Из уверили, что всё о’кей, не следует, что все о’кей. Есть речевой компонент: это не чистый глагол мнения.
- (103) После того как он *уверился*, что ему ничего не угрожает (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 2 (1943—1958)). Из *уверился*, что ему ничего не угрожает, не следует, что ему ничего не угрожает.

- (104) Из отдельных слов можно было *уловить*, что мы с Костей Малининым — оболтусы, тунеядцы, трутни! Ещё раз оболтусы, лоботрясы, эгоисты! И так далее! И тому подобное!.. (Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)). *Уловить* ≈ заключить; не следует, что оболтусы.
- (105) Он ясно *усвоил*, что, как бы учителя ни грозились, всё равно в конце года переведут, и не надо для этого учиться (Александр Солженицын. Матренин двор (1960)). Расхождение в точке зрения между субъектом установки и говорящим показывает, что *усвоить* — именно глагол мнения. Из усвоил, что переведут, не следует, что переведут.

У глаголов *учесть*, *учитывать* И-статус — истина: *учесть* ≈ ‘принять во внимание’; быть может, их следует отнести к глаголам восприятия.

- (106) В общем, *учли*, что мы уже муж и жена: пусть, дескать, работают поближе друг к другу (Юрий Башмет. Вокзал мечты (2003)).
- (107) Вы *учитываете*, что это серьезнейшее служебное нарушение? (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 2 (1964)). И-статус — истина.

Итак, при том, что нормой для СА глаголов мнения является И-статус безотносительность к истине, имеется целый ряд глаголов мнения с И-статусом истина, например, *смекнуть*. Ср. в этой связи о глаголе *догадаться* в [Булыгина, Шмелев 1989], который тоже имеет И-статус истина.

3. Дезидеративы и опасения

Список глаголов: *беспокоиться*, *бояться*, *волноваться*, *ждать*, *испугаться*, *мечтать*, *надеяться*, *чаять*.

Дезидеративы и опасения составляют единый класс: опасение — это как бы антидезидератив. Основные дезидеративы — *желать*, *пожелать*, *предпочитать*, *хотеть*, *хотеться*, *стремиться* — требуют союза *чтобы* и здесь не рассматриваются. О союзе *чтобы* при глаголе *бояться* см. [Зализняк 1983; Добрушина 2016].

Истинностный статус комплемента, подчиненного дезидеративу-опасению всегда безотносительность к истине: естественно, что из опасения или надежды в мире субъекта состояния не следует истинной пропозиции в мире говорящего. Пропозиция сентенциального актанта всегда неверидикативная; иначе говоря, имеет снятую утвердительность.

Примеры.

- (108) Просто я *беспокоюсь*, что он спустит все состояние, и бедная моя дочурка останется без приданого (М. А. Булгаков. Полоумный Журден. Мольериана в трех действиях (1932)). Опасение. Из пред-

ложения в целом не следует истинность SA; И-статус — безотносительно к истине.

- (109) Всё же директор наш напрасно *боялся*, что мы можем сбежать с урока математики (Фазиль Искандер. Тринадцатый подвиг Геракла (1966)). Опасение. Не следует «мы можем сбежать с урока математики»
- (110) Мама *боялась*, что мальчик оступится, поскользнётся, захлебнётся и утонет (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000). Опасение. Не следует, что оступится.
- (111) К окошку выстраивается очередь, но это ничего, постоять можно, только Катя всегда *волнуется*, что ей не хватит (Дина Рубина. На солнечной стороне улицы (1980—2006)). Опасение. Из «*волнуется*, что ей не хватит» не следует, что ей не хватает.
- (112) Я всё *ждал*, что кто-нибудь ахнет это чудище о каменный пол и оно разлетится (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 1 (1964)). Дезидератив. Не следует, что кто-нибудь ахнет...
- (113) Он плакал и плакал всю ночь, а в четыре перестал плакать. И я *испугалась*, что он умрёт (Андрей Геласимов. Жанна (2001)). Опасение. Не следует, что он умрёт.
- (114) Он все лето *мечтает*, что опять поедет в Альпы (Нина Щербак. Роман с филфаком // «Звезда», 2010). Дезидератив. Не следует, что опять поедет в Альпы.
- (115) Здесь было много неясностей, и я *надеялся*, что из дальнейшего разговора все прояснится (Борис Хазанов. Дорога (2001)). Дезидератив. Не следует, что прояснится.
- (116) Он дряхлый был, ящик, Шухов и не *чаял*, что его донесут целым (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). При глаголе *чаять* обычно отрицание. Не следует, что донесут.

Дезидеративы и опасения, как и положено глаголам, порождающим снятую утвердительность, лицензируют местоимения на *-нибудь*: Я *надеюсь* там *кого-нибудь* увидеть.

4. Глаголы эмоции

В [Noonan 2007] используется по отношению к предикатам эмоции термин комментатив (commentative) или фактив. Термин комментатив непривычен, а фактивами являются также глаголы знания. Поэтому предпочтительно обращение к тематическому классу: все глаголы-комментативы Нунена — это глаголы эмоции.

Фактивность глагола проверяется его поведением под отрицанием. Чтобы предложение имело отрицание, его SA должен иметь возможность рассматриваться как данное — по крайней мере, в части употреблений. Тогда пропозиция, составляющая SA, является презумпцией: прагматиче-

ской, см. о прагматической презумпции [Падучева 2011]: прагматическая презумпция — это презумпция (обычная, семантическая), которую говорящий считает известной адресату. Для большинства глаголов эмоции это условие выполняется.

Истинностный статус глаголов эмоции всегда истина. Единственное исключение — глагол *пугать*, пример (127), который имеет статус безотносительно к истине. Ассертивный статус сентенциального актанта у обычного глагола эмоции — пресуппозиция.

Список глаголов: *гордиться, удивляться, досадовать, жалеть, нравиться, обижаться, обрадоваться, огорчиться, понравиться, порадоваться, поразить, пугать, радоваться, разозлить, раскаиваться, смущаться, сожалеть, страдать, стыдиться, удивиться, удивляться*.

Примеры.

- (117) Я *гордилась*, что у нас — мраморная ⟨лестница⟩ (И. Грекова. Перелом (1987)). Фактив.
- (118) Скачет к нему Аггей и *дивится*, что не уходит олень, а на него всё смотрит большими глазами, точно сказать что-то хочет (Вс. М. Гаршин. Сказание о гордом Аггее (1886)). Предикат не фактивный: пропозиция SA не имеет хорошего отрицания.
- (119) Говорят, что цена на пшеницу идет все *сгescendo*; Лев Вас[ильевич] очень *досадует*, что свою продал раньше (П. И. Чайковский. Письма к Н. Ф. фон-Мекк (1879)). Фактив.
- (120) — Василий Михайлович очень *жалел*, что не мог рассказать жене о своих предположениях (Марк Сергеев. Волшебная галоша, или ...). Фактив.
- (121) Ему это нравилось. *Нравилось*, что все смеются. Особенно девчонки (Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)). SA — данное: фактивный глагол.
- (122) Они *обижаются*, что я намекнул (А. П. Чехов. Свадьба (1889)). Фактив.
- (123') Я *обрадовался*, что поглядел на белку и вспомнил, как называется её хвост, очень хорошо — веер (Юрий Коваль. Листобой (1972)). Фактив.
- (123) — А ты *огорчился*, что не тебя позвали? — сказал Рубин (Василий Гроссман. Жизнь и судьба. Ч. 1 (1960)). Фактив.
- (124) Мне сразу *понравилось*, что он пахнет чем-то особенным (Виктор Драгунский. Денискины рассказы / Девочка на шаре (1963)). SA новое, но тем не менее глагол фактивный.
- (125) Мы поздоровались, и я *порадовался*, что Шакалок нашёл хозяина (Юрий Коваль. Листобой (1972)). Фактив.
- (126) Меня *поразило*, что она была одета очень провинциально с изысканностью мещанки, так, как полагается одеваться всем просительницам (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 2 (1943—1958)] SA новое; фактив.

- (127) Ну когда человек дорожит чем-нибудь и его *пугают*, что вот сейчас придут и заберут, то понятно, чего он пугается (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 3 (1978)). К-статус новое; И-статус — безотносительно к истине: из «пугают, что заберут», не следует, что заберут.
- (128) Эле-Фантик *радовался*, что голова его заполняется той памятью, которую вымел когда-то ураган Бык (Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003). Фактив.
- (129) Меня и Костю больше всего *разозлило*, что громче всех орал Венька (Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)). Фактив.
- (130) Он *раскаивался*, что много говорил, и решил молчать уже до конца дня (И. Грекова. На испытаниях (1967)). Фактив.
- (131) Вы не *смущайтесь*, что в нём <письме> вы не пощадили себя, — это мы вам в вину никак не поставим (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 2 (1943—1958)). Фактив.
- (132) И Маруся просто *страдала*, что у неё нет дивана-слона с настоящим длинным хоботом и большими неподдельными ушами (Александр Дорофеев. Эле-Фантик // «Мурзилка», 2003). Фактив.
- (133) Ремзику было пятнадцать лет, и он уже *стыдился*, что его заставляют пасти коз (Фазиль Искандер. Сандро из Чегема (Книга 2) (1989)). Фактив.
- (134) Он сам не свой: ждёт её, готовится, *убивается*, что вот никак они не встретятся (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 4 (1978)). СА новое. С трудом поддается отрицанию, поэтому не фактив.
- (135) Некоторые знакомые *удивились*, что Кваша пошёл на баррикады (Григорий Горин. Иронические мемуары (1990—1998)). Фактив.
- (136) Я *удивился*, что, по-видимому, он уже всё это знает (Ф. М. Достоевский. Крокодил (1865)). Не фактивное употребление: в данном употреблении пропозиция СА — новое.
- (137) Мы ждали со дня на день летального исхода, даже как будто *удивлялись*, что старуха Быкова ещё жива (И. Грекова. Перелом (1987)). Фактив.

5. Глаголы знания и приобретения знания

У глаголов знания пропозиция СА всегда истинна: объектом знания может быть только факт. Так что И-статус пропозиции СА глагола знания — истина. Но в отличие от предикатов эмоции, у которых пропозиция СА обычно составляет фоновую информацию, т. е. данное, у глаголов знания пропозиция СА часто новое и не является прагматической презумпцией.

Пропозиция СА глаголов знания не всегда является прагматической презумпцией. Отсутствие у пропозиции СА глагола *знать* прагматической

презюмции сказывается на поведении глагола *знать* под отрицанием — в отрицательном предложении может возникать союз *чтобы*, который свидетельствует об утрате презюмции истинности:

- (138) А насчет Котляра я лично *не знаю, чтобы* он спекулировал или делал махинации (Аркадий Львов. Двор (1981)).

Здесь в исходном утвердительном предложении пропозиция СА глагола *знать* является ассерцией.

Аналогично с глаголом *помнить*:

- (139) Я *не помню, чтобы* Лена возражала или спорила (Сергей Довлатов. Чемодан (1986)).

Напомним, что глагол, у которого пропозиция СА является презюмцией (семантической), называется фактивным, или фактивом.

Список глаголов: *видеть, вспомнить, выяснить, выясняться, догадаться, доказать, доказывать, забыть, заключить, знать, напомнить, обнаружить, обнаружиться, определить, помнить, понимать, понять, проверить, разобраться, решить, скрывать, скрыть, следовать, спохватиться, убедиться, узнать, установить*.

Общая характеристика. Тип матричного глагола — знание или приобретение знания. Коммуникативный статус СА часто новое. И-статус СА — истина; иными словами, из предложения с СА следует его СА. Например, из предложения (140) следует его СА «никто не сопротивляется».

- (140) Власть *видит*, что никто не сопротивляется (Борис Немцов, Елена Трегубова. «Мы и правда не из разведки!» // «Коммерсантъ-Власть», 2002). И-статус СА — истина. Возможно прочтение с акцентом на *видит*, и в этом варианте пропозиция СА — данное; тогда *видеть* — фактив.

- (141) А теперь я *вижу*, что это начало никуда не годится (Вера Белусова. Второй выстрел (2000)). *Я вижу* ≈ я знаю.

- (142) В эту минуту я *вспомнил*, что он стоял в стороне у окна и молчал (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей / Приложение (1964)). Аналогично примеру (141).

- (143) Наутро я *выяснил*, что они были совсем не придурки (Андрей Геласимов. Ты можешь (2001)). И-статус — истина. Предложение не имеет отрицания, поскольку пропозиция СА — однозначно новое. Отрицанием может быть косвенный вопрос.

- (144) Впоследствии *выясняется*, что океан в противоположной стороне (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976). Предложение не имеет отрицания. Не фактив.

- (145) Ирина *догадалась*, что деньги он взял у бандитов (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002). Поскольку говорящий считает, что догадка субъекта пропозициональной установки пра-

- вильная, *догадаться* принадлежит к классу глаголов знания, см. о *догадаться* [Булыгина, Шмелев 1997].
- (146) Конечно, Кипренский без труда *доказал*, что портрет принадлежит его кисти (К. Г. Паустовский. Орест Кипренский (1936)). К-статус новое. Но отрицание есть.
- (147) Иракий Воробьев *доказывал*, что только в эпоху Иосифа Сталина артист поставлен на должную высоту (Вячеслав Пьецух. Шкаф (1997)). В несов. виде И-статус СА — безотносительно к истине: глагол означает ‘пытался доказать’.
- (148) Совсем *забыла*, что у него каникулы (И. Грекова. Перелом (1987)). Антоним к приобретению знания — утрата знания; коммуникативная структура неоднозначна: может быть и данное, и новое; отрицание есть при любой К-структуре.
- (149) Из этого Милий Алексеевич *заклучил*, что майор всё ещё под впечатлением от Лизаветы Ивановны (Юрий Давыдов. Синие тюльпаны (1988—1989)). Глагол не фактивный: отрицания нет, поскольку пропозиция СА — однозначно новое.
- (150) Впрочем, Чик *знал*, что дедушка вообще редко бывает дома (Фазиль Искандер. Чик чтит обычаи (1967)). Коммуникативная структура неоднозначна. О двояком употреблении глаголов приобретения знания под отрицанием (СА данное /новое) см. [Падучева 2004: 258].
- (151) Он позвонил мне и *напомнил*, что у уважаемой и любимой нами Гали Волчек юбилей (Григорий Горин. Иронические мемуары (1990—1998)). И одновременно глагол речи! Фактив, хотя пропозиция СА — новое.
- (152) Тогда он стал присматриваться к другим конвертам и *обнаружил*, что с оборота все они словно были когда-то намочены и старательно высушены (Василь Быков. Бедные люди (1998)). Отрицания нет, поскольку пропозиция СА — однозначно новое; не фактив.
- (153) Тысячи и тысячи раз подставляется это слово, и вдруг однажды в свежую минуту *обнаруживается*, что оно совсем некстати (В. Г. Распутин. Новая профессия (1998)). Пропозиция СА — однозначно новое
- (154) По разным мелким приметам легко было *определить*, что скоро ударят развод (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). Пропозиция СА — однозначно новое, поэтому нет обычного отрицания: отрицанием может быть косвенный вопрос: *не определил, скоро ли ударят развод*.
- (155) Я точно *помнил*, что именно эту бутылку опорожнил накануне (Фазиль Искандер. Муки совести, или Байская кровать (1980—1990)). Фактив. Отрицанием может быть также косвенный вопрос.
- (156) На шпиле поворачивался и скрипел флюгер (может быть, этого слышно не было, но *помнится*, что скрипел) (И. Грекова. Фазан (1984)). Отрицание затруднено. Не фактив.

- (157) Командир чётко *понимал*, что на базу его вести нельзя (Василь Быков. Болото (2001)). В данном контексте пропозиция СА — новое, но в принципе *понимать* — фактив.
- (158) Ирина *поняла*, что спорить бесполезно (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002). Фактив. Здесь тоже сталкиваются точка зрения субъекта установки и говорящего. Но не настолько, чтобы истина в мире субъекта установки не была истиной в мире говорящего. Поэтому И-статус пропозиции СА — истина.
- (159) И он сунул руку в брючный наколенный карман — *проверить*, что там пусто (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). Отрицанием является косвенный вопрос.
- (160) Алевтина позже *разобралась*, что тут не обида в замысле, а случайное и даже водевильное стечение обстоятельств (Владимир Маканин. Отдушина (1977)). Нет отрицания.
- (161) Но перед дверями будет тесно, *решают*, что лучше в зале (В. Г. Распутин. Новая профессия (1998)). Форма настоящего времени понимается как наст. историческое, так что по смыслу это совершенный вид — *решили*; *решать* НСВ в основном значении управляет не союзом *что*, а косвенным вопросом: *решают, где лучше*.
- (162) ...от которой в детстве долго *скрывали*, что у папы другая жена (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000). Есть отрицание; фактивный глагол: пропозиция СА — презумпция.
- (163) А разве от народа *скроешь*, что камень упал (А. Н. Толстой. На рыбной ловле (1923)). Пропозиция СА — презумпция.
- (164) Из слов Матвея со всей определённости *следует*, что либо он, либо Гоша ваш разговор слышал (Вера Белоусова. Второй выстрел (2000)). Односторонняя импликация: *следует* \supset слышал; *не следует* — ничего не следует.
- (165) Он *слышал*, что тот жив, здоров, работает где-то на Волге (Даниил Гранин. Зубр (1987)). Нет отрицания в этом значении; не фактив.
- (166) Тюменцев *спохватился*, что слишком много сказал, и умолк (И. Грекова. На испытаниях (1967)). *Спыхватился* = ‘внезапно обнаружил допущенную оплошность’; не фактив.
- (167) Художник засмеялся и даже не *спохватился*, что, может, грешно смеяться-то (Василий Шукшин. Пьедестал (1971—1972)) = ‘не подумал’.
- (168) На этом собрании я окончательно *убедился*, что будущее ТВ-6 туманно («Дело» (Самара), 2002.04.18). Пропозиция СА — новое; нет отрицания; не фактив.
- (169) Сегодня *узнаю*, что Ройтман, оказывается, живёт в этом самом доме (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). При отрицании возникает косвенный вопрос; не фактив.

- (170) ...однажды *услыхал*, что у тётки Наташи родился ребёночек и ему пришлось сразу же делать операцию, а иначе б он задохнулся (Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000). Нет отрицания.
- (171) «Генеральный Хирург *установил*, что курение опасно для вашего здоровья» (Василий Аксенов. Круглые сутки нон-стоп // «Новый Мир», 1976). Важна степень авторитетности субъекта; нет отрицания.
- (172) Ну, положим, мы *установили*, что древний город Алма-Ата был тут (Ю. О. Домбровский. Хранитель древностей. Ч. 2 (1964)). При отрицании возникает косвенный вопрос.
- (173) Из показаний свидетелей *явствует*, что из машины вышли три человека: двое в гражданском платье и в кепках, один без головного убора и в офицерском кителе без погон (Анатолий Азольский. Облдрамтеатр // «Новый Мир», 1997). Глагол знания предполагает субъекта знания, а здесь субъекта нет. Впрочем, *следовать* тоже глагол знания без субъекта.

6. Глаголы восприятия

Список глаголов: *видеть, заметить, замечать, обнаружить, обнаружиться, оказаться, оказываться, осознать, открыться, ощутить, показаться, показывать, почувствовать, предчувствовать, пронюхать, разведать, разглядеть, слышать, услышать, чувствовать, чувствоваться, чують*.

Класс восприятий пересекается с глаголами приобретения знания — подклассом глаголов знания. Так, глаголы *обнаружить, пронюхать, разведать* могут быть отнесены к обоим классам. В класс восприятий включены глаголы каузации восприятия — *показывать*.

В предложениях с глаголами восприятия СА обычно имеет И-статус истина: восприятие субъектом некой ситуации — главный гарант того, что ситуация имеет место. При этом глаголы восприятия, как правило, не являются фактивными, поскольку коммуникативный статус СА неоднозначный (данное /новое) или даже только новое, как у глаголов *оказаться, открыться*, так что они не имеют отрицания. Не является фактивным глагол *слышать*, ср. *слышал, что и не слышал, чтобы*. Тем не менее, отрицательные предложения с глаголами восприятия показывают, что ассертивный статус их СА может быть презумпция, см. ниже пример (176). И-статус не ложь, поскольку допускается ошибка восприятия.

Примеры.

- (174) Как это он раньше не *видел*, что она прекрасна? (И. Грекова. Фазан (1984)).

При отрицании глагола *видеть* может возникать сослагательное наклонение, пример из [Добрушина 2016]: *Я не видел, чтобы она хоть раз улыбнулась* (Александр Пчеляков. «Ты» и «вы» // «Юность», 1971).

Исходное утвердительное предложение содержит индикатив и союз *что*. Дело в том, что у предложения с глаголом восприятия, см. (175), может быть два отрицания.

(175) Я *видел*, что она улыбнулась —

(175') Я не видел, *что* она улыбнулась (откуда-то знаю); 'она улыбнулась' — презумпция;

(175'') Я не видел, *чтобы* она улыбнулась — пропозиция 'она улыбнулась' безотносительна к истине; импликатура — 'не улыбнулась'.

Отрицание (175'') возникает в том случае, если в (175) компонент 'она улыбнулась' — ассерция.

(176) Я даже не *заметил*, что воды нет (И. Грекова. На испытаниях (1967)). Из (176) следует, что воды нет. Коммуникативный статус пропозиции СА — новое.

(177) Я не *заметил*, *чтобы* на них было что-то написано (Дмитрий Логинов. Люди каменной книги // «Наука и религия», 2008). Нет презумпции истинности.

(178) Анна Фёдоровна только *замечала*, что быстрые дела делаются всё медленнее, но зато и на сон стало уходить меньше времени (Людмила Улицкая. Пиковая дама (1995—2000)). Коммуникативный статус пропозиции СА — новое.

(179) И тут я решил надеть очки, но *обнаружил*, что оставил их в учительской (Марк Сергеев. Волшебная галоша, или... (1971)): из (179) следует истинность СА, при субъекте любого лица. В Корпусе не встретилось отрицания при *обнаружил*, *что*. Хотя возможно: *Проверка не обнаружила, что имеется перерасход*. Фактив.

(180) Но скоро большой удар пришёлся по их дружбе: *обнаружилось*, что Зиновьев-Каменев — лицемеры, двурушники, что они только к власти стремятся, а ленинскими идеями не дорожат (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1, гл. 1—25 (1968) // «Новый Мир», 1990). Несобственная прямая речь. В примере (180) у пропозиции «Зиновьев-Каменев — лицемеры, двурушники» выявляется альтернативный говорящий: есть один, в мире которого это предложение истинно, и другой, в котором это не так.

(181) *Оказалось*, что кто-то похитил волшебный амулет принцессы (Сергей Седов. Доброе сердце Робина // «Мурзилка», 2002). К-статус пропозиции СА новое. Нет отрицания.

(182) На поверку *оказывается*, что он был младшим сотрудником, — может быть, самым младшим из всех! (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 2 (1943—1958)). К-статус пропозиции СА новое; нет отрицания.

(183) Она взглянула на меня светлым и пустым взглядом, не *осознала*, что это я, и снова повернулась к зеркалу (Ю. О. Домбровский. Ле-

- ди Макбет (1970)). Коммуникативный статус пропозиции СА данное. И-статус истина.
- (184) Когда ему исполнилось пятнадцать, *открылось*, что он гений (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 4 (1978)). И-статус истина: из (184) следует, что он гений. Пропозиция СА новое. Нет отрицания.
- (185) Потом я *ощутил*, что скорость падения уменьшилась (Фазиль Искандер. Святое озеро (1969)). Пропозиция СА новое; возможно отрицание. И-статус истина.
- (186) Прокурор был симпатяга, он не строил из себя Вышинского и не *показывал*, что он какого-то другого, высшего, угэбэвского круга (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 4 (1978)). И-статус истина; К-статус — новое; возможно отрицание.
- (187) Я пошёл дальше и вдруг *почувствовал*, что кто-то лизнул мне руку (Юрий Коваль. Листобой (1972)). И-статус истина; К-статус новое; возможно отрицание.
- (188) — Друг мой, — закричал я, — сейчас же лечу по начальству и буду жаловаться, ибо *предчувствую*, что нам одним этой каши не сварить (Ф. М. Достоевский. Крокодил (1865)). И-статус безотносительно к истине: не следует, что не сварить. Возможно, это глагол не восприятия, а мнения.
- (189) Вы как-то *проноухали*, что в Россию пошла машинопись, а не автограф (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 3 (1943—1958)). Нет отрицания.
- (190) Этим быстрым взглядом и подтверждающим нюхом Шухов невольно *развед*ал, что Цезарь получил колбасу, сгущённое молоко... (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). Отрицанием может быть только косвенный вопрос.
- (191) Я только сейчас *разглядел*, что они <глаза> большие и чёрные (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 1 (1943—1958)). Отрицанием может быть косвенный вопрос: *не разглядел, какие глаза*.
- (192) Он *слышит*, что я кричу, но думает, что мы всё ещё с ним играем (Андрей Геласимов. Жанна (2001)). И-статус истина; фактив.
- (193) Ёжик *чувствовал*, что совсем промок и скоро утонет (Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969—1981)). Субъект восприятия тоже может быть ненадежным: пропозиция СА не следует из (193) в мире говорящего. И-статус — безотносительно к истине.
- (194) *Чувствовалось*, что смех седоков отчасти вызван тем, что этот дополнительный номер явно не предвиделся и, конечно, приплата за него не последует (Фазиль Искандер. Курортная идиллия (1999)). К-статус новое; И-статус истина.
- (195) Шухов бы и сам попробовал, но какими-то часами там, в нутре своём, *чув*ет, что осталось до проверки чуть-чуть (Александр Солженицын. Один день Ивана Денисовича (1961)). И-статус истина.

Имеется группа предикатов восприятия (см. ниже), у которых Истинностный статус не истина. Но это и не ложь, а безотносительность к истине. Имеется контрафактивная импликация. Эти предикаты выражают неуверенное восприятие, обманчивое восприятие, воображение (создание образа, который не соответствует ничему реальному). Истинностный статус пропозиции — безотносительность к истине: предложение в целом не имеет следствием пропозицию SA.

Глаголы обманчивого восприятия: *вообразить, грезиться, казаться, показаться, представить, представиться, представляться, привидеться, присниться, сдаваться, чудиться*.

- (196) Он страшно обрадовался возможности продать книги и *вообразил*, что сбудет их недешево (И. А. Бунин. Грамматика любви (1915)). Воображаемое восприятие. Из (196) не следует пропозиция сентенциального актанта.
- (197) Мне по ночам всё *грезилось*, что Приёмыш-то тут вот полощется у берега и крылышками хлопает (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Приемыш (1893)). Обманчивое восприятие. Не следует, что полощется. И-статус — безотносительность к истине.
- (198) Ирине *казалось*, что ребёнок наголодался за зиму (Токарева Виктория. Своя правда // «Новый Мир», 2002). Неуверенное восприятие. Не следует, что наголодался.
- (199) В этот момент мне *показалось*, что я узнал её голос (Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)). Неуверенное восприятие. Не следует, что узнал.
- (200) И как я себе *представил*, что придется уезжать от этого фантастического зрелища, то такая тоска меня взяла, хоть вешайся! (Алексей Моторов. Преступление доктора Паровозова (2013)). Воображаемое восприятие. Не следует, что придется.
- (201) Нагель, он даже *представить* не может, что его тело соприкоснётся с телом чужим (Алексей Слаповский. Гибель гитариста (1994—1995)). Воображаемое восприятие. Не следует, что соприкоснется.
- (202) И сейчас же ему *представилось*, что вот он опять идёт ночью по узенькой тропинке высоким берегом (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 1 (1978)). Воображаемое восприятие. Не следует, что идет.
- (203) И ему ⟨Ваньке⟩ *представлялось*, что это дышит сама домна (Д. Н. Мамин-Сибиряк. Под домной (1891)). Воображаемое восприятие. Не следует, что это дышит сама домна.
- (204) Ему вдруг *привиделось*, что он взбирается по узкой винтовой лестнице (Ю. О. Домбровский. Факультет ненужных вещей. Ч. 2 (1978)). Воображаемое восприятие; не следует, что взбирается.
- (205) И ему *приснилось*, что он — пушистая, мягкая снежинка... (Сергей Козлов. Правда, мы будем всегда? (1969—1981)). Воображаемое восприятие; не следует пропозиция SA. Предикат задает на про-

позиции пропозициональную установку. Для этого нужно, чтобы была пропозиция не верифицированная.

- (206) — Давно или недавно, — сказал другой, — а *сдаётся*, что начинается похуже на ветер с горы (А. С. Грин. Ива (1923)). Неуверенное восприятие; не следует, что начинается.
- (207) Холмогорову почему-то *чудилось*, что когда-то всё это было в его жизни (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // «Октябрь», 2001). Воображаемое восприятие; не следует, что всё это было.

7. Глаголы лжи и притворства

Примеры.

- (208) И кошки *притворялись*, что это их будто вовсе не занимает и что они делают так только, чтоб не терять своих приёмов гоняться за пернатыми (И. А. Гончаров. Май месяц в Петербурге (1891)). И-статус ложь.
- (209) Конечно, я тоже любил шоколад. Но *делал вид*, что предпочитаю ириски (Сергей Довлатов. Чемодан (1986)). И-статус ложь.

Предикат притворства задает альтернативную реальность, и комплементу соответствует ситуация в альтернативном мире. Истинностный статус пропозиции-комплемента в реальном мире — ложь, т. е. ситуация не имеет места в реальном мире.

Возникает в таком случае вопрос об ассертивном статусе пропозиции, подчиненной глаголу *делать вид*. Оказывается, что это отрицательная аллегация. Этот ассертивный статус отсутствует в нашем исходном списке, но упоминается в литературе.

Определение аллегации в [Partee 1996] (понятие введено в [Найцева 1975]): аллегация — это компонент, который является истинным в утвердительном предложении, а в отрицательном не определен, т. е. пропозиция может быть истинной или ложной в зависимости от контекста. Пример аллегации — СА глагола *способствовать*:

- (210) Это *способствовало* сохранению престижа династии (Константин Пахалюк. Народная армия и герои // «Эксперт», 2014) ⊃ престиж династии сохранялся;
- (211) Это *не способствовало* сохранению престижа династии — пропозиция «престиж династии сохранялся» безотносительна к истине.

В терминах из [Karttunen 2012] аллегация — это односторонняя импликация (ср. *one way implicative*, в отличие от обычных импликаций, которые являются двусторонними импликациями). Глагол, у которого СА — импликация, — это имплицатив. Односторонний имплицатив может быть положительным (как *cause* ‘заставить-заставлять’:

заставил написать \supset ‘написал’; *не заставлял писать* \supset неизвестно) и отрицательным (как *refuse* ‘отказаться’: *отказался писать* \supset ‘не написал’; *не отказывался писать* \supset неизвестно).

Теперь ясно, что *делает вид* вводит отрицательную аллегацию, иначе — отрицательную одностороннюю импликацию:

Он *делает вид*, что понимает \supset Он не понимает; И-статус СА — ложь.

Он *не делает вид*, что понимает — пропозиция ‘он понимает’ безотносительна к истине.

Близок к глаголам притворства глагол *врать*. Его истинностный статус ложь, он мало информативен. Между тем ассертивный статус у пропозиции, подчиненной глаголу *врать*, вполне определенный: это отрицательная импликация. В самом деле,

Он *врет*, что он консультант \supset ‘он не консультант’;

Он *не врет*, что он консультант \supset ‘он консультант’.

То же касается глагола *лгать*.

8. Общесобытийные глаголы

Естественный класс образует ряд глаголов с общесобытийной семантикой: *случаться, получаться, получиться, повестись, выйти, выходить*. И-статус сентенциального актанта — истина. Предложения с этими глаголами не имеют хорошего отрицания.

Примеры.

(212) *Случается*, что ребёнок не хочет идти в школу, поскольку он её панически боится (Алевтина Луговская. Если ребенок боится ходить в школу (2002)).

У *случаться* возможно отрицание с *чтобы*:

(213) Никогда не *случалось*, чтобы они <девочки> сердились, капризничали (А. Н. Бенуа. Жизнь художника (1955)).

(214) *Получалось*, что они так хорошо и доходчиво доносят свой предмет, что ученики, даже не пользуясь учебниками, всё усваивают (Фазиль Искандер. Начало (1969)).

(215) *Получается*, что я всё-таки превратился в воробья! [Валерий Медведев. Баранкин, будь человеком! (1957)]

(216) Всё-таки почему так *получилось*, что пошли они с Варей в жизни совсем разными путями? (И. Грекова. Фазан (1984)).

(217) Уж так исстари *повелось*, что народ созидает и отрывает от себя кусок на прокорм жертвенного сословия, военных, которые в военное время убивают, а по мирному времени учатся убивать (Вячеслав Пьецух. Шкаф (1997)).

- (218) Хорошо *выходило*, что именины совпали с дачным временем (А. И. Куприн. Гранатовый браслет (1911)).
- (219) Но тогда *выходит*, что Воробьева его любит?! (Татьяна Петросян. Записка // «Трамвай», 1990).
- (220) Как это так *вышло*, что они считали его коммунистом (Ю. О. Домбровский. Обезьяна приходит за своим черепом. Ч. 3 (1943—1958)).

Заключение

Итак, исследование показало, что понятие истинностный статус пропозиции позволяет построить осмысленную классификацию глаголов с сентенциальным актантом, подчиняющих союз *что*. При этом возникшее ранее понятие ассертивный статус несколько не теряет своей релевантности и актуальности.

В классах глаголов речи, мнения и дезидеративов-опасений пропозиция сентенциального актанта имеет статус безотносительность к истине — это одно из значений как истинностного статуса, так и ассертивного. На первый взгляд кажется, что И-статус пропозиции СА у глагола речи и глагола мнения разный. Однако это различие касается семантики глагола, а не И-статуса СА. У некоторых глаголов речи, например, у *сообщить*, И-статус сентенциального актанта может, все-таки, быть истина.

В классе глаголов эмоции пропозиция СА имеет истинностный статус истина и коммуникативный статус данное. Ассертивный статус — пресуппозиция. Эмоции образуют удивительно однородный класс.

В классе глаголов знания пропозиция СА имеет истинностный статус истина и, очень часто, коммуникативный статус новое. Ассертивный статус СА глагола знания далеко не всегда пресуппозиция. Иначе говоря, глаголы знания не всегда фактивы. Среди глаголов знания выделяется подкласс глаголов, не имеющих отрицания, ср. *выяснить, заключить, обнаружить, определить, установить*. (Точнее, эти глаголы получают отрицание только в конструкции с косвенным вопросом: *Я не выяснил, кто был виноват*; ср. **Я не выяснил, что он был виноват*.) Возможно, соответствующим пропозициям следует приписать особый ассертивный статус.

Глаголы восприятия во многом подобны глаголам знания (тоже истинностный статус истина и тоже часто коммуникативный статус новое, см. *оказаться, оказываться*). Но у глаголов восприятия есть подкласс глаголов неуверенного и обманчивого восприятия, типа *казаться, воображать*, у которых истинностный и ассертивный статус — безотносительность к истине. У глаголов знания такого подкласса нет.

Наконец, у глаголов *врать, лгать* отчетливо определен ассертивный статус — это отрицательная импликация. У глаголов притворства (*делать вид*) — односторонняя отрицательная импликация. Истинностный статус этих глаголов — ложь.

Так что все три предполагаемых значения И-статуса на массиве глаголов, подчиняющих сентенциальный актанта, реально представлены.

Деление глаголов на классы не всегда четкое. Так, глагол *пугать* в не-агентивном значении (*Меня пугает его легкомыслие*) — глагол эмоции, а в агентивном (*Он меня пугает, что молоко «перегорит»*) включает речевой компонент. Глагол *напомнить* принадлежит к классу приобретения знания и одновременно является глаголом речи.

Истинностный статус приписывает сентенциальному актанту одну характеристику — следование из положительного контекста. Между тем ассертивный статус оперирует двумя характеристиками — следование из положительного контекста и из отрицательного. С одной стороны, тут преимущество на стороне И-статуса. Например, мы получаем глаголы знания как единый класс, в котором в положительном контексте сентенциальный актанта имеет И-статус истина. Ассертивный же статус дробит глаголы знания на два подкласса — фактивы (глаголы с презумптивным сентенциальным актантом) и не-фактивы.

Тем не менее, от ассертивного статуса с его более изощренной (more sophisticated) природой не имеет смысла отказываться. Параметр истинностный статус не дает возможности пользоваться презумпциями. Есть еще импликации — они для истинностного статуса тоже потеряны, тогда как ассертивный статус обеспечивает им подходящее место в системе.

Возьмем, например, глагол *заметить*. Используя понятие ассертивного статуса, его можно описать так. Глагол *заметить* имеет два значения. Одно значение фактивное:

- (221) а. Я заметил, *что* раки шевелились ⊃ ‘раки шевелились’;
 б. Я не заметил, *что* раки шевелились ⊃ ‘раки шевелились’.

Здесь ‘раки шевелились’ — пресуппозиция, она сохраняется под отрицанием. Другое значение импlicative (СА — импликация):

- (222) а. Я заметил, *что* раки шевелились ⊃ ‘раки шевелились’;
 б. Я не заметил, *чтобы* раки шевелились ⊃ ‘раки не шевелились’.

Под отрицанием возникает импликация ‘раки не шевелились’.

А с помощью понятия И-статуса описать глагол *заметить* нельзя, поскольку И-статус не принимает во внимание предложений с противоположной полярностью.

Если статус пропозиции принимает значение безотносительность к истине, это значит, что пропозиция находится в контексте снятой утвердительности (и неверидикативности). Так что предложенная классификация глаголов ПСА, основанная на истинностном статусе сентенциального актанта, является существенным вкладом в проблематику снятой утвердительности (и неверидикативности)*.

* Автор благодарен Анне Зализняк, Ольге Пекелис, а также двум анонимным рецензентам, замечания которых способствовали разъяснению ряда положений статьи.

Л и т е р а т у р а

Булыгина, Шмелев 1997 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., 1997.

Булыгина, Шмелев 1989 — Т. В. Булыгина, А. Д. Шмелев. Ментальные предикаты в аспекте аспектологии // Логический анализ языка: Проблемы интенциональных и прагматических контекстов. М., 1989. С. 31—54.

Вежбицка 1985 — Анна Вежбицка. Речевые акты // НЗЛ вып. 16, М., 1985. С. 175—251.

Добрушина 2016 — Н. Р. Добрушина. Сослагательное наклонение в русском языке: опыт исследования грамматической семантики. М., 2016.

Зализняк 1983 — Анна А. Зализняк. Семантика глагола *бояться* в русском языке // Изв. АН СССР, сер. лит. и яз. Т. 42, №^о1, 1983. С. 59—66.

Зализняк 2006 — Анна А. Зализняк. Многозначность в языке и способы ее представления. М., 2006.

Кобозева 1999 — И. М. Кобозева. О критериях иллюкутивной самостоятельности частей сложного предложения // Труды международного семинара по компьютерной лингвистике и ее приложениям. Диалог'99. Таруса, 1999. С. 133—137.

Летучий 2014 — А. Б. Летучий. Сентенциальные актанты. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2014.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М., 2004. <http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/PaduDinamMod2004.pdf>.

Падучева 2005 — Е. В. Падучева. Эффекты снятой утвердительности: глобальное отрицание // Русский язык в научном освещении, № 2(10), 2005. С. 17—42.

Падучева 2011 — Е. В. Падучева. Презумпция. Материалы для корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2011.

Падучева 2015 — Е. В. Падучева. Снятая утвердительность и неверидиальность (на примере русских местоимений отрицательной полярности) // Russian Linguistics: Volume 39, Issue 2 (2015), 129—162. http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf1/Non_veridicalK.pdf.

Падучева 2016 — Е. В. Падучева. Нерепферентные местоимения (на *-нибудь*) Материалы для корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.

Пекелис 2015 — О. Е. Пекелис. Условные придаточные. Материалы для корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2015.

Пекелис 2016 — О. Е. Пекелис. Местоимение *это* как средство модификации истинностного статуса (о конструкции вида *если <когда, хотя...> Р, это Q*) // Вопросы языкознания. 2016. №5. С. 49—78.

Beaver, Geurts 2011 — D. Beaver, D. Geurts. Presupposition // Ed. E. Zalta. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2011.

Giannakidou 1998 — A. Giannakidou. Polarity sensitivity as (non)veridical dependency. Amsterdam. 1998.

Grice 1975 — H. P. Grice. Logic and conversation // Syntax and Semantics. Vol. 3. Speech Acts. N. Y., 1975. Рус. пер.: Г. П. Грэйс. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. Лингвистическая прагматика. М., 1985. С. 217—237.

Hajičova 1975 — E. Hajičova. Negace a presupozice ve významové stavbě věty. Praha, 1975.

Karttunen 2012 — L. K a r t t u n e n. Simple and Phrasal Implicatives // First Joint Conference on Lexical and Computational Semantics, pages 124—131, Montreal, Canada, June 7—8, 2012. Association for Computational Linguistics

Karttunen, Zaenen 2005 — L. K a r t t u n e n, A. Z a e n e n. Veridicity // Annotating, Extracting and Reasoning about Time and Events. Dagstuhl Seminar Proceedings 05151 / Eds. G. Katz, J. Pustejovsky, F. Schilder. Dagstuhl, Germany, 2005.

Noonan 2007 — M. N o o n a n. Complementation // Ed. T. Shopen. Language typology and syntactic description (2nd ed.). V. II. Complex constructions. Cambridge, 2007.

Partee 1996 — B. H. P a r t e e. Allegation and local accommodation // Discourse and Meaning: Papers in Honor of Eva Hajičová / Eds. B. H. Partee, P. Sgall Amsterdam, 1996. 65—86.

Weinreich 1963/1970 — U. W e i n r e i c h. On the semantic structure of language // Universals of Language / Ed. J. Greenberg. Cambridge (Mass.), 1963. P. 114—171. Перепечатано в: U. Weinreich. On semantics. [Philadelphia:], 1980. P. 37—96. Русский перевод (И. А. Мельчука): У. Вейнрейх. О семантической структуре языка // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 5. Языковые универсалии / Ред. В. А. Звегинцев. М., 1970. С. 163—249.

Резюме

Рассматривается понятие истинностный статус пропозиции — параметр, который определен на подчиненных пропозициях и принимает значения истина, ложь, безотносительность к истине. Показано, что истинностный статус позволяет построить осмысленную классификацию глаголов с сентенциальным актантом, подчиняющих союз *что*. При этом возникшее ранее понятие ассертивный статус (со значениями ассерция, пресуппозиция, импликация, отрицательная импликация, аллегация, т. е. односторонняя импликация) нисколько не теряет своей релевантности и актуальности.

Ключевые слова: истинностный статус ассертивный статус сентенциальный актант безотносительность к истине

Получено 04.10.2016

ELENA V. PADUCHEVA

ON THE TRUTH VALUE STATUS OF A PROPOSITION IN SENTENCES WITH A SENTENTIAL COMPLEMENT

The article discusses the notion of the truth-value status of a proposition, which is defined on embedded propositions and takes three values: truth, lie, irrelevance of truth value. It is demonstrated that the truth-value status makes it possible to construct a classification of verbs which take sentential complements and subordinate the conjunction *čto* 'that'. At the same time, the parameter introduced earlier, that of the assertive status of a proposition (with the values of assertion, presupposition, implication, negative implication, allegation, i.e. one way implication), does not lose its relevance.

Keywords: truth value status assertive status sentential complement irrelevance of the truth value

Received on 04.10.2016

В. А. НУРИЕВ

**МЕСТОИМЕНИЕ НЕИЗВЕСТНОСТИ *КТО-ТО*
ПО ДАННЫМ РУССКО-ФРАНЦУЗСКОГО
ПАРАЛЛЕЛЬНОГО КОРПУСА ***

Прежде всего необходимо ответить на вопрос, с каких позиций сейчас следует изучать категорию неопределенности в русском языке и какие методы исследования при этом использовать?

Согласно Е. В. Падучевой, категория неопределенности в русском языке отличается от других языков. Неопределенность является одной из «семантических доминант» русского языка в том смысле, что русский язык особо предрасположен к выражению неопределенности. С одной стороны, русские показатели неопределенности многочисленны, крайне разнообразны и могут выражать тончайшие нюансы смысла. С другой стороны, «это сфера, которая отличается некоторой стертостью, легковесностью»: маркеры неопределенности имеют относительно малый удельный вес и, например, могут опускаться при переводе [Падучева 1996: 1].

Они не отличаются однородностью грамматических признаков, что значительно затрудняет классификацию, а также их формализованное выявление. Следует отметить, что к проблеме изучения маркеров неопределенности в русском языке уже неоднократно обращались (см., например, [Алехина 1975; Арутюнова 1976: 204, 366—371; Гак 1975; Галло 2014: 41—46; Гладров 1992; Гуревич 1983: 54—60; Иванов 1979: 90—118; Кациадзе 2007: 59—62; Ковтунова 1979: 262—275; Крылов 1984; Лещева 2010; Николаева 1979: 119—174; Падучева 1985; 1996; Поспелов 1970; Селиверстова 1988; Шведова 2005; Шмелев 1983: 39—46; Birkenmaier 1979; Gladrow 1979; Lacková 2009]). Однако эти исследования проводились в докорпусную эпоху, и потому их результаты требуют верификации. То есть уже существующие типологии нуждаются в дополнении, что требует более детального изучения русских маркеров неопределенности.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РФФИ научного проекта № 14-06-31358 мол_а и поддержанного РГНФ научного проекта № 16-04-00291.

Говоря о методах данного исследования, необходимо подчеркнуть, что корпусная методика сбора материала для изучения категории неопределенности в русском языке на фоне французского используется впервые. Она позволяет обрабатывать значительные объемы информации, которые дают возможность подтвердить и дополнить полученные ранее результаты. Русские показатели неопределенности исследуются на фоне французского языка, так как переводные соответствия (реакции профессиональных литературных переводчиков на русскую единицу-стимул) позволяют показать выраженность семантического признака неопределенности той или иной русской единицы.

Статья состоит из двух частей. В первой части проводится инвентаризация русских языковых единиц, в семантику которых входит неопределенность. Во второй части представлены результаты изучения маркеров неопределенности в сопоставлении с их французскими переводными эквивалентами (на примере местоимения неизвестности *кто-то*).

1. Таксономия показателей неопределенности

В основу представляемой типологии легла классификация, которую разработала Е. В. Падучева (см. [Падучева 1985: 209; 1996: 6]). Типологизация неопределенных местоимений уточнялась и детализировалась в соответствии с известной работой [Haspelmath 1997] и недавними исследованиями Е. В. Падучевой [2015a; 2015b].

В результате классификация указанных единиц имеет следующий вид:

1) Неопределенные местоимения (в том числе адъективные):

— собственно неопределенные местоимения (в другой терминологии — местоимения неизвестности / референтные неопределенные местоимения), т. е. вводящие объект, неизвестный говорящему (на *-то* типа *кто-то, какой-то, чей-то* и т. д.);

— слабоопределенные местоимения, т. е. вводящие объект, известный говорящему, но предположительно неизвестный адресату (на *кое-, не-* типа *кое-какой, кое-кто, некто*, сюда же относятся экзистенциальные местоимения, позволяющие называть объект из того или иного множества, не индивидуализируя его, типа *некий, некоторые, один*);

— нереферентные местоимения, а именно на *-нибудь*, типа *какой-нибудь, кто-нибудь*¹; *иной*; сюда же относятся отрицательные местоимения на *ни-* типа *никто* и местоимения отрицательной полярности, не являющиеся отрицательными, но употребляющиеся преимущественно в контексте отрицания и включающие в себя местоименные серии на *-либо* типа *кто-либо*, а также на *бы то ни было* типа *какой бы то ни было*; в эту группу входят также местоимения свободного выбора — *любой* и местоимен-

¹ О местоимениях на *-нибудь* см. подробнее [Pereltsvaig 2008].

ная серия на *угодно* типа *какой угодно*. Однако, как справедливо замечает Е. В. Падучева [2015], эти местоимения свободного выбора можно отнести и к местоимениям всеобщности. Вместе с тем, всеобщность трудно отделить от неопределенности: признаки референта, с которым соотносятся данные местоимения, максимально размыты и неопределенны.

2) **Неопределенные наречия** (в том числе наречные выражения):

— собственно неопределенные наречия (в другой терминологии — наречия неизвестности), вводящие обстоятельственные признаки описываемого факта, неизвестные говорящему (типа *когда-то*, *некогда*, *иногда*, *где-то* и др.); в то же время в ряде случаев эти наречия могут быть слабоопределенными, т. е. обстоятельственные признаки описываемого факта могут быть известны говорящему;

— слабоопределенные наречия, вводящие обстоятельственные признаки описываемого факта, неизвестные адресату (типа *однажды*, *как-то*, *раз*, *как-то раз*, *иной раз*, *в один прекрасный день*, *в один прекрасный момент*, *кое-где*, *кое-когда*, *кое-откуда* и т. д.);

— неспецифические наречия (ср. англ. non-specific adverbs) типа *когда-нибудь*, *когда-либо*, *где-нибудь*, *где-либо*, *куда-либо*, а также отрицательные местоимения типа *никогда*, *некуда*, *никуда*, *неоткуда*, *ниоткуда*, *незачем*, *никак* и т. д.

3) **Неопределенно-количественные числительные** (и совпадающие с ними по форме наречия), вводящие приблизительную количественную характеристику (типа *много*, *мало*, *немного*, *сколько*, *сколько-нибудь*, *сколько-то*, *несколько*, *столько*, *столько-то*, *много чего*, *одни*) (см. подробнее [Грамматика-80; Булыгина, Шмелев 1988: 44-54]).

4) **Показатели субъективной и эпистемической модальности**, выражающие степень уверенности говорящего в реальности/достоверности сообщаемого (типа *должен*, *должно быть*; *вроде (бы)*; *не то... не то, то ли... то ли, или*; *чуть ли не*; *как будто*, *как бы*; *что ли*; *что-то*; *почему-то* и др.).

5) **Неопределенно-личные предложения** — с неопределенным субъектом, представляющим собой открытое множество (ср. *Я совсем не хочу, чтобы мою книжку читали просто ради забавы*); с неопределенным субъектом, представляющим собой закрытое множество (ср. *Учительница сказала нам, что нас будут фотографировать*); с неопределенным единичным субъектом (ср. — *Тебя прощают. Не будут больше подавать платок* (М. А. Булгаков. *Мастер и Маргарита* (Ч. 2) (1929—1940)) и т. д.

6) **Обобщенно-личные предложения** — предложения с неопределенным субъектом, представляющим собой максимально открытое множество): ср. *Любишь кататься — люби и саночки возить* (см. подробнее [Бабайцева 2004: 152—156; Князев 2007: 141—143; Пешковский 2001]).

7) **Безличные предложения** — односоставные предложения с отсутствующим указанием на деятеля, описывающие состояния, процессы, события как происходящие независимо от воли человека. Описывают состояния окружающей среды и природные процессы (*Светает*); физиологические и психологические состояния человека (*Его знобит / Ей радостно*); различ-

ные модальные значения (*Придется уезжать*); значение отсутствия чего-либо (Маши в доме *не оказалось*) (см. подробнее [Бабайцева 2004; Булыгина, Шмелев 1998; Кустова 2013; Пешковский 2001]).

8) **Линейно-акцентная структура** — как специальный способ выражения неопределенности (о термине см. подробнее [Падучева 2015; Янко 2001]):

— порядок слов: в современном русском языке конечная позиция обычно связывается с неопределенностью (*Даша дала мне книгу*), а неконечная — с определенностью (*Даша дала книгу мне*);

— главное фразовое ударение (фразовый акцент): ср. *ВОТ платье* — определенное имя и *Вот платье* — неопределенное имя (см. подробнее [Бельский 1956; Николаева 1979; 1982; Сиротинина 1965]).

9) **Неопределенные местоимения без маркера неопределенности** типа *кто*, участвующие в образовании фразеологизмов со значением неспецифической или нереферентной неопределенности, например, *кто* в значении *кто-нибудь*: *кто знает / кто его знает кто, Бог знает кто, Бог весть кто, не знаю / не знаешь / не поймешь / не разберешь кто, неведомо/невесть кто, черт знает / черт-те кто, кто хочешь, кто угодно, хоть кто, кто бы то ни был, кто придется, кто ни попадись, кого (кому, с кем и т. д.) ни попадя, мало ли кто, много кого (много кого в жизни встречал); кто-никто, а..., кто-кто, а...; кто..., а кто и не...; кто еще/там/тебе* (о неопределенных местоимениях без маркера неопределенности подробнее см. [Третьякова 2009])².

10) **Неопределенные наречия без маркера неопределенности** типа *где, когда* и т. д., участвующие в образовании фразеологизмов со значением неопределенности, например, *где* в значении *где-либо*: *Бог знает где, неведомо/невесть/незнамо где*.

При сопоставительном анализе намеренно игнорировались случаи идиоматизированного употребления, когда у языковой единицы развивается оценочная коннотация и ее значение изменяется, утрачивая компонент неопределенности (ср. *Какая-то* *девчонка будет меня учить* ('не заслуживающая уважения, внимания'); *Он все делает как-нибудь* ('плохо, небрежно')).

Также не принимались во внимание собственно существительные со значением количественной неопределенности типа *толпа, народ, меньшинство* и т. д., наречия со значением временной неопределенности типа *давно, быстро, долго* и т. д.

2. Выявление французских соответствий для русских показателей неопределенности

Фиксация французских соответствий для выявленных единиц русского языка — носителей значения неопределенности осуществлялась методом

² На основе терминологии Лакоффа [Lakoff 1974] в ряде работ конструкции типа *Бог знает кто* называются «амальгамы» (см. например [Testelets, Bylinina 2005]).

сплошной выборки контекстов в НКРЯ (русско-французский подкорпус), где наличествует тот или иной показатель неопределенности. Для сложно-составных единиц, употребляемых в неизменной форме типа *один раз*, использовалось поле поиска точных форм, для единиц типа *некоторый* применялся лексико-грамматический поиск. Всего было проанализировано 9679 выровненных параллельных контекстов. В качестве примера здесь мы приводим французские соответствия для показателя неопределенности *кто-то*.

В подкорпусе зафиксировано 352 вхождения местоимения неизвестности *кто-то*. Выявлены следующие французские соответствия (некоторые русские тексты представлены двумя и более переводами):

1) *quelqu'un* (местоимение неизвестности, прямое французское соответствие, зафиксированное в русскоязычных и франкоязычных лексикографических изданиях, 238 вхождений):

(1) Сказал *кто-то*, что нос будто бы находился в магазине Юнкера — и возле Юнкера такая сделалась толпа и давка, что должна была даже полиция вступиться (Н. В. Гоголь. Нос (1832—1833)).

Quelqu'un dit que, soi-disant, le nez se trouvait dans le magasin de Junker — et, près de chez Junker, il y eut une telle cohue et une telle bousculade que la police fut même forcée d'intervenir (N. Gogol. Le Nez (André Markowicz 2007)).

Quelqu'un dit que le nez se trouvait dans le magasin de Junker, et il y eut auprès des vitrines de Junker une telle foule, une telle presse que la police fut obligée finalement d'intervenir (N. Gogol. Le Nez (Boris de Schloezer 1925)).

Quelqu'un ayant affirmé que le nez se trouvait chez Junker, il se forma devant ce magasin un rassemblement si considérable que la police dut intervenir (N. Gogol. Le Nez (Henri Mongault 1938)).

Quelqu'un annonça que le nez se trouvait dans le magasin de Junker, et il y eut une telle foule, une telle presse devant chez Junker que la police dut même intervenir (N. Gogol. Le Nez (Bernard Kreise 1998)).

Как правило, данный вариант перевода реализуется во французском функционально эквивалентном фрагменте (термин из [Добровольский и др. 2005]), если *кто-то* замещает позицию подлежащего и соотносится с единичным референтом. Вместе с тем, имеются случаи, когда *кто-то* в косвенных падежах также переводится *quelqu'un*, но это происходит существенно реже:

(2) Я уже привыкала к мысли, что мне надо будет его с кем-то делить (С. Алексиевич. Время секонд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Je m'étais déjà habituée à l'idée que j'allais devoir le partager avec *quelqu'un* (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

2) *он* (неопределенно-личное местоимение, 20 вхождений):

(3) Секунды две не более происходила настоящая борьба; потом вдруг как бы *кто-то* кого-то с силою оттолкнул, и вслед за тем какой-то очень бледный человек шагнул прямо в кабинет Порфирия Петровича (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

L'espace de deux secondes, pas plus, il y eut une véritable lutte; puis, tout à coup, on eût dit qu'*on* repoussait quelqu'un avec force, après quoi un homme très pâle avança dans le cabinet de Porphyre Petrovitch (F. Dostoïevski. Crime et châtiment (Élisabeth Guertik 1947)).

(4) *Кто-то* давил его в спину и дышал в шею (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1924)).

Qui sentit qu'*on* le poussait dans le dos et qu'*on* lui soufflait dans le cou (M. Boulgakov. La Garde Blanche (Claude Ligny 1970)).

(5) Светлые волосы стали дыбом, словно *кто-то* Николку долго трепал (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1924)).

Ses cheveux clairs étaient hérissés comme si *on* les lui avait longuement emmêlés (M. Boulgakov. La Garde Blanche (Claude Ligny 1970)).

(6) Он спросил себя: что же «то», и затих, прислушиваясь. Тут он почувствовал, что руку его целует *кто-то* (Л. Н. Толстой. Смерть Ивана Ильича (1882—1886)).

Il s'était demandé: «Qu'est-ce donc ça?» et s'était tu. Il avait senti qu'*on* lui baisait la main (L. Tolstoï. La Mort d'Ivan Illitch (Michel-R. de Hoffmann 1948)).

(7) *Кто-то* распускал слухи, что коммунистов будут судить (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

On avait fait courir le bruit que les communistes allaient être traduits en justice (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

Неопределенно-личное местоимение *он* возникает в переводе, когда *кто-то* соотносится с закрытым/открытым множеством, выступая в роли субъекта, чье действие (результат/эффект действия) доступно непосредственному восприятию участниками описываемой ситуации.

3) *certain*s (местоимение, мн. ч. в том числе со значением неопределенности — 'кое-кто', 'кто-то из...', 17 вхождений):

(8) Значит, значит — одним бежать, а другим встречать новых, удивительных, незваных гостей в Городе. И, стало быть, *кому-то* придется умирать. Те, кто бегут, те умирать не будут, кто же будет умирать? (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1924)).

Cela signifie... cela signifie, pour les uns, s'enfuir, et pour les autres, accueillir dans la Ville des hôtes nouveaux, étrangers, mal venus. Et sans

doute, *certain*s devront-ils mourir. Ceux qui s'enfuirent ne mourront pas. Alors, qui mourra? (M. Boulgakov. La Garde Blanche (Claude Ligny 1970)).

- (9) А если *кто-то* наворовал, то и слава богу, может, их внуки будут порядочными людьми (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Et si *certain*s s'en sont mis plein les poches, eh bien tant mieux, peut-être que leurs petits-enfants seront des gens honnêtes (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (10) *Кто-то* не хочет об этом вспоминать, потому что неприятно, мы пережили много разочарований (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

*Certain*s n'aiment pas y penser parce que c'est désagréable, nous avons connu beaucoup de désillusions (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (11) Судьбы у моих товарищей сложились по-разному... Один наш инструктор покончил самоубийством... У завпарткабинетом было нервное расстройство, лежал долго в больнице. *Кто-то* стал бизнесменом... Второй секретарь — директор кинотеатра. А один инструктор райкома — священник. Я с ним встречалась (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Ils ont eu des destins divers... Un de nos instructeurs s'est suicidé... Notre chef de cabinet a fait une dépression nerveuse, il est resté longtemps à l'hôpital. *Certain*s se sont lancés dans le commerce... Le deuxième secrétaire dirige un cinéma. Et un instructeur du comité régional est devenu prêtre. Je l'ai revu (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

Местоимение *certain*s вводится при переводе тех высказываний, где *кто-то*, являясь подлежащим, соотносится с условно обозримым множественством, высказывание при этом носит аффективный характер и часто содержит модальные значения. В отдельных случаях *кто-то* может переводиться *certaines personnes* (1 вхождение):

- (12) Нефть меняем на трусы. А была цивилизация без шмоток и барахла. Советская цивилизация! *Кому-то* надо было, чтобы ее не стало. Операция ЦРУ. Нами уже управляют американцы. Горбачеву хорошо за это заплатили... (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Nous échangeons notre pétrole contre des petites culottes. Il y avait pourtant une civilisation sans fringues et sans camelote. La civilisation soviétique! *Certaines personnes* avaient besoin qu'elle n'existe plus. C'est une opération de la CIA... Nous sommes déjà gouvernés par les Américains... Gorbatchev a reçu un bon paquet de fric pour ça... (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

Примечательно, что большая часть случаев перевода *кто-то* местоимением *certain*s (16 вхождений) приходится на произведение С. Алексиевич «Время секунд хэнд» (Ч. 1 и 2). Это можно было бы объяснить особенностями переводческого идиостиля С. Бенеш, однако франкоязычный словарь *Le Petit Robert de la langue française* (2014) в качестве одного из синонимов *certain*s приводит *quelques-uns* (мн. ч. от *quelqu'un*). Также другой литературный переводчик А. Кольдефи-Фокар³ в личной беседе подтвердила, что данная модель перевода воспроизводима и продуктивна.

4) *une voix* (фр. именная группа с неопределенным артиклем ж. р. — дословно 'какой-то голос', 12 вхождений):

- (13) Потом реже и реже стало клокотанье и хрипенье. — Кончено! — сказал *кто-то* над ним. Он услышал эти слова и повторил их в своей душе (Л. Н. Толстой. *Смерть Ивана Ильича* (1882—1886)).

Ensuite, la respiration et les râles se firent de plus en plus rares. «C'est fini!» dit *une voix* au-dessus de lui. Il entendit ces mots et les répéta dans son âme (L. Tolstoï. *La Mort d'Ivan Illitch* (Michel-R. de Hoffmann 1948)).

- (14) Народ расходился, полицейские возились еще с утопленницей, *кто-то* крикнул про контору... (Ф. М. Достоевский. *Преступление и наказание* (1866)).

La foule se dispersait, les agents s'affairaient encore autour de la noyée, *une voix* cria quelque chose au sujet du commissariat... (F. Dostoïevski. *Crime et châtement* (Élisabeth Guertik 1947)).

- (15) — Свидригайлов, — силло и безучастно ответил кто-то из другой комнаты (Ф. М. Достоевский. *Преступление и наказание* (1866)).

— Svidrigailov, répondit de l'autre pièce *une voix* rauque et indifférente (F. Dostoïevski. *Crime et châtement* (Élisabeth Guertik, 1947)).

- (16) В ту же секунду его адски резнула вторая оплеуха, и *кто-то* взвыл в небесах (М. А. Булгаков. *Белая гвардия* (1924)).

Aussitôt, une seconde gifle le cingla d'une douleur infernale, tandis qu'au-dessus de lui, dans le ciel, *une voix* tonitruait (M. Boulgakov. *La Garde Blanche* (Claude Ligny 1970)).

- (17) — Дома? — громко и грубо кто-то спросил в передней (И. А. Гончаров. *Обломов* (1848—1859)).

— Il est là? demanda, dans l'antichambre, *une voix* forte et grossière (I. Gontcharov. *Oblomov* (Luba Jurgenson 1988)).

³ Переводила на французский язык С. Алексиевич, Ю. Анненкова, И. Бунина, Н. Гоголя, В. Гроссмана, Ф. Достоевского, М. Кононова, Ю. Мамлеева, Б. Пильняка, А. Платонова, А. Солженицина, В. Сорокина, А. Чехова и др.

Кто-то может переводиться именной группой *une voix*, если в русском предложении позицию сказуемого замещает глагол речевого действия: *сказать, ответить, спросить, взвыть* и т. д. Подобная модель перевода имеет и другие реализации — в нарративных предложениях, когда неопределенный агенс также вводится путем замены местоимения именной группой, куда входит существительное, несущее антропоморфные признаки (например, соматизмы) и способное с помощью метонимического переноса (часть — целое) обозначать деятеля:

- (18) Вдруг почувствовал значительное лицо, что его ухватил *кто-то* весьма крепко за воротник (Н. В. Гоголь. Шинель (1842)).

Soudain, le personnage considérable sentit *qu'une main vigoureuse* le saisissait au collet (N. Gogol. Le Manteau (Henri Mongault 1938)).

5) *autre* (неопределенное местоимение *иной, другой* в ед.ч. с неопределенным/определенным артиклем м.р. *un autre, cet autre*, во мн.ч. с усеченным предлогом *de /* определенным артиклем *d'autres, les autres*, 12 вхождений):

- (19) Кого-то разорили, *кого-то* посадили. С трона — в подвал (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Certains ont été ruinés, *d'autres* se sont retrouvés en prison. On dégringolait du haut d'un trône jusqu'au fond d'une cave (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (20) Кто-то хватался за эту руку, а *кто-то*... (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Certains ont pris ces mains, *d'autres*... (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (21) Кто-то жил в Вологде... *кто-то* в Ярославле... (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Il y en avait un qui habitait à Vologda, *un autre* à Iaroslavl... (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (22) — Груня! Какой тут кот у нас шляется? Откуда он? И *кто-то* еще с ним?? (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 1) (1929—1940)).

— Grounia! Qu'est-ce que c'est que ce chat qui se balade chez nous? D'où sort-il? Et *cet autre*? (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 1) (Claude Ligny 1968)).

- (23) Кто-то торговал, *кто-то* покупал... кто-то прикрывал, кто-то «крышевал»... (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Les uns vendaient, *les autres* achetaient, certains "couvraient", d'autres rackettaient... (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

Местоимение *autre* используется в качестве функционального эквивалента *кто-то* при необходимости обеспечить разграничение частей внутри некоторого неопределенного (закрытого) множества в рамках одного предложения / контактных предложений. В определенной мере это может обуславливаться стилистическими установками переводчика, избегающего повторов (11 вхождений зафиксировано в переводах Софи Бенеш). Отсюда диверсификация переводных вариантов для *кто-то* в последнем из приведенных выше примеров: *certains, les autres, les uns*. Последний вариант (*les uns / l'une*) встречается два раза и только в указанных контекстах.

6) *qui* (местоимение *кто, который* в рамках конструкции *il y en a qui* — дословно ‘есть те, кто’, а также в вопросительных предложениях, 11 вхождений):

(24) А *кто-то* стоял в очереди за мороженым... (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Mais il y en avait aussi *qui* faisaient la queue pour des glaces (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

(25) А вокруг *кто-то* строит коттеджи, покупает дорогие машины (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Et autour de nous, il y en a *qui* se font construire des villas, qui s'achètent des voitures de luxe (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

(26) Понимаете, и на войне *кто-то* может хорошо устроиться (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 2) (2013)).

Vous comprenez, même à la guerre, il y en a *qui* arrivent à se faire une place au soleil (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

(27) Если *кто-то* ест колбасу хуже, чем я, меня это не интересует (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

S'il y en a *qui* mangent du moins bon saucisson que moi, ça ne m'intéresse pas (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

(28) Ей было и стыдно, чего-то и досадно на *кого-то*, не то на себя, не то на Обломова (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)).

Elle avait honte de quelque chose, elle était fâchée. Contre *qui*? Contre elle-même? Contre Oblomov? Elle n'en savait rien (I. Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)).

Elle avait honte de quelque chose, elle ressentait un dépit contre Oblomov ou, peut-être contre elle-même (I. Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)).

Конструкция *il y en a qui* вводится для перевода *кто-то*, когда русский показатель неопределенности обозначает множество, чьи дифференциальные признаки не отличаются точностью параметров и постоянством, следовательно, входящее в него количество участников неопределенно, непостоянно и может со временем меняться.

Что касается употребления вопросительного местоимения *qui* (*кто*), то оно скорее носит окказиональный характер, поскольку зафиксировано всего один раз (см. последний из приведенных выше примеров). К тому же, его введение связано с коренным изменением заданной оригиналом синтаксической структуры. Второй переводчик (Люба Юргенсон) опустил показатель определенности.

7) *qui* (неопределенное местоимение *кто*, образующее фразеологические обороты со значением неопределенности типа *on ne sait qui / je ne sais plus qui* — дословно ‘неизвестно кто / больше не знаю кто’, семь вхождений):

(29) — О, зачем же, это неудобно, — мигом соорудил из двух сучков какой-то подозрительный телефон и потребовал у *кого-то* сию же минуту прислать машину, что и исполнилось, действительно, в одну минуту (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 2) (1929—1940)).

— Oh! pourquoi? Mais c'est tout à fait incommode! En un instant, à l'aide de quelques bouts de bois, il confectionna une espèce de téléphone d'un aspect assez bizarre, dans lequel il réclama à on ne sait *qui* qu'on lui envoie une voiture dans la minute même. Ce qui fut fait, en moins d'une minute effectivement (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 2) (Claude Ligny 1968)).

(30) Погрозив в бессильной злобе *кому-то* вдаль кулаком, Иван облачился в то, что было оставлено (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 1) (1929—1940)).

Avec une colère impuissante, Ivan montra le poing à on ne sait *qui*, vers l'horizon, et revêtit ce qu'on avait bien voulu lui laisser (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 1) (Claude Ligny 1968)).

(31) И далее, граждане, — продолжал свою речь Иван, обращаясь к *кому-то*, — разберемся вот в чем: чего это я, объясните, взбесился на этого загадочного консультанта, мага и профессора с пустым и черным глазом? (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 1) (1929—1940)).

Ensuite, citoyens, continua Ivan en adressant son discours on ne sait à *qui*, essayons de démêler ceci: qu'est-ce qui m'a pris, voulez-vous me le dire, de m'emporter jusqu'à la fureur contre ce mystérieux consultant, professeur et magicien, avec son œil noir et vide? (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 1) (Claude Ligny 1968)).

- (32) Он метнулся в сторону, грозя *кому-то* кулаками (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1924)).

Et il partit à grands pas, menaçant du poing on ne sait *qui* (М. Boulgakov. La Garde Blanche (Claude Ligny 1970)).

- (33) — Про англичан, что они ружья да пороху *кому-то* привезли (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)).

— Quelque chose au sujet des Anglais, et il disait que les Anglais avaient fourni à je ne sais plus *qui* des fusils et de la poudre (I. Gontcharov. Oblomov (Arthur Adamov 1959)).

— Au sujet des Anglais, comme quoi ils auraient exporté des fusils et de la poudre (I. Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)).

Введение оборотов *on ne sait qui / je ne sais plus qui*, очевидно, связано с эстетико-стилистическими установками переводчика. Большая часть употреблений приходится на переводы Клода Лины, один случай зафиксирован у Артюра Адамова. Оба фразеологических оборота вошли во французский литературный обиход в XVIII—XIX вв. и на момент использования их в приведенных переводах являлись архаизмами. Предположительно, переводчики намеренно «старили» текст М. Булгакова и И. Гончарова в попытке передать временную дистанцию, пролегающую между подлинником и современным читателем. Обороты употребляются только для передачи *кто-то* в косвенных падежах. В 1988 г. Л. Юргенсон в переводе «Обломова» прибегает к другой стратегии, отказываясь от отдельного лексического эквивалента при переводе *кто-то*, но вводя глагол, даже в отсутствие косвенного дополнения подразумевающий его имплицитное наличие (имеющий в переводе незаполненную валентность) — *exporter*. Надо отметить, что случай не является единичным и не может считаться особенностью стратегии конкретного переводчика (18 случаев).

Ее частной реализацией является введение при переводе *кто-то* пассивных конструкций с причастием или сложно-именного сказуемого с определением, образованным от такого рода глаголов (три вхождения):

- (34) Страшно, что *кто-то* обратил на тебя внимание (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Cela m'angoissait d'*être remarquée, distinguée* (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (35) Любого человека *кто-то* должен любить (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 2) (2013)).

N'importe qui a besoin d'*être aimé* (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

- (36) И в нее выстрелили. Перекрыла она большие деньги, *кому-то* помешала. Вроде к этому делу причастен высокий чин... (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 2) (2013)).

Alors on lui a tiré dessus. Elle *était gênante*, il y avait une grosse somme en jeu. Il paraît qu'un haut gradé serait mêlé à l'histoire (S. Alexievitch. *La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement* (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

8) *L'un de* (усеченный определенный артикль *l'* + местоимение *un* + предлог *de* / определенный артикль мн. ч. (*de + les = des*) / притяжательное прилагательное мн. ч. *ses* + сущ. во мн. ч. / местоимение в мн. ч., восемь вхождений):

(37) Но длилась эта стрельба недолго и сама собою стала затихать. Дело в том, что ни коту, ни пришедшим она не причинила никакого вреда. Никто не оказался не только убит, но даже ранен; все, в том числе и кот, остались совершенно невредимыми. *Кто-то* из пришедших, чтобы это окончательно проверить, выпустил штук пять в голову окаянному животному, и кот бойко ответил целой обоймой (М. А. Булгаков. *Мастер и Маргарита* (Ч. 2) (1929—1940)).

Mais cette fusillade dura très peu de temps et s'éteignit d'elle-même. Elle n'avait en effet causé aucun mal, ni au chat ni aux envahisseurs. Non seulement personne n'était mort, mais il n'y avait même pas de blessés. Tout le monde, le chat y compris, était sain et sauf. *L'un des* visiteurs, pour bien s'en convaincre, envoya cinq balles dans la tête du damné animal, et le chat répondit promptement en vidant sur lui son chargeur (M. Boulgakov. *Le Maître et Marguerite* (P. 2) (Claude Ligny 1968)).

(38) Один *кто-то*, движимый состраданием, решился, по крайней мере, помочь Акакию Акакиевичу добрым советом, сказавши, чтоб он поспел не к квартальному, потому что хоть и может случиться, что квартальный, желая заслужить одобрение начальства, отыщет каким-нибудь образом шинель, но шинель все-таки останется в полиции, если он не представит законных доказательств, что она принадлежит ему; а лучше всего, чтобы он обратился к одному значительному лицу, что значительное лицо, спишась и сносясь с кем следует, может заставить успешнее идти дело (Н. В. Гоголь. *Шинель* (1842)).

Mais *l'un de* ses collègues, mû par la compassion, se décida au moins à aider Akaki Akakiévitch par un bon conseil et lui dit qu'il ne fallait pas qu'il aille voir le commissaire de district, parce que, même s'il pouvait arriver que le commissaire de district, cherchant à obtenir les bonnes grâces de ses supérieurs, retrouve, d'une façon ou d'une autre, le manteau, de toute façon, le manteau resterait à la police s'il ne présentait pas des preuves formelles que ce manteau lui appartenait bien à lui; le mieux, c'était de s'adresser à un certain monsieur important, et que ce monsieur important, après avoir pris ses renseignements et ses conseils auprès de qui de droit, pouvait mettre son affaire sur une bonne voie (N. Gogol. *Le Manteau* (André Markowicz 2007)).

Akaki Akakiévitch n'obtint donc qu'une somme dérisoire; mais *l'un de* ses collègues, mû par un sentiment de pitié, voulut au moins l'aider d'un bon conseil: il lui dit qu'il ne valait pas la peine d'aller chez l'inspecteur de police du quartier, car au cas même où l'inspecteur, voulant se faire bien voir de ses supérieurs, réussirait à retrouver le manteau, celui-ci ne pourrait lui être remis tant qu'il n'aurait pas fait la preuve que ce vêtement était bien le sien. Le mieux serait donc de s'adresser à un certain personnage important, lequel personnage, s'étant mis en rapport avec qui de droit, pourrait donner une tournure plus favorable à l'affaire (N. Gogol. Le Manteau (Boris de Schloezer 1925)).

L'un d'eux, cependant, mû par un sentiment de pitié, voulut au moins donner un bon conseil à Akaki Akakiévitch. Il le dissuada de recourir au commissaire de son quartier; en admettant même, chose évidemment possible, que, pour se faire bien voir de ses chefs, le digne homme retrouvât le corps du délit, Akaki Akakiévitch n'en rentrerait pas pour autant en possession de son bien: comment fournirait-il la preuve que ce vêtement était vraiment à lui? Mieux valait donc s'adresser à un certain «personnage considérable», lequel, après s'être mis par voie écrite et orale en rapport avec qui de droit, donnerait sans doute à l'affaire une tournure plus favorable (N. Gogol. Le Manteau (Henri Mongault 1938)).

- (39) Героями становятся только на войне, и если бы там кому-то из нас отсекло ноги, как Алексею Мересьеву, он был бы счастлив (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 2) (2013)).

Et il n'y a qu'à la guerre qu'on devient un héros. Si *l'un de* nous avait perdu ses jambes là-bas, comme Alexeï Meressiev, il aurait été content (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

L'un de реализуется во французском эквивалентном фрагменте, если *кто-то* соотносится с единичным референтом, входящим в закрытое (обозримое) множество. *Кто-то* при этом определяется словом *один* и/или имеет контактный предлог *из* в правом контексте. Указание на закрытое множество, куда входит референт, обозначаемый *кто-то*, содержится либо в узком, либо в широком контексте.

9) *un* (неопределенный артикль м. р.) + *одушевленное существительное/прилагательное* (14 вхождений):

- (40) Но глубоко и тяжело завален клад дрянью, наносным сором. *Кто-то* будто украл и закопал в собственной его душе принесенные ему в дар миром и жизнью сокровища. Что-то помешало ему ринуться на поприще жизни и лететь по нему на всех парусах ума и воли (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)).

Mais ce trésor que la vie et le monde lui avaient offert était profondément enfoui sous la camelote et la balayure amoncelées par le

hasard, comme enterré dans sa propre âme par *un voleur*. Quelque chose l'avait empêché de se jeter sur l'océan de la vie pour le survoler toutes les voiles de la volonté et de l'esprit dehors (I. Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)).

- (41) Отыскалась где-то и Катя, которая опять пела другую лакейскую песню о том, как *кто-то*, «подлец и тиран», Начал Катю целовать (Ф. М. Достоевский. Преступление и наказание (1866)).

Il avait retrouvé Katia qui chantait de nouveau une chanson triviale où il était question d'*un «lâche et un tyran»* qui s'est mis à embrasser Katia (F. Dostoïevski. Crime et châtimeut (Élisabeth Guertik 1947)).

- (42) Рядом с Маргаритой никого не было, но немного подалее за кустами слышались всплески и фыркание, там тоже *кто-то* купался (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 2) (1929—1940)).

Près de Marguerite, il n'y avait personne, mais plus loin, derrière les buissons, il devait y avoir *un autre baigneur*, car on entendait quelqu'un s'ébrouer et éclabousser (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 2) (Claude Ligny 1968)).

- (43) — Голову ему оторвать! — сказал *кто-то* сурово на галерке (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 1) (1929—1940)).

— Lui arracher la tête! proposa avec sévérité *un spectateur des galeries* (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 1) (Claude Ligny 1968)).

- (44) *Кто-то* из молодых летчиков однажды спросил у меня: «Что ты, малыш, знаешь о смерти?» (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 2) (2013)).

Un jour, *un jeune pilote* m'a dit: "Qu'est-ce que tu sais de la mort, toi, un gamin?" (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

С одной стороны, подобные варианты перевода реализуются в контекстах, сходных с теми, где *кто-то* переводится как *l'un de*. При этом в переводе предлог *de* опускается и обозначается единичный референт, а границы множества, к которому он принадлежит, существенно размываются — оно становится трудно обозримым (ср. *один молодой летчик* и *кто-то из молодых летчиков*). С другой стороны, некоторые случаи такого перевода связаны с тем, что *кто-то* изначально соотносится с единичным референтом, не принадлежащим никакому множеству (ср. *кто-то*, «*подлец и тиран*», *начал Катю целовать*). В то время как варианты перевода по модели *un* + одуш. сущ. с суффиксом активного деятеля *-eur* реализуются в тех контекстах, где так или иначе эксплицирована деятельность, осуществляемая субъектом, соотносимым с *кто-то* (ср. *кто-то будто украл, там тоже кто-то купался, сказал кто-то сурово на галерке*).

Реже реализуется модель перевода *un* + прил. (зафиксировано два вхождения в переводах Клода Лины):

- (45) — Ну вот, — ухитрился шептать Коровьев Маргарите и в то же время кричать *кому-то*: «Герцог, бокал шампанского! Я восхищен!» (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 2) (1929—1940)).
 — Voilà, continua Koroviev, trouvant le moyen de crier en même temps à *un nouvel arrivant*: Duc! Un verre de champagne? Je suis ravi!... (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 2) (Claude Ligny 1968)).

Вариант перевода обусловлен широким контекстом описываемой ситуации, где *кто-то* обозначает одного из только что прибывших гостей.

Имеются также единичные случаи перевода *кто-то* по модели «неопределенный артикль мн. ч. *des* + одушевленное существительное с собирательным значением во мн. ч.» (одно вхождение):

- (46) И страну. Трудно *кому-то* другому это объяснить. Невозможно (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Et le pays tout entier. C'est difficile à expliquer à *des étrangers*. Impossible (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech, 2013)).

Здесь перевод определяется наличием правого определения *другой* и тем, что *кто-то* реферирует к открытому множеству с четко обозначенным признаком — 'отличный от меня / нас'.

10) **Одушевленные существительные типа *une personne*** ('человек'), ***des/les gens*** ('люди'), ***un être*** ('существо, человек') (восемь вхождений):

- (47) А то вдруг явятся знамения небесные, огненные столпы да шары; а там, над свежей могилой, вспыхнет огонек, или в лесу *кто-то* прогуливается, будто с фонарем, да страшно хохочет и сверкает глазами в темноте (И. А. Гончаров. Обломов (1848—1859)).

Tantôt des prodiges funestes, colonnes ou boules de feu, apparaissaient dans le ciel, tantôt un feu follet palpait au-dessus d'une tombe récente, ou encore *un être* muni d'une lanterne se promenait dans la forêt, riait aux éclats à faire frémir, les yeux étincelants dans les ténèbres (I. Gontcharov. Oblomov (Luba Jurgenson 1988)).

- (48) *Кто-то* же это делал... нашлись миллионы исполнителей... (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Il y avait bien *des gens* pour le faire! On les a bien trouvés, ces millions d'exécutants..." (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (49) Вы должны спросить, как это сочеталось: наше счастье и то, что за *кем-то* приходили ночью, кого-то забирали? (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Vous devez vous demander comment on pouvait concilier cela: ce bonheur, et le fait qu'on débarquait en pleine nuit pour arrêter *les gens* (S. Alexievitch. *La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement* (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (50) Раньше обязательно *кто-то* идет по улице с цветами (С. Алексиевич. *Время секунд хэнд* (Ч. 2) (2013)).

Avant, on voyait toujours *des gens* avec des fleurs dans la rue (S. Alexievitch. *La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement* (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

- (51) «Я люблю». Любого человека кто-то должен любить. Хотя бы *кто-то* один (С. Алексиевич. *Время секунд хэнд* (Ч. 2) (2013)).

“Je l'aime.” N'importe qui a besoin d'être aimé. Ne serait-ce que par *une personne* (S. Alexievitch. *La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement* (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

Des gens в качестве переводного соответствия реализуется, если *кто-то* соотносится с открытым множеством, чей дифференцирующий признак имеет нестабильный характер или недостаточно выражен, соответственно множество может включать в себя чрезвычайно большое количество участников. Когда это множество разрастается максимально (либо допускает такую возможность), неопределенный артикль заменяется определенным (ср. *arrêter les gens*). Французские соответствия *un être, une personne* не являются частотными (три вхождения) и вводятся при соотнесении *кто-то* с единичным референтом, лишенным четко выраженных половых признаков.

При переводе *кто-то* одушевленными существительными с собирательным значением, в отдельных случаях определяющим становится также контекст:

- (52) Уезжайте в Россию, если у вас там кто-то есть (С. Алексиевич. *Время секунд хэнд* (Ч. 1) (2013)).

Partez en Russie, si vous avez de la famille là-bas! (S. Alexievitch. *La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement* (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

Здесь *кто-то* реферирует к ограниченной общности (предположительно) родственников и потому позволяет ввести французское соответствие *de la famille* (кто-то из семьи).

11) отглагольные существительные (11 вхождений):

- (53) Река тоже присмирела; немного погода и в ней вдруг *кто-то* плеснул еще в последний раз, и она стала неподвижна (И. А. Гончаров. *Обломов* (1848—1859)).

Et celle-ci s'assagit à son tour: *un dernier clapotement*, et elle est immobile (I. Gontcharov. *Oblomov* (Arthur Adamov 1959)).

...et de la rivière endormie: peu après on y entend *un dernier clapotis*, puis elle s'immobilise (I. Gontcharov. *Oblomov* (Luba Jurgenson 1988)).

- (54) Кто-то исчезал, *кто-то* рыдал за дверью. Я этого почему-то не помню (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

Quelqu'un disparaissait, on entendait *des sanglots* derrière une porte. Je ne sais pas pourquoi, je ne me souviens pas de ça (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (55) В Москве шла настоящая война, каждый день *кого-то* взрывали, убивали (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 2) (2013)).

À Moscou, c'était carrément la guerre, il y avait tous les jours *des attentats, des assassinats* (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

- (56) В толпе, близ самого фонтана, завертелся и взбесился винт, и *кого-то* били, и *кто-то* выл, и народ раскидывало, и, главное, оратор пропал (М. А. Булгаков. Белая гвардия (1924)).

Un tourbillon furieux agita la foule près de la fontaine, mêlé *de coups et de hurlements*, et les gens s'éparpillèrent. Mais surtout, l'orateur avait disparu (Mikhail Boulgakov. La Garde Blanche (Claude Ligny 1970)).

Русский показатель неопределенности *кто-то* удаляется из перевода, не получая реализации в качестве полнозначной лексемы, а контактный русский глагол трансформируется во французское существительное с семантикой деятельности (*плескаться* — *clapotement, clapotis*; *бить* — *coups, выть* — *hurlements* и т. д.), при котором ставится неопределенный артикль или предлог *de*. Синтаксическая структура французского предложения сильно трансформируется по сравнению с русским. В отдельных случаях дополнительно вводятся глаголы восприятия (*entendre* — *слышать*), и иначе выстраивается коммуникативная рамка описываемой ситуации, эксплицируя позицию наблюдателя / слушателя.

- 12) *quelque chose* (неопределенное местоимение *что-то*, два вхождения):

- (57) Маргарита оглянулась и увидела, что ее догоняет какой-то сложный темный предмет. Настигая Маргариту, он все более обозначался, стало видно, что *кто-то* летит верхом. А наконец он совсем обозначился. Замедляя ход, Маргариту догнала Наташа (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 2) (1929—1940)).

Marguerite tourna la tête et vit un objet sombre, de forme compliquée, qui la rattrapait. À mesure qu'il gagnait du terrain, l'objet se dessinait avec plus de netteté, et bientôt Marguerite put voir que c'était *quelque chose* qui volait, chevauchant une monture. Enfin, l'objet ralentit sa course en arrivant à la hauteur de Marguerite, et celle-ci reconnut Natacha (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 2) (Claude Ligny 1968)).

- (58) Все, что связано с другими людьми: семья, дети — это компромисс... Как будто ее *кто-то* ведет... Что за сила? (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 2) (2013)).

Tout ce qui est en rapport avec les autres — le couple, la famille... C'est un compromis. On aurait dit qu'elle était poussée par *quelque chose*... C'était quoi, cette force? (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 2) (Sophie Benech 2013)).

Переводчик, заменяя *кто-то* на *quelque chose*, очевидно, усматривает в авторском повествовании свою логику и пытается более четко обозначить эти логические связи.

13) Окказиональные переводные варианты (единичные случаи):

- (59) Когда все затихло, гость вернулся и сообщил, что 120-я комната получила жильца. Привезли *кого-то*, который просит вернуть ему голову (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 1) (1929—1940)).

Quand le silence fut revenu, le visiteur rentra et annonça à Ivan que la chambre 120 était maintenant occupée. *Celui* qu'on y avait amené réclamait sans cesse qu'on lui rendît sa tête (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 1) (Claude Ligny 1968)).

- (60) Списали все на крушение империи... на обнищание... но мне рассказывали о самоубийствах вполне обеспеченных и заслуженных стариков. Без видимой причины. Одно у них было общее — все работники органов. У *кого-то* совесть заговорила, *кто-то* от страха, что семья узнает. Струхнули. Был у них момент паники. Не могли понять, что вокруг творится... и почему вакуум вокруг них образовался... (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 1) (2013)).

On a mis ça sur le compte de l'écroulement de l'empire, de la misère... Mais j'ai entendu parler de suicides de vieillards tout à fait aisés et parfaitement honorables. Sans raison apparente. Ils avaient un seul point commun: ils avaient tous travaillé pour les organes. Soit *leur* conscience s'était réveillée, soit *ils* avaient eu peur que leur famille l'apprenne. Ils ont eu la trouille. Ils ont paniqué. Ils n'arrivaient pas à comprendre ce qui se passait, pourquoi le vide se faisait autour d'eux... (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 1) (Sophie Benech 2013)).

- (61) Кто-то рыдает на лестнице... *Кого-то* обнять надо, с кем-то посидеть. Девочка из Перми плакала — мама далеко (С. Алексиевич. Время секунд хэнд (Ч. 2) (2013)).

Il y en avait qui sanglotaient dans l'escalier... Il fallait *les* serrer dans ses bras, rester avec *elles*. Une fille de Perm pleurait, sa maman était loin (S. Alexievitch. La fin de l'homme rouge ou le temps du désenchantement (P. 2) (Sophie Benech, 2013)).

Кто-то при переводе указанных контекстов удаляется, референтность обеспечивается грамматическими средствами французского языка: указательное местоимение м. р. ед. ч. *celui* ('тот, который'), притяжательное прилагательное *leur* ('их'), личное местоимение 3 л. мн. ч. *ils* (м. р., 'они'), *les* ('они' в косв. падеже), *elles* (ж. р., 'они'). Данные случаи объединяет то, что контекст эксплицирует референтную связь, которую обеспечивает местоимение *кто-то*: в одном случае оно отсылает к единичному субъекту мужского рода, в другом — к группе «заслуженных стариков», в третьем — к группе девочек — пациенток больницы.

- (62) *Кто-то* козлоногий подлетел и припал к руке, раскинул на траве шелк, осведомляясь о том, хорошо ли купалась королева, предложил лечь и отдохнуть (М. А. Булгаков. Мастер и Маргарита (Ч. 2) (1929—1940)).

Une sorte de faune à pieds de chèvre se précipita pour baiser la main de Marguerite, étendit sur l'herbe un tissu de soie, s'informa si le bain de la reine avait été agréable, et l'invita à s'étendre un moment pour se reposer (M. Boulgakov. Le Maître et Marguerite (P. 2) (Claude Ligny 1968)).

Согласно корпусным данным, *une sorte de* крайне редко употребляется с одушевленными существительными (есть единичные употребления с именами собственными — ср. *une sorte de Che Guevara libéral* (Frédéric Beigbeder. 99 francs. 1997—2000)). Видимо, перевод *кто-то* с помощью *une sorte de* обусловлен тем, что в русском тексте идет речь о неизвестном существе, которое не является частью реальной действительности, но обладает некоторыми антропоморфными признаками (например, способностью порождать осмысленную речь). *Une sorte de* позволяет обозначить приблизительную схожесть с определенным классом мифических козлоногих существ (*faune* — *фавн*).

14) Опущение *кто-то* при переводе.

Русский показатель неопределенности *кто-то* редко вообще удаляется при переводе. Большая часть таких случаев приходится на перевод «Обломова», выполненный Артюром Адамовым, где это связано скорее с отсутствием переводного отрезка как такового (текст перевода сокращен по сравнению с оригинальной версией произведения) (девять случаев).

Примечательно, что из 394 случаев перевода⁴ *кто-то* 156 (примерно 40%) приходится на соответствия, отличные от единственного закрепленного в русских двуязычных лексикографических изданиях прямого эквивалента *quelqu'un*. Это указывает на высокую лингвоспецифичность русского место-

⁴ Число вхождений местоимения *кто-то* не равняется числу случаев его перевода, поскольку в русско-французском подкорпусе НКРЯ русский текст может быть представлен несколькими французскими переводами.

имения неизвестности *кто-то*. Она обусловлена тем, что *кто-то* задает нестабильность точки фокализации⁵ и может соотноситься как с закрытым/открытым множеством, так и с единичным референтом, что исключается, например, в отношении его французского прямого переводного эквивалента *quelqu'un*. В этом смысле местоимение *кто-то* по своему семантическому объему сближается с французским неопределенно-личным местоимением *on* (о чем свидетельствует ряд проанализированных контекстов).

Выводы

Исследование русских показателей неопределенности по данным параллельного корпуса свидетельствует о том, что корпусные методы помогают существенно уточнить результаты семантического анализа, полученные в докорпусную эпоху. В частности, корпусно-ориентированный контрастивный анализ русских показателей неопределенности на фоне французского языка убедительно доказывает тезис о том, что это достоверный эмпирический метод выявления лингвоспецифичности той или иной языковой единицы (тезис неоднократно высказывался Д. О. Добровольским, Анной А. Зализняк и др.): чем больше разнообразие переводных соответствий, тем выше степень ее лингвоспецифичности. Контрастивный анализ данных параллельного корпуса открывает новые перспективы в изучении универсальных семантических категорий и позволяет развивать корпусную грамматику русского языка. Инвентаризация переводных текстовых «реакций» на русскую «стимульную единицу» оригинала дает возможность значительно уточнить семантический объем изучаемой языковой единицы.

Подобные исследования представляют несомненный интерес для двуязычной лексикографии, переводоведения, дидактики перевода и переводческой практики. Так, для перевода местоимения неизвестности *кто-то* выявлено 11 регулярных моделей, только одна из которых закреплена в современных двуязычных словарях (см., например, [Щерба и др. 2004]).

Л и т е р а т у р а

Алехина 1975 — М. И. А л е х и н а. Категория определенности — неопределенности предмета в современном русском языке. Автореферат дисс.... канд. филол. наук. М., 1975.

Арутюнова 1976 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Предложение и его смысл. Логико-семантические проблемы. М., 1976.

⁵ В отдельных случаях идентификация точки фокализации крайне затруднена, подробнее о фокализации см. [Женетт 1998; Ирисханова 2014; Нуриев и др. 2015; Падучева 2006].

Бабайцева 2004 — В. В. Б а б а й ц е в а. Система односоставных предложений в современном русском языке. М., 2004.

Бельский 1956 — А. В. Б е л ь с к и й. Интонация как средство детерминирования и предикции в русском литературном языке // Исследования по синтаксису русского литературного языка. М., 1956. С. 188—199.

Булыгина, Шмелев 1988 — Т. В. Б у л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. Несколько замечаний о словах типа *несколько* // Язык: система и функционирование. М., 1988. С. 44—54.

Гак 1975 — В. Г. Г а к. Русский язык в сопоставлении с французским. М., 1975.

Галло 2014 — Я. Г а л л о. Некоторые способы выражения категории неопределенности в русском и словацком языках // Когнитивно-прагматические векторы современного языкознания / И. Г. Паршина, Е. Г. Озерова (сост.). М., 2014. С. 41—46.

Гладров 1992 — В. А. Г л а д р о в. Семантика и выражение определенности / неопределенности // Теория функциональной грамматики. Субъектность. Объектность. Коммуникативная перспектива высказывания. Определенность / неопределенность. СПб., 1992. С. 232—266.

Грамматика-80 — Русская грамматика. Тт. I—II. / Под ред. Н. Ю. Шведовой. М., 1980.

Гуревич 1983 — В. В. Г у р е в и ч. О семантике неопределенности // Филологические науки. № 1. 1983. С. 54—60.

Добровольский и др. 2005 — Д. О. Д о б р о в о л ь с к и й, А. А. К р е т о в, С. А. Ш а р о в. Корпус параллельных текстов: архитектура и возможности использования // Национальный корпус русского языка: 2003—2005. М., 2005. С. 263—296.

Женетт 1998 — Ж. Ж е н е т т. Фигуры. Т. II. М., 1998.

Иванов 1979 — Вяч. Вс. И в а н о в. Категория определенности—неопределенности и шифтеры // Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979. С. 90—118.

Ирисханова 2014 — О. К. И р и с х а н о в а. Игры фокуса в языке. М., 2014.

Кацитадзе 2007 — И. М. К а ц и т а д з е. К вопросу об имплицитных и эксплицитных способах выражения категории определенности/неопределенности в русском языке // Гуманитарные и социальные науки. № 5. 2007. С. 59—62.

Князев 2007 — Ю. П. К н я з е в. Грамматическая семантика: Русский язык в типологической перспективе. М., 2007.

Ковтунова 1979 — И. И. К о в т у н о в а. Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979. С. 262—275.

Крылов 1984 — С. А. К р ы л о в. Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы // Семиотика и информатика. № 23. 1984. С. 124—154.

Кустова 2013 — Г. И. К у с т о в а. Синтаксис современного русского языка. Курс лекций. М., 2013.

Лещева 2010 — А. Н. Л е щ е в а. Природа текстовой категории «неопределенность» (на материале лирики И. Бродского). Автореферат дисс.... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2010.

Николаева 1979 — Т. М. Н и к о л а е в а (ред.). Категория определенности—неопределенности в славянских и балканских языках. М., 1979.

Николаева 1982 — Т. М. Н и к о л а е в а. Семантика акцентного выделения. М., 1982.

Нуриев и др. 2015 — В. А. Н у р и е в, О. А. П е т р у ш к и н а, Е. А. Р о г а н о в а, Е. С. С п и р и д о н о в а. Таксономия и описание показателей неопределен-

ности в русском языке на основе данных параллельного корпуса // *Studia Rossica Gedanensia*. № 2. 2015. С. 125—135.

Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотносительность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М., 1985.

Падучева 1996 — Е. В. Падучева. Неопределенность как семантическая доминанта русской языковой картины мира [Электронный ресурс] // *Problemi di morphosintassi delle lingue slave*. V. 5. Determinatezza e indeterminatazza nelle lingue slave. Padova, 1996. P. 163—186. URL: http://lexicograph.ruslang.ru/TextPdf/dominanta1_1996.pdf (дата обращения: 31.10.2016).

Падучева 2006 — Е. В. Падучева. Наблюдатель: типология и возможные трактовки [Электронный ресурс] // *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии*. Вып. 5 (12). М., 2006. С. 403—413. URL: http://www.dialog-21.ru/digests/dialog2006/materials/html/Paducheva.htm#_ftn1 (дата обращения: 31.10.2016).

Падучева 2015a — Е. В. Падучева. Местоимения отрицательной полярности [Электронный ресурс] // *rusgram.ru*: сайт. М., 2015. URL: http://rusgram.ru/Местоимения_отрицательной_полярности (дата обращения: 31.10.2016).

Падучева 2015b — Е. В. Падучева. Нереферентные местоимения на *-нибудь* [Электронный ресурс] // *rusgram.ru*: сайт. М., 2015. URL: http://rusgram.ru/Нереферентные_местоимения_на_-нибудь. (дата обращения: 31.10.2016).

Пешковский 2001 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. М., 2001.

Поспелов 1970 — Н. С. Поспелов. О синтаксическом выражении категории определенности / неопределенности в современном русском языке // *Исследования по современному русскому языку*. М., 1970. С. 182—189.

Селиверстова 1988 — О. Н. Селиверстова. Местоимения в языке и речи. М., 1988.

Сиротина 1965 — О. Б. Сиротина. Порядок слов в русском языке. Саратов, 1965.

Третьякова 2009 — О. Д. Третьякова. Неопределенные местоимения, лишенные маркера неопределенности, в типологической перспективе. Дисс.... канд. филол. наук. М., 2009.

Шведова 2005 — Н. Ю. Шведова. Русский язык: Избранные работы. М., 2005.

Шмелев 1983 — А. Д. Шмелев. О референции агентивных существительных // *Филологические науки*. № 4. 1983. С. 39—46.

Щерба и др. 2004 — Л. В. Щерба. Большой русско-французский словарь. М., 2004.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Birkenmaier 1979 — W. Birkenmaier. Artikelfunktionen in einer artikellosen Sprache. Studien zur nominalen Determination im Russischen. München, 1979.

Gladrow 1979 — W. Gladrow. Die Determination des Substantivs im Russischen und Deutschen. Leipzig, 1979.

Haspelmath 1997 — M. Haspelmath. Indefinite pronouns. Oxford Studies in Typology and Linguistic Theory. Oxford, 1997.

Lacková 2009 — M. Lacková. Vyjadrovanie kategórie determinácie v typologicky odlišných jazykoch. Žilina, 2009.

Lakoff 1974 — G. Lakoff. Syntactic Amalgams // *Papers from the 10th regional meeting of the Chicago Linguistic Society* / M. La Galy, R. Fox, A. Bruck (Eds.). Chicago, 1974. P. 321—344.

Pereltsvaig 2008 — A. Pereltsvaig. Russian *nibud'*-Series as Markers of Covariation // Proceedings of the 27th West Coast Conference on Formal Linguistics / N. Abner and J. Bishop (Eds.). Somerville, MA, 2008. P. 370—378.

Testelelets, Bylinina 2005 — Y. Testelelets, E. Bylinina. Sluicing-Based Indefinites in Russian // Formal Approaches to Slavic Linguistics 13: The South Carolina Meeting / S. Franks, F. Gladney, M. Tasseva-Kurkchieva (Eds.). Ann Arbor, MI, 2005. P. 355—364.

Резюме

В первой части статьи проводится инвентаризация русских языковых единиц, в семантику которых входит неопределенность. Во второй части представлены результаты изучения местоимения неизвестности *кто-то* в сопоставлении с его французскими переводными эквивалентами. Для сбора иллюстративного материала использовался параллельный русско-французский подкорпус, входящий в состав Национального корпуса русского языка (НКРЯ). В статье показывается перспективность применения параллельных корпусов для изучения семантических категорий.

Ключевые слова: категория неопределенности, параллельный корпус, корпусная лингвистика, лингвоспецифичные слова, русский, французский

Получено 17.11.2016

VITALY A. NURIEV

THE SPECIFIC INDEFINITE PRONOUN *KTO-TO* IN THE RUSSIAN-FRENCH PARALLEL CORPUS

The paper attempts to construct an inventory of Russian indefinites. It also shows how these items are seen through the lens of the French language and what advantages such an approach has. The case of the specific indefinite pronoun *kto-to* is here taken as an example. The study is parallel corpus-based, with all the data being collected from the Russian-French parallel corpus which is a part of the Russian National Corpus.

Keywords: indefiniteness, parallel corpus, corpus linguistics, language-specific words, Russian, French

Received on 17.11.2016

И. А. МЕЛЬЧУК

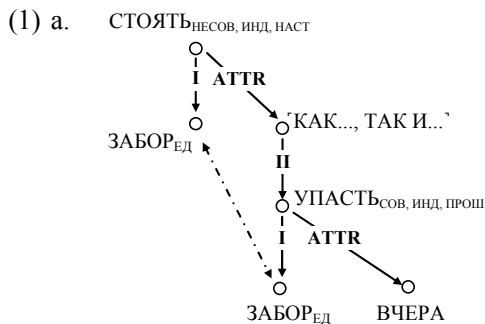
КАК..., ТАК И...: ЧТО ЭТО ЗА?*

Как забор вчера упал, так он до сих пор и стоит.

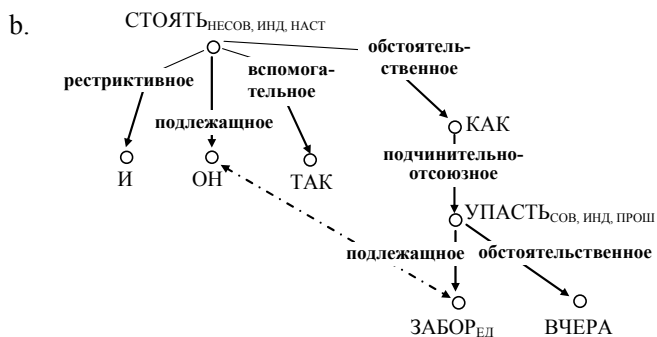
((Под)полковник Пуговкин, преподаватель
военной кафедры МГУ в 1954 году)

1. Постановка задачи; общая типология фразем

Настоящая статья посвящена выражению КАК..., ТАК И... — парному сложному подчинительному союзу, употребление которого проиллюстрировано в эпиграфе. (Общие соображения о структуре союзов приводятся в Экскурсе в конце статьи, с. 83.) Глубинно-синтаксическая структура приведенной фразы дана в (1a), а поверхностно-синтаксическая — в (1b):

* Как всегда, первая версия этой статьи была прочитана Л. Иорданской, замечания которой позволили мне существенно улучшить изложение. Последующие версии читали и критиковали В. Апресян, Ю. Апресян и И. Богуславский, а также анонимный рецензент РЯНО; спасибо им за конструктивные предложения, которые я учел в меру моих возможностей.

НВ: Рисую эти структуры, я вынужден забегать вперед, предвосхищая выводы, которые еще не сделаны; однако формально изображенные синтаксические структуры фразы с выражением КАК..., ТАК И... существенно облегчают, как мне кажется, понимание последующих рассуждений.

Мы видим здесь сложноподчиненное предложение, состоящее из главного *так он и стоит* и придаточного *как забор вчера упал*.

Задача данной статьи — определение формальной природы выражения КАК..., ТАК И... . Для начала принимается как постулат, что оно является фраземой. А что такое фразема?

Фразема

Фразема **АВ** — это **несвободное** словосочетание **АВ**, т. е. словосочетание, которое не может быть построено Говорящим из отдельных слов по общим правилам языка; иначе говоря, 1) компоненты **А** и **В** не могут быть свободно выбраны им независимо друг от друга (парадигматические ограничения) и/или 2) эти компоненты не могут быть соединены регулярным образом (синтагматические ограничения).

Статья отвечает на вопрос, к какому типу фразем принадлежит союз КАК..., ТАК И... и как его следует описывать в словаре. Я исхожу из следующей типологии фразем [Mel'čuk 2012 и 2015a], где тип фраземы определяется двумя независимыми параметрами:

- Уровень языка, на котором действуют фразеологические ограничения:
лексемные фраземы vs. семантико-лексемные фраземы

Более точно:

лексемные фраземы

{СемП_i} ⇔ {ГСинтП_j}
семантика

означаемое фраземы свободно выбирается Говорящим; ограничено только ее лексемное означающее — относительно данного семантического представления.

семантико-лексемные фраземы

{Концепт Π_k } \leftrightarrow {Сем Π_i } и означаемое, и лексемное означающее фраземы ограничены — относительно данного концептуального представления.

- Композиционность:
некомпозиционные фраземы vs. композиционные фраземы

Композиционность

Сложное выражение **AB** называется композиционным, если и только если оно может быть представлено как **A \oplus B**, т. е. его означаемое, означающее и синтактика могут быть получены посредством регулярного соединения означаемых, означающих и синтактик его компонентов **A** и **B** по правилам данного языка, т. е. в соответствии с операцией языкового объединения \oplus .

Эти два параметра — уровень действия фразеологических ограничений и композиционность — задают четыре основных класса фразем:

Параметры фраземы	Классы фразем			
	1 идиомы	2 коллокации	3 номинемы	4 клише
лексемная	+	+	—	—
некомпозиционная	+	—	+	—

- 1 — идиомы: *бить баклуши; порочный круг; шитый белыми нитками*
 2 — коллокации: *рассыпаться в извинениях; нанести удар; сокрушительный удар; пьян в доску*
 3 — номинемы: *Ясная Поляна; Лев Толстой; Большая Медведица*
 4 — клише: *Который час? | Лучшее поздно, чем никогда. | Осторожно, окрашено.*

А теперь я могу сформулировать вопрос, на который необходимо ответить, прежде чем приступить к задаче, поставленной в этой статье:

Выражение КАК..., ТАК И... не является словосочетанием — его компоненты синтаксически между собой не связаны, как видно из (1b). Однако фразема — это по определению «такое словосочетание, что...», а компоненты словосочетания синтаксически обязательно связаны.

Что же делать?

Ответ на этот вопрос оказывается банально простым: надо попросту рассматривать изучаемое выражение вместе с актантными переменными, т. е. записывать его так: КАК Y, ТАК И X. А выражение КАК Y, ТАК И X, взятое целиком, представляет собой словосочетание, так что ничто не мешает считать его фраземой.

NB: Переменные X, Y и Z представляют семантические актанты рассматриваемого выражения.

Поскольку выражение КАК Y, ТАК И X формально включает выражение ТАК И X, я должен начать с этого последнего и определить его статус — чтобы решить, включено ли оно в КАК Y, ТАК И X также и «содержательно», т. е. со своим смыслом.

2. Выражение ТАК И

2.1. Вводные замечания

Выражение ТАК И подробно описано в пионерской статье [Veugens 1986], где оно называется «агрегатом»; однако строгого определения этого понятия не дается. Тридцать лет назад полная типология фразем не существовала, и Ж. Веренку пришлось обойтись подручными средствами.

Уточним сначала, что рассматривается в настоящей статье, а затем — как именно рассматривается.

Что рассматривается

- (2) а. Она **так и** норовит написать об этом книгу.
 б. Он все **так и** сидел, не шелохнувшись.
 в. Он **так и** остался одиноким.
 д. **Так** она ему **и** помогла (будет помогать)!

Интересующее нас выражение ТАК И X, проиллюстрированное в (2), является фраземой и состоит из двух лексем:

- ударное наречие Т^АК, означающее ‘таким образом’ (*Я бы поступил так*). Его омограф (даже не омоним!) — безударная частица Т^АК — относится к другой вокабуле (*Так ты придешь?*);
- безударная частица И, означающая ‘≈ именно/как раз’ (*Я этого и хотел*). Ее омоним — сочинительный союз И — относится к другой вокабуле (*Я встал и умылся*).

Компоненты этой фраземы, т. е. ТАК и И, всегда могут линейно разделяться другими лексемами (3а), но ни один из них не может быть опущен (3б):

- (3) а. Снег **так и** валит. ~ Снег **так** целый день **и** валит.
 б. *Снег **так** валит. | *Снег **и** валит.

Тем самым, из нашего рассмотрения исключаются три следующих случая употребления последовательности ТАК И, в которых она не представляет фразему ТАК И X:

- ТАК И, которое включает в себя безударное Т^АК; при этом частица И может быть опущена, т. е. здесь нет единого выражения-фраземы:

- (4) — *Делай уроки!* — Т^Ак я их (и) сделал.

NB: Говоря о возможном опущении частицы И здесь и ниже, я не утверждаю, что полученное в результате выражение остается столь же естественным или даже приемлемым. Утверждается лишь, что полноценная фраза может быть построена и без И — путем изменения порядка слов или просодии. Разумеется, опущение И может повлечь за собой и изменение смысла (там, где И — полноценная лексема).

- ТАК И, в котором ТАК употреблено в своем собственном значении — ‘таким образом’; здесь частица И обычно тоже может быть опущена, т. е. и здесь нет фраземы:

(5) *Именно так он (и) работает. | Точно так они (и) поступят. | Как раз так он (и) обогатился. | Так наши дела (и) шли. | Так (и) живут у нас в городе. | Так (и) было. | Так (и) покати́л я во въюж-ный Магадан...*

- ТАК И, которое является формальным компонентом цельной идиомы:

(6) *‘Так X-у и надо!’¹ | ‘Так и быть.’¹ | ‘Так тому и быть.’¹ | ‘Так и есть.’¹ | ‘Так я и знал (-а).’¹ | ‘X так и сел (-а, -и).’¹*

NB: В полускобки ¹ заключаются идиомы.

Как рассматривается

Предлагаемое описание значений выражений ‘ТАК И X’¹ и ‘КАК Y, ТАК И X’¹ достаточно приблизительно, поскольку меня интересует не столько их семантика, сколько их формальный статус; я довольствуюсь такими лексикографическими определениями, которые по крайней мере различают наши выражения.

Выражение ‘ТАК И X’¹ (включая актантную переменную) — словосочетание, а именно фразема¹. Оно имеет три разных значения, и в каждом из них является идиомой; другими словами, ‘ТАК И X’¹ представляет три омонимичных идиомы.

2.2. ‘ТАК И X_(V)’¹ ‘буквально интензивно X_(V)’

(7) а. *Снег так и валит. ~ *Снег так и идет.*

NB: Фраза *Снег так и идет* правильна, если она выражает другую идиому — ‘ТАК И X_(V)’² ‘продолжать X_(V) так же (, как раньше)’, см. 2.3, (9а).

б. *Он, убийца, так в нее и лепит из шпалера и все, знаете ли, мимо* (М. Зоценко).

¹ Хотя ТАК и И синтаксически непосредственно не связаны в пределах рассматриваемых выражений, между ними имеется осязаемая семантическая связь — своеобразная аттракция. Недаром из их слияния получилась безударная частица — ТАКИ ‘вопреки тому, что ожидалось’ (*Он таки пришел*).

- с. А бабы **так** вокруг него **и** попадали.
 d. **Так и** рвется душа из груди молодой.
 e. Долина Напа деньгами **так и** пахнет.
 f. Любимый **так и** обхаживает меня вниманием, а удача **так** ко мне **и** липнет.
 g. Вот ведь язва, **так** всех **и** подковыривает.
 h. ...**так и** прущая из него энергия; приказы, **так и** сыплющиеся со всех сторон.

Поскольку смысл ‘буквально’ \approx ‘прямо-таки’² не имеет общих компонентов со смыслами ‘так’ = ‘таким образом’ и ‘и’ = ‘ \approx именно/также’, данное выражение ТАК И семантически некомпозиционно и, следовательно, является идиомой. Словарная статья этой идиомы выглядит так:

ГТАК И X_(V) ¹, идиома, глубинное³ прилагательное наречие

Толкование

ГТак и X_(V) ¹: ‘буквально интенсивно X_(V)’ | X_(V) \neq ИНФ

Глагол X_(V), с которым сочетается ГТАК И ¹ должен одновременно удовлетворять трем следующим требованиям:

- X_(V) употреблен (в некотором смысле) фигурально, т. е. семантически он допускает сочетание с БУКВАЛЬНО ‘прямо-таки’. Тем самым, X_(V) не может быть ни связкой, ни модальным, ни фазовым глаголом.
- Смысл X_(V) допускает интенсификацию.
- X_(V) употребляется преимущественно в личной форме, но может быть и в форме причастия или деепричастия; инфинитив, однако, исключается.

Лексические функции

Syn_c : *буквально, прямо, прямо-таки*

ГТАК И ¹ является более богатым — т. е. более узким (= более ограниченным) — синонимом лексем БУКВАЛЬНО и ПРЯМО(-ТАКИ), так как содержит дополнительный компонент ‘интенсивно’.

- (8) а. *Город буквально (прямо(-таки)) был полон историей.* ~
 б. **Город так и был полон историей.* ~ *Город так и дышал историей.*

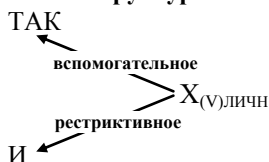
² **Буквально X:** ‘X на самом деле не является X-ом, но так похож на X, что можно сказать, что X’ [Левонтина 2014].

³ Различаются два семейства частей речи: глубинные и поверхностные [Mel’šuk 2013: 49ff]. Глубинные части речи — глагол, существительное, прилагательное, наречие и клаузитив (от англ. *clause* ‘предложение’; выражение, способное употребляться как предложение) — универсальны в том смысле, что их достаточно для описания глубинно-синтаксических структур любого языка; идиомы, каковые появляются только в глубинно-синтаксических структурах (и не существуют как идиомы на синтаксической поверхности), характеризуются только глубинной частью речи.

- c. *Все буквально (прямо(-таки)) висело на волоске.* ~
 d. **Все так и висело на волоске.*
 e. *Это заставило его буквально (прямо(-таки)) впитаться в экран.* ~
 f. **Это заставило его так и впитаться в экран.*

Фраза (8b) неправильна, так как БЫТЬ — связка, фраза 0d) — из-за того, что ‘висеть на волоске’ не допускает интенсификации, а фраза (8f) — поскольку «ТАК И»¹¹ не присоединяется к инфинитиву (*Он так и впится в экран*).

Поверхностно-синтаксическая структура

Напомним [Mel'čuk 2015b: 346—352], что словарная статья идиомы должна включать ее поверхностно-синтаксическую структуру: в глубинно-синтаксической структуре фразы идиома представлена одним узлом, который разворачивается в поверхностно-синтаксическое поддерево в соответствии со словарной статьей идиомы.

Наречие ТАК должно линейно предшествовать как своему хозяину — в данном случае $X_{(V)}$, так и частице И: **Снег и валит так.* | **Снег и так валит.* Выполнение первого требования обеспечивается синтаксическим признаком «anterpos» у данной лексемы наречия ТАК, а второго — используемыми поверхностно-синтаксическими отношениями: зависимый элемент рестриктивного отношения — т. е. рестриктивная частица, в нашем случае И — должен непосредственно примыкать к своему хозяину: *Снег так с утра и валит.* ~ **Снег так и с утра валит.* (Две соподчиненные рестриктивные частицы могут следовать непосредственно друг за другом: *так и не пришел*; их взаимный порядок определяется указаниями в их синтактиках: $NE_{(anterpos -1)}$, $I_{(anterpos -2)}$.) Сказанное верно и для всех других идиом «ТАК И $X_{(V)}$ »¹.

2.3. «ТАК И $X_{(V)}$ »¹² ‘продолжать $X_{(V)}$ так же (, как и раньше)’

- (9) a. *Снег так с утра и идет уже третий час.*
 b. *Так он там и жил один.*
 c. *Ты сюда приехал, чтобы так здесь и жить одному?*
 d. *А бабы так по-прежнему его и обожают.*
 e. *Он все так и присматривает за городом (о памятнике меценату города Иваново).*
 f. *Он так и цедил бы себе пиво где-нибудь в Мюнхене.*

«ТАК И $X_{(V)}$ »¹², идиома, глубинное приглагольное наречие

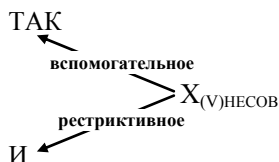
Толкование

«*Так и $X_{(V)}$ »*¹²: ‘продолжать $X_{(V)}$ так же (, как раньше)’

Лексические функции

Syn_n : по-прежнему; как и раньше

Поверхностно-синтаксическая структура

В отличие от \ulcorner ТАК И $X_{(V)}^{11}$, идиома \ulcorner ТАК И $X_{(V)}^{12}$ легко сочетается с неличными формами глагола, в том числе с инфинитивом: *чтобы так по-прежнему и жить одному*; *так до сих пор и живущие на ферме*.

2.4. \ulcorner ТАК И $X_{(V)}^{13}$ 'вопреки тому, что ожидается не- $X_{(V)}$, $X_{(V)}$ '

- (10) а. Он **так**, несмотря на болезнь, **и** поселился там один.
 б. **Так** он **и** не приехал, хотя собирался. ~ **Так** он **и** не приезжал ни разу, хотя собирался.
 в. Если нам **так** тут одним **и** жить, придется экономить.
 г. Но их союз **так и** остался фиктивным.
 д. Он **так и** не занимается спортом.
 е. Он **так и** не побывал в Иране.
 г. Я **так и** не читал Шопенгауэра.

\ulcorner ТАК И $X_{(V)}^{13}$, идиома, глубинное приглагольное наречие

Толкование

\ulcorner Так и $X_{(V)}^{13}$: 'вопреки тому, что ожидается не- $X_{(V)}$, $X_{(V)}$ '

Лексические функции

Syn_n : никогда, ни разу | НЕ←рестриктивное— $X_{(V)}$; -таки; все же; в конце концов

NB: О неточных синонимах идиомы \ulcorner ТАК И $X_{(V)}^{13}$ см. [Левонтина 2003].

Поверхностно-синтаксическая структура

Идиома \ulcorner ТАК И $X_{(V)}^{13}$ тоже — как и \ulcorner ТАК И $X_{(V)}^{12}$ — сочетается с неличными формами глагола, включая инфинитив (*Он может так и остаться без диплома.* | *Он прошел мимо так и не пошевелившегося Ивана*).

Если глагол $X_{(V)}$ — в несовершенном виде, то результирующая фраза может быть неоднозначной ($\lceil \text{ТАК И } X_{(V)} \rceil^2$ vs. $\lceil \text{ТАК И } X_{(V)} \rceil^3$):

- (11) а. *Он так и живет там один — уже третий год* [$\lceil \text{ТАК И } X_{(V)} \rceil^2$].
 б. *Он так и жил там один, хотя заранее в это никто поверить не мог* [$\lceil \text{ТАК И } X_{(V)} \rceil^3$].

2.5. $\lceil \text{ТАК } X \text{ } Y\text{-у И } Z_{(V)} \rceil^1$

‘Я полагаю, что Y напрасно думает, что X будет $Z_{(V)}$ ’

Помимо трех указанных выше идиом, выражение ТАК И выступает также и с другим набором актантных переменных: *Так он тебе и сказал!* В этом употреблении оно является фразовой идиомой:

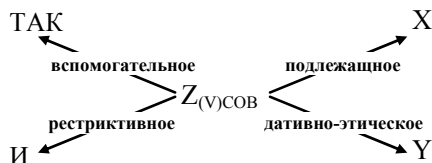
- (12) а. *Так он_X тебе_Y и возьмется_Z за это!*
 б. *Так я_X ему_Y и взялся_Z за это... Еще чего!*

$\lceil \text{ТАК } X \text{ } Y\text{-у И } Z_{(V)} \rceil^1$, идиома, клаузатив (= полная фраза)

Толкование

$\lceil \text{Так } X \text{ } Y\text{-у и } Z_{(V)} \rceil^1$: ‘Я полагаю, что Y напрасно думает, что X будет $Z_{(V)}$ ’

Поверхностно-синтаксическая структура

Глагол $Z_{(V)}$ в данной идиоме обязательно употребляется в совершенном виде, т. е. в прошедшем или будущем времени; однако, невзирая на время глагола $Z_{(V)}$, идиома по смыслу относится к будущему.

Линейный порядок

ТАК + X + Y-у + И + Z

Просодия

Специфическая ироническая просодия.

3. Выражения КАК..., ТАК И...

Целый ряд примеров с КАК..., ТАК И... я позаимствовал из статьи [Инькова 2016]; это, насколько мне известно, первая работа, посвященная специально данному выражению.

3.1. Выражения КАК..., ТАК И..., не являющиеся идиомами

Прежде всего, необходимо исключить из рассмотрения два типа выражений, имеющих внешнюю форму КАК..., ТАК И..., но не являющихся идиомами.

Указательное местоимение ~ союзное слово-коррелят

- (13) а. *Как корабль назовешь, так он (и) поплывет.* ≡
Так, как корабль назовешь, он (и) поплывет.
 б. *Как раньше было, так (и) теперь тоже будет.*
 в. *Как постелешь, так (и) постишь.*
 д. *Как год начался, так он (и) окончился: бурно.* ≡
Год окончился так, как (и) начался: бурно.
 е. *Как жил Глеб, так он (и) умер — бедняком.*
 ф. *Как привезли эти ящики заколоченными, так они до сих пор (и) стоят.*
 г. *Да ты как все повытаскивал, так все (и) бросил!*
 х. *Ну, я как был грязный, в джинсах из цеха, так прямо (и) пошел.*

Во фразах (13) выступает местоименное наречие ТАК — в своем собственном значении, т. е. ‘таким образом’ (частица И необязательна, хотя без нее фраза часто становится менее естественной); от ТАК синтаксически зависит придаточное с союзным словом КАК⁴:

- (13') *Как корабль назовешь, ← так он и поплывет.*

Эти фразы представляют общий случай указательного местоименного слова, подчиняющего придаточное — т. е. синтаксическую вершину придаточного — с союзным словом-коррелятом:

- (14) а. *Тот не знает наслажденья, кто картошки не едал.* ≡
Тот, кто картошки не едал, не знает наслажденья.
 б. *Где клен шумит над речной волной, там говорили мы о любви с тобой.* ≡
Там, где клен шумит над речной волной, говорили мы о любви с тобой.

В отличие от парных союзов, которые обязательно являются разрывными, компоненты данной конструкции могут, как видно из (14), находиться в линейном контакте.

Подобные выражения в настоящей статье рассматриваться не должны.

Союз КАК в значении ‘когда’

- (15) а. *Как поеду в город, (так (и)) куплю тебе портфель.* ≡
Куплю тебе портфель, как поеду в город.

⁴ Как заметил И. Богуславский, во фразах (13) союзное слово-коррелят КАК выражает несколько близких, но различных смыслов: ‘≈ каким образом’, ‘в каком виде’ (13f-g), ‘в какой степени’ (13h).

- b. *Он как придет, (так (и)) сидит до вечера.*
 c. *Как Маша услышала эту новость, (так (и)) рухнула без памяти.*

Здесь выражение КАК..., (ТАК (И))... — это парный сложный подчинительный союз; он включает в себя простой подчинительный союз КАК в значении ‘когда’ с необязательными компонентами ТАК и И (оба эти компонента или только И могут отсутствовать). Это союз того же формального типа, что и другие парные подчинительные союзы, как ЕСЛИ..., ТО... или РАЗ..., ТО... . Все эти союзы не идиомы, поскольку они композиционны. Тем не менее, они не являются и свободными выражениями: в частности, частица ТО, выступающая в паре с союзами ЕСЛИ или РАЗ, без них употреблена быть не может; частицы ТАК и И, сопровождающие союз КАК ‘когда’, невозможны в случае постпозиции придаточного (аналогично частице ТО при ЕСЛИ/РАЗ). По имеющейся классификации фразем, эти парные союзы являются нестандартными — особого типа — коллокациями. (Развить эту тему здесь, разумеется, невозможно; см., однако, замечания в 4.2.)

В отличие от придаточных, вводимых сложным союзом $\text{ГКАК } Y_{(V)}, \text{ ТАК (И) } X_{(V)}^{-1,2}$, которые обязательно предшествуют главному (см. подраздел 3.3 ниже), придаточное с КАК ‘когда’ может как предшествовать главному, так и следовать за ним (15a); в случае следования факультативная вторая часть парного союза опускается.

Подчеркнем: здесь утверждается, что единой идиомой не является **все** выражение КАК..., (ТАК(И))... целиком; выражение же ТАК И может быть идиомой ($\text{ГТАК И } X_{(V)}^{-1}$, подраздел 2.2) — разумеется, независимо от наличия КАК ‘когда’: *Услышала Маша эту новость и так сразу и рухнула.*

Теперь можно перейти к выражению $\text{ГКАК...}, \text{ ТАК И...}^{-1}$ в оставшихся употреблениях, которые естественно группируются в две лексические единицы-идиомы: это парный сложный сочинительный союз $\text{ГКАК } Y, \text{ ТАК И } X^{-1}$ со значением ‘и X и Y’ (*как спереди, так и сзади*) и парный сложный подчинительный союз $\text{ГКАК } Y_{(V)}, \text{ ТАК (И) } X_{(V)}^{-1,2}$, означающий ‘непосредственно в момент / с момента, когда’ (*Как я села за стол, так до утра и просидела*).

Поскольку значения обоих указанных выражений не имеют пересечений со значениями идиом $\text{ГТАК И } X_{(V)}^{-1}$, оба выражения $\text{ГКАК } Y, \text{ ТАК И } X^{-1}$ являются отдельными (омонимичными друг другу) идиомами.

3.2. $\text{ГКАК } X, \text{ ТАК И } Y^{-1}$ ‘и X и Y’

- (16) a. *В одинаковой пропорции изменяется как цена, так, разумеется, и богатство <так и, разумеется, богатство>.*
 b. *Формирование дивизий происходило как к северу, так и к югу от Дуная.*
 c. *Мы принимали как французских, так и итальянских туристов.*
 d. *Он как читает, так и говорит по-французски.*
 e. *Там вы можете как виноградного сока выпить, так и черники поесть.*

- f. *Эти инструменты могут играть как громко, так и тихо.*
 g. *Он как пил, так и продолжает пить.*
 h. *Я такого как себе не позволял, так и не позволяю.*

「КАК Y, ТАК И X」¹, идиома, парный сложный сочинительный союз (см. [Санников 1989: 199—200; 2008: 302—303]); **книжный стиль**.

Толкование

「как Y, так и X」¹: ‘и Y и X’

В. Санниковым отмечена несочетаемость союза 「КАК Y, ТАК И X」¹ с выражениями малого количества: *Он принес немного* ⟨мало что⟩ — **как вино, так и фрукты*; таким же свойством обладает его точный синоним И Y, И X: *Он принес немного* ⟨мало что⟩ — **и вино, и фрукты*. Это объясняется тем, что в смысле данных союзов — так же, как в смысле ‘оба’ — имеется компонент ‘Y и X исчерпывают релевантное множество объектов’ (И. Богуславский, устно), который исключает сочетаемость со смыслом малого количества.

Лексические функции

Syn : и Y, и X
 Anti : ни Y, ни X

Поверхностно-синтаксическая структура

КАК ← вспомогательное — Y — однородное → ТАК — сочинительно-отсоюзное → X — рестриктивное → И

Синтаксические ограничения [Санников 1989: 200; 2008: 303]

Невозможно: X и Y — полные предложения (**Как план выполнен, так и клиент доволен*).

Нежелательно: X и Y — предикативные прилагательные/наречия (?*Он как умен, так и опытен*. | ?*Было как тепло, так и солнечно*).

3.3. 「КАК Y_(V), ТАК (И) X_(V)」¹²

‘непосредственно в момент / с момента, когда Y_(V), X_(V)’

- (17) a. *Как первый раз сходил в атаку, так я от веры (и) отпал.*
 b. *Как Иван за столом сидел, так он сразу (и) повалился.*
 c. *Как он родился в Армавире, так в нем (и) вырос и учился ловить мышей (М. Булгаков).*
 d. *Эта дама, разволновавшись, как подняла руку «за», так (и) не опустила ее, когда голосовали «против» (В. Войнович).*
 e. *Ребятишки как на полу возились, так потихоньку (и) заснули.*
 f. *Первый раз он как водку попробовал, так до сих пор (и) не просыхает.*

ГКАК $Y_{(V)}$, ТАК (И) $X_{(V)}$ ¹², идиома, парный сложный подчинительный союз;
разговорный стиль.

Толкование

Гкак $Y_{(V)}$, так (и) $X_{(V)}$ ¹²: ‘непосредственно в момент / с момента, когда $Y_{(V)}$, $X_{(V)}$ ’

Предложенное толкование означает, что между Y-ом и X-ом нет ощутимых переходных этапов.

Поверхностно-синтаксическая структура

В отличие от предыдущей идиомы — сочинительного союза ГКАК Y , ТАК И X ¹¹ ‘и Y и X ’, где частица И обязательна, в данной идиоме она может быть опущена, но при условии, что на поверхности между ТАК и личным глаголом имеются какие-либо лексемы:

- (17') а. ?? **Как** первый раз сходил я в атаку, **так** отпал от веры.
 б. ?? **Как** Иван за столом сидел, **так** повалился.

Линейный порядок

1. Наречие ТАК занимает начальную позицию в главном предложении.
2. Союз КАК не обязательно занимает начальную позицию в придаточном предложении, но стоит — может быть, и не непосредственно — перед личным глаголом этого придаточного: см. (17d—f).
3. Придаточное с КАК стоит перед главным.

4. Заключение

4.1. Практические результаты

Предложены полные словарные статьи для шести русских идиом:

- ГТАК И $X_{(V)}$ ¹¹ ‘буквально интенсивно $X_{(V)}$ ’
(горы, которые **так и** тянет покорить)
- ГТАК И $X_{(V)}$ ¹² ‘продолжать $X_{(V)}$ НЕСОВ так же (, как и раньше)’
(С тех пор она **так там и** работает.)
- ГТАК И $X_{(V)}$ ¹³ ‘вопреки тому, что ожидается не- $X_{(V)}$, $X_{(V)}$ ’
(Он **так и** не освоил таблицу умножения.)

- ↑ТАК X Y-у и Z_(v)! ↑ ‘Я полагаю, что Y напрасно думает, что X будет Z_(v)’
(*Так она ему и поехала в Россию!*)
- ↑КАК Y, ТАК И X¹¹ ‘и X, и Y’
(*удобный как для заказчика, так и для производителя*)
- ↑КАК Y_(v),
ТАК (И) X_(v) ↑¹² ‘непосредственно в момент / с момента, когда Y_(v), X_(v)’
(*Как этот блок стоял, так его сверху краном (и) подняли.*)

4.2. Теоретические результаты

Фраземы, включающие в свой состав актантные переменные

Выявлен структурно необычный тип фразем: фразема, которая является словосочетанием только при условии включения в нее, наряду с лексическими компонентами, актантных переменных. Другими словами, в такой фраземе составляющие ее лексемы синтаксически связаны только через посредство актантных переменных — лексические компоненты сами по себе связной синтаксической структуры не образуют. Типичными представителями подобных фразем (идиом и коллокаций) являются парные союзы:

если → Y, то ← X | не ← только ← Y, → но и ← X | как → Y, так и ← X

Такие союзы отнюдь не являются типологической редкостью; они встречаются во многих языках, например:

англ. if → Y, then ← X | either ← Y → or → X | the ← Y, the ← X

Помимо парных союзов, к таким «несвязным» фраземам относятся парные выражения вроде двойных французских отрицаний типа *ne ← X_(v) → pas* или французской идиомы для смысла ‘только’:

ne ← Y_(v) que ← X (*Il ne mange que de la viande* ‘Он ест только мясо’).

И, наконец, имеются «несвязные» идиомы, например:

при всем ← X-е ‘несмотря на X’ (*При всех его блестящих данных, он проиграл* [V. Apresjan 2013; 2014])

англ. *nothing → if not ← X* ‘в высшей степени X’ (*He is nothing if not generous* ‘Он в высшей степени щедр’)

фр. *en tout ← X* ‘будучи очень A₀(X)’ (*en toute amitié* ‘будучи добрым другом’: *Je te le dis en toute amitié* ‘Я тебе это говорю как добрый друг’).

Парные союзы типа ЕСЛИ... ТО... — коллокации особого типа

Ряд парных союзов — таких, как *если..., то...* или *раз..., так...* — являются «несвязными» коллокациями особого типа: их второй компонент

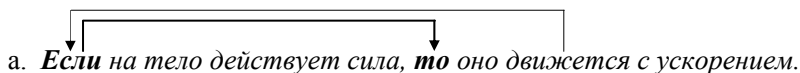
семантически пуст. Этим свойством данные выражения напоминают коллокации с лексической функцией $\text{E}_{\text{pit}}^{\text{restr}}$ [Mel'čuk 2015b: 207]: *хирургическая операция, зубная помада, политическая партия*, где прилагательное-коллокат избыточно, так как повторяет часть смысла существительного-базы, и может опускаться в контексте, исключающем неоднозначность.

Синтаксическая структура парных выражений

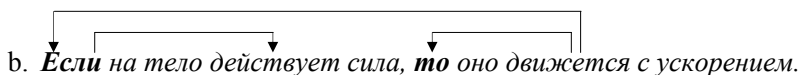
Второй компонент парного союза синтаксически зависит не от первого компонента (как считалось в течение долгого времени), а от вершины главного предложения:

(18) *Если на тело действует сила, то оно движется с ускорением.*

Традиционная (= ошибочная) синтаксическая структура (ложная связь выделена полужирным шрифтом)

Предлагаемая (= исправленная) синтаксическая структура

Предполагаемое поверхностно-синтаксическое отношение в (18a)⁵ не удовлетворяет Критерию А наличия синтаксической зависимости [Mel'čuk 2015b: 412—417]:

Лексемы L_1 и L_2 могут быть связаны прямой синтаксической зависимостью, если и только если одновременно выполняются Условия 1 и 2:

Условие 1

(a) Общий случай

Либо L_1 и L_2 могут образовывать словосочетание (англ. *phrase*) в данном языке: например, *сила действует, огромная сила, на тело, только один.*

(b) Частный случай

Либо L_1 и L_2 не могут образовывать словосочетание, но L_1 , L_2 и конфигурации лексем из множества $\{L_i\}$ могут образовывать словосочетания вида

$$L_1 \rightarrow L_2 \rightarrow \{L_i\} \quad \text{или} \quad L_1 \rightarrow \{L_{i-1}\} L_2 \rightarrow \{L_{i-2}\}^6.$$

⁵ Это ПСинТО раньше называлось 1-ым вспомогательным в [Мельчук 1974: 231 (№ 31)], соотносительным в [Июмдин 2010] и *binagulative* в [Mel'čuk 2014: 22, No. 50 и 2015b: 452, No. 54].

⁶ Случай (b) Условия 1 ориентирован на так называемые структурные, или служебные, слова разного рода — в частности предлоги и союзы (L_2 в нашей формулировке).

Условие 2

Линейная позиция одной из лексем L_1 и L_2 определяется другой лексемой.

Например:

**Действует* $_{L_1}$ *на* $_{L_2}$ — не словосочетание, но *действует* $_{L_1} \rightarrow$ *на* $_{L_2} \rightarrow$ *тело* $_{L_{i-2}}$ — словосочетание, где L_1 и L_2 — хозяева; позиция лексемы L_2 определяется относительно лексемы L_1 ; следовательно, синтаксическая связь в конфигурации *действует* $_{L_1} \rightarrow$ *на* $_{L_2}$ признается законной.

**Что* $_{(союз)L_2}$ *было* $_{L_1}$ — не словосочетание, но

Что $_{(союз)L_2}$ *Иван* $_{L_{i-2}}$ *уехал* $_{L_{i-2}}$, *было* $_{L_1} \rightarrow$ *ясно* $_{L_{i-1}}$

— словосочетание, где L_1 и L_2 — хозяева; позиция лексемы L_2 определяется относительно лексемы L_1 ; следовательно, синтаксическая связь в конфигурации *что* $_{(союз)L_2} \leftarrow$ *было* $_{L_1}$ признается законной.

Для парных союзов типа ЕСЛИ..., ТО... (и других аналогичных парных выражений) Условие 1 критерия А не выполняется: *если* и *то* не могут образовывать словосочетание указанного вида и, значит, между ними не может быть непосредственной синтаксической связи.

Предложенное изменение синтаксического описания касается всех «парных» выражений в различных языках; например:

- (19) англ. *You can have either coffee or wine*
 ‘Вы можете заказать либо кофе, либо вино’.

Традиционная синтаксическая структура

a. *You can have either coffee → or → wine.*

Предлагаемая синтаксическая структура

b. *You can have either ← coffee → or → wine.*

- (20) фр. *Je ne lisais que des polars*
 ‘Я читал только детективы’.

Традиционная синтаксическая структура

a. *Je ne lisais que des polars.*

Предлагаемая синтаксическая структура

b. *Je ne ← lisais que des polars.*

Экскурс: строение союзов

По формальному составу союзы делятся на 1) одиночные (однокомпонентные), 2) парные (двухкомпонентные) и 3) повторяющиеся (образованные повторением второго компонента); при этом союз может быть однолексемным, если оба его компонента однолексемны, или многолексемным, если хотя бы один его компонент состоит из более чем одной лексемы. В итоге получаются 6 возможных классов союзов (в таблице приводятся лишь некоторые примеры):

	союзы с однолексемными компонентами: простые	союзы с многолексемными компонентами: сложные
1. одиночные	И; ИЛИ; А; НО; ЧТОБЫ; ЕСЛИ; РАЗ; КОГДА; ХОТЯ	ТО ЕСТЬ; ТÁК КАК; ПОТОМУ ЧТО; КАК ТОЛЬКО
2. парные	ЕСЛИ..., (ТО)...; РАЗ..., (ТО)...; ХОТЯ (сильный), (НО) (больной); ЕДВА..., (КАК)...	КАК..., ТÁК И...; ХОТЯ (И)..., (НО)...; ЕСЛИ..., (ТÁК (И))...; КАК (приходит), (ТÁК (И)) (сразу (и) за книгу); НЕ СТОЛЬКО (слышимые), СКОЛЬКО (угадываемые)
3. повторяющиеся	И..., И..., И...; ТО..., ТО..., ТО...; ЛИБО..., ЛИБО..., ЛИБО...	ТО ЛИ..., ТО ЛИ..., ТО ЛИ... НЕ ТО..., НЕ ТО..., НЕ ТО...

Парные и повторяющиеся союзы являются разрывными.

Начальный компонент сочинительного парного союза сам по себе — не союз, а частица, зависящая от первого члена однородного словосочетания:

$$И \text{ чувствует путник } u_{\text{(частица)}} \leftarrow \text{силу} \rightarrow u_{\text{(союз)}} \rightarrow \text{радость (Пушкин)}.$$

В подчинительных парных союзах с первым компонентом ЕСЛИ, РАЗ или КАК ‘когда’ второй компонент ТÁК И факультативен: частица ТÁК может быть опущена вместе с И, тогда как И может быть опущена всегда, а появляется только вместе с ТÁК. Ср. (21):

- (21) а. *Если деньги есть, так (и) здоровье будет.* \equiv *Если деньги есть, здоровье будет.*
 б. *Как увидела меня, так вся (и) стала синяя.* \equiv *Как увидела меня — вся стала синяя (А. Галич).*

Тем самым, в (21) нет фраземы ‘ТАК И’, а есть две отдельные частицы ТÁК и И.

Смысл ‘если’ может быть выражен на поверхности не союзом ЕСЛИ, а одной из возможных синтаксических конструкций, которые используют в качестве показателя специальную просодию. Иначе говоря, условное придаточное не вводится подчинительным союзом, а маркируется особой интонацией. Для таких условных придаточных верно все сказанное выше о частицах ТÁК и И:

- (22) а. *Деньги есть — так и здоровье будет.* \equiv *Деньги есть — здоровье будет.*
 б. *Не сиди сложа руки, так не будет и скуки.* \equiv *Не сиди сложа руки — не будет скуки.*

Л и т е р а т у р а

Инькова 2016 — О. Ю. Инькова. Русские предложения типа *Как сидел на кушетке, так и покатился со смеху*: семантические и синтаксические свойства // Русский язык в научном освещении. № 1 (31). 2016. С. 63—85.

Иомдин 2010 — Л. Л. Иомдин. Синтаксические отношения // Ю. Д. Апресян, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса: взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010. С. 21—43.

Левонтина 2003 — И. Б. Левонтина. *Никогда, ни разу, так и не* // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. Вып. 3 / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2003. С. 218—223.

Левонтина 2014 — И. Б. Левонтина. *Буквально* // Активный словарь русского языка. Том 1 / Под ред. Ю. Д. Апресяна. М., 2014. С. 376.

Мельчук 1974 — И. А. Мельчук. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл \Leftrightarrow Текст». Семантика, синтаксис. М., 1974.

Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции. М., 1989.

Санников 2008 — В. З. Санников. Русский синтаксис в семантико-прагматическом пространстве. М., 2008.

Apresjan 2013 — V. Apresjan. *Pri vsem X-e*: a Corpus Study of a Russian Syntactic Idiom with Concessive Meaning // Proceedings of the 6th International Conference on Meaning-Text Theory / Eds. V. Apresjan, B. Iomdin & E. Ageeva. Prague, August 30—31, 2013. P. 1—10.

Apresjan 2014 — V. Apresjan. Syntactic Idioms across Languages: Corpus Evidence from Russian and English // Russian Linguistics. 38. 2. 2014. P. 187—203.

Mel'čuk 2012 — I. Mel'čuk. Phraseology in the Language, in the Dictionary, and in the Computer // Yearbook of Phraseology. 3. 2012. P. 31—56.

Mel'čuk 2013 — I. Mel'čuk. Semantics: From Meaning to Text. Vol. 2. Amsterdam/Philadelphia. 2013.

Mel'čuk 2014 — I. Mel'čuk. Dependency in Language // Dependency Linguistics. Recent Advances in Linguistic Theory Using Dependency Structures / Eds. K. Gerdes, E. Hajičová, & L. Wanner. Amsterdam/Philadelphia, 2014. P. 1—33.

Mel'čuk 2015a — I. Mel'čuk. Clichés, an Understudied Subclass of Phrasemes // Yearbook of Phraseology. 6. 2015. P. 55—86.

Mel'čuk 2015b — I. Mel'čuk. Semantics: From Meaning to Text. Vol. 3. Amsterdam / Philadelphia, 2015.

Veyrenc 1986 — J. Veyrenc. L'aggrégat *tak i* en russe contemporain // Les particules énonciatives en russe contemporain Paris, 1986. P. 13—51.

Резюме

Рассматривается русский парный подчинительный союз 'КАК..., ТАК И...'. Он представляет собой разрывную идиому — его компоненты синтаксически непосредственно не связаны друг с другом, так что его необходимо описывать вместе с актантными переменными, обеспечивающими связность выражения:

 КАК → Y, ТАК И ← X (*Как объявил он ей это, так она и рухнула.*)

Предлагается типология союзов и характеризуются особенности парных союзов; даются полные словарные описания шести русских идиом: 'ТАК И X_(V)'^{1/2/3} (*Снег так и валит.* / *Снег так с утра и идет.* / *Снег, однако, так и не перестал.*), 'ТАК X Y-у И Z_(V)!' (*Так я ему и поехал в Тьмутаракань!*), 'КАК Y, ТАК И X'¹ (сочинительный союз: *как дома, так и в школе*) и 'КАК Y, ТАК И X'² (подчинительный союз: *Как она вошла, так он и застыл...*). Рассматривается фразеологическая природа парных союзов: одни из них являются идиомами, другие — коллокациями особого типа.

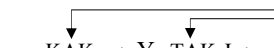
Ключевые слова: русский язык, синтаксические союзы, русские парные союзы, разрывные идиомы, синтаксические зависимости

Получено 22.11.2016

IGOR A. MEL'ČUK

RUSSIAN КАК..., ТАК И... '≈ IMMEDIATELY AFTER THE MOMENT THAT..., THEN...': WHAT KIND OF STUFF IS IT?

The subject of the paper is the Russian binary subordinate conjunction 'kak..., tak i...' '≈ immediately after the moment that..., then...' The expression 'КАК..., ТАК И...' is a discontinuous idiom: its components are not linked to one another syntactically, and it has to be described together with its actantial variables, which ensure the connectedness, i.e. phrasal character, of the expression:

 КАК → Y, ТАК И ← X (*Как об"jавил он ей èто, так она и рухнула ≈ 'When he declared this to her, she fell unconscious'.*)

A typology of syntactic conjunctions is proposed and the particularities of binary conjunctions are characterized; full lexicographic descriptions of six Russian idioms are presented: 'ТАК И X_(V)'^{1/2/3} (*Sneg tak i valit* 'The snow is literally crashing down'. / *Sneg tak s utra i idet* 'The snow has kept falling since morning'. / *Sneg, odnako, tak i ne perestal* 'The snow, however, did not stop'.), 'ТАК X Y-у И Z_(V)!' (*Tak ja emu i poexal v T'mutarakan'*! 'He is wrong to think that I will go to Tmutarakan!'), 'КАК Y, ТАК И X'¹ (a coordinate conjunction: *kak doma, tak i v škole* 'both at home and at school') and 'КАК Y, ТАК И X'² (a subordinate conjunction: *Kak ona vošla, tak on i zastyl...* 'When she entered, he froze...'). The phraseological nature of Russian binary conjunctions is analyzed: some of these are idioms, while the others are collocations of a special type.

Keywords: Russian, syntactic conjunctions, Russian binary conjunctions, discontinuous idioms, syntactic dependencies

Received on 22.11.2016

В. Ю. АПРЕСЯН

**РУССКИЕ ПОСЕССИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
С НУЛЕВЫМ И ВЫРАЖЕННЫМ ГЛАГОЛОМ:
ПРАВИЛА И ОШИБКИ***

1. Введение

В статье анализируются различия между русской посессивной конструкцией с глаголом *быть* в нулевой форме (*У Васи голубые глаза*) и со словоформой *есть* (*У Васи есть домик в Болгарии*).

Этим псевдосинонимичным конструкциям посвящена огромная лингвистическая литература. Упомянем в первую очередь работу [Селиверстова 1973], где подробно разбираются семантические отличия посессивной конструкции в реализации с нулевым глаголом от ее реализации со словоформой *есть*; работу [Chvany 1975], где формулируются коммуникативные и истинностные ограничения на предложения с нулевым глаголом и *есть*; работы [Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983], где посессивная конструкция рассматривается в более широком контексте бытийных предложений; работы [Апресян 1995; 2014], где формулируются сочетаемостные лексические классы, характерные для каждой из реализаций конструкции, а также расширяется их семантическое описание; работу [Янко 2001], где предлагается семантическая классификация предложений с разными реализациями посессивной конструкции; работу [Мелиг 2004], где русская конструкция сравнивается с соответствующей немецкой кон-

* Статья подготовлена в ходе проведения исследования «Мультиязыковая база данных синонимов: теоретические и компьютерные модели» (№ 16-05-0054) в рамках Программы «Научный фонд Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ)» в 2016 г. и с использованием средств субсидии на государственную поддержку ведущих университетов Российской Федерации в целях повышения их конкурентоспособности среди ведущих мировых научно-образовательных центров, выделенной НИУ ВШЭ. Автор выражает благодарность анонимным рецензентам за ценные замечания.

струкцией с глаголом *haben*, работу [Korotev 2007], где русские синтаксические нули сравниваются с финскими.

Кроме того, русская посессивная конструкция с нулевым и выраженным глаголом упоминается с разной степенью подробности в работах [Тестелец 2008; Падучева 2013; Летучий 2016; Korotev 2015], в них русский нулевой глагол *быть* анализируется в типологическом и сравнительно-историческом аспекте, и некоторых других.

Однако представляется, что у этой проблемы остаются некоторые недостаточно изученные аспекты, и многие семантические, прагматические и коммуникативные особенности псевдосинонимичных посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом можно уточнить. Кроме того, в данной работе эти конструкции рассматриваются под дополнительным углом зрения, а именно — в контексте ошибок, которые допускают в их употреблении студенты, изучающие русский язык в качестве иностранного, а также эритажные носители русского языка¹.

В работе анализируются данные подкорпуса академического письма Русского учебного корпуса (Russian Learner Corpus <http://web-corpora.net/RussianLearnerCorpus/search/>), где представлены тексты продвинутых англоязычных студентов, изучающих русский язык (уровни Upper Intermediate и Advanced), а также некоторое количество текстов эритажных носителей русского языка. Всего рассматривается 246 примеров употребления посессивной конструкции с нулевым и выраженным глаголом — 133 примера на конструкцию с *есть*, 113 примеров на конструкцию с нулем, по состоянию ресурса на 22 декабря 2016 г.

Запрос был сформулирован как «*y + gen (noun, pronoun) + есть*» с расстоянием один между словами для конструкции с выраженным глаголом и как «*y + gen (noun, pronoun) + nom (noun)*» с расстоянием до двух между генитивом и именительным для конструкции с нулевым глаголом. Изначальная выдача была проверена вручную, и были исключены повторы и ошибки.

Более подробные данные таковы: встретилось 133 примера на конструкцию с *есть*; из них 78 примеров у студентов, изучающий русский как иностранный, причем в 12 примерах встретилась ошибка, и 55 примеров у эритажников, из которых ошибка встретилась в одном.

На нулевую связку встретилось 113 примеров; из них 76 примеров у студентов, изучающих русский как иностранный, причем ошибки были в 28 примерах, и 37 примеров у эритажников, в которых ошибок не встретилось.

Цель исследования состоит в том, чтобы уточнить семантические и прагматические правила, регулирующие употребления обеих конструкций, а также установить корреляцию между характером этих правил, с одной стороны, и частотой и характером ошибок в их употреблении иностранцами и эритажниками, с другой.

¹ О языковых процессах в языке эмиграции см. [Гловинская 2000; 2001; 2004]; об эритажном русском языке см. [Выренкова, Полинская, Рахилина 2014].

Работа состоит из следующих частей:

- Правила употребления посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом.
- Ошибки в употреблении посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом.
- Анализ корреляций между типами правил и типами ошибок.

2. Правила употребления посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом

2.1. Семантические правила

Наиболее общие семантические правила употребления этих посессивных конструкций сформулированы в работах [Селиверстова 1973: 97; Апресян 1995: 522—524; Янко 2001: 310].

Согласно [Селиверстова 1973], посессивная конструкция *у X-а есть Y* сообщает о наличии, существовании объекта Y у человека X; ср.

(1) *У вас есть что-нибудь в кармане?*

С этим связано прагматическое ограничение на употребление определения в конструкции *с есть*; ср. контрастные примеры из цитированной работы²:

(2) **У вас есть хорошая дочь?*

(3) *У вас есть дети дошкольного возраста?*

Конструкция *у X-а Y*, согласно [Селиверстова 1973], в первую очередь передает информацию о том, как о й и м е н н о Y имеется у X-а:

(4) *У него хорошая жена.*

Похожим образом различия между конструкциями описываются в работе [Chvanu 1975], где формулируется ограничение на семантическую структуру фраз с нулем и *есть*: у первых идея обладания находится в пресуппозиции, у вторых — в ассерции.

В работе [Апресян 1995: 523] эти семантические правила уточняются для разных лексико-семантических классов объектов: «в сочетании с названиями инструментов и средств возможно противопоставление: первая конструкция чаще выражает значение актуального обладания, а вторая — значение обладания вообще; ср. *У него пластиковые лыжи (и поэтому он так быстро бежит)* — *У него есть пластиковые лыжи*»; ср. об этом противопоставлении также [Kopotev 2007].

В работе [Янко 2001: 310] противопоставление актуального и постоянного обладания описывается в терминах «явление» vs. «сущность».

² Необходимо отметить, что это касается не всех семантических классов объектов; так, совершенно нормальна фраза *У вас есть хорошие студенты?*

Вообще, интерпретация актуального обладания возможна и для конструкции с *есть*: *У тебя есть ложка?* ('дали ли тебе сейчас прибор для еды?'). Однако, как нам кажется, даже когда речь идет об актуальном обладании, противопоставление идеи обладания и идеи признака у этих конструкций сохраняется; ср. контрастные примеры *У меня с собой есть деньги* vs. *У меня с собой деньги*. Первую фразу естественно продолжить следующим образом: *У меня с собой ЕСТЬ деньги, можем купить все, что нужно*; вторую можно продолжить *У меня с собой деньги, не стоит идти дворами*. Странно было бы сказать *У меня с собой деньги, можем купить все, что нужно*, поскольку в этой фразе в фокусе скорее состояние говорящего, нежели его покупательная способность.

Однако если конструкция *у X-а есть Y* всегда выражает смысл наличия и обладания, что определяет и другие ее лингвистические особенности, то для конструкции *у X-а Y* функция характеристики имеющегося объекта является лишь частотной, но не единственной возможной. Ср. следующие примеры, где эта конструкция выражает смысл наличия:

- (5) *У меня к нему дело.*
 (6) *У него болезнь Альцгеймера.*

Таких примеров много, и некоторые семантические классы объектов требуют употребления конструкции с нулем (например, большинство болезней); при этом, даже с определением, эти фразы являются именно утверждениями о наличии, а не о признаке объекта, см. [Апресян 2014]:

- (7) *У нее обширный инфаркт* ≠ 'ее инфаркт — обширный'.

Таким образом, конструкция с нулем может иметь три интерпретации — характеризовать **признак** имеющегося объекта (*У него голубые глаза*), сообщать о **постоянном обладании** объектом (*У него дом в Ницце*) и сообщать об **актуальном обладании** объектом (*У меня одноразовый стаканчик*).

Разновидностью идеи обладания является идея наличия, в которую идея обладания преобразуется, когда речь идет не об объектах, а о состояниях, атрибутах и пр.: *У него насморк/жар*, *У нее болезнь Альцгеймера*, *У него полное отсутствие аппетита*, *У нее естественное желание выйти замуж*.

При употреблении с определением конструкция *у X-а есть Y* предполагает, что у X-а обязательно есть и другие представители класса Y, см. об этом [Селиверстова 1973: 97; Арутюнова 1976; Арутюнова, Ширяев 1983: 8; Падучева 2013: 120], что создает идею контраста и противопоставления; ср.:

- (8) *У него есть хорошие студенты* [есть и плохие].

Конструкция *у X-а Y* не предполагает, что у X-а есть и другие представители класса Y:

- (9) *У него хорошие студенты* [по умолчанию понимается, что все студенты хорошие];

Однако она не исключает этого полностью:

(10) *У него в целом хорошие студенты, но есть и плохие.*

Таким образом, можно сказать, что семантически конструкция со словоформой *есть* более маркирована, поскольку выражает всегда лишь один смысл (обладание — чаще постоянное, реже — актуальное), а конструкция с нулем — более нейтральна, поскольку может выражать разные смыслы (о маркированности конструкции с *есть* см. [Селиверстова 1973]).

2.2. Коммуникативные правила

В разных работах также отмечается, что глагол *есть* и вся идея наличия в конструкции с ним является новой и легко поддается контрастной (точнее, верификативной) рематизации [Селиверстова 1973: 97; Арутюнова 1976: 275—276; Апресян 1995: 234]; ср. контрастное акцентное выделение во фразе:

(11) *У меня ЕСТЬ эта книга.*

Помещение информации о наличии в тему сообщения крайне нехарактерно для конструкции с *есть*; ср. естественность (12) при странности (13):

(12) *У меня есть домик в Болгарии* (информация о наличии — часть ремы);

(13) [?]*У меня есть домик в БОЛГАРИИ* (информация о наличии в теме, характеристика объекта обладания в реме).

При верификативной рематизации и противопоставлении наличия отсутствию становятся возможны и некоторые фразы с *есть*, неуместные в нейтральном контексте:

(14) *У меня был и, наверное, еще ЕСТЬ грипп,*

при невозможности

(15) ^{*}*У меня есть ГРИПП.*

В коммуникативно нейтральных контекстах в сочетании с названиями болезней используется конструкция с нулевым глаголом:

(16) *У меня грипп.*

Коммуникативное выделение дает возможность употребить и другие средства выражения обладания: *Нередки обморочные состояния у злостных курильщиков, когда уже ИМЕЮТСЯ хронические заболевания лёгких* (Константин Уманский. Синкопальные состояния или, попросту говоря, обмороки // «Наука и жизнь», 2008).

Конструкция с нулем относительно идеи наличия коммуникативно не маркирована; информация о наличии объекта может быть как новой, так и старой:

- (17) *У него БОЛЬШАЯ квартира* (информация о наличии известна, новая информация — характеристика объекта обладания).
 (18) *У него ПРОБЛЕМЫ* (информация о наличии новая).

Таким образом, можно сказать, что с точки зрения актуального членения конструкция со словоформой *есть* также более маркирована.

2.3. Сочетаемостьные правила

Сочетаемостьные правила употребления обеих конструкций подробно описаны в работе [Апресян 2014]. Ниже приводятся данные из этой работы:

Таблица 1

Сочетаемость конструкций со словоформой *есть* и нулевым глаголом с разными семантическими типами объектов по работе [Апресян 2014]

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>	Конструкция с нулевой связкой
Неподвижный или необычный объект: <i>дом</i>	<i>У него есть дом на море</i>	<i>У него дом на море</i>
Личный утилитарный объект: <i>чашка, ложка</i>	<i>У него есть деревянная ложка</i> (постоянное обладание)	<i>У него деревянная ложка</i> (актуальное обладание)
Время как ресурс: <i>пять минут</i>	<i>У меня есть пять минут на это дело</i>	<i>У меня ровно пять минут на это дело</i>
Время как период: <i>детство</i>	* <i>У него есть счастливое детство</i>	<i>У него счастливое детство</i>
Ненормальное состояние: <i>лихорадка</i>	<i>У него ЕСТЬ лихорадка</i> (только с глаголом в качестве контрастной ремы)	<i>У него лихорадка</i>
Нормальное состояние: <i>мнение</i>	<i>У него есть свое мнение</i>	<i>У него другое мнение</i>
Части тела: <i>глаза, ноги</i>	* <i>У него есть голубые глаза</i>	<i>У него голубые глаза</i>

Как видно из этой таблицы, для конструкции со словоформой *есть* невозможно сочетание с названиями периодов времени и частей тела, а также ограничена сочетаемость с названиями ненормальных состояний. Относительно сочетаемости с классом личных утилитарных объектов отмечается, что в конструкции с *есть* речь идет о постоянном обладании, в то время как в конструкции с нулем описывается актуальное обладание:

- (19) *У него деревянная ложка, ему неудобно есть, дай ему обычную.*

Для конструкции с нулем запрещенных семантических классов нет (однако есть ограничение на употребление без определения), т. е. и в этом отношении она, в отличие от конструкции с выраженным глаголом, не является маркированной.

Представляется, что правила сочетаемости, описанные в работе в словарной статье глагола *быть* [Апресян 2014] можно несколько уточнить.

2.3.1. Неподвижные объекты (объекты недвижимой собственности)

Так, рассмотрим сочетаемость в семантическом классе неподвижных объектов. Без определения и вне контекста конструкция с нулевым глаголом в этом классе несколько затруднена:

(20) *У него есть дом.*

(21) [?]*У него дом.*

Фразы типа *У него есть дом* вполне самодостаточны сами по себе, однако могут дополнительно расшифровываться в контексте как утверждения об имущественном положении субъекта или о наличии у него некоторого объекта: *У него есть дом, он не так уж беден, У него есть дом — будет где остановиться.* Фразы типа *У него дом* сами по себе недостаточны и требуют контекста для своей интерпретации, причем обычно трактуются как утверждения о субъекте, объясняющие его действия или другие характеристики: *Он поехал в деревню, у него там дом; У него дом, он теперь все время занимается ремонтом.* Могут они употребляться и в контексте противопоставления наличия одного объекта наличию другого: *У нас дом, а не квартира* (в отличие от конструкции с *есть*, которая противопоставляет наличие отсутствию).

Однако с определением нулевая связка возможна и без дополнительного расширения контекста:

(22) *У него каменный дом.*

(23) *У него дом на море.*

Ср. также *У Жени загородный особняк* (Д. Донцова. Уха из золотой рыбки (2004)); *Но жили дружно, хотя и трудно. Зато теперь у нас настоящие хоромы* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают. Т. 1 (2014)).

С чем связано это ограничение? Основное семантическое правило употребления конструкции с нулем состоит в том, что она обычно вводит в качестве новой информации о свойствах имеющегося объекта. Следовательно, в предложении должно присутствовать указание на это свойство, которое естественно вводится определением; фраза (22) может быть интерпретирована как высказывание о свойствах дома:

(24) *У него каменный дом* \approx *Его дом каменный,*

Но фразу (24) более естественно интерпретировать другим образом, а именно как высказывание о наличии у него дома на море, а не о свойствах его дома:

(25) *У него дом на море* \neq *Его дом на море.*

Эта разница в интерпретации связана со следующим: во фразе (22) речь идет об обычном доме, о жилище человека, наличие которого предполагать естественно. Поэтому информация о наличии у человека какого-то жилища является известной и естественным образом входит в тему (хотя может и рематизироваться в конструкции с *есть*), а указание на тип дома (*каменный, деревянный*) — новая информация, входящая в рему.

Что касается *дома на море*, то это нетривиальный объект недвижимой собственности, наличие которого заранее не предполагается и поэтому вводится в качестве новой информации.

Таким образом, правило сочетаемости можно уточнить: конструкция с *есть* может употребляться как с определением, так и без, а конструкция с нулем — обычно с определением. Употребление без определения для конструкции с нулем свободно возможно в высказываниях, где присутствует объясняющий или противопоставительный контекст типа *У Васи жена, дети — он все время ищет подработку, У Васи жена, а не любовница* (см. также начало данного раздела).

Кроме того, можно уточнить тип объектов: это в целом нетривиальные объекты собственности, обладание которыми не является нормой (не обязательно объекты недвижимости), например, *дома, машины, яхты* и пр.

2.3.2. Утилитарные личные объекты

Для класса утилитарных личных объектов также релевантно противопоставление употребления с определением и без него: а именно, конструкция с нулем требует определения. Однако, поскольку сам класс объектов принципиально иной, узусные различия между конструкциями реализуются несколько иначе.

Конструкция с нулем при употреблении с классом утилитарных личных объектов, как отмечается в работах [Апресян 1995; 2014], часто интерпретируется как указание на актуальное обладание (см. также выше):

(26) *У него теплая куртка, ему жарко* (Он сейчас одет в теплую куртку).

Ср. также *У мужчины зелёный кафтан и серебряные серьги, на руках он держит восхищённого ребёнка* (Б. Л. Пастернак. Воздушные пути (1924)).

Для объектов недвижимости такая интерпретация прагматически менее вероятна, поскольку они по самой своей природе являются объектами постоянного обладания, хотя возможно сконструировать контексты с интерпретацией актуального обладания (например, аренды):

(27) *У него сейчас маленькая квартира, неудобно там праздновать день рождения.*

При этом для класса личных утилитарных объектов также важно противопоставление тривиальных и нетривиальных объектов. Так, нетривиальные объекты не требуют определения в конструкции с выраженным глаголом:

(28) *У нее есть украшения.*

Употребление обозначений тривиальных объектов без определения в конструкции с выраженным глаголом прагматически затруднено, поскольку странно специально фиксировать наличие такого объекта, который в норме имеется у всех:

(29) [?]*У нее есть ложка* (если только речь не идет об актуальном обладании).

Отличие от класса объектов недвижимости здесь состоит в том, что постоянное владение даже тривиальными объектами недвижимости (типа *квартиры*) в целом менее ординарно, чем владение тривиальным личным утилитарным объектом типа *зубной щетки* или *ложки*, поэтому фиксировать их наличие прагматически оправдано:

(30) *У него есть квартира.*

Таким образом, можно уточнить тип объектов: это тривиальные объекты собственности, обладание которыми является нормой, например, *одежда*, *обувь*, *зубная щетка*, *расческа*, *ручка* и пр.

2.3.3. Время как ресурс и другие ресурсы

В классе «время как ресурс» конструкция с нулем также требует уточняющего определения (количественного, целевого и пр.), в отличие от конструкции с *есть*, которая его не требует, но допускает:

(31) *У меня есть минута.*

(32) [?]*У меня минута.*

(33) *У меня ровно минута на этот разговор.*

(34) *У меня есть ровно минута на этот разговор.*

Ср. также *У меня только полчаса, потом свидание* (М. Трауб. Не вся la vie (2008)); *У нас есть минута?* (Ю. Буйда. Город палачей // «Знамя», 2003); *У мирян есть выходные, у монахов их нет* (Е. Вербенина, игумен Сергей (Рыбко). Пост в мегаполисе? (2012.11.27)).

Вообще, если в контексте времени употреблена конструкция с нулем, даже с количественным определением (*У меня пять минут*, *У меня два часа*), желательно наличие целевого обстоятельства, либо в том же высказывании, либо в предшествующих: *У меня пять минут на сборы*; *У меня два часа на то, чтобы закончить статью*; *Собирайся, у тебя всего пять минут*; *Прыгай, у тебя минута!* Конструкция со словоформой *есть* также может быть употреблена таким образом, однако она может вводить и чистое указание на наличие временного ресурса, который может быть употреблен любым образом: *У меня есть два часа, пойду погуляю по городу*; ср. странность [?]*У меня два часа, пойду погуляю по городу*; [?]*У меня пять минут, присяду отдохнуть*. При этом естественно сказать *У меня два часа на прогулку по городу*, *У меня пять минут на отдых*: цель здесь определена заранее.

Вообще, класс «время как ресурс» может быть расширен до более общего класса ресурсов, для которого в целом предпочтительно употребление в конструкции со словоформой *есть*, поскольку идея ресурса семантически и прагматически связана с идеей наличия, центральной для данной конструкции. Ср.:

- (35) *У меня есть деньги.*
 (36) *У меня есть время.*
 (37) *У нее есть возможность поехать за границу.*
 (38) *У граждан есть право избирать и быть избранным.*

В некоторых контекстах может быть употреблена и конструкция с нулем, особенно при наличии определения. При этом, если речь идет о материальных ресурсах, то реализуется интерпретация актуального обладания³:

- (39) *Платит он, у него все деньги* (актуальное обладание).

Ср. также — *У нас сегодня курица, пообедай с нами* (Ф. Искандер. Чик чит обычаи (1967)). Фраза *У нас есть курица* вне дополнительного контекста скорее бы воспринималась как утверждение о постоянном обладании домашней птицей, а не об актуальном обладании блюдом из нее. Безусловно, при расширении контекста конструкция с *есть* также может интерпретироваться как утверждение об актуальном обладании; ср. *Да не покупай сосиски, у нас же курица есть*; — *А у тебя обед есть?* — *Да, есть борщ, есть курица.*

С нематериальными ресурсами смены интерпретации обычно не происходит:

- (40) *У него большие возможности.*
 (41) *У граждан прав больше, чем у резидентов.*

Ср. также *Дело в том, что завод не в состоянии поставлять агрегаты для производства и старой «Нивы», и новой — у нас ограниченные мощности* (П. Меньших, В. Каданников. В Тольятти придут инвесторы... (2003) // «За рулем», 2003.05.15). Ср., впрочем, фразу *У меня много времени*, которая может указывать и на постоянное, и на актуальное обладание.

Среди ресурсов также есть как тривиальные (например, *право на жизнь*), так и нетривиальные (*неограниченные финансовые возможности*).

³ В работах [Апресян 1995; 2014] отмечается переход посессивной интерпретации в локативную при изменении порядка слов: *У него пять собак* vs. *Пять собак у него*. Такое изменение практически всегда дает смену интерпретации. Очевидно также, что при изменении интерпретации с посессивной на локативную меняется и денотативный статус именной группы, обозначающей объект обладания, с родового на конкретный и определенный.

2.3.4. Время как период и другие атрибуты

В работе [Апресян 2014] отмечается, что в сочетании с классом «время как период» конструкции с выраженным и нулевым глаголом ведут себя совершенно иначе, чем с классом «время как ресурс». Это связано с тем, что обозначения времени как периода жизни (*счастливое детство, веселая юность, спокойная старость*) принадлежат к совершенно иному общему семантическому классу — классу уникальных тривиальных атрибутов человека; ср. [Korotev 2007] о классе ‘inalienable possession’.

Это, на первый взгляд противоречивое, определение предполагает, что, с одной стороны, подобные атрибуты свойственны всем людям и с этой точки зрения они являются тривиальными. Подобно тому как *зубная щетка* или *ложка* — ожидаемый, тривиальный объект обладания, *детство, имя и фамилия, рост, возраст* — атрибуты, свойственные всем людям.

С другой стороны, эти атрибуты уникальны, т. е. у каждого человека такой атрибут может принимать не более одного значения: одно *детство*, один *рост*, один *возраст* (имя и фамилия устроены немного иначе, поскольку бывают двойные имена и фамилии, однако в целом для русской культуры это также уникальный атрибут).

Этими семантическими особенностями объясняется их сочетаемость. Фокусировать внимание на наличии тривиального атрибута странно, поэтому без определения эти атрибуты не употребляются ни с выраженным глаголом, ни тем более с нулем:

(42) [?]*У него есть фамилия.*

(43) **У него фамилия.*

Что касается употребления с определением, для конструкции с *есть* оно невозможно, поскольку эти атрибуты уникальны, а конструкция с *есть* при наличии определения предполагает множественность объектов (см. выше):

(44) **У него есть русская фамилия* [это предполагает, что есть и нерусская фамилия].

Таким образом, для этого подкласса атрибутов возможно только употребление в конструкции с нулем при наличии определения:

(45) *У него русская фамилия.*

Другой подкласс атрибутов составляют уникальные, но нетривиальные атрибуты, наличие которых у каждого человека не является очевидным и, соответственно, может служить новой информацией в высказывании, типа *семья*. Естественно, различие между тривиальными и нетривиальными атрибутами, как и между тривиальными и нетривиальными объектами обладания, носит прагматический и, следовательно, не абсолютный характер. Возможность употребления в посессивных конструкциях с определением и без него внутри этого подкласса сильно варьирует в зависимости от степени тривиальности и уникальности объектов.

Так, для атрибута типа *семья*, который не слишком нетривиален (у многих людей есть семья) и достаточно уникален (у большинства людей одна семья), сочетаемость устроена следующим образом: естественно употребление в конструкции с *есть* без определения и в конструкции с нулем при наличии определения:

- (46) *У него есть семья.*
 (47) **У него есть большая семья* [предполагает, что есть и другая — маленькая].
 (48) *У него большая семья.*
 (49) ?*У него семья.*

Если взять менее тривиальный и одновременно менее уникальный объект типа *любовница*, то условия употребления несколько сдвинутся, а именно, станет возможным употребление с *есть* и определением, а также употребление с нулем без определения:

- (50) *У него есть любовница.*
 (51) *У него есть любовница-француженка* [предполагается, что есть любовницы и с другой этнической принадлежностью].

Ср. также фразу *Элеонора осторожно наводила Маргариту на мысль, о том, что у Танкреда есть новая любовница* (Ф. К. Сологуб. Королева Ортруда (1909)), где *новая любовница* противопоставляется *старой* или *прежней любовнице*.

Фразы с нулем не содержат пресуппозиции существования других подобных объектов:

- (52) *У него любовница.*
 (53) *У него любовница-француженка.*

Интересно, что в классе нетривиальных и неуникальных атрибутов типа *друг* ограничения на употребление с *есть* несколько другие, а именно — они свободно употребляются с определением: *У меня есть хорошие друзья, У него есть могущественные враги*.

Что касается конструкции с нулем, то ее ограничения определяются степенью нетривиальности атрибута: чем он нетривиальнее, тем свободнее употребление с определением в значении обладания, чем он тривиальнее, тем вероятнее употребление с определением в интерпретации характеристики признака; ср. *У нее враги* (нетривиальный атрибут, обладание) vs. ??*У нее знакомые* (тривиальный атрибут). Ср. также *У нее интеллигентные знакомые* (характеристика признака) vs. *У нее враги? Откуда?* (Г. Полонский. Медовый месяц Золушки (1986) // «Театр», 1988) (обладание).

2.3.5. Части тела

Части тела, обычно выделяемые в отдельный сочетаемостный класс, на самом деле составляют подкласс уникальных тривиальных атрибутов, подобно *детству*, *фамилии* или *росту*. Поэтому они предполагают анало-

гичные ограничения на использование посессивных конструкций. Употребление конструкции с *есть* прагматически странно без определения, поскольку о наличии частей тела в качестве нового сообщать странно, более естественно сообщать об их отсутствии; ее употребление с определением невозможно, так как оно предполагает, что наряду, например, с голубыми, у человека есть какие-то еще глаза:

(54) ??*У него есть глаза.*

(55) **У него есть голубые глаза.*

Конструкция с нулем невозможна без определения, так как часть тела не является нетривиальным атрибутом и поэтому естественна с определением:

(56) **У него глаза.*

(57) *У него голубые глаза.*

2.3.6. Нормальные физические состояния

В сочетании с классом нормальных физических состояний конструкция с нулем требует определения (поскольку это тривиальный атрибут), а конструкция с *есть* его не допускает (поскольку это уникальный атрибут); ср.:

(58) *У него хороший аппетит.*

(59) *У него есть аппетит.*

Ср. также следующие фразы с нулем и невозможность употребления в них конструкции с *есть*: *Сколько же у детей энергии, а в изобретении шалостей они просто неутомимы* (Срочно требуется организатор досуга // «Лиза», 2005); *У вас мало энергии, мало любви к делу* (М. Горький. Жизнь ненужного человека (1908)).

2.3.7. Нормальные ментальные состояния

В сочетании с классом нормальных ментальных состояний конструкция с нулем также требует определения, а конструкция с *есть* его не допускает, по той же причине, что и для класса нормальных физических состояний; ср.:

(60) *У меня есть мнение.*

(61) **У меня мнение.*

(62) *У меня другое мнение.*

(63) ??*У меня есть другое мнение.*

Эти ограничения связаны с классом объекта. Наличие нормального ментального состояния естественно (как и наличие жилища), поэтому употребление конструкции с нулем невозможно, если только нет определения, которое формирует рему высказывания.

С другой стороны, поскольку конструкция с *есть* в контексте определения предполагает противопоставление наличия объекта с некоторым признаком наличию других подобных объектов с другими признаками, ее употребление затруднено.

Фраза типа ^{??}*У меня есть другое мнение* предполагает, что у человека, помимо *другого мнения*, имеется какое-то еще — а мнение по одному поводу у одного человека обычно бывает одно.

2.3.8. Ненормальные физические и ментальные состояния

Нетривиальные состояния, например, разного рода ненормальные физические и ментальные состояния (физические дефекты, болезни, желательные и нежелательные нестандартные ситуации, нетривиальные неотъемлемые атрибуты и пр.) допускают употребление конструкции с нулем без определения:

(64) *У нее прыщи.*

(65) *У него болезнь Альцгеймера.*

При употреблении без определения конструкция с нулем указывает на обладание, что прагматически оправдано — владение нетривиальным объектом с точки зрения прагматики в большей степени достойно упоминания, чем владение тривиальным объектом. При употреблении с определением конструкция с нулем может указывать на характеристику имеющегося состояния: *У нее большие прыщи; У него болезнь Альцгеймера в продвинутой стадии.*

2.3.9. Ситуации

Для класса ситуаций важно противопоставление желательности и нежелательности. И желательные, и нежелательные ситуации являются нетривиальными объектами, поэтому допускают употребление конструкции с нулем, как с определением, так и без: *У него (большая) радость; У нее (большое) горе.*

При этом желательные ситуации чаще интерпретируются как объекты **актуального обладания** (*У него радость/счастье*), а нежелательные ситуации могут интерпретироваться и как объекты **постоянного обладания**:

(66) *У меня радость — Плятта выпустили из больницы* (А. Щеглов. Фаина Раневская: вся жизнь (2003)) (актуальное обладание).

(67) *У меня сейчас проблемы со связками, и врачи запретили мне разговаривать* (Ю. Молибога. Махание кулаками до и после драки. Скандал недели (2002) // «Известия», 2002.06.21) (актуальное обладание).

(68) *Октябрина Михайловна говорит, что у детей проблемы с родителями оттого, что дети не успевают застать своих родителей в нормальном возрасте* (А. Геласимов. Нежный возраст (2001)) (постоянное обладание).

Ср. также естественное *У него всегда проблемы* vs. неестественное *У него всегда радость*. По-видимому, это связано с тем, что обозначения

положительно оцениваемых ситуаций в принципе указывают на меньшую временную длительность, чем обозначения отрицательных, что может быть связано с их общей когнитивной оценкой как менее устойчивых. Однако это лишь предположение, которое нуждается в существенно более тщательной проверке.

При этом нежелательные ситуации воспринимаются, по-видимому, как более нетривиальные объекты, и поэтому их употребление с выраженным глаголом возможно без контрастной рематизации, в то время как для желательных ситуаций употребление с *есть* естественно, если в предложении присутствует контрастная рема:

- (69) *Все-таки, видите, есть и у меня радости* (А. С. Демидова. Бегущая строка памяти (2000)).

2.4. Прагматические правила

Итак, правила сочетаемости, а также интерпретации для обеих конструкций можно уточнить и обобщить. Как видно из разбора интерпретаций конструкции с *есть* и с нулевой связкой при заполнении представителями разных семантических классов, роль играет не собственно таксономический класс, а скорее его прагматическое осмысление.

Важны различия между тривиальными и нетривиальными объектами с точки зрения обладания ими (например, обладание посудой, одеждой, книгой, друзьями, мнением тривиально, а обладание какими-л. дефектами, болезнями, любовницей, драгоценностями нетривиально), а также уникальными и неуникальными объектами (например, части тела, имя и фамилия, судьба, детство уникальны, а посуда, украшения, знакомые, враги неуникальны). Кроме того, имеет значение степень тривиальности (например, обладание квартирой менее тривиально, чем обладание обувью или зубной щеткой). Наконец, важно противопоставление материальных и нематериальных объектов (украшения vs. проблемы).

В таблице 2 предлагается обобщенное представление о прагматических классах объектов (ситуаций и других сущностей), названия которых могут сочетаться с рассматриваемыми конструкциями. Также представлены синтаксические условия реализации конструкций — наличие или отсутствие определения при обозначении объекта, и тип интерпретации — постоянное vs. актуальное обладание или характеристика признака.

Прагматические правила сочетаемости отчасти соотносятся с семантическими классами, т. е. объекты некоторых семантических классов естественно осмысляются как тривиальные объекты, объекты других классов — как нетривиальные и т. д. В Таблице 3 предлагается сочетаемостная классификация семантических типов объектов, которая ни в коей мере не является исчерпывающей, однако дает представление о том, как прагматические классы «накладываются» на семантические.

Таблица 2

Сочетаемость конструкций со словоформой *есть* и нулевым глаголом с разными прагматическими типами объектов

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>		Характеристика признака	Конструкция с нулевой связкой
	Постоянное обладание	Актуальное обладание		
Тривиальные объекты	С определением: <i>У него есть дорогой велосипед</i> <i>У него есть золотая ложка</i> <i>У него есть хорошие друзья</i>		С определением: <i>У него дорогой велосипед</i>	С определением: <i>У него золотая ложка</i>
	Без определения: <i>У него есть велосипед</i> <i>У него есть друзья</i>	<i>У него есть ложка</i>	Без определения * <i>У него ложка</i> * <i>У него друзья</i>	Без определения <i>У меня велосипед — я быстро доеду</i>
	С определением: <i>У нее есть золотые украшения</i> <i>У него есть большие проблемы</i>		С определением: <i>У него большие проблемы</i>	С определением: <i>У нее золотые украшения</i>
Нетривиальные объекты	Без определения: <i>У нее есть украшения</i> <i>У него есть проблемы</i>		Без определения: * <i>У нее украшения</i>	Без определения: <i>У него проблемы</i>
	С определением: * <i>У нее есть голубые глаза</i> Без определения: * <i>У нее глаза</i>		С определением: <i>У нее голубые глаза</i> Без определения: * <i>У нее глаза</i>	
	С определением: * <i>У него есть большая семья</i> Без определения: <i>У него есть семья</i>		С определением: <i>У него большая семья</i>	Без определения: <i>У него семья (ему нужны деньги)</i>

Таблица 3

Сочетаемость конструкций со словоформой *есть* и нулевым глаголом с разными прагматическими типами объектов

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>	Конструкция с нулевой связкой
Тривиальный объект недвижимости: <i>дом</i>	<i>У него есть квартира</i>	Только с определением: <i>У него большая квартира</i> (характеристика признака)
Нетривиальный объект недвижимости: <i>дворец</i>	<i>У него есть дом на море / дворец</i>	<i>У него дом на море / дворец</i> (постоянное обладание)
Тривиальный личный утилитарный объект: <i>чашка, ложка</i>	Чаще с определением: <i>У него есть золотая ложка</i> (постоянное обладание) <i>У него есть ложка</i> (актуальное обладание)	Только с определением: <i>У него золотая ложка</i> (актуальное обладание)
Нетривиальный личный утилитарный объект: <i>украшения</i>	<i>У нее есть украшения</i> <i>У нее есть золотые украшения</i> (постоянное обладание)	Только с определением: <i>У нее золотые украшения</i> (актуальное обладание)
Уникальный тривиальный атрибут	<i>У него есть фамилия</i> * <i>У него есть русская фамилия</i>	Только с определением: <i>У него русская фамилия</i> (характеристика признака)
Время как период жизни (уникальный тривиальный атрибут): <i>детство</i>	? <i>У него есть детство</i> * <i>У него есть счастливое детство</i>	Только с определением: <i>У него счастливое детство</i> (характеристика признака)
Уникальный нетривиальный атрибут	<i>У него есть семья/любовница</i> (постоянное обладание) * <i>У него есть большая семья</i>	Более естественно с определением: <i>У него большая семья</i> (характеристика признака или постоянное обладание) Иногда возможно без определения: <i>У него любовница</i> (постоянное обладание)

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>	Конструкция с нулевой связкой
Неуникальный нетривиальный атрибут	<i>У него есть друзья</i> <i>У него есть хорошие друзья</i> (постоянное обладание)	Только с определением: <i>У него хорошие друзья</i> (характеристика признака)
Уникальные тривиальные атрибуты (обязательные части тела): <i>глаза, ноги</i>	<i>У него есть глаза</i> <i>У него есть голубые глаза</i> * <i>У него есть голубые глаза</i>	Только с определением: <i>У него голубые глаза</i> (характеристика признака)
Уникальные нетривиальные атрибуты (необязательные части тела): <i>борода</i>	Только без определения: <i>У него есть борода</i> * <i>У него есть длинная борода</i> (постоянное обладание)	<i>У него борода</i> (постоянное обладание) <i>У него длинная борода</i> (характеристика признака или постоянное обладание)
Нетривиальные физические ресурсы	<i>У него есть (большие) деньги</i> <i>У меня есть (вкусные) бутерброды</i> (актуальное или постоянное обладание)	Только с определением: <i>У него все деньги</i> <i>У меня вкусные бутерброды</i> (актуальное обладание)
Нетривиальные нефизические ресурсы	<i>У него есть (все) возможности</i> <i>У граждан есть (разные) права</i> (постоянное обладание)	Только с определением: <i>У него большие возможности</i> <i>У всех граждан равные права</i> (характеристика признака или постоянное обладание)
Тривиальное физическое состояние	<i>У него есть аппетит</i> <i>У него есть энергия</i> (актуальное или постоянное обладание)	Только с определением: <i>У него хороший аппетит</i> <i>У него такая энергия!</i> (характеристика признака, постоянное или актуальное обладание)
Тривиальное ментальное состояние: <i>мнение</i>	<i>У него есть мнение</i> <i>У нас есть цель</i> (актуальное обладание)	Только с определением: <i>У него правильное мнение</i> <i>У него благородные цели</i> (характеристика признака, актуальное или постоянное обладание)

Тип объекта	Конструкция с <i>есть</i>	Конструкция с нулевой связкой
Нетривиальное физическое или ментальное состояние: <i>болезнь Альцгеймера</i>	Только с контрастной ремой: <i>У него ЕСТЬ болезнь Альцгеймера</i> (постоянное обладание)	<i>У него болезнь Альцгеймера</i> (постоянное обладание)
Нетривиальный физический дефект	<i>У нее есть прыщи</i> (постоянное обладание)	<i>У нее прыщи</i> (постоянное обладание)
Нетривиальная желательная ситуация: <i>счастье</i>	Только с контрастной ремой: <i>У него ЕСТЬ радости</i>	<i>У него радость</i> <i>У него большая радость</i> (актуальное обладание)
Нетривиальная нежелательная ситуация: <i>проблемы</i>	<i>У него есть проблемы</i> <i>У него есть большие проблемы</i> (постоянное обладание)	<i>У него проблемы</i> <i>У него большие проблемы</i> (актуальное или постоянное обладание)

Итак, можно обобщить описанные правила следующим образом: конструкция с *есть* возможна только тогда, когда речь идет об объектах, обладание которыми является в той или иной степени нетривиальным фактом — т. е. исключены неотъемлемые атрибуты человека типа частей тела или периодов жизни.

Конструкция с нулем имеет три возможных интерпретации и поэтому возможна со всеми классами объектов, однако с разными интерпретациями:

- С тривиальными атрибутами человека типа частей тела или периодов жизни она имеет интерпретацию **признака** объекта обладания и поэтому возможна только с определением.
- С утилитарными объектами, ресурсами, нормальными состояниями и ситуациями она имеет интерпретацию **актуального обладания**.
- С разного рода нетривиальными атрибутами и объектами она имеет интерпретацию **обладания**, часто постоянного, причем возможность ее употребления без определения коррелирует со степенью нетривиальности объекта — чем она выше, тем естественнее употребление без определения.

Интересно, что **отрицательно** оцениваемые и ненормальные сущности оказываются по этому критерию **более нетривиальными** объектами, чем нормальные или положительно оцениваемые. Ср. естественные сочетания *У него проблемы/неприятности/горе*; *У нее слабость*; *У него маразм*; *У него болезнь Альцгеймера* vs. менее естественные или странные *У него удача/счастье*, [?]*У нее бодрость*; [?]*У него энергия*; [?]*У него способность здраво рассуждать*; [?]*У него здоровье*. По-видимому, это объясняется тем, что отклонение от нормы в гораздо большей степени специфицировано в языке, чем соответствие ей. Поэтому определение (которого требует конструкция с нулевой связкой) в некотором смысле «заделано» в смысл обозначений отклоняющихся от нормы сущностей: лексические единицы типа *болезнь Альцгеймера*, *простуда*, *воспаление легких* имеют гораздо более узкое значение, чем *здоровье*. Аналогично устроены псевдоантонимичные пары *горе-счастье*, *слабость-бодрость*. Существительное *горе* допускает намного более конкретные употребления, чем *счастье*, например, применительно к отдельным событиям; ср.

(70) — *У него горе*. — *Какое у него горе?* (говорящий хочет узнать, какое конкретно событие характеризуется как *горе*)

(71) — *У него счастье*. — [?]*Какое у него счастье?*

Слабость, в отличие от *бодрости*, также обозначает конкретное физическое состояние, симптом каких-то ненормальных состояний организма; это слово уместно в медицинских описаниях: ср. *Несколько дней назад у пациента появились тошнота, слабость, головокружение*; *Недостаток гемоглобина в крови вызывает слабость*. Состояние *бодрости* намного менее определено; ср. странность ^{??}*Несколько дней назад у пациента наконец появилась бодрость*; [?]*Витамин С вызывает бодрость*.

Это различие в степени конкретности объясняет различия в употреблении конструкции с нулевой связкой с обозначениями нормальных и ненормальных сущностей. При этом необходимо отметить, что возможность интерпретировать обозначение положительно оцениваемого свойства как обозначение актуального состояния повышает возможность употребления в конструкции с нулем: ср. странность следующих сообщений о наличии свойств *У нее гордость*, *У него юмор*, при нормальности следующих примеров, указывающих на актуальные проявления свойств в конкретных ситуациях: — *Она со мной отказывается говорить*. — *Это у нее гордость*; *Прямо так и сказано — «цена фантастическая»*. *Это у них юмор такой* (С. Довлатов. Переводные картинки // «Иностранная литература», 1990).

Таким образом, чистых семантических и лексических запретов не так много; в основном, употребление обеих конструкций регулируется прагматическими правилами, поскольку оценка того, насколько объект является нетривиальным (*ложка vs. украшения*, *фамилия vs. семья*), уникальным и единственным (*семья vs. племянник*), ненормальным или нормальным (*насморк vs. аппетит*) зависит от конвенциональных импликатур, свойственных данному языку, и отчасти от собственных установок говорящего.

Кроме того, в большинстве случаев невозможность употребления снимается в каком-то контексте: для конструкции с нулем полные запреты вообще отсутствуют, введение определения, как правило, делает конструкцию возможной; для конструкции с выраженным глаголом полные запреты есть (употребление с названиями частей тела и других уникальных и неотъемлемых атрибутов), однако и она возможна для большинства семантических классов, причем, в отличие от конструкции с нулем, во многих случаях предпочитает употребление объекта без определения.

2.5. Обобщение: правила использования посессивной конструкции с выраженным и нулевым глаголом

2.5.1. Конструкция *у X-а есть Y*

Конструкция *у X-а есть Y* без определения при Y имеет значение **обладания** и подчеркивает факт обладания в противоположность его отсутствию; связка *есть* легко рематизируется.

Поэтому конструкция *у X-а есть Y* не используется или неестественна в контекстах, когда речь идет о таких объектах, которые **в норме есть у всех** — в первую очередь, о частях тела и обязательных атрибутах человека; ср. *У него есть глаза vs. У него есть борода*.

Конструкция *у X-а есть Y* с определением P при Y имеет значение обладания и подчеркивает факт наличия среди других типов Y-ов, которыми обладает X, Y-ов с признаком P, **в противоположность** другим Y-ам; связка *есть* и определение P легко рематизируются.

Поэтому конструкция *у X-а есть P Y* с определением не используется в контекстах, когда число объектов — один или другое малое число, или когда они не могут быть гетерогенными:

- (72) *У него есть семья*, но не **У него есть хорошая семья*.
 (73) *У него есть седые волосы*, но не **У него есть белокурые волосы*.
 (74) *У него есть зуб с кариесом*, но не **У него есть больной глаз*.
 (75) *У меня есть свободные минуты*, но не **У меня есть счастливая старость*.
 (76) *У него есть докторская степень*, но не ?? *У него есть фамилия*.

2.5.2. Конструкция у X-а Y

Конструкция *у X-а Y* обычно вводит идею обладания объектом в качестве известной, а **характеристику объекта** — в качестве новой. Это объясняет ее частое использование с определением: *У него большая квартира*, а также невозможность ее употребления в контекстах, где в фокусе внимания — факт обладания: **У него деньги на покупку дома*.

Использование без определения возможно, если речь идет о **нетривиальных объектах**; тогда подчеркивается **факт обладания**: *А у папы у ее дача в Павшине* (А. Галич); *У него инфаркт*; *У него бред*. Если объект тривиальный (например, нормальное ментальное состояние), то использование без определения странно: ??*У меня мнение*; ср. *У меня другое мнение*.

3. Ошибки в употреблении посессивных конструкций с нулевым и выраженным глаголом

Данные по употреблению и ошибкам в корпусе RULEC таковы: встретилось 133 примера на конструкцию *с есть*; из них 78 примеров у студентов, изучающий русский как иностранный, причем в 12 примерах есть ошибка, и 55 примеров у эритажников, из которых ошибка встретилась в одном.

На нулевую связку встретилось 113 примеров; из них 76 примеров у студентов, изучающий русский как иностранный, причем ошибки были в 28 примерах, и 37 примеров у эритажников, в которых ошибок не встретилось.

Таким образом, можно сказать, что для продвинутых эритажников конструкция практически не представляет трудности, и имеет смысл сравнивать данные у студентов, изучающий русский как иностранный. Количество примеров на конструкцию *с есть* и с нулевой связкой практически одинаковое (78 и 76% соответственно), при этом ошибок на употребление нулевой связки встретилось в два с половиной раза больше. Процент неправильных употреблений конструкции *с есть* составляет 15%, а у конструкции с нулем процент ошибок составляет 36%. Ниже предлагается анализ ошибок и их причин.

3.1. Ошибки вида «выраженный глагол вместо нулевой связки»

Во всех примерах из RULEC мы указываем в скобках статус «автора» ошибки — FL (foreign learner, студент, изучающий русский язык как ино-

странный) или HL (heritage learner, эритажный носитель языка). Ошибка выделяется подчеркиванием.

Три нижеследующих примера, которые воспринимаются как наиболее грубые ошибки, принадлежат информантам, изучающим русский язык как иностранный:

- (77) **Моя сестра Лорен и я звучат очень хорошо, когда мы поем вместе, потому что у нас есть похожие голоса* (FL).
- (78) **Я люблю посещать Сан-Антонио, там живёт моя семья. У меня есть малинки семья — это только я с родителями. Мать — не работает и мой отец бизнесмэн* (FL).
- (79) **Когда он приехал в Сан-Франциско, кто-то сказал ему: Никто не даст вам работу, если у вас есть такое имя и фамилия* (FL).

Конструкция со словоформой *есть* в данных фразах имплицитно, что у обладателя, помимо упомянутой разновидности объекта, есть еще и другая: кроме похожих голосов есть непохожие, кроме маленькой семьи, есть большая, кроме одних имени и фамилии, есть другие. В контексте тривиальных уникальных атрибутов человека (голос, имя, фамилия, семья), подобная импликация приводит к абсурдной интерпретации.

Можно при этом привести большое количество примеров, где нулевой глагол употреблен в аналогичных контекстах правильно, хотя присутствуют другие ошибки — в лексике, грамматике, орфографии. Это дает основания предположить, что правильное употребление нулевого глагола в посессивной конструкции с **названиями тривиальных уникальных атрибутов человека**, типа частей тела, имени и фамилии, семьи и пр., находится на достаточно базовом уровне языковой компетенции. Примеры ее правильного употребления сочетаются как у эритажников, так и у студентов РКИ с многочисленными ошибками в падежах, в согласовании, в лексике; ср.:

- (80) *У этого человек голубые глаза и темно-русские волосы* (HL).
- (81) *Он лысый поверху головы, но зато у него непослушные волосы серого цвета по сторонам* (FL).
- (82) *Мои близкие, слава богу, переговорились в первых месяцев после моего возвращения, но у меня большая семья* (FL).
- (83) *Суть был в том, что врача уволили с работы по причине чего, что у него еврейская фамилия* (FL).

Несколько чаще встречаются замены нулевого глагола на *есть* в контекстах, где уникальность и тривиальность объекта являются **прагматически естественными импликациями**, но не задаются самим лексическим классом объекта (в отличие от частей тела, имени, фамилии и пр.). Это часто происходит, когда объект принадлежит к классу ситуаций или ментальных состояний; ср. примеры ниже. В случаях замены нулевого глагола на словоформу *есть* в подобных контекстах создается впечатление не грубой ошибки, но сильной «шероховатости»; интересно, что среди авторов примеров появляется эритажный носитель:

Ситуация:

- (84) ^{??}Здесь, конечно, трудно не соглашаться, потому что «определенная ситуация» у каждого есть своя (FL).
 (85) ^{??}Он заступал за слабых и помогал тем, кто нуждался. У каждого есть своя жизнь (HL).
 (86) ^{??}Если ты сказал «мэр», то ты прав! Но в Портленде у нас есть своя система (FL).

Ментальное состояние:

- (87) [?]Хотя я сказала, что я надеюсь на способность человечества стремиться к лучшему, я все-таки согласна с тем, у кого есть более негативное представление будущего России (FL).
 (88) [?]У Венечки есть особенное представление города Петушки (FL).
 (89) [?]У всех есть разные идеи о том, какие привычки полезные или вредные (FL).

Во всех примерах более естественным было бы употребление нулевого глагола, задающего импликатуру единственности объекта (или множественности — если речь идет о парных объектах типа *глаз, рук* и пр.): действительно, у человека обычно одна жизненная ситуация, в которой он в данный момент находится, одна жизнь, одно мнение по каждому поводу, одно представление о каждом объекте. Однако здесь требование единственности не является таким прагматически категоричным, как в случае, если речь идет о *голове, о семье, об имени и фамилии*.

3.2. Ошибки вида «нулевая связка вместо выраженного глагола»

Этот тип ошибок встречается в два с половиной раза чаще, чем замена нулевого глагола выраженным. Замена выраженного глагола нулевой связкой воспринимается как прагматическая неловкость или стилистическая шероховатость, но не производит впечатления грубой ошибки. Ниже приводятся примеры замены выраженного глагола нулевым с разными лексико-семантическими классами объектов.

Ресурсы (без определения):

- (90) [?]Люди с ограниченными возможностями заслуживают шанса жить в обществе. Кроме того, если у них доступ к транспорту и другим услугам, тогда представление о них тоже может улучиться (FL).
 (91) [?]Также, у американцев обычно очень большие семьи. Это показывает, что они богатые люди, потому что у них способность иметь 2-3 машины, платить для образования и хобби детей, и им нужен большой дом (FL).
 (92) [?]Легче американцу достигнуть успех в бизнесе, потому что у него доступ к хорошим связям (FL).
 (93) [?]Итак, во втором семестре у нас возможность не только учиться, но что-то делать со знаниям русского языка (FL).
 (94) [?]Американские граждане прекрасно знают, что у них свобода говорить все угодно особенно о властях (FL).

- (95) ?? У них возможность говорить с иностранцами (FL).
 (96) ? На пример у всех право на жительства и поэтому мы помогаем тех, у кого нет (FL).
 (97) ? Однако, у ученых ресурсы и знание, которые могли бы помочь людям (FL).
 (98) ? Я мало знаю о праве женщин в России, но у них права голосовать и работать в почти всех профессиях (FL).

В сочетаниях с названиями ресурсов и без определения замена выраженного глагола на нулевой воспринимается как более серьезная ошибка, чем с названиями ментальных состояний, а также нетривиальных атрибутов человека без определения. Дело в том, что лексический контекст ресурсов почти всегда фокусирует внимание на идее обладания, которая является центральной для семантики посессивной конструкции с выраженным глаголом, поэтому его отсутствие очень заметно.

Нижеследующие употребления воспринимаются уже как менее шероховатые, в них неадекватность заключена не в самом лексическом классе, а скорее в несоответствии выбранной конструкции коммуникативной структуре.

Нормальные ментальные состояния:

- (99) ? У меня вопросы, как можно поступить в университет в городе, который вы не живёте? (FL).
 (100) ? Если у вас вопросы или советы, пожалуйста, не стесняйтесь! (FL).
 (101) ? Только тыщица шестьсот студентов учутся здесь и поэтому, если у нас вопросы, наши профессеры всегда помогают нас (FL).

С названиями нетривиальных атрибутов и ментальных состояний человека граница между двумя конструкциями еще больше размывается. Есть многочисленные контексты, где могут быть употреблены обе конструкции, например, с выражениями *страсть к чему-л.*, *обида на кого-л.*; *По-видимому, у него есть страсть к оружию* vs. *По-видимому, у него страсть к оружию*; *У него есть обида на меня, он не хочет общаться* vs. *У него обида на меня, он не хочет общаться* (в НКРЯ представлены оба варианта).

Нижеследующие примеры демонстрируют употребление нулевого глагола в контекстах, которые по коммуникативному замыслу скорее привлекают внимание к **наличию** чего-либо, чем являются **характеристикой** того, каков этот имеющийся объект. Поэтому в них несколько более уместно было бы употребление выраженного глагола, хотя нулевой глагол не порождает ощущения серьезной неправомерности.

Нетривиальные атрибуты и ментальные состояния человека:

- (102) Конечно у нее акцент, но она почти владеет языком (FL).
 (103) Прежде всего у него жажда знаний (FL).
 (104) ? Я обычно не езжу далеко от центра города. А сегодня у нас цель! (FL).

4. Анализ корреляций между типами правил и типами ошибок

Во-первых, как было отмечено, ошибок в употреблении посессивных конструкций у продвинутых студентов вообще встретилось немного. На 246 примеров встретилась 41 ошибка, т. е. процент правильных употреблений у продвинутых носителей составляет 85%; ошибки практически не встречаются у эритажных носителей языка.

Заметим также, что при практически одинаковой представленности конструкций у продвинутых носителей языка неправильная замена конструкции с нулем на конструкцию с выраженным глаголом встречается в два с половиной раза реже, чем неправильная замена конструкции с выраженным глаголом на конструкцию с нулем; и это при том, что в основном языке информантов (английском) конструкции с нулевым глаголом вообще отсутствуют, а идея обладания выражается аналитически — глаголом *to have*.

Это может указывать на то, что само по себе несоответствие устройства некоторой языковой зоны в родном языке L1 и изучаемом языке L2 не приводит к автоматической интерференции L1 в L2. Представляется, что несоответствующие компоненты усваиваются тем лучше, чем более четкими правилами регулируется их употребление, и чем на большем числе языковых уровней эти правила проявляются, хотя, безусловно, эта гипотеза требует дальнейшей проверки на более обширном материале.

Конструкция *у X-а есть Y* маркирована семантически, коммуникативно и сочетаемостно, что выражается, в частности, в наличии строгих лексических запретов, например, невозможности употребления с названиями частей тела и обозначениями других неотъемлемых атрибутов, которые при этом являются единственными или немногочисленными.

Судя по проанализированным данным, на правильность употребления влияет именно наличие запретов, то есть отрицательные правила, которые, с одной стороны, облегчают правильное употребление, а с другой — делают совершаемую ошибку более грубой. Так, среди ошибок замены конструкции с нулем конструкцией с выраженным глаголом наименьшее число ошибок встретилось в зоне прямых запретов, где семантика конструкции вступает в прямое противоречие с семантикой существительного, заполняющего валентность объекта обладания, т. е. с названиями неотъемлемых уникальных атрибутов (**есть похожие голоса*, **есть маленькая семья*, **есть такое имя и фамилия*), причем эти ошибки оказались наиболее грубыми.

Ошибки замены нулевого глагола словоформой *есть* чаще встречались с обозначениями ситуаций и нормальных ментальных состояний (*?У всех есть разные идеи о том, какие привычки полезные*, *?«Определенная ситуация» у каждого есть своя*), поскольку в этих семантических классах отсутствует строгий запрет на употребление конструкции с *есть*. Так, хотя в этих классах предпочтительно употребление конструкции с *есть* без определения, с определением она также иногда встречается; ср. *У меня есть большое желание ему врезаться*; *У него есть хорошая идея по поводу нового*

бизнеса, но не ^{??}У него есть большая энергия, ^{??}У него есть правильное мнение. Суждение о том, когда употребление этой конструкции в контексте данного семантического класса возможно при наличии определения, а когда нет, основывается на прагматических соображениях, и не может быть выражено в виде четких семантических и лексических запретов. Ошибки этого типа воспринимаются как менее грубые.

Ошибок замены выраженного глагола на нулевой встретилось больше, поскольку у конструкции с нулем запреты не являются строгими, а носят характер прагматических предпочтений. При этом, как было сказано, прагматические ошибки воспринимаются как менее грубые, чем семантические и сочетаемостные. Ошибки встретились не в зоне самой частотной для конструкции с нулем интерпретации — характеристики признака, а в зоне ее менее частотной интерпретации — указания на обладание, которая регулируется достаточно сложными прагматическими правилами (оценка (не)тривиальности объекта, в зависимости от которой не требуется или требуется определение).

Ср., например, ошибки в классах «ресурсы» и «нормальные состояния»; где употребление без определения прагматически странно, но с определением возможно, хотя в разной степени для разных определений:

- (105) ^{??}У него возможности.
 (106) [?]У него возможность помочь ей.
 (107) ^{??}У него права.
 (108) У всех граждан равные права.

Безусловно, для более глобальных выводов о функционировании данных конструкций в сфере РКИ и в эритажном русском требовалось бы провести гораздо более масштабное корпусное исследование. Наши данные были ограничены размерами ныне существующего корпуса ошибок. Однако представляется, что даже в таком объеме исследование позволяет заметить некоторые важные тенденции, и полученная информация о соотношении правил и ошибок может оказаться полезной в изучении и преподавании русского языка как иностранного. Результаты исследования могут быть применены в создании тренажеров для разных уровней владения русским языком, с учетом тех зон, которые представляют наибольшую трудность для студентов, в первую очередь, тех употреблений конструкций, которые регулируются прагматическими правилами.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. Апресян. Лексикографические портреты (на примере глагола *быть*) // Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995. С. 503—637.

Апресян 2014 — Ю. Д. Апресян. Статья глагола БЫТЬ // Активный словарь русского языка. Вып. 1 (буквы А—Б). М., 2014. С. 394—401.

Арутюнова 1976 — Н. Д. Арутюнова. Предложение и его смысл. М., 1976. С. 274—283.

Арутюнова, Ширяев 1983 — Н. Д. Арутюнова, Е. Н. Ширяев. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.

Выренкова, Полинская, Рахилина 2014 — А. С. Выренкова, М. С. Полинская, Е. В. Рахилина. Грамматика ошибок и грамматика конструкций: «эритажный» («унаследованный») русский язык // Вопросы языкознания. № 3. 2014. С. 3—19.

Гловинская 2000 — М. Я. Гловинская. Новое в функционировании видо-временных форм (на материале языка метрополии и эмиграции) // Sprachwandel in der Slavia. Die Slavischen Sprachen an der Schwelle des 21. Jahrhunderts. Ein Internationales Handbuch (hrsg. L. Zybatov). Frankfurt am Main, 2000. С. 159—182.

Гловинская 2001 — М. Я. Гловинская. Общие и специфические процессы в языке метрополии и эмиграции // Язык русского зарубежья. Общие процессы и речевые портреты. Отв. ред. Е. А. Земская. М.; Вена, 2001. С. 341—492.

Гловинская 2004 — М. Я. Гловинская. Общие типы изменений в языке первого поколения эмиграции // Русскоязычный человек в иноязычном окружении. Slavica Helsingiensia. 24. / Ред. А. Мустайоки, Е. Протасова. Хельсинки, 2004. С. 13—20.

Легучий 2016 — А. Б. Легучий. Нулевая связка // rusgram.ru. 2016.

Мелиг 2004 — Х. Р. Мелиг. Оппозиция «*есть* vs. нулевая форма» в русских бытийных предложениях при отнесенности к конкретно-предметным референтам: Сопоставление с соответствующей конструкцией с глаголом *haben* в немецком языке // Сокровенные смыслы. Слово. Текст. Культура. Сборник статей в честь Н. Д. Арутюновой. М., 2004.

Падучева 2013 — Е. В. Падучева. Русское отрицательное предложение. М., 2013. С. 120—122.

Селиверстова 1973 — О. Н. Селиверстова. Семантический анализ предикативных притяжательных конструкций с глаголом *быть* // Вопросы языкознания. 1973. № 5. С. 95—105.

Тестелец 2008 — Я. Г. Тестелец. Структура предложений с невыраженной связкой // Динамические модели. Слово, предложение, текст. Сборник статей в честь Е. В. Падучевой. М., 2008. С. 774—789.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М., 2001.

Chvany 1975 — C. V. Chvany. On the Syntax of Be-Sentences in Russian. Slavica Publishers, 1975.

Kopotev 2007 — M. Kopotev. What a Difference a Verb Makes! Russian and Finnish Verbless Sentences // Collocations and Idioms: Papers from the First Nordic Conference on Syntactic Freezes, Joensuu, May 19—20. Joensuu, 2007. P. 177—192.

Kopotev 2015 — M. Kopotev. Reconstruction and idiomaticity: The origin of Russian verbless clauses reconsidered // Folia Linguistica Historica. 36. 2015. P. 219—243.

Резюме

Статья посвящена псевдосинонимичным посессивным конструкциям у *X-a есть Y* и *У X-a Y*. В работе формулируются их возможные интерпретации, правила их употребления, а также анализируется их сравнительная трудность для усвоения иностранными студентами.

Полученные результаты предполагают, что в основе употребления обеих конструкций лежат прагматические правила, которые обуславливают коммуникатив-

ные свойства конструкций и их лексическую сочетаемость. Конструкция *у X-a есть Y* имеет значение **обладания** и подчеркивает факт обладания в противоположность его отсутствию. По этому причине связка *есть* легко рематизируется, а сама конструкция возможна только тогда, когда речь идет об объектах, обладание которыми является в той или иной степени нетривиальным фактом. Таким образом, исключаются некоторые лексические классы — неотъемлемые атрибуты человека типа частей тела (**У него есть голубые глаза*), уникальные периоды жизни (**У него есть счастливое детство*) и др. Конструкция с нулем имеет три возможных понимания и поэтому возможна со всеми классами объектов: 1) с тривиальными атрибутами человека типа частей тела или периодов жизни она имеет интерпретацию **признака** объекта обладания и поэтому возможна только с определением; 2) с утилитарными объектами, ресурсами, нормальными состояниями и ситуациями она имеет интерпретацию **актуального обладания**; 3) с разного рода нетривиальными атрибутами и объектами она имеет интерпретацию **обладания**, часто постоянного, причем возможность ее употребления без определения коррелирует со степенью нетривиальности объекта — чем она выше, тем естественнее употребление без определения.

Исследование ошибок на материале корпуса RULEC показывает, что конструкция с нулевой связкой представляет большую трудность для студентов, изучающих русский язык: неправильная замена конструкции с нулем на конструкцию с выраженным глаголом встречается в два с половиной раза реже, чем неправильная замена конструкции с выраженным глаголом на конструкцию с нулем.

По-видимому, на правильность употребления влияет именно наличие прямых запретов, которые, с одной стороны, облегчают правильное употребление, а с другой — делают совершаемую ошибку более грубой. Среди ошибок замены конструкции с нулем конструкцией с выраженным глаголом наименьшее число ошибок встретилось с названиями неотъемлемых атрибутов человека (**есть похожие волосы*, **есть маленькая семья*, **есть такое имя и фамилия*).

Ключевые слова: посессивная конструкция, нулевая связка, семантика, прагматика, тема, рема, коммуникативная структура, корпус ошибок, эритажник

Получено 09.06.2016

VALENTINA YU. APRESJAN

RUSSIAN POSSESSIVE CONSTRUCTIONS WITH OVERT 'BE' AND ZERO COPULA: RULES AND ERRORS

The paper addresses Russian pseudo-synonymous possessive constructions *U X-a est' Y* 'X has Y' with overt verb 'to be' and *U X-a Y* 'X has Y' with zero copula. It outlines their possible interpretations, formulates the rules of their usage, and analyzes the relative difficulty of their acquisition by foreign language learners.

The results suggest that the usage of both constructions is regulated by pragmatic rules which determine their information structure and lexical co-occurrence. The construction with overt verb denotes possession of an object and stresses the fact of possession as opposed to non-possession. Hence, the verb easily becomes the focus of the utterance, and the construction itself is used only when speaking about objects which constitute non-trivial possession. Thus, certain semantic classes of objects that everybody

possesses, such as body parts (eyes, nose) or other inseparable attributes of people (voice, name, surname, childhood), are excluded. The construction with zero copula has three possible interpretations and can therefore appear with all semantic classes of objects, but with certain classes it requires an attribute: 1) with most trivial entities, such as body parts, it denotes a characteristic of the object of possession and is used with an attribute; 2) with less trivial entities, such as personal possessions (clothes, dishes, etc.), it denotes actual possession at the moment of reference and is used with an attribute; 3) with non-trivial entities (such as palaces, yachts, etc.), it denotes permanent possession and its ability to be used without an attribute correlates with the degree of non-triviality of the object of possession.

The error analysis of the RULEC corpus demonstrates that the zero copula construction presents a greater challenge for non-native speakers: the number of errors in the use of the zero copula construction exceeds that of the overt verb construction by 2.5 times. It suggests that the ease of acquisition may correlate with the presence of negative rules: if a certain class of lexical items (such as body parts) is entirely forbidden, it reduces the number of wrong usages. Thus, the least number of errors occurred within a forbidden semantic class — inseparable attributes of a person ('similar voices', 'small family', 'name and surname').

Keywords: possessive construction, zero copula, semantics, pragmatics, topic, focus, information structure, learner corpus, heritage speaker

Received on 09.06.2016

П. В. ГРАЩЕНКОВ, Е. А. ЛЮТИКОВА

О СИНТАКСИСЕ КОМПАРТИВА В РУССКОМ ЯЗЫКЕ *

1. Введение

Эта статья посвящена исследованию синтаксических характеристик адъективных сравнительных конструкций русского языка¹. В русском языке существует два варианта сравнительной конструкции: синтетический вариант, строящийся на основе морфологического компаратива на *-ее* (далее МК) и аналитический вариант, образуемый сочетанием прилагательного в положительной степени и наречия *более* (далее АК)².

- (1) а. *Побег вне Сибири считается более важным преступлением и карается строже, чем побег в Сибири...* (А. П. Чехов. Остров Сахалин).
б. *Но у каждого из нас, — я говорю про нас и наших друзей, про весь наш кружок, — есть порицатель более строгий, чем сам Рахметов; это наш собственный ум* (Н. Г. Чернышевский. Что делать?).

Сосуществование морфологических и аналитических компаративов характерно для многих других европейских языков, ср. примеры (2) из английского языка.

* Работа над статьей велась в рамках проекта РФФИ № 16-18-02003, реализуемого в МПГУ.

¹ В данной работе мы рассматриваем только компаративные конструкции, соотносимые с прилагательными. Такие проблемы, как структура адвербиальных компаративов и возникающий в связи с этим вопрос о различии сентенциального и фразового сравнения, мы оставляем для будущих исследований.

² В аналитической сравнительной конструкции может использоваться также наречие *менее*; отметим, что при этом ни в русском языке, ни в других языках мира не засвидетельствованы морфологические компаративы с таким значением.

П. В. Гращенко (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Московский педагогический государственный университет; Институт востоковедения РАН)
Е. А. Лютикова (Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Московский педагогический государственный университет)

- (2) a. *Nothing could be more natural than the sequence of events as narrated by this lady, and nothing stranger than the result when viewed, for instance by Mr. Lestrade, of Scotland Yard.* (A. Conan Doyle. The Noble Bachelor) ‘Что может быть проще и естественнее ряда событий, о которых нам рассказала молодая леди? И что может быть удивительнее тех выводов, которые легко сделать, если смотреть на вещи, скажем, с точки зрения мистера Лестрейда из Скотланд-Ярда!’ (А. Конан-Дойль. Знатный холостяк).
- b. *The greatest interest, however, is with regard to the paper found in the bottle, which was to-day produced at the inquest; and a more strange narrative than the two between them unfold it has not been my lot to come across* (B. Stoker. Dracula). ‘Тораздо больший интерес представляет клочок бумаги, найденный в бутылке и предъявленный сегодня следствию. Более загадочного повествования мне не доводилось прежде слышать’ (Б. Стокер. Дракула).

Естественно, что исследования компаративов в языках такого типа сосредоточиваются на правилах выбора между МК и АК. Основной эвристикой при формулировании таких правил является допущение, что АК возможен всегда, в то время как образование МК ограничено различными факторами. Соответственно, если МК не может быть образован, используется АК; если же образование МК для данного прилагательного допустимо, то МК и АК свободно варьируют, либо предпочтение отдается МК как более специализированной форме.

Ключевыми факторами, регулирующими приемлемость МК, оказываются фонологические и морфологические характеристики производящей основы. Как известно, английский язык образует сравнительные и превосходные степени по следующему правилу: в случае односложных прилагательных и прилагательных с безударным вторым слогом используется МК, для остальных прилагательных — АК (см., например, [Matushansky 2002]). Однако такие фонологические ограничения не универсальны, исключения находятся как для предполагаемых случаев МК: **iller*, **apter*, **irksomer* (при грамматичном *handsomer*) [Bobaljik 2012: 164], так и для некоторых кандидатов в АК: *easterlier* (*easterly*), *weevilier* (*weevily*).

Русский язык также демонстрирует некоторые фонологические запреты на образование сравнительной степени. Например, есть определенные ограничения на образование МК, связанные с акцентуацией. Как утверждает в [Еськова 2011: 138], ряд прилагательных с односложной основой неспособен следовать общему шаблону переноса ударения на суффикс компаратива и поэтому оказывается неприемлемым, ср. *важный* — *важнее* vs. *вечный* — **вечнее*³.

³ У рецензента возникло сомнение относительно односложности прилагательных типа *важный*. Не приводя здесь собственных аргументов, сошлемся на указанный

Установить природу фонологических ограничений для русского языка иногда бывает столь же непросто, как и для английского. Так, приведенные ниже прилагательные на *-ж*, *-д*, *-г* не имеют видимых различий в (мор)фонологической структуре, при этом, однако, ведут себя по-разному при образовании сравнительной степени:

(3) а. <i>пригожий</i> — <i>пригожее</i>	а'. <i>похожий</i> — * <i>похожее</i>
б. <i>твердый</i> — <i>тверже</i>	б'. <i>гордый</i> — * <i>горже</i> /* <i>гордее</i>
с. <i>строгий</i> — <i>строже</i>	с'. <i>убогий</i> — ?* <i>убоже</i>

Можно сказать, тем не менее, что фонологические ограничения при образовании русских компаративов исследованы достаточно хорошо, см. прежде всего [Еськова 2011], а также [Брандер 1999] и др.

Морфонологические ограничения на образование МК связаны в первую очередь с суффиксацией. Так, в Грамматическом словаре А. А. Зализняка [Зализняк 1980], где принят в целом достаточно широкий взгляд на способность прилагательных порождать компаративы (МК может быть построен от любого прилагательного), широкие классы исключений составляют лишь адъективы с определенными суффиксами. А именно, регулярно препятствуют образованию МК отыменные суффиксы *-ск* и *-ин* (см. об этом также [Еськова 2011: 131]) и причастные показатели *-иц*, *-(в)иш* в тех случаях, когда образованная с их помощью лексема переходит из разряда причастий в разряд прилагательных.

Как указывается в [Еськова 2011: 136]: «От большинства суффиксальных качественных прилагательных формы на *-ее* образуются с полной свободой». В то же время, по наблюдению Н. А. Есковой, «...единственный суффиксальный разряд, от которого формы на *-ее* образуются не вполне свободно, — отглагольные прилагательные с суффиксом *-л-*» [Еськова 2011: 137]. Суффиксы страдательных причастий *-ени* и *-ани* не налагают запрета на образование МК [Там же]; добавим к этому, что точно так же не демонстрируют запрета на образование МК и причастия на *-м*.

Следует отметить, что морфонологические ограничения на образование МК в английском языке весьма сходны с русскими: запрет на присоединение суффикса МК к адъективному деривационным показателям, как отыменным, так и отглагольным, здесь, возможно, еще более строг. Суммируем упомянутые факты в Таблице 1, приводя примеры наиболее регулярно препятствующих деривации МК суффиксов.

Как мы видим, известные правила, ограничивающие образование МК, опираются на «внутренние» характеристики производящей основы. Такого рода ограничения соблазнительно считать синтаксически нерелевантными и предположить, что компаратив представляет собой единую синтаксическую

источник: «Для прилагательных с односложной основой закономерно подвижное ударение, показателем которого является в первую очередь ударение на флексии в краткой форме женского рода и ударение на суффиксе в форме сравнительной степени (*важный* — *важнá*, *важнéе*)» [Еськова 2011: 138].

Таблица 1

Морфонологические ограничения на образование МК

дериваты	русский	английский
от имени	*-ск, *-ин: *гигантское, *утиное	*-al, *-ful, *-ic: *normaler, *useful(l)er, *basic(k)er
от глагола	*-(е)ш, *-л, *-щ: *уставшее, *пожилее, *подходящее но: обиженнее, любимее	*-ed, *-ing: *tireder, *boringer

категорию, а конкретные морфологические способы его образования — синтетический или аналитический — не важны для синтаксиса. Именно такая точка зрения, насколько нам известно, принимается для английского языка, см. [Matushansky 2002; Embick 2005] и переносится на русский язык в ряде формальных синтаксических работ (см. подробнее в разделе 3).

Мы, однако, солидаризуемся с другой точкой зрения, высказанной еще в [Пешковский 1956] и представленной в Русской грамматике следующим образом: «К формам сравнит. степени не относится описательное выражение сравнения с помощью форм *более* или *менее*: *более веселый, более интересный, менее веселый, менее интересный*. Слова *более* или *менее* в этих сочетаниях сохраняют свое лексическое значение, и это препятствует их превращению в показатель морфологического значения и, следовательно, превращению сочетаний типа *более грустный, менее веселый* в аналитические формы сравнит. степени» [РГ 1980-I: § 1342].

Мы предполагаем показать, что, несмотря на видимую взаимозаменяемость МК и АК в русском языке, их дистрибуция, внутренняя структура и интерпретация различаются. Морфологический компаратив имеет собственную синтаксическую категорию, предопределяемую морфемой компаратива, в то время как аналитический компаратив с синтаксической точки зрения представляет собой группу прилагательного. С этим различием коррелируют внешний и внутренний синтаксис МК и АК, а также доступные для них интерпретации.

Изложение построено следующим образом. В разделе 2 мы обсудим грамматические и интерпретационные различия между МК и АК. Раздел 3 посвящен представленным в литературе вариантам синтаксического анализа компаратива. В разделе 4 мы развиваем собственный анализ МК и АК, основанный на идее о структурном различии между двумя компаративными конструкциями. Завершает статью раздел 5, подводящий итоги обсуждения.

2. Морфологический и аналитический компаратив

В этом разделе мы обсудим дистрибуцию и внутренний синтаксис двух типов русских сравнительных конструкций и соотнесем этим типам определенные интерпретационные особенности.

2.1. Грамматические свойства компаративов

Сравнительные конструкции выражают большее по сравнению с некоторой нормой проявление признака. В ситуации сравнения (например, *выше*) есть два главных участника: объект сравнения (*кто выше*) и эталон сравнения (*кого выше*). Помимо этого могут быть выражены дифференциал⁴ (*на/во сколько раз выше*) и параметр (*выше в холке, стоя,...*)⁵.

Синтаксическая дистрибуция МК и АК в русском языке не совпадает. Во-первых, АК различают полные и краткие формы, в зависимости от того, образованы ли они сочетанием наречия *более* с полной или краткой формой прилагательного. АК на основе полного прилагательного возможен как в атрибутивной, так и в предикативной позиции (4a-b); АК на основе краткого прилагательного встречается только в предикативной позиции (5a-b). Таким образом, дистрибуция АК совпадает с дистрибуцией той формы прилагательного, на базе которой он образуется.

- (4) а. *Несколько осунувшееся, побледневшее лицо и слегка ввалившиеся глаза, вследствие бессонной ночи, придавали ему еще более интересный вид* (К. М. Станюкович. Жрецы).
- б. *...только А. С. и в описываемое время был более одиноким, чем я...* (Андрей Белый. На рубеже двух столетий).
- (5) а. *Этот младенец станет более известен, чем ныне царствующий король ваш Людовик XIII...* (М. А. Булгаков. Жизнь господина де Мольера).
- б. **Это более известен младенец, чем ныне царствующий король.*

Обратимся теперь к дистрибуции МК. МК используются в первую очередь в предикативном контексте (6); более того, в этом контексте они сочиняются с АК как на базе полной, так и на базе краткой формы прилагательного (7):

- (6) *В такие минуты мертвый дом был несравненно приличнее и благоразумнее, чем бурса во время рекреации* (Д. И. Писарев. Погибшие и погибающие).
- (7) а. *Окрашенная область 7-го стернита более светлая и меньше по размеру...* (Л. Жильцова. Веснянки (plecoptera). Группа euholognatha (2003)).
- б. *Варвара Михайловна, как женщина, была более любопытна, да и характером поживее, чем ее супруг* (С. Т. Аксаков. Очерки и незавершенные произведения).

⁴ Для дифференциала в литературе используется также наименование «мера» (Measure Phrase).

⁵ В [Byulinina 2014] исследуется вклад в интерпретацию степенных (degree) конструкций субъекта оценки («судьи», judge) и целевых зависимых. Мы не будем касаться этих компонентов ситуации сравнения.

В составе именной группы в современном русском языке (в отличие от древнерусского) препозитивные употребления МК неграмматичны, ср. (8a-b).

- (8) a. *Несколько осунувшееся, побледневшее лицо и слегка ввалившиеся глаза, вследствие бессонной ночи, придавали ему еще более интересный вид* (К. М. Станюкович. Жрецы).
 b. **Осунувшееся лицо и ввалившиеся глаза придавали ему интереснее вид.*

На первый взгляд кажется, что морфологический компаратив входит в один дистрибутивный класс с краткими прилагательными (ср. [Townsend 1970: 85]). Однако такое обобщение неверно. МК (равно как и АК на базе полных прилагательных, и полные прилагательные) допустимы в составе именной группы в постпозиции к существительному (ср. (9)—(11)), в то время как краткие прилагательные и АК на их базе в этом контексте неграмматичны (12).

- (9) a. *Я еще не встречал человека умнее себя* (Андрей Белый. Серебряный голубь).
 b. *Извините — но может быть, она нашла человека еще достойнее вас...* (М. Ю. Лермонтов. Два брата).
- (10) a. *Я никогда в жизни не встречал человека более застенчивого...* (Ф. М. Достоевский. Игрок).
 b. *Человека более достойного для этого трудно было и найти...* (А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов).
- (11) a. *Девушка воспитанная не растеряется ни в каком случае, а эта чуть не брыкается, сморкается в передник, кричит* (Н. А. Лухманова. Девочки).
 b. *Выделить эти вещества — задача очень нелегкая...* (В. Кроль. Нервная передача // Химия и жизнь, 1967).
- (12) a. **Выделить эти вещества была задача очень нелегка...*
 b. **Человек более достоин этой награды мне неизвестен.*

По-видимому, запрет на препозитивные употребления в именной группе для МК связан не собственно с их синтаксической категорией, а с тем, что МК неспособны к согласованию с именной вершиной. Похожую дистрибуцию обнаруживают неизменяемые прилагательные⁶ типа *беж, клёш, нетто, комильфо* — они выступают в предикативной позиции, а также в составе именной группы в постпозиции к вер-

⁶ Впрочем, как замечает рецензент, вопрос о частеречном статусе слов типа *беж* по меньшей мере открыт, с чем мы готовы согласиться.

шине⁷. Отметим, что в английском языке, в котором прилагательные не демонстрируют атрибутивного согласования, запрет на расположение МК в препозиции к именной вершине отсутствует:

- (13) a. *As to understanding him, you are [a cleverer fellow] than most of us, Daisy, if you can do that.*

‘А что касается понимания того, что он говорит, то, умудрись вы, милый Дейзи, это осилить, вы были бы мудрее многих из нас’ (Ч. Диккенс. Жизнь Дэвида Копперфильда, рассказанная им самим).

- b. *... I advise you to put by the “History of the Devil”, and read [some prettier book].*

‘... советую тебе отложить «Историю дьявола» и читать какие-нибудь другие, хорошие книги’ (Дж. Элиот. Мельница на Флоссе).

Второе грамматическое различие между МК и АК состоит в допустимых способах выражения эталона сравнения. Эталон сравнения, выраженный специальным союзом *чем*, в русском языке грамматичен и при морфологическом, и при аналитическом компаративе.

- (14) a. *...их было так много, что они становились для меня страшнее, чем собаки...* (Н. С. Лесков. Детские годы).

- b. *...и это был ад, более страшный, чем тот, который явлен был ворам Данте Алигери* (В. Я. Брюсов. Огненный ангел).

При МК эталон сравнения может выражаться и при помощи именной группы в генитиве: «Компаратив сильно управляет формами информативно восполняющими: род. п.: *дешевле, дороже чего-н., более, менее, выше, ниже чего-н., выше нормы, быстрее всех, старше брата, сильнее смерти...*» [РГ 1980-II: § 1875]. Как было установлено в предыдущих работах [Янко-

⁷ Рецензентом указано на то, что употребление в составе именных групп все же возможно, в качестве иллюстрации были приведены следующие примеры: *В принципе достойнее кандидатуры не вижу; Потому что человеком она является феноменальным, и на своём веку умнее человека я не встречал.*

Авторы благодарны рецензенту за указание на данный тип именных групп. Однако тезис, отстаиваемый авторами, подобные случаи не нарушают. Принципиальным для нас было показать, что дистрибутивные свойства прилагательных в контексте проекции группы сравнительной степени (МК) отличаются от класса согласуемых употреблений. В частности, невозможно употребление в позиции, специфицированной для атрибутивных прилагательных, ср. ниже примеры полной формы МК и АК: *Я не вижу двух достойных кандидатур vs. *Я не вижу двух достойнее кандидатур vs. Я не вижу двух более достойных кандидатур*; а также: *Я встречал других умных друзей Пети vs. *Я встречал других умнее друзей Пети vs. Я встречал других более умных друзей Пети*. Синтаксическая позиция после притяжательных местоимений и числительных, соответствующая области согласования в проекции именной группы, таким образом, недоступна для МК.

Триницкая 1989: 65, 67], при АК генитивный эталон сравнения не лицензируется, ср. (15а-с), (16а-с)⁸.

- (15) а. *Нет ничего опаснее полузнайства* (Д. С. Лихачев).
 б. **Нет ничего более опасного полузнайства.*
 с. *Нет ничего более опасного, чем полузнайство.*
- (16) а. *Да, Бенкендорф, надо признать, был либеральнее Дубельта* (Ю. Давыдов. Синие тюльпаны).
 б. **Бенкендорф был более либерален Дубельта.*
 с. *Бенкендорф был более либерален, чем Дубельт.*

Наконец, еще одно отличие между МК и АК связано с выражением дифференциала. Абсолютный дифференциал, выражаемый, например, конструкцией типа *на X единиц (короче, быстрее, тяжелее)*, допустим только при МК⁹. Относительный дифференциал (*во много раз, гораздо, незначительно, чуть-чуть*) совместим с компаративными конструкциями обоих типов.

- (17) а. *Он встал, оказался коротконог, на полголовы ниже Тани, но двигался быстро и резко, как теннисный мяч* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).
 б. **Он оказался на полголовы более низкий, чем Таня.*

⁸ Возможен генитивный эталон при компоненте *более (менее)*, входящем в состав АК:

- (i) *В важных случаях обещаю прибегать к советам врачей более меня сведущих и опытных: когда же сам буду призван на совещание, буду по совести отдавать справедливость их заслугам и стараниям.* (Самуил Алешин. Встречи на грешной земле)
- (ii) *Гораздо более меня осведомленный А. Н. указывал, что, по его мнению, движение в рабочей и крестьянской среде пока не представляется особенно грозным* (Н. А. Мельников. 19 лет на земской службе (1898—1916) // «Звезда», 2002).
- (iii) *Преподаватель грима, веселый, не менее нас жизнерадостный, еще молодой человек, объясняет нам тайны перевоплощения* (Л. А. Чарская. Мой принц).

В этом случае, однако, эталон располагается контактно с МК *более (менее)* и не может быть перемещен в постпозицию к прилагательному.

⁹ По замечанию рецензента, АК также допускает дифференциал, однако в препозиции; приводятся следующие примеры:

- (i) *Срыв в ОЕ в образцах В происходит при частоте на два порядка более низкой, чем в образцах А.*
- (ii) *Ещё Луканина опережал на четыре килограмма более лёгкий, чем он, румын Разван-Мартин Константин.*

Отметим, что, во-первых, *на два порядка* соответствует значению ‘в сто и более раз’. Во-вторых, оба примера представляются нам не вполне естественными и замена на МК выглядела бы предпочтительнее. Сказанное, конечно, не снимает с нас обязательства объяснить возможность упомянутых примеров в рамках нашего анализа, что мы рассчитываем сделать в будущем.

- (18) а. *Может, потому, что зима в России в два раза длиннее лета* (Л. Улицкая. Казус Кукоцкого).
- б. *Это было для него странностью, во сто раз более темную, чем для нее* (Н. Г. Чернышевский. Что делать?).
- (19) а. *Наблюдая за людьми, на чьих лицах буквально светится улыбка, мы и сами становимся чуть счастливее...* (А. Волков. Возьмите с собой немного счастья, люди! // «Знание — сила», 2010).
- б. *Наблюдая за ними, мы и сами становимся чуть более счастливыми...*

В следующем разделе мы обсудим еще одно важное для нашего анализа различие в свойствах морфологического и аналитического компаратива, связанное с их семантикой.

2.2. Семантические различия между компаративными конструкциями

В литературе, посвященной анализу степеней сравнения, достаточно давно обсуждается семантическая асимметрия между компаративом и прилагательным в положительной степени сравнения. Согласно Мельчуку, это наблюдение восходит к Сепиру [Мельчук 1998: 117]. У прилагательных, обозначающих градуальные признаки, компаратив не несет в себе пресуппозиции истинности пропозиции, соответствующей предикции объекту или эталону сравнения признака, выражаемого положительной степенью прилагательного. Так, в примерах (20) ниже Димитрий мог бы и не быть молодым, а шея совершенно не обязательно короткая (более того, эксплицитно утверждается обратное):

- (20) а. *...настоящий Димитрий был бы гораздо моложе, чем казался Лжедимитрий...* (С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. Т. 8).
- б. *...шея длинная, но короче, чем у гагары...* (С. Т. Аксаков, Записки ружейного охотника Оренбургской губернии).

На этом наблюдении основывается общепринятый формальный подход к семантике градуальных прилагательных, при котором положительная и сравнительная степень деривируются параллельно. Основа таких прилагательных имеет, помимо индивидуального, степенной аргумент. При образовании компаратива этот аргумент выступает основанием для сравнения объекта и эталона (Димитрий d_1 -молод, а Лжедимитрий d_2 -молод, и $d_1 > d_2$), а в случае, когда деривируется положительная степень, происходит сравнение объекта с контекстно обусловленным стандартом (Димитрий d_1 -молод, и d_1 достигает или превосходит стандарт молодости для людей).

Интересно, что аналитический компаратив, в отличие от морфологического компаратива, обладает пресуппозицией истинности пропозиции с положительной степенью прилагательного для эталона сравнения, а следо-

вательно, и для объекта сравнения (ср. [Мельчук 1998: 123; Воротников 1999])¹⁰. Если в примерах (20) будет присутствовать эксплицитное отрицание пропозиции с положительной степенью, при АК будет возникать логическое противоречие:

- (21) а. # *Настоящий Димитрий был старым, но все-таки более молодым, чем Лжедимитрий...*
б. # *...шея длинная, но более короткая, чем у гагары...*

Тот же эффект неуместности мы получаем в случаях, где сравниваемые объекты верно располагаются друг относительно друга на шкале, задаваемой прилагательным, но их положение на этой шкале ниже по сравнению со стандартом, предопределяющим возможность использования положительной степени:

- (22) а. # *Бегемот более легкий, чем слон.*
б. # *Слон более низкий, чем жираф.*

Ср. также (23а-б), в котором замена МК на АК приходит в противоречие с нашими энциклопедическими знаниями (как ведущая передачи «Самый умный», Канделаки известна своей способностью говорить очень быстро).

- (23) а. — *Говорила Канделаки чуть медленнее, чем обычно, но уловить логические связи было все равно сложно* (Д. Золотухина. Как ссорились чиновники с учителями // Русский репортер. № 34).
б. # *Говорила Канделаки чуть более медленно, чем обычно...*

Продемонстрированное семантическое различие между АК и МК, при котором АК объединяется с положительной степенью прилагательного и противопоставлен МК, неожиданным образом коррелирует с синтаксическими характеристиками АК и МК: дистрибуция АК аналогична дистрибуции полных и кратких прилагательных в положительной степени, в то время как МК демонстрирует собственные свойства.

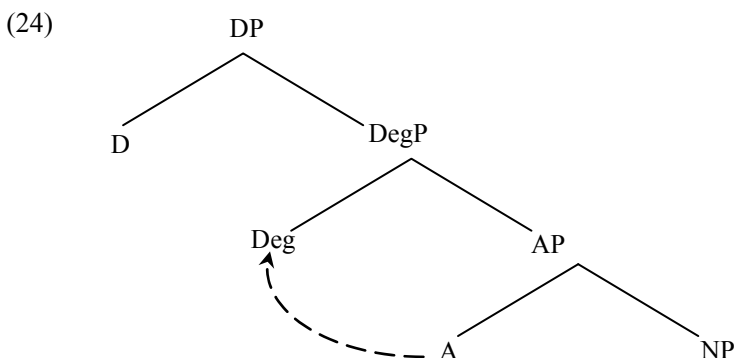
3. Предыдущие подходы к анализу сравнительных конструкций

Синтаксис и семантика компаратива неоднократно получали описание в терминах современной формальной грамматики, см. [Pulman 1991; Heim 2000; Kennedy 1998; 1999; 2000; 2009; Pancheva 2006; Bhatt, Pancheva 2007;

¹⁰ Насколько нам известно, некоторые носители русского языка не ощущают этой семантической оппозиции; тем не менее, данный эффект отмечался исследователями и ранее, а сами авторы статьи как носители русского языка разделяют интуицию И. А. Мельчука. Для указания на семантическую неадекватность и/или прагматическую неуместность примеров, нарушающих данную пресуппозицию, мы используем символ #.

[Matushansky 2013; Morzycki 2015] и др. для английского, японского, славянских языков. Что касается русского языка, можно назвать работы [Matushansky 2002; Ionin, Matushansky 2013; Grashchenkov 2008; Bylinina 2014]. Ниже речь пойдет только о синтаксическом анализе компаративов.

Для морфологического компаратива принимается подход, локализирующий деривацию этой формы в синтаксисе. Морфема компаратива представляется как вершина категории $Deg(ree)$, принимающая группу прилагательного в качестве комплемента. Механизмом, обеспечивающим образование МК, становится передвижение вершин: прилагательное передвигается из A в Deg и там объединяется с показателем компаратива. Один из возможных анализов именной группы, содержащей морфологический компаратив, представлен уже в диссертации С. Эбни [Abney 1987: 213]:

Понятно, что такое решение сталкивается с проблемой выбора правильной комбинации прилагательного и вершины Deg . Поскольку в английском языке выбор между МК и АК регулируется фонологическими и морфологическими характеристиками прилагательного, то уже на уровне выбора лексических единиц (основы прилагательного и показателя компаратива) необходимо знать, какова фонологическая оболочка основы. Это противоречит подходу к образованию компаратива как к исключительно синтаксическому процессу, при котором фонологический компонент «получает на вход» готовую синтаксическую структуру, а синтаксическая деривация является автономной от фонологии. Забегая немного вперед, отметим, что эта проблема не возникнет, если МК и АК соответствуют разным синтаксическим структурам.

Для того, чтобы «спасти» синтаксический подход к деривации компаратива, в статье [Embick, Noyer 2001] было предложено правило Локальной дислокации (Local Dislocation). Локальная дислокация — это постсинтаксическая операция, при которой показатели компаратива (и суперлатива), расположенные локально с основой прилагательного, «проверяют», удовлетворяет ли она фонологическим ограничениям на образование морфологической формы. Если да — используется МК, если нет — АК. Дислокаци-

ей подобная операция называется из-за того, что она фактически соответствует морфологической операции «понижения» (lowering) элемента в структуре, характерной для морфологии¹¹ и несвойственной синтаксису. Дислокация должна быть строго локальной, поскольку если в процессе деривации между показателем компаратива/суперлатива и прилагательным оказывается какой-либо элемент, выбирается аналитическая форма:

- (25) a. *Mary is the mo-st amazingly smart person ...*
 b. **Mary is the t-est amazingly smart-est person ...*
 ‘Мэри — умнейший человек’ (букв. ‘#Мэри — самая поразительно умная женщина’) [Embick, Noyer 2001: 565].

Операция Локальной дислокации, однако, несовместима с фактами супплетивизма. В соответствии с ней фонологическая форма должна выбираться до объединения основы и аффикса, что делает невозможным существование супплетивных степеней сравнения (*плохой* — *хуже/худший*, *хороший* — *лучше/лучший*; *bad* — *worse/worst*, *good* — *better/best* и т. д.), см. обсуждение этой проблемы в [Bobaljik 2012; Matushansky 2013]. Действительно, если морфема компаратива занимает иную (более высокую) позицию, чем основа прилагательного, то к моменту применения Локальной дислокации обе морфемы — и основа, и показатель компаратива — уже вошли в деривацию, и выбрать супплетивную форму невозможно¹².

С супплетивными формами компаратива связано еще одно интересное наблюдение. Как утверждает в [Matushansky 2013] вслед за [Bobaljik 2012], соотношение регулярных и супплетивных форм компаратива в языках мира представлено следующим образом:

- (26) a. *intelligent* → *more/most intelligent*
 b. *cute* → *cuter/cutest*
 c. **wuggal* → *more/most galliwug*
 d. *good* → *better, best*

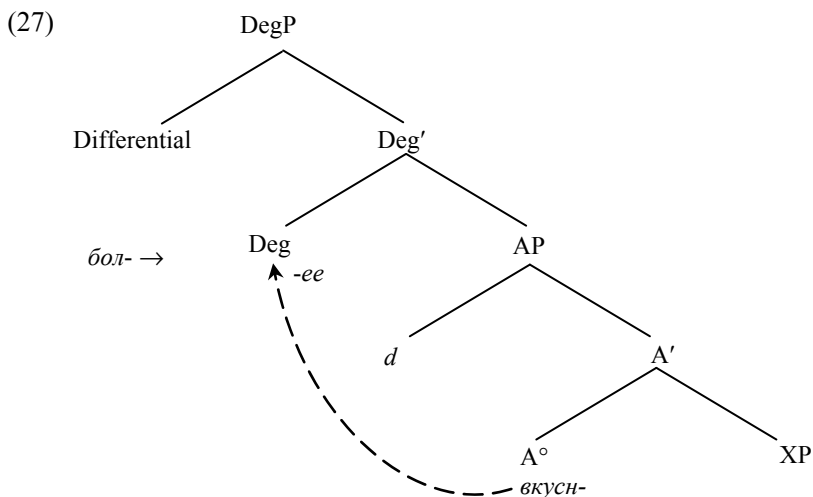
Пример (26) показывает, что МК может образовываться как регулярным, так и супплетивным способом, в то время как АК всегда регулярны: единственная ситуация, не отмеченная в языках мира, — (26с), где супплетивные формы возникают при аналитическом способе образования компаратива. О. Матушански делает из этого вывод о том, что морфологические

¹¹ Локальная дислокация — операция в духе Affix hopping (прыжка аффикса), когда глагольная флексия третьего лица единственного числа «опускается» и инкорпорируется в состав глагола из позиции более высокой, чем глагольная словоформа.

¹² Такого рода факты мотивируют альтернативные подходы к выбору лексических единиц, в том числе так называемое «позднее вставление» (Late Insertion), при котором выбор лексем отложен до передачи синтаксической структуры морфологическому/фонологическому компоненту, а в синтаксической деривации задействованы «представители» лексических единиц — пучки признаков.

компаративы «собираются» в одну словоформу на уровне синтаксиса и до фонологии, что должно отличать их от аналитических компаративов. Это обобщение естественным образом следует из нашего анализа: если АК — это группы соответствующих прилагательных, то супплетивизм не ожидается.

Наиболее полный формальный анализ русского компаратива представлен в [Matushansky 2002]. Согласно Матушански, структура МК и АК совпадает. Компаратив образуется в синтаксисе с помощью операции передвижения вершины. Сравнительное слово *более*, в соответствии с анализом Матушански, заменяет морфологический показатель *-(e)e*, когда основа по тем или иным причинам не может его присоединить¹³. Сравнительные показатели *-(e)e/более* располагаются в вершине Deg соответствующей функциональной проекции, которая принимает в качестве комплемента группу прилагательного. Группа, выражающая дифференциал (*на сколько, во сколько раз...*), является аргументом компаратива и располагается в его проекции.

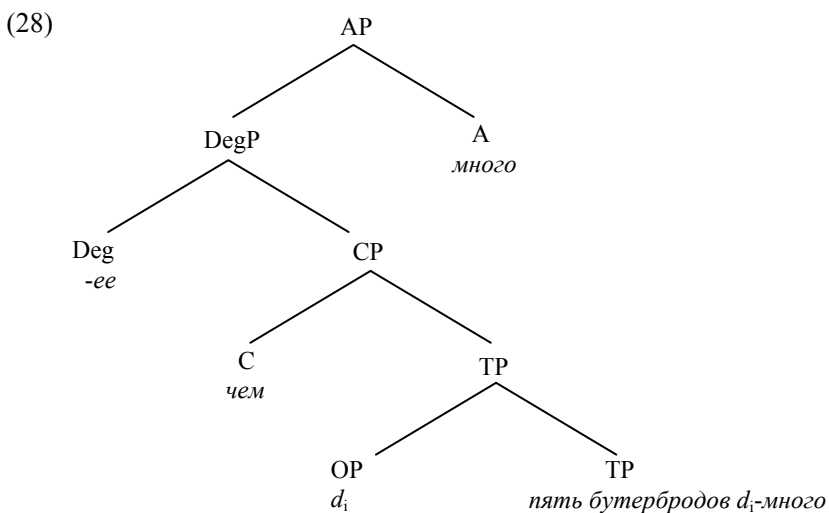

Подобный анализ, однако, не объясняет обсуждавшиеся выше различия между МК и АК. Неграмматичность атрибутивных МК Матушански связывает с отсутствием согласовательных признаков у компаративной группы. Мы считаем верным утверждение об отсутствии согласовательных признаков у DegP; как мы показали в 2.1, дистрибуция компаратива совпадает с дистрибуцией несклоняемых прилагательных, также лишенных согласо-

¹³ Это решение также имеет параллели в анализе английского глагольного словоизменения: так, если операция Прыжок аффикса не может быть осуществлена из-за нелокального взаимного расположения аффикса и лексического глагола (например, в отрицательных предложениях или при подлежащно-сказуемостной инверсии в вопросительных предложениях), применяется операция Вставления DO (DO-Support), и аффикс присоединяется к вспомогательному глаголу *do*.

вательных признаков. Тем не менее, единообразный анализ МК и АК не дает возможности объяснить грамматичность атрибутивных АК. Действительно, если вершина Deg лишена согласовательных признаков, наличие таких признаков у более низкой вершины полного прилагательного не будет иметь значения, так как именно вершина Deg, возглавляющая компаратив, определяет его дистрибутивные свойства во внешнем синтаксическом контексте.

Как видно из (27), структурная позиция эталона сравнения в [Matushansky 2002] не специфицируется; очевидно, однако, что он должен располагаться ниже вершины Deg, поскольку генитивный эталон, по мнению Матушански, получает падеж от вершины Deg после передвижения в нее прилагательного. В работе [Ionin, Matushansky 2013], обсуждающей структуру кванторных компаративов (*больше/более пяти бутербродов*), эталон сравнения уже оказывается компонентом компаративной морфемы; при таком анализе, однако, передвижение вершин, образующее синтетическую форму из A и Deg, наоборот, должно передвигать Deg в A, ср. (28).

Таким образом, для выражения *больше чем пять бутербродов* анализ Ионин и Матушански предсказывает ту же дистрибуцию, что и для группы вершины всей конструкции (AP). Это свойство анализа не вызывает проблем, поскольку в качестве вершины исследуемых в [Ionin, Matushansky 2013] конструкций выступает наречный квантор, однако становится проблематичным, если попытаться расширить этот анализ на компаративы прилагательных. Действительно, как мы видели в 2.1, дистрибуция МК не совпадает с дистрибуцией АК, но, напротив, определяется синтаксическими характеристиками морфемы Deg. Отметим также, что сама Матушански в работе [Matushansky 2008] отстаивает адъективный анализ для су-

перлативов (превосходной степени прилагательных) в русском языке на том основании, что внешний синтаксис суперлативов неотличим от внешнего синтаксиса групп полных прилагательных. Следовательно, анализ (28) больше подходит для АК, чем для МК.

В следующем разделе мы разовьем эту идею и предложим собственный подход к структуре морфологических и аналитических компаративов в русском языке.

4. Анализ компаратива в русском языке

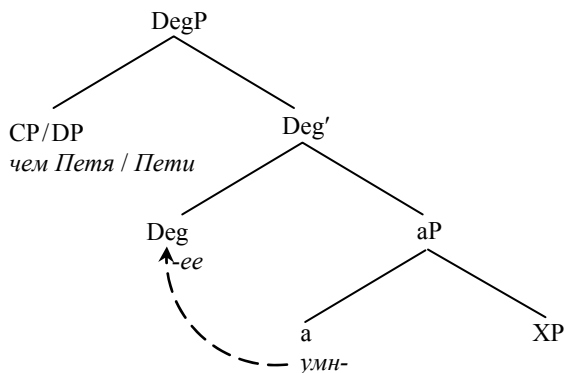
4.1. Синтаксическая структура морфологического и аналитического компаратива

Предлагаемый нами анализ состоит в следующем. Структуры, стоящие за МК и АК в русском языке, различны. Морфологический компаратив представляет собой группу вершины Deg, в то время как аналитический компаратив является группой прилагательного, модифицированной при помощи наречной группы.

Обсудим сперва структуру МК. Вершина Deg принимает в качестве комплемента группу прилагательного (т. е. прилагательное с его зависимыми, например, с дополнением). Как мы уже отмечали выше, Deg лишена согласовательных признаков рода, числа и падежа, поэтому препозитивное атрибутивное употребление МК неграмматично. Наблюдение об отсутствии согласовательных признаков у сравнительной степени хорошо известно, ср. [РГ 1980-I: § 1342]: «Форма сравнит. степени не имеет морфологических значений рода, числа и падежа и относится к морфологическому разряду неизменяемых слов». Предлагаемый нами подход «локализует» эти признаки в синтаксической структуре — они присутствуют в проекции полного прилагательного А и отсутствуют в проекции Deg, которая строится, минуя А.

Предварительная версия структуры МК показана в (29).

(29)

Структура (29) предполагает, что МК образуется в результате передвижения вершины *a* в вершину Deg. Deg проецирует группу, в которую входят два аргумента — группа прилагательного, выступающая компонентом Deg, и эталон сравнения, выражаемый либо клаузой с союзом *чем*, либо именной группой в генитиве.

Относительно эталона сравнения следует сделать два замечания. Во-первых, (29) предсказывает неверный порядок слов для эталона (**знаю мальчика Пети умнее* / **знаю мальчика, чем Петя, умнее*). Решение этой проблемы мы предложим в разделе 4.2 — мы аргументируем анализ, при котором компаратив в поверхностной структуре окажется выше — и, следовательно, левее — эталона сравнения. Во-вторых, структура эталона сравнения, вводимого союзом *чем*, нуждается в прояснении.

Мы предполагаем, что эталон сравнения с союзом *чем* представляет собой клаузу, в которой часть материала подверглась обязательному эллипсису. Такой анализ впервые предлагается для *than*-клауз английского языка в [Bresnan 1973] и для *чем*-клауз русского языка в [Pancheva 2006]. Соответственно, предложению (30a) сопоставляется структура (30b):

- (30) a. *Вася был умнее, чем Петя.*
 b. *Вася был умнее, чем Петя ~~был умный~~.*

Можно заметить, что сохраняющийся материал совершенно необязательно соответствует именной группе, ср. (31a-b). Тем не менее, ограничения на расположение эллидированного прилагательного внутри *чем*-клаузы (31c) свидетельствуют о том, что при образовании клаузального эталона имеет место передвижение оператора из группы прилагательного на левую периферию *чем*-клаузы.

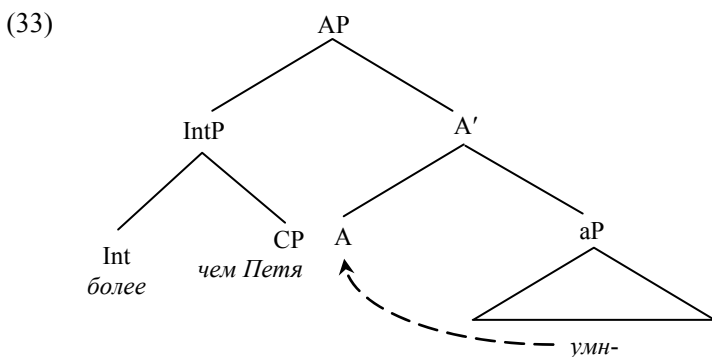
- (31) a. *Мыши оказались умнее, чем мы думали* (Мыши умеют считать // *Русский репортер*, № 45, 2011).
 b. *Мыши оказались умнее, чем мы думали, ~~что мыши умны~~.*
 c. **Мыши оказались умнее, чем Маша верит слухам, ~~что мыши умны~~.*

Таким образом, *чем*-клауза с семантической точки зрения представляет собой предикат над степенями, полученный в результате λ -абстракции по степенной переменной. Удаление совпадающего материала — это независимый от передвижения оператора фонологический процесс. Следует заметить, однако, что в русском языке, в отличие, например, от английского языка, *чем*-клауза может содержать только фонологически идентичные прилагательные, для которых прилагательное в главной клаузе может выступить эллиптическим контекстом, ср. (32).

- (32) a. *The desk is wider than the bed is long.*
 ‘Стол больше в ширину, чем кровать в длину’.
 b. **Стол шире, чем кровать длинная.*

Обратимся теперь к аналитическим компаративам. Аналитический компаратив, согласно нашему анализу, представляет собой группу прилагательного — полного или краткого, в зависимости от того, на базе какого прилагательного он построен. Формальный анализ связывает дистрибутивные различия между краткими и полными прилагательными с наличием у последних признака падежа, а признак падежа, в свою очередь — с синтаксической деривацией, в ходе которой основа прилагательного (или другой категории) соединяется с вершиной А, несущей этот признак (различные варианты такого анализа представлены, например, в [Babby 1973] и [Pereltsvaig 2001]). Далее в этой статье мы сосредоточимся на аналитических компаративах на базе полных прилагательных.

Итак, полное прилагательное проецирует группу прилагательного, AP, обладающую формальными признаками рода, числа и падежа. Сравнительное наречие *более*, обозначенное ниже как Int, располагается в той же позиции, где обычно находятся интенсификаторы (*очень, совсем, слишком,...*) и проецирует собственное зависимое — эталон сравнения:

Структуры (29) и (33) предполагают разный порядок семантической композиции прилагательного, компаративного показателя и эталона сравнения: при образовании морфологического компаратива показатель компаратива сперва объединяется с градуальным прилагательным (тип $\langle d, \langle e, t \rangle \rangle$), а затем с эталоном сравнения (тип $\langle d, t \rangle$), в то время как наречие *более* сперва принимает комплемент типа $\langle d, t \rangle$, а затем соединяется с градуальным прилагательным. Очевидно, что в таком случае семантика показателей компаратива должна быть формально различной. Есть ли, однако, содержательные отличия в семантике Deg и *более*?

Нам представляется, что такие отличия есть. Для морфологического компаратива, образованного вершиной Deg, мы предполагаем стандартную семантику компаратива, известную под ярлыком «A-not-A» [Schwarzschild 2008]: *x выше, чем Вася* означает, что есть такое значение степени d_1 , что x d_1 -высокий, а Вася не d_1 -высокий. Отметим, что такая семантика совмес-

тима с ситуацией, когда d_1 меньше, чем стандарт высоты для людей, так что утверждение с положительной степенью прилагательного — *x высокий* — ложно.

Сравнительное наречие, образующее аналитический компаратив, помимо расположения степеней d_1 и d_2 для эталона и объекта сравнения на шкале, вводит пресуппозицию, что d_1 эталона сравнения достигает стандарта или превосходит его. В пользу этого решения говорят следующие данные. Во-первых, отрицание не влияет на истинность пропозиции с положительной степенью эталона. Так, из (34a-b), как кажется, следует, что исторические справки в ежедневных газетах достигают стандарта и, тем самым, могут быть названы ненадежными.

- (34) а. *Нет источника более ненадёжного, чем исторические справки в ежедневных газетах* (А. Носик. Самиздат, Интернет и профессиональный читатель, 2003).
б. *Есть источники более ненадёжные, чем исторические справки в ежедневных газетах.*

Во-вторых, если аналитический компаратив образован наречием *менее*, то пресуппозиция, что d_2 объекта сравнения достигает стандарта, исчезает, однако пресуппозиция, что d_1 эталона сравнения достигает стандарта, сохраняется. Например, (35) уместно, если голоса Кенигсона и Дружникова считаются говорящим выразительными, при этом голоса артистов X и Y могут как достигать стандарта выразительности, так и не достигать его.

- (35) *И, конечно, голоса ⟨у артистов X и Y⟩ значительно менее выразительные, чем у Кенигсона и Дружникова* (Коллективный Форум: Обсуждение фильма «Фантомас», 2007—2011).

Итак, оба типа компаративных показателей проецируют эталон сравнения, однако отличаются в отношении дополнительной пресуппозиции о достижении эталоном стандарта. В разделе 2.1 мы упомянули еще об одном отличии между МК и АК, связанном с эталоном сравнения: МК допускают в качестве эталона именную группу в генитиве, в то время как АК сочетаются только с эталоном, выраженным *чем*-кlausой. Возникает вопрос, коррелируют ли эти грамматические отличия с семантикой МК и АК, или же определяются их структурными свойствами. Кроме того, остается открытым вопрос о линейной позиции эталона в составе компаративной конструкции — и генитивный, и *чем*-эталон располагаются правее, чем компаратив, однако структуры (29) и (33) предсказывают обратное. В следующем разделе мы остановимся на этих вопросах подробнее.

4.2. Эталон сравнения и структура морфологического компаратива

В предложенном нами варианте анализа эталон сравнения, вводимый союзом *чем*, располагается в структуре обоих типов компаратива выше прилагательного. Это противоречит обычному порядку слов с МК и АК:

- (36) а. *...эта механическая, кропотливая работа казалась ему интереснее, чем чтение* (А. П. Чехов. Палата № 6).
 б. *...это древнее первичное наслаждение убивать людей — умных, хитрых, лукавых, неизмеримо более интересных, чем самые хищные звери* (Л. Н. Андреев. Красный смех).

В принципе, теоретически возможны следующие два варианта деривации поверхностного порядка слов, наблюдаемого в (36). Во-первых, можно предположить передвижение прилагательного в некоторую доминирующую над ним вершину, так что все его аргументы окажутся ниже, а значит, правее его новой позиции. Во-вторых, возможна экстрапозиция эталона сравнения вправо.

АК и МК различаются в отношении допустимости сохранения эталона в препозиции к компаративу. В то время как МК оказывается неграмматичным при предшествовании стандарта сравнения прилагательному (37), аналитический компаратив допускает предшествование эталона прилагательному в том случае, если эталон обладает небольшим фонологическим весом (38).

- (37) а. **Эта механическая работа казалась ему чем чтение интереснее*.
 б. **Они становились чем собаки страшнее для меня.*
- (38) а. *...просил у нее, слабой девушки, у нее, еще более, чем он, беззащитной, сожаления...* (М. Ю. Лермонтов. Вадим).
 б. *...он был гораздо более, чем я, склонен к философии*. (поиск в Яндекс).

Мы склонны считать, что почти обязательная постпозиция стандарта в случае АК вызвана сдвигом синтаксически и фонологически тяжелых составляющих вправо. Тот факт, что подобная процедура не всегда обязательна, говорит о том, что ее природа — не исключительно синтаксическая. Высокая частотность конструкций с постпозицией эталона для АК объясняется тем, что составляющая, вводимая союзом *чем*, является клаузой, которая может содержать достаточно большое количество структуры.

Наш анализ с экстрапозицией эталона сравнения при АК подтверждается также примерами, где группа с *чем* и компаратив не входят в одну составляющую:

- (39) а. *...он всегда был мне симпатичен, и [[_{АР} более близких] друзей], [чем он], я никогда не имел* (Л. Н. Андреев. Мысль).
 б. *...это [[_{АР} более явная] игра] даже, [чем та]...* (И. Ф. Анненский. Искусство мысли).

Таким образом, можно считать, что в основе конструкций с АК лежит структура (33), а отклонения от нее являются результатом постсинтаксической операции экстрапозиции тяжелых составляющих.

Очевидно, что порядок следования составляющих в морфологическом компаративе должен деривироваться иначе: во-первых, сохранение этало-

на левее компаратива невозможно¹⁴; во-вторых, генитивный эталон должен располагаться не просто правее компаратива, но строго в прилегающей позиции. Последнее хорошо видно при сравнении возможностей словорасположения в конструкциях с прилагательными, имеющими собственный комплемент или предложный адьюнкт.

- (40) a. *Вкусный стол был князю дороже жены.*
 b. *Вкусный стол был дороже жены князю.*
 c. **Вкусный стол был дороже князю жены.*
- (41) a. *Проза была для читателя важнее стихов.*
 b. *Проза была важнее стихов для читателя.*
 c. **Проза была важнее для читателя стихов.*
- (42) a. *Петя был равнодушнее Васи к футболу.*
 b. ?*Петя был к футболу равнодушнее Васи.*
 c. **Петя был равнодушнее к футболу Васи.*

Более того, материал, образованный генитивным эталоном и лексическим зависимым прилагательного, на основании критерия сочинения образует составляющую:

- (43) *Петя был равнодушнее [Васи к футболу] и [Гены к хоккею].*

Потребность генитивного эталона в прилагании к МК напоминает известное требование падежного прилегания (Case adjacency), сформулированное в [Stowell 1981]. Рассматривая предложения в (44), Стоуэлл предполагает, что неграмматичность (44b) связана с тем, что именная группа *her allowance* расположена неконтактно с переходным глаголом, приписывающим этой именной группе аккумулятив. Тот факт, что номинализации в (45) допускают различный порядок следования аргументов-предложных групп, говорит о том, что неграмматичность (44b) именно падежная и не связана с различиями в семантических ролях.

- (44) a. *Maggie donated* [_{NP} *her allowance*] [_{PP} *to the charity*].
 ‘Мэгги пожертвовала свои карманные деньги на благотворительность.’
 b. **Maggie donated* [_{PP} *to the charity*] [_{NP} *her allowance*].
 ‘Мэгги пожертвовала на благотворительность свои карманные деньги.’
- (45) a. [*Maggie’s donation* [_{PP} *of her allowance*] [_{PP} *to charity*]] *was nice*.
 ‘То, что Мэгги пожертвовала свои карманные деньги на благотворительность, было очень мило.’

¹⁴ Как справедливо указывает анонимный рецензент, исключением является местоимение *все* (*Кто на свете всех милее / милее всех?*). Представляется, однако, что сочетания с препозицией эталона вне приведенной цитаты малоупотребительны, ср. *Учитель сказал, что Вася[?] всех старательнее / старательнее всех.*

- b. [?][*Maggie's donation* [_{PP} *to charity*] [_{PP} *of her allowance*]] *was nice*.
 ‘То, что Мэгги пожертвовала на благотворительность свои карманные деньги, было очень мило.’

В русском языке требование падежного прилагания засвидетельствовано в именных группах с генитивным аргументом [Зализняк, Падучева 1979; Лютикова 2014]. Если оба аргумента существительного выражены именной группой в генитиве, то к именной вершине прилагает внутренний аргумент (46). Однако, если внутренний аргумент получает лексический падеж или выражен предложной группой, ближе к именной вершине располагается аргумент в генитиве вне зависимости от его семантической роли (47).

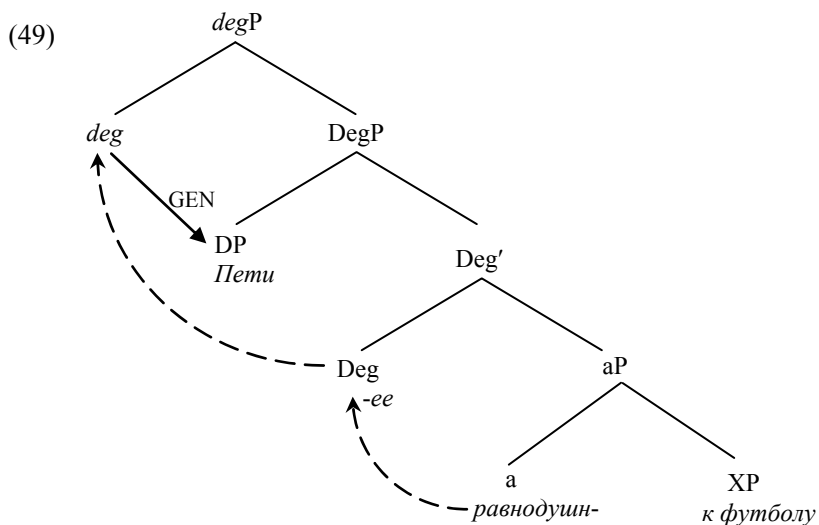
- (46) а. *конспект лекции брата*
 б. **конспект брата лекции*
- (47) а. *недовольство [коллег по цеху] [агрессивной политикой]*
 б. ^{???} *недовольство [агрессивной политикой] [коллег по цеху]*

Важно отметить, что падежное прилагание всегда связано с приписыванием падежа управляющей вершиной. В этой связи требование прилагания эталона сравнения к морфологическому компаративу естественно трактовать как свидетельство падежной связи между эталоном и компаративом.

Вернемся к английскому примеру (44а). Сходство структуры битранзитивной конструкции английского языка и русского морфологического компаратива поддерживается не только падежным прилаганием верхнего аргумента к источнику падежа. Как и сочетание эталона сравнения с лексическим аргументом прилагательного, два дополнения в битранзитивной конструкции образуют составляющую, способную к сочинению:

- (48) *Maggie donated* [[_{NP} *her allowance*] [_{PP} *to the charity*]] *and* [[_{NP} *her country house*] [_{PP} *to the refugees*]].
 ‘Мэгги пожертвовала свои карманные деньги на благотворительность и свой загородный дом беженцам’.

Это сходство мотивирует синтаксический анализ МК в русском языке при помощи той же техники, что используется в анализе битранзитивных конструкций — как и переходный глагол, морфологический компаратив образует ларсонову структуру [Larson 1988], в которой вершина нижней группы передвигается в вершину верхней группы, оставляя ниже и правее себя все свои аргументы. Вершина верхней группы при этом получает способность приписать падеж структурно приоритетному аргументу нижней группы: в битранзитивной конструкции английского языка — первому дополнению, а в русском морфологическом компаративе — генитивному эталону. Окончательная структура МК, объясняющая порядок слов и источник генитива для эталона, представлена в (49).

Наконец, последнее замечание касается взаимного расположения лексического зависимого и эталона сравнения в аналитических компаративах: эталон сравнения должен либо предшествовать прилагательному, либо следовать за его лексическим зависимым, но не может разрывать сочетание прилагательного и его внутреннего аргумента:

- (50) а. *Содержание самого типа Обломова богаче гоголевских прототипов, и от этого он гораздо более похож на настоящего человека, чем каждый из них* (И. Ф. Анненский. Гончаров и его Обломов).
 б. *?Он гораздо более, чем каждый из них, похож на настоящего человека.*
 с. **Он гораздо более похож, чем каждый из них, на настоящего человека.*
- (51) а. *Если бы он год провалялся в могиле, он вернулся бы более похожим на себя, чем теперь* (Л. Н. Андреев. Красный смех).
 б. *?Он был бы более, чем теперь, похожим на себя.*
 с. **Он был бы более похожим, чем теперь, на себя.*

Причина неграмматичности варианта (с) здесь двоякая. С одной стороны, при экстрапозиции эталона сравнения он не может оказаться ниже в синтаксической структуре, чем его исходная позиция, поэтому должен адьюнгироваться как минимум к AP или еще выше. С другой стороны, даже если бы эталон было возможно поместить между прилагательным и его лексическим зависимым, то оказалось бы, что эллиптический контекст для обязательного эллипсиса в *чем*-клаузе разрушен:

- (52) а. *Он был бы более похожим на себя, чем теперь* [~~он был похожим на себя~~].
б. **Он был бы более похожим, чем теперь он похож на себя, на себя.*

В случае, если лексическое зависимое прилагательного [*на себя*] располагается после *чем*-клаузы, оно не может включаться в материал, элиминируемый при эллипсисе.

5. Заключение

В данной работе мы остановились на некоторых особенностях употребления морфологических и аналитических компаративов в русском языке. Как мы установили, при внешне схожих функциях морфологический и аналитический компаратив имеют разную дистрибуцию, различные грамматические характеристики и некоторые семантические отличия. Мы предложили анализ синтаксической структуры морфологических и аналитических компаративов, который объяснял бы эти различия. Одной из отправных точек в наших рассуждениях был запрет на образование морфологического компаратива от прилагательных, содержащих ряд адъективизирующих суффиксов. Этот запрет не наблюдается в аналитических сравнительных формах, что говорит о том, что ограничения, налагаемые компаративной функциональной проекцией, нерелевантны для аналитической степени сравнения в той же мере, в какой и для положительной формы прилагательного.

Главным положением нашего анализа является утверждение, что морфологический компаратив образуется с участием специальных функциональных вершин, образующих собственные проекции и принимающих группу прилагательного в качестве аргумента, в то время как аналитический компаратив базируется на той же синтаксической структуре, что и обычные прилагательные. С этими структурными отличиями коррелируют, во-первых, отличия в синтаксической дистрибуции, во-вторых, закономерности словорасположения в компаративных группах, и, в-третьих, семантический эффект истинности прилагательного в положительной степени для эталона сравнения, связанный с отличием в семантике компаративной морфемы и единиц *более* (*менее*). Особенности порядка слов и структуры составляющих в конструкциях с морфологическим компаративом, а также условия приписывания генитива эталону сравнения мотивируют анализ морфологического компаратива как проецирующего ларсонову структуру сравнительной группы.

Предпринятое обсуждение, как нам кажется, не только способствует лучшему пониманию набора фактов, связанных с функционированием компаративной конструкции в русском языке, но и имеет определенные методологические следствия. Синтетические и аналитические конструкции, выражающие единую языковую категорию и распределенные на ос-

новании формальных признаков, часто рассматриваются как фонологические или морфологические варианты озвучивания одной и той же синтаксической структуры. Пример русских компаративов показывает, что за подобными конструкциями могут стоять структурные альтернативы, и синтаксическое тождество конструкций должно быть аргументировано в той же мере, что и различие.

Л и т е р а т у р а

Брандер 1999 — А. Брандер. Морфологический анализ образования синтетических форм степеней сравнения в русском языке // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A, Řada jazykovědná*. Brno, 1999. Vol. 48. Iss. A47. P. 165—173.

Воротников 1999 — Ю. Л. Воротников. «Более лучше, более веселее». О грамматическом статусе аналитических форм сравнительной степени // *Русская речь*. 1999. №1. С. 49—54.

Еськова 2011 — Н. А. Еськова. Образование синтетических форм степеней сравнения в современном русском литературном языке // *Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография*. М., 2011. С. 127—152.

Зализняк 1980 — А. А. Зализняк. Грамматический словарь русского языка. М., 1980.

Зализняк, Падучева 1979 — А. А. Зализняк, Е. В. Падучева. Синтаксические свойства местоимения КОТОРЫЙ // *Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках*. М., 1979. С. 289—329.

Лютикова 2014 — Е. А. Лютикова. Русский генитивный посессор и формальные модели именной группы // *Типология морфосинтаксических параметров. Материалы международной конференции «Типология морфосинтаксических параметров 2014»*. Вып. 1 / Под ред. Е. А. Лютиковой, А. В. Циммерлинга, М. Б. Коношенко. Москва, 2014. С. 120—145.

Мельчук 1998 — И. А. Мельчук. Курс общей морфологии // *Wiener Slawistischer Almanach*. Т. 2. М.; Вена, 1998.

Пешковский 1956 — А. М. Пешковский. Русский синтаксис в научном освещении. 7-е изд. М., 1956.

РГ 1980-I — *Русская грамматика*. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

РГ 1980-II — *Русская грамматика*. Т. 2: Синтаксис / Гл. ред. Н. Ю. Шведова. М., 1980.

Янко-Триницкая 1989 — Н. А. Янко-Триницкая. Русская морфология. 2-е изд., испр. М., 1989.

Abney 1987 — S. Abney. The English noun phrase in its sentential aspect. Doctoral dissertation. MIT, Cambridge, 1987.

Babby 1973 — L. Babby. The Deep Structure of Adjectives and Participles in Russian // *Language*. Vol. 49. №. 2 (Jun. 1973). P. 349—360. (Русский перевод: Л. Бебби. Глубинная структура прилагательных и причастий в русском языке // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XV. 1985. С. 156—170.).

Bhatt, Pancheva 2007 — R. Bhatt, R. Pancheva. Degree quantifiers, position of merger effects with their restrictors, and conservativity. *Direct Compositionality* / Ed. by C. Barker and P. Jacobson. Oxford, 2007. P. 306—335.

Bobaljik 2012 — J. Bobaljik. *Universals in Comparative Morphology: Suppletion, Superlatives, and the Structure of Words*. Cambridge, 2012.

Bresnan 1973 — J. Bresnan. Syntax of the comparative clause construction in English // *Linguistic Inquiry*. 1973. Vol. 4. P. 275—343.

Bylina 2014 — L. Bylina. *The Grammar of Standards: Judge-dependence, Purpose-relativity, and Comparison Classes in Degree Constructions*. Ph.D. diss. Utrecht university, 2014.

Embick, Noyer 2001 — D. Embick, R. Noyer. Movement operations after syntax // *Linguistic Inquiry*. 2001. Vol. 32. P. 555—598.

Embick 2005 — D. Embick. *Blocking Effects and Analytic/Synthetic Alternations*. Ms., University of Pennsylvania, 2005.

Grashchenkov 2008 — P. Grashchenkov. *Russian Comparatives: A CV of a Complicated Life Story. Minimalist Explorations of the Syntax-Lexicon Interface*, ed. by Young-Sun Kim. Seoul: Hankuk, 2008.

Heim 2000 — I. Heim. Degree operators and scope. *SALT X* / Ed. by B. Jackson and T. Matthews. Ithaca, New York, 2000. P. 40—64.

Ionin, Matushansky 2013 — T. Ionin, O. Matushansky. More than one comparative in more than one Slavic language: an experimental investigation. *Proceedings of FASL 21*. Ann Arbor, 2013.

Kennedy 1998 — C. Kennedy. Local dependencies in comparative deletion. *Proceedings of WCCFL 17*. Stanford, 1998. P. 375—389.

Kennedy 1999 — C. Kennedy. *Projecting the Adjective: The Syntax and Semantics of Gradability and Comparison*. New York, 1999.

Kennedy 2000 — C. Kennedy. *Phonological Form*. Paper presented at the meeting of the Linguistic Society of Japan, August 2000. [URL: www.semantics.uchicago.edu/kennedy/classes/japan/pf-handout.pdf].

Kennedy 2009 — C. Kennedy. *Modes of Comparison*. *Papers from the 43rd Annual Meeting of the Chicago Linguistics Society* / Ed. by M. Elliott, J. Kirby, O. Sawada, E. Staraki and S. Yoon. Chicago, 2009. P. 141—165.

Larson 1988 — R. Larson. On the double object construction // *Linguistic Inquiry*. 1988. Vol. 19. №. 3. Pp. 335—391.

Matushansky 2002 — O. Matushansky. More of a good thing: Russian synthetic and analytic comparatives. *Proceedings of Formal Approaches to Slavic Linguistics 10* / Ed. by J. Toman. Ann Arbor, 2002. P. 400—413.

Matushansky 2008 — O. Matushansky. On the attributive nature of superlatives. *Syntax*. 2008. Vol. 11. P. 26—90.

Matushansky 2013 — O. Matushansky. More or better: on the derivation of synthetic comparatives and superlatives in English. *Distributed Morphology Today: Morphemes for Morris Halle* / Ed. by O. Matushansky and A. Marantz. Cambridge, 2013. P. 59—78.

Morzycki 2015 — M. Morzycki. *Modification*. Cambridge, 2015.

Pancheva 2006 — R. Pancheva. *Phrasal and Clausal Comparatives in Slavic* // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 14: The Princeton Meeting* / Ed. by J. Lavine et al. Ann Arbor, 2006. P. 236—257.

Pereltsvaig 2001 — A. Pereltsvaig. Syntactic Categories are Neither Primitive nor Universal: Evidence from Short and Long Adjectives in Russian // *Formal Approaches to Slavic Linguistics 9* / Ed. by S. Franks et al. Ann Arbor, 2001. P. 209—227.

Pulman 1991 — S. P u l m a n. Comparatives and Ellipsis. Proceedings of the 5th European Meeting of the Association for Computational Linguistics, Berlin, 1991. P. 1—6.

Schwarzschild 2008 — R. S c h w a r z s c h i l d. The semantics of comparatives and other degree constructions // Language and Linguistics Compass. 2008. Vol. 2 (2). P. 308—331. doi:10.1111/j. 1749-818X.2007.00049.x.

Stowell 1981 — T. S t o w e l l. Origins of phrase structure. Ph. D. thesis. MIT, Cambridge MA, 1981.

Townsend 1970 — Ch. T o w n s e n d. Continuing with Russian. New York, 1970.

Резюме

В статье устанавливается ряд структурных и семантических различий в дистрибуции морфологической и аналитической степеней сравнения прилагательного в русском языке. Несмотря на внешнее сходство двух типов компаратива, их синтаксис существенно различается: лишь морфологический компаратив допускает генитивный эталон сравнения; лишь аналитическая степень сравнения может употребляться атрибутивно в препозиции к существительному. К семантическим различиям относится пресуппозиция обладания качеством, выражаемым положительной степенью прилагательного: она наблюдается у аналитических компаративов и отсутствует у морфологических. Цель работы — показать, что за асимметрию в употреблении двух форм компаратива ответственны структурные характеристики компаративных конструкций. Структура аналитического компаратива совпадает с таковой у полной либо краткой формы положительной степени прилагательного, в то время как структура морфологического компаратива отличается от обеих этих форм.

Ключевые слова: прилагательные, сравнение, морфологический компаратив, аналитический компаратив, семантико-синтаксический интерфейс, русский язык

Получено 17.10.2016

PAVEL V. GRASHCHENKOV, EKATERINA A. LYUTIKOVA

SYNTAX OF RUSSIAN COMPARATIVE CONSTRUCTIONS

Abstract: The paper establishes structural and semantic differences in Russian morphological and analytic comparatives. Superficially very similar, the two types differ drastically with respect to their syntax. Only morphological comparatives license a genitive DP of the standard of comparison, and only analytical comparatives are licit as prepositive modifiers within the noun phrase. Semantically, analytic comparatives but not morphological comparatives trigger the presupposition that the positive adjective is true of the standard of comparison. The paper claims that this asymmetry in the distribution of the two comparative forms is due to differences in syntax. Analytical comparatives are structurally identical to the long or short form of the adjective they are built on; morphological comparatives have a special structure projected by the comparative functional head.

Keywords: adjectives, comparison, morphological comparative, analytic comparative, syntax-semantics interface, Russian

Received on 17.10.2016

И. В. НЕЧАЕВА

ПРОПИСНАЯ ГРАФЕМА И ЕЕ ФУНКЦИИ В СОВРЕМЕННОМ ПИСЬМЕ

1. Орфографические нормы в отношении прописной буквы (графемы) не относятся к главным нормам письма, это нормы как бы «второго порядка». В правилах правописания традиционно приоритетное внимание уделяется употреблению гласных и согласных букв в различных позициях, связанному с их качественным выбором на письме, затем контактно-пробельно-дефисным написаниям (объектом являются как композиты, так и слова с отрицанием, а также полужнаменательные и служебные части речи). Проблема буквенного регистра в орфографической иерархии находится на предпоследнем месте, опережая лишь правила переноса. Данный подход отражается и в построении орфографических руководств. «Большія буквы составляют, собственно говоря, роскошь письма», — писал академик Я. К. Грот [Грот 1888: 87]; «Правиламъ объ употребленіи большихъ буквъ не слѣдуетъ придавать слишкомъ много значенія, тѣмъ болѣе, что невозможно дать точныхъ указаній на всѣ встрѣчающіеся случаи» [Там же: 87—88].

Русское письмо, как известно, относится к буквенно-звуковому типу; этим и обусловлена приоритетность правил, связанных с графической передачей звукового состава слов. Прописная же буква не передает фонетического содержания, а лишь способствует визуальному выделению слова или фрагмента текста.

При этом нет сомнений, что сфера регистровых различий подлежит нормированию так же, как и любая другая область орфографии. Кодификационная периферийность данного сегмента правописания должна находить отражение не в отрицании правил, а в их ином кодифицирующем статусе. Многообразие контекстных условий может весьма заметно влиять здесь на принятие конкретных орфографических решений, «за правилами все-таки еще многое останется рѣшать такту и здравому смыслу» [Грот 1876: 359].

Наблюдения за письменной практикой последних лет показывают, что общая тенденция к неустойчивости в орфографии затронула и изучаемую нами область письменного языка. Одновременно в письменной речи появились новые явления — новые по семантике или структуре типы номинаций,

в том числе неоднословные конструкции, не описанные существующими кодифицирующими источниками. Поэтому обращение к лингвистическим основам правописания в данной области не теряет своей актуальности.

2. При определении понятия прописной буквы (точнее — прописной графемы) мы будем исходить из теоретических взглядов, изложенных в работах А. А. Зализняка: термин «буква» означает некоторую совокупность омофоничных графем, занимающих одну позицию в алфавите, см. [Зализняк 1979: 146]. В русской традиции буква обычно обозначает пару графем, состоящую из строчной графемы и соответствующей ей прописной.

Выделение разных графем проводится А. А. Зализняком на основе критерия существенности. Так, различия начертаний типа *a*, **a**, *a*, **a**, *a*, **a** не являются существенными, поэтому члены приведенного ряда считаются не разными графемами, а аллографами одной и той же графемы. По А. А. Зализняку, «существенно такое и только такое различие между двумя написаниями, которое хотя бы для одной пары словоформ является единственным источником различия между принятыми в данном обществе графическими изображениями этих словоформ» [Там же: 136]. Этот принцип используется в орфографии при разграничении собственных имен и омонимичных им нарицательных. Ср. примеры: *Гермафродит* (мифологическое существо) и *гермафродит* (организм с признаками мужского и женского пола), *белая* (прил. ж. р.) и *Белая* (река), *балда* (бестолковый человек) и *Балда* (персонаж А. С. Пушкина), *овод* (насекомое) и *Овод* (литературный персонаж), *неизвестный* (прил.) и *Эрнст Неизвестный*, *Иван да Марья* и *иван-да-марья* (растение), *церковь* (архитектурное сооружение) и *Церковь* (религиозная организация) и др.

Таким образом, прописная *A* и строчная *a* являются разными графемами, но одной и той же буквой, что доказывается обычным словоупотреблением: *Русский алфавит состоит из 33 букв, Слово Анапа начинается и кончается на одну и ту же букву* (примеры А. А. Зализняка). Следовательно, более корректным был бы выбор термина «прописная графема». Однако в русской традиции термины *г р а ф е м а* и *б у к в а* часто употребляются в одном значении. При этом в правилах правописания принято употреблять исключительно термин «буква», и это приходится учитывать.

Итак, *п р о п и с н а я г р а ф е м а* — это разновидность графического инварианта, называемого буквой, увеличенного размера (выступающая над строкой) и иногда иного начертания.

3. Выделение особым начертанием начальной буквы текста применялось еще до введения книгопечатания, однако об использовании прописной для обозначения слов с определенными значениями речь тогда не шла. Первые попытки регламентации употребления прописной относятся к XVII в. (напр., в «Грамматике...» М. Смотрицкого), однако до 2-й половины XIX в. оно не было в целом упорядочено, см. [Чельцова 1997: 389].

Философия современного лингвистического подхода в этой области правописания, как и во многих других, задана академиком Я. К. Гротом, хотя вопросы уместности употребления прописной графемы оказывались в поле зрения ученых и до Грота. Сам Грот приводит высказывание Сенковского о том, что «ничто так не пестритъ, не обезображиваетъ, не мараешь печати, какъ множество прописныхъ буквъ» [Грот 1876: 359]. Н. А. Добролюбов считал, что «идея отличія, единственное разумное основание для прописныхъ букв, нисколько не достигается именно оттого, что слишкомъ многое отличаемо» (цитата по [Обзор... 1965: 381]).

Частично соглашаясь с Сенковским, Я. К. Грот в «Спорныхъ вопросахъ русскаго правописанія» выдвигаетъ следующий орфографический принципъ: «Слишкомъ пестритъ письмо большими буквами конечно не годится, но съ другой стороны и слишкомъ тщательно избѣгать ихъ нѣтъ основанія: большія буквы во многихъ случаяхъ доставляютъ ту практическую пользу, что при бѣглому чтенію или при пересмотрѣ прочитаннаго даютъ глазу точки опоры, облегчаютъ ему отысканіе нужнаго» [Грот 1876: 359]. Это детализируется в следующем:

1) «Совершенно справедливо признать за общее правило, что съ большой буквы пишутся только слова, служащія собственными именами; но такую роль могутъ играть не одни въ тѣсном смыслѣ означаемыя этимъ названіемъ слова, а также и нарицательныя — какъ существительныя, такъ и прилагательныя» [Там же: 360];

2) «Относительно названій, состоящихъ изъ нѣсколькихъ словъ, возникаетъ вопросъ: всѣ ли эти слова писать съ большой буквы, или только главное изъ нихъ? Держась принятаго принципа не расточать большихъ буквъ, слѣдуетъ начинать такую буквою только первое слово подобныхъ названій» [Там же];

3) «Прилагательныя имена, произведенныя отъ существительныхъ собственныхъ, должны писаться съ большой буквы тогда только, когда они сами служатъ собственными именами, т. е. единичными названіями предметовъ, напр.: Невскій проспектъ, Московская губернія <...>» [Там же: 362].

Тем самым была заложена основа правил употребления прописных и строчных букв в русском языке, которая не поколеблена до сих пор¹.

Вся дальнейшая история изучения правописания в данной области представляет собой ряд попыток кодификации. При этом современных теоретических исследований в области орфографии прописной гра-

¹ Речь идет о правилах светского правописания; в церковной печати действуют иные принципы. Вопрос об употреблении прописных в богослужебных книгах обсуждался в ходе дискуссии, прошедшей в 1876—1892 гг., когда были высказаны предложения изменить написание божественных имен и священных понятий и в церковнославянской печати (т. е. не выделять их с помощью титла, а писать с прописной буквы). Комитет по пересмотру богослужебных книг эти предложения поддержал, но Священный синод отклонил в пользу продолжения традиций Московской синодальной типографии, см. [Кравецкий 2015].

фемы явно недостаточно. Тему кодификации мы оставляем за рамками данной статьи. Обратимся к языковым основаниям, в соответствии с которыми прописная графема употребляется в русском письме, к выполняемым ею функциям. Цель данной работы не в том, чтобы установить предпочтительное написание для того или иного слова или категории слов и окончательно разрешить много лет не решаемую проблему прописной графемы, а в том, чтобы понять, какие функции прописной актуальны на современном этапе, в верификации нормативных подходов в данной области орфографии. Для этого необходимо изучать спонтанный письменный узус.

Надо сказать, что изучение узуса в связи с данной проблемой представляет определенную трудность. Если мы хотим заметить живые изменения, появляющиеся в письменной речи, источником для осуществления лингвистических наблюдений должен в идеале служить необработанный текст, созданный образованным носителем языка. Таким источником не могут являться обычные печатные издания, поскольку издательские корректоры, как правило, относятся к наиболее лингвистически консервативному сообществу среди тех, кто работает со словом. Поэтому привлекаемые здесь источники не представляют какого-то однородного материала, а складываются из различных видов письменной деятельности, доступной автору данной статьи (они будут конкретизированы в дальнейшем, при описании конкретных случаев). На наш взгляд, не следует снобистски отвергать и привлечение интернет-узуса (при всей его разнородности и уязвимости для критики), надо только уметь опознать образованного пользователя среди прочих. При этом нашей задачей ни в коей мере не является статистическое установление письменных предпочтений: важно заметить изменения, происходящие в том или ином сегменте письменного узуса и, не принимая ответственных нормативных решений, зафиксировать вектор этих изменений, оценить их отношение к той роли, которую прописная графема выполняет в современной письменной речи.

4. Вопрос о функциях, которые выполняет прописная в русском письме, до сих пор нельзя считать решенным. Несмотря на то что в лингвистической литературе основные ее функции были уже определены и описаны, см. [Суперанская 1973, Иванова 1975, Чельцова 2009, Обзор... 1965], процирирование их действия на современный письменный узус нередко вызывает вопросы. Об этом свидетельствует и разноробой в написаниях, встречающийся в данной сфере. Орфографический выбор, совершаемый пишущими, зависит от множества факторов, их различной значимости. Судя по всему, проблема прописной во многом обусловлена именно нечеткостью понимания выполняемых ею функций. Рассмотрим главные из них.

Основные функции прописной графемы — семантическая и синтаксическая. Первая относится к обозначению особого типа лексических единиц (прежде всего собственных имен и наименований, а также аббревиатур); вторая связана со строением речи и, по мнению некото-

рых ученых, может быть отнесена не к орфографии, а к пунктуации (см., например, [Шапиро 1951: 148; Обзор... 1965: 380]. Однако, поскольку речь идет об употреблении графического, а не пунктуационного знака, мы разделяем мнение тех, кто считает, что предпочтительнее рассматривать эту проблему в контексте орфографии.

Выполнение прописной буквой своих функций возможно, если исходить из презумпции, что в стандартном тексте большая часть слов состоит из строчных графем. В некоторых видах письменной речи, например в электронной переписке или в интернет-общении, иногда используется прием записи текста сплошными прописными с целью особого подчеркивания содержания высказывания, привлечения к нему внимания и усиления воздействия на коммуниканта (что считается не вполне вежливым, поскольку подобное оформление текста равносильно крику в устной речи). Применение с этой целью caps lock'a лишает прописную графему ее выделительных функций по отношению к слову или словосочетанию как единицам текста. В заголовках печатных произведений, на вывесках и т. п. сплошная прописная выполняет лишь роль элемента внешнего графического оформления с целью усиления визуального эффекта. В обычном же тексте в оппозиции «строчная — прописная» маркированным членом нормально является последняя.

4.1. Семантическая функция. Данная функция задействована при обозначении с помощью прописной особого характера слова, присущего собственным именам. Проблема в том, что до сих пор нет устоявшейся концепции имени собственного [Чельцова 2009: 249]. Описаны его свойства, но их связь с орфографией имеет не вполне четкие очертания. Рассмотрим эти свойства.

4.1.1. По распространенному мнению, специфика онима состоит прежде всего в том, что у него отсутствует связь с понятием (в отличие от апеллятива, который эту связь выражает), поэтому собственное имя не поддается определению: истолковать такие имена можно только через соотнесение имени с денотатом. Оним — это метка, выполняющая функцию указания на денотат. Ср.: «вера — это убежденность, глубокая уверенность в ком-чем-л.», с одной стороны, и «Вера — имя женщины» — с другой. Обозначая на письме имя собственное, прописная графема выполняет функцию десемантизации понятия: «собственные имена денотируют (обозначают), не знача, а нарицательные — коннотируют» [Суперанская 1973: 57].

Данное положение применимо к основному составу собственных имен. Однако, как показывает языковой материал, сохранение некоторыми вторичными онимами (или структурными компонентами неоднословных онимов) семантики апеллятива — не такая уж редкая вещь в языке. Это демонстрируют такие собственные имена, как *Рождество*, *Крещение* (христианские религиозные праздники), *Просвещение* (историческая эпоха),

Летний дворец (Петра I), *Плиний Старший*, *Иоанн Богослов*, *Максим Исповедник*, *Александр Освободитель*, *Филипп Красивый*, *Царевна Лебедь*, *Синяя птица* и др. Возможно, здесь играет роль уникальность обозначаемого собственным именем денотата, точнее — индивидуальная закреплённость последнего (к критерию единичности / уникальности онимов мы еще вернемся).

Тем не менее можно заметить, что ослабление семантики понятия в ряде случаев стихийно связано с орфографией: пишущий, разумеется, не осознает всю сложность процессов, происходящих с тем или иным словом, но неосознанно применяет верхний или нижний регистр. Возьмем несколько примеров из современного узуса.

Слово *n/Перестройка* как название определенного периода нашей истории в последнее время нередко встречается написанным с прописной (до сих пор в словарях оно фиксировалось как нарицательное). По-видимому, здесь произошла частичная десемантизация (ослабление у слова лексического значения) при усилении номинативной функции: слово еще сохраняет некоторую связь с семантикой соответствующего глагольного действия, но историко-политические ассоциации выходят на первый план. Такие написания не раз были встречены автором данной статьи при проводимой им экспертизе и редакции заданий тренировочных работ по истории и обществознанию, предназначенных для подготовки школьников к сдаче единого госэкзамена. Составителями тестовых заданий этих работ в основном являются педагоги, методисты школьного образования, учителя высокой квалификации. Аналогичные примеры можно встретить и в интернете, ср.: *Начиная со второй половины XX века песни народного и эстрадного жанра на русском языке имелись в репертуаре певцов Бюльбюльджана, Муслима Магомаева, Рашида Бейбутова, Полада Бюльбюльоглы (<...>), после Перестройки — Бриллиант Дадашевой, Фаика Агаева, Айгюн Кязимовой, Мананы Джаваридзе и других исполнителей* (https://vk.com/wall-36847778_111485).

Подобные процессы происходят с номинациями *x/Холодная война*, *м/Мировая система социализма* и даже *ж/Железный занавес*. Эти названия обозначают разные понятия, но их объединяет клишированность, преобладание номинативного аспекта без отсылки к их нарицательным языковым значениям, что приближает их к собственным именам. Помимо примеров словоупотреблений, встреченных в упомянутых контрольных работах для подготовки к ЕГЭ, есть примеры из интернета: *Итак, страна готовится к возвращению к «Общей оборонительной стратегии» эпохи Холодной войны, о чем было объявлено чуть больше года назад (15 декабря 2015 года)* (<http://akhomerun.livejournal.com/2548156.html>); *Думаю, что здесь элементы «глубинного государства», которое было создано в Европе во время Холодной войны* (https://vk.com/wall-23232544_3096565); *Запретил выезжать за границу — привет потомкам, современникам «Железного занавеса»* (https://vk.com/wall4182709_235).

Термины *б/Ближнее зарубежье* и *д/Дальнее зарубежье* по кодифицированной словарной норме являются нарицательными, но, судя по встречающимся написаниям, теперь зачастую воспринимаются практически как топонимы. В написании с прописной попадают также *восточное/западное/северное/южное побережье* и *восточный/западный* и др. *шельф*. Помимо тестов для школьных проверочных работ, немало подобных написаний встречается и на пространствах интернета: *В последнее время на Восточном побережье США стоит пасмурная погода: стрелка термометра колеблется около нулевой отметки, идет дождь со снегом* (<http://loguheg.livejournal.com/665.html>); *18 декабря 1928 года родился тенор-саксофонист Harold Land, чьё острое бескомпромиссное звучание шло вразрез с тихой манерой общения и традиционным для Западного побережья кул-джазом* (https://vk.com/wall-43416763_39264). Вероятна ассоциация этих номинаций с такими названиями, как *Северное полушарие*, *Южный полюс*, *Северный тропик*. Основное семантико-грамматическое различие между ними — в наличии необходимой присловной подчинительной связи у первых (*восточное побережье Балтийского моря / Соединенных штатов Америки / озера Байкал* и др.) и семантико-информативная достаточность последних. Является ли данное различие орфографически существенным? Казалось бы, должно являться, так как оно лишает данные наименования уникальности (о единичности/уникальности обозначаемого понятия как вероятном свойстве онимов см. далее). Однако узус демонстрирует тенденцию к нивелированию этого различия.

4.1.2. Переходим к критерию единичности (уникальности) обозначаемого онимом денотата. Вопрос состоит в том, действительно ли уникальность обозначаемого словом понятия является предпосылкой для употребления прописной графемы. «Основным и отличительным признаком имени собственного является то, что оно присваивается единичному предмету, обладающему, кроме того, названием, принадлежащим всей группе однородных с ним предметов» [Шапиро 1951: 151]. Прописная в силу своей маркированности должна сопровождать категорию уникальности, а строчная, как «рядовой» графический знак, — множественности. Казалось бы, некоторые языковые примеры это подтверждают. Так, когда слово *Бог* обозначает единое верховное существо, Всевышнего, Создателя и Творца (в христианстве и некоторых других религиях), оно начинается с прописной графемы, а *бог*, *богиня* из многочисленного языческого пантеона (*античные боги*, *бог виноделия Дионис*, *богиня красоты Афродита*, *боги славянского пантеона Перун*, *Мокошь* и др.) — со строчной. (Пример этот, однако, нельзя считать достаточно убедительным из-за невозможности абстрагироваться от того священного ореола, которым в христианской цивилизации сопровождается представление о Боге, поэтому здесь вероятно действие аксиологического критерия, о котором см. ниже). По мнению

Н. В. Подольской, «эти слова² потому и начинаются с заглавной буквы, что за ними, по православному пониманию, стоят не только самые высокие понятия, но эти понятия представляют абсолютную единственность» [Подольская 1994: 51]; «Слова *архистратиг, архангел, ангел, серафим, херувим* пишутся со строчной буквы как именованья многочисленных бесплотных духов в каждом роде Небесного воинства» [Там же: 54]. Другие примеры: *Будда* (имя основателя буддизма) — *будда* (человек, по религиозным верованиям достигший духовного просветления), *Гаврош* (лит. персонаж) — *гаврош*³ (перен. — уличный мальчишка), *Жучка* (кличка собаки) — *жучка* (о любой дворовой собаке)⁴, *Тмутаракань* (древний причерноморский город) — *тмутаракань* и *тьмутаракань* (об отдаленной провинциальной местности). Разумеется, во всех этих случаях имя, индивидуальное название, утратив свою уникальность и начав относиться к ряду объектов, приобретает какое-либо обобщенное значение, присущее всем означаемым.

Тем не менее при анализе языкового материала нельзя не заметить, что не всегда оным обозначает единичный объект, а апеллатив — множественный. На языковых примерах видно, что не существует прямой зависимости между уникальностью означаемого и принадлежностью слова к собственным именам. Так, *солнце, луна, земля* в неастрономических значениях хотя и являются единичными объектами, однако представляют собой понятия, а не имена и пишутся со строчной (*взошло солнце, светит луна, нет правды на земле, небо и земля* и т. п.). Как нарицательные, они наделены полисемией, допускают синонимию (*солнце* = (дневное) *светило*, *луна* = *месяц*, *земля* = *мир* = *свет* = *вселенная* и др.), служат источником деривации, см. [Суперанская 1973: 94]. Ясно, что не любой единичный предмет относится к собственным именам. В этом контексте сомнительным представляется принятие в свое время нормативного кодификаторского решения о написании на этом основании слова *Интернет* (которое поддается определению, следовательно, обозначает понятие) с прописной графемы (ср. такие средства связи, как *радио, телеграф, телефон*, обладающие не меньшей уникальностью, но являющиеся нарицательными). По прошествии десятилетия словарную кодификацию пришлось смягчить — пока лишь в сторону допущения вариативных написаний *Интернет* и *интернет*⁵.

С другой стороны, есть собственные, которые служат именами для множества объектов; тривиальный тому пример — личные имена и распространенные фамилии, т. е. наличие тезок и однофамильцев (например:

² Слова, обозначающие «высокие и высочайшие православные понятия», такие как *Бог, Церковь, Дева, Небо, Троица* и др. [прим. моё — И. Н.].

³ У данного слова существует также значение ‘женская прическа’.

⁴ *Вот бегают дворовый мальчик, В салазки жучку посадив, Себя в коня преобразив* (А. С. Пушкин).

⁵ Это было сделано в 4-м издании «Русского орфографического словаря» [РОС 2012: 243].

в России проживает около полутора миллионов Ивановых). Однако наличие повторяющихся антропонимов не лишает их индивидуализации. Уникальность и индивидуальность — не одно и то же. Оним может быть не уникален, но индивидуален, он обладает знаковой немотивированной закреплённостью по отношению к денотату, что не мешает ему являться членом какого-либо множества. При этом множества онимов имеют свои особые черты, отличные от множеств нарицательных: «мн. число нарицательных существительных однородное (на уровне нормы) множество, а имен собственных — неоднородное множество» [Болотов 1978: 101], — и в этом, по мнению автора, условие его существования. А. В. Суперанская, говоря об обозначениях групп людей, отмечает определенность объекта, носящего данное имя собственное: «Из всех признаков, на основе которых может быть проведено различие собственных и нарицательных имен, мы выделяем два: определенность/неопределенность объекта и наличие/отсутствие коннотаций, т. е. связи с понятием как логической категорией» [Суперанская 1978: 59]. В качестве примеров приводятся наименования династий (*Рюриковичи, Романовы, Габсбурги, Бурбоны, Пантагенеты, Птолемеи* и др.), каждый член которых — вполне определенное лицо. Важна выделяемость денотата как релевантный признак имени собственного. Собственное имя служит для выделения индивидуального объекта из класса объектов, нарицательное — для обозначения самого класса объектов. Утверждается также, что плюралии нарицательных обозначают неограниченное множество, а плюралии собственных — ограниченное (что, впрочем, не вполне убедительно в применении к очень большому количеству онимов, ср. пример про носителей фамилии *Иванов*).

Вернемся к орфографии. На языковых примерах можно наблюдать, как движение значения от обобщенного к индивидуальному влечет за собой повышение буквенного регистра. Так, в романе М. А. Булгакова «Белая гвардия» слово *Город*, становясь именованьем единого места действия — Киева, — начинает писаться с прописной графемы, выполняющей в данном случае функцию индивидуализации. Всем известны персонажи басен — животные, которые, персонифицируясь в рамках контекста, не теряют своих наименований (напр.: *На ту беду, Лиса близехонько бежала; На ель Ворона взгромоздясь, позавтракать совсем уж было собралась; Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом* и т. д.). Десемантизация здесь не происходит — *Город* остается городом, *Лиса* лисой, а *Ворона* вороной, но происходит замена родового понятия на конкретный индивидуальный объект, и при этом повышается буквенный регистр. Это говорит о том, что индивидуализирующая функция обладает определенной самостоятельностью и работает независимо от предыдущей функции — десемантизирующей. Другой случай условной индивидуализации — написание с прописной названий субъектов какого-либо соглашения, договаривающихся сторон (в текстах соответствующих документов), например слов *Автор* и *Издательство* в тексте издательского договора, *Заказчик* и *Ис-*

полнитель при заключении контракта на предоставление какой-либо услуги (приобретающих уникальность в рамках данного документа).

С другой стороны, примеры типа *жучка*, *т(ь)мутаракань*, *гаврош* демонстрируют, напротив, понижение графического статуса с утратой индивидуальной закреплённости названия и приобретением обобщенного характера употребления. Однако, по мнению А. В. Суперанской, в подобных случаях нет полного перехода собственных имен в нарицательные. «Чтобы он произошел, породившее его собственное имя должно или забыться, или отодвинуться в иной денотативный ряд, ср. (...) *Панама* — страна, *панама* — шляпа, *панама* — обман — слова абсолютно разных полей» [Суперанская 1978: 61]. В наших примерах подобное произошло лишь со словом *гаврош* как названием определенной прически. Тем не менее письмо, как правило, требует однозначности, и, как видно из языковой практики, утрата словами *жучка*, *бурёнка*, *тмутаракань* и подобными индивидуальной закреплённости — достаточное основание для употребления строчной графемы.

4.1.3. К функции индивидуализации близка функция идентификации; она выходит на первый план при различного рода вторичных номинациях, в частности при обозначении товарных наименований. Такие наименования обычно образуются путем онимизации или трансонимизации. Материалом для этого может служить любое слово или словосочетание, необязательно с предметным значением. Подобных наименований — прямо-таки безбрежное море: *сметана* «Простоквашино» / «Витебские просторы» / «Благода» / «Домик в деревне»..., *бедро куриное* «Особое» / «Первая свежесть» / «Петелинка» / «Моссельпром» / «Ярославский бройлер»..., *крем для рук* «Роскошный уход» / «Нежность алоэ» / «Бархатные ручки» / «Комплексный»..., *гель для душа* «Аромат тайны» / «Цитрусовый заряд», / «Сила витаминов», / «Пробуждающий»..., *губная помада* «Ультрацвет» / «Фруктовый поцелуй» / «Совершенство»..., *вермут* «Букет Молдавии», *туалетное мыло* «Алиса», *духи* «Может быть»⁶ и многое другое. Присвоенные номинации предназначены для различения товаров из одного товарного ряда, для его идентификации, т. е. соотнесения имени с конкретным предметом или классом предметов. Проблемными в отношении правописания являются наиболее знакомые, часто встречающиеся названия, которые настолько привычны, что воспринимаются уже как нарицательные: *докторская/любительская/брауншвейгская ... колбаса, российский/голландский/костромской ... сыр* и т. п. Поскольку продукты данных наименований могут выпускать предприятия — носители различных торговых брендов, можно считать подобные наименования нарицательными (отсутствует или понижается индивидуальная закреплённость наимено-

⁶ Вопрос об употреблении в подобных номинациях кавычек и о распределении выделительных функций между кавычками и прописной — отдельная и практически не изученная проблема на сегодняшний день.

вания, оно теряет отношение к конкретному товару и превращается, по сути, в название сорта товаров). По мнению А. В. Суперанской, «реальная граница собственных и нарицательных имен проходит там, где кончается видовое, подвидовое и сортовое дробление и начинается индивидуальное присвоение названий» [Суперанская 1965: 26]. Однако употребление прописной графемы не всегда находится в прямой зависимости от этой градации.

Любопытный случай в этой связи представляют названия моделей автомобилей, составляющих ассортиментный ряд какого-либо товарного бренда (*Ф/форд Мондео, Ф/форд Фьюжн, Ф/форд Фокус, Ф/форд Фиеста, Ф/форд Галакси* и др.; *Т/тойота Корола, Т/тойота Камри, Т/тойота Авенсис, Т/тойота Приус, Т/тойота Ярис; Л/лада Калина, Л/лада Приора, Л/лада Веста, Л/лада Гранта* и др.). Двуступенчатость подобных номинаций усложняет задачу их графического оформления. Еще окончательно не решен вопрос об орфографии марок/названий автомобилей типа *м/Мерседес, х/Хонда, в/Вольво, ж/Жигули* (с прописной или со строчной? в кавычках или без?), см. [Чельцова 2009: 268], как уже появились более сложные их разновидности. Употребление для номинации моделей именно символических названий — относительно новое явление на рынке (ср. прежнее — «Москвич-412»), но очень популярное, данная структура чрезвычайно продуктивна (и не только в автомобильной области). В орфографии подобные вещи на сегодняшний день практически не регламентированы. Орфографических вариантов у таких двусловных наименований всего двенадцать (если учесть возможность постановки кавычек, но оставить за рамками вероятные дефисные написания): *форд фокус, Форд фокус, форд Фокус, Форд Фокус, «форд фокус», «Форд фокус», «форд Фокус», «Форд Фокус», фoрд «фокус», Фoрд «фокус», фoрд «Фокус», Фoрд «Фокус»*.

Автором статьи был проведен предварительный опрос на тему написания данных названий среди образованных носителей языка (в основном лингвистов). Цель опроса — установить спонтанные лингвистические предпочтения грамотных пишущих, выявляющие их внутреннее отношение к подобным номинациям. Участникам опроса предлагалось выбрать предпочтительный для них вариант написания из двенадцати перечисленных.

В опросе приняли участие 80 человек. Победили следующие варианты: *Форд Фокус* — выбрали 18 человек, *«Форд Фокус»* и *форд «Фокус»* — по 15 человек. Большинство ответов не имеют лингвистических обоснований (есть лишь комментарии типа «кавычки здесь лишние», или «так слишком громоздко» и т. п.). Однако встретилось предложение учесть функциональный фактор и допустить возможность использования в разных сферах общения различающиеся варианты. (Идея вариативности на переходном этапе нам представляется очень полезной, и не только в области употребления прописной графемы.) Марку автомобиля и сам автомобиль не различает почти никто. Некоторые опрошенные уподобляют брендовое название (*Форд*) как бы фамилии, а модельное (*Фокус*) — имени индивида.

Как расценить данные результаты? Очевидно, что приведенные наименования рассматриваются как собственные имена (прописная есть во всех победивших вариантах); из двух компонентов либо оба рассматриваются как равноправные, либо большего выделения требует второй компонент (но не первый). Прописная, употребленная в номинации, идентифицирует товар, выделяет его из ряда подобных: *Форд* — из ряда автомобилей вообще и *Фокус* — из ряда автомобилей марки «Форд». При этом похоже, что символический оним второго компонента названия несколько отодвигает более общее, брендовое наименование в сторону апелляции (т. е. речь идет о меньшей степени определенности денотата).

То, что обе части названия выполняют, хотя и в разной степени, идентифицирующую функцию, несомненно. Но поскольку даже самый популярный вариант ответа составляет всего 22,5% от числа опрошенных, говорить о наличии какой-либо уверенной тенденции в написании преждевременно. «Назначать» нормативный вариант и однозначно кодифицировать его в данный момент, на наш взгляд, было бы неправильно. Нельзя определить норму прежде, чем она будет подсказана естественным развитием языка, однако круг возможных «претендентов» на то, чтобы стать нормативным написанием, сужается с двенадцати до трех.

4.1.4. Прописная графема может употребляться также в аксиологической (оценочной) функции, обозначая высокую оценку или повышенный статус обозначаемого явления. Поскольку в стандартном тексте большая часть слов состоит из строчных графем, употребление прописной может создавать иллюзию не рядового явления, а исключительного, как бы возвышающегося над своим окружением (что поддерживается и визуальным впечатлением). Данный критерий орфографического выбора является лингвистически непризнанным: «Поскольку основная семантическая функция прописных и строчных букв состоит в том, чтобы разграничивать имена собственные и нарицательные, то правило об употреблении прописных и строчных букв в собственных именах, несомненно, следует формулировать с учетом степени нарицательности, а не от “положительности” или “отрицательности” называемых героев» [Иванова 1975: 107]. Однако отрицать его реальное воздействие на письмо было бы нереалистично. Л. К. Чельцова отмечает возможную идеологическую подоплеку подобных явлений, существовавших в советское время; ср., например, названия буржуазных партий: *лейбористская партия Великобритании, республиканская партия США* — и партий социалистических стран: *Коммунистическая партия Австрии, Польская объединенная рабочая партия* [Чельцова 2009: 259], а также написание слов религиозной семантики в эпоху атеизма: *насха, великий пост, богородица* и под. [Там же: 260]. Задолго до этого, во время дискуссии об употреблении прописных букв в церковнославянской печати 1876—1892 гг., имели место обращения православных, которые расценивали отсутствие прописных как «неуважение к самим высо-

чайшим именам Божиим» [Кравецкий 2015: 152]. (Эти замечания Комитетом по пересмотру богослужебных книг были признаны основательными, однако Священный синод решил вопрос в пользу поддержания традиции).

Н. А. Еськовой был проанализирован материал переходных случаев из собственных имен в нарицательные, который предоставляет ряд примеров применения оценочного подхода (ср. *Фидели Кастро*, но *генри форды*) [Еськова 1965: 150]. Ее комментарий следующий: «Мы сталкиваемся здесь с отражением очень давнего наивного представления, что прописная буква помогает выразить уважение к тому или иному лицу или идее. Оно давно высмеяно, в числе других — Белинским и Добролюбовым. Последний писал: “Всякому мыслящему человеку ясна, конечно, вся нелепость и фантастичность подобного способа выражать свое почтение, и этого, конечно, никто не станет приводить в защиту прописных букв, тем более, что уничтожительные Ваньки и Петрушки все-таки остаются с В и П большими и, следовательно, обличают почтительных грамотеев в непоследовательности”» [Там же: 151—152]⁷.

Однако жизнь и спонтанная письменная практика убеждают нас в том, что мнения лингвистов или известных писателей не оказывают на языковую норму большего влияния, нежели наивные представления рядовых носителей языка. Как прежде, так и сейчас существует явная тенденция повышать буквенный регистр «из уважения» к обозначаемой словом реалии. Так, названия должностей и учрежденческих подразделений в современных текстах частотно пишутся с прописной вопреки действующим правилам, с чем постоянно приходится сталкиваться в деловой переписке. Это было отмечено также у Н. Т. Валеевой в статье о написании с прописной слова *Мэр*; автор, приводя немало тому примеров, считает: «По-видимому, к такому написанию не слишком грамотных журналистов и корректоров подталкивает интуитивное восприятие фигуры столичного градоначальника как чрезвычайно масштабной и значимой» [Валеева 2014: 278]. Думается, дело здесь не в недостаточной грамотности, а в ментальных особенностях, отражающихся в языке: уважение к власти имущим, признание высокого положения кого-чего-либо требует, по мнению пишущего, графического подтверждения этого признания. Еще типичный пример: *Решение об избрании России Председателем Контртеррористического комитета СБ ООН мы воспринимаем как ещё одно свидетельство признания авторитета и опыта нашей страны в решении ключевых проблем обеспечения международной безопасности, высокой оценки её реального вклада в укрепление соответствующих механизмов ООН, включая и деятельность Контртеррористического комитета* (А. В. Конузин. Интервью по вопро-

⁷ Тем не менее в «Правилах русской орфографии и пунктуации» 1956 года, в примечании 4 к § 95 критерий оценки задается, например, следующим предписанием: «Индивидуальные названия людей, употребляющиеся в презрительном смысле как родовое название, пишутся со строчной буквы, например: *азефы*, *квислинги*» [Правила... 1956: 54].

сам КТК // «Дипломатический вестник», 2004; <https://ria.ru/politics/20040625/620398.html>). Обратим внимание, что в «Правилах...» 1956 года (действующих де-юре до сих пор) зафиксирована норма, согласно которой «наименования званий, титулов и должностей пишутся со строчной буквы, например: *министр, президент, маршал, <...> сенатор, папа, король <...>*» [Правила... 1956: 54]. Мы имеем дело с несоблюдением правила в ситуации, когда оно противоречит стихийным тенденциям письма.

Некоторые выводы.

— При употреблении на письме в современных текстах разных жанров прописная графема выполняет функцию десемантизации понятия, а также функцию индивидуализации или идентификации. Данные функции могут быть взаимно связаны между собой или действовать самостоятельно.

— Уникальность обозначаемой словом (словосочетанием) реалии не является диагностическим признаком она и не может служить основанием для применения прописной графемы, равно как и принадлежность языковой единицы к какому-либо множеству необязательно влечет за собой понижение буквенного регистра. Исходя из этого, при орфографической кодификации новых явлений не следует пользоваться критерием уникальности (при отсутствии других лингвистических предпосылок) для определения статуса той или иной номинации и способа графического отображения его на письме (с помощью прописной).

— Граница между индивидуальным названием и названием класса объектов, наименованием товара и сорта товаров носит относительный характер; с этим объективно связаны колебания в их графических обозначениях, поэтому в ряде случаев императивность кодификации возможна только за счет допуска определенной доли условности.

— Оценочный критерий не удастся исключить из арсенала кодификаторских средств в отношении прописной, несмотря на его лингвистическую несостоятельность, но остается надежда на умеренность и крайне осторожное его применение.

Сказанное в основном относится к собственным именам в их общепринятом значении; вопрос о составных неоднословных наименованиях и аббревиатурах остается за рамками данной статьи.

4.2. Синтаксическая функция. Общеизвестно, что выделение первой буквы в начале текста относится к древнейшим приемам письма (еще до изобретения книгопечатания). Поэтому можно сказать, что синтаксическая функция прописной имеет исторический приоритет по отношению к функции семантической.

4.2.1. В современном стандартном тексте прописная графема отмечает начало нового самостоятельного предложения, не находящегося в синтаксической связи с предшествующим предложением. В тех случаях, когда

конец самостоятельного предложения отмечается точкой, затруднений не возникает. Некоторые нюансы в выборе прописной или строчной графемы могут быть при наличии восклицательного или вопросительного знаков, а также многоточия. При этом оказывается важным определить, заменителем чего является употребленный пунктуационный знак: точки или же одного из знаков середины предложения (например, запятой). Таким образом, возникает проблема синтаксического осмысления текста. Примеры на подобные случаи «не безусловно законченного предложения» были приведены еще в работе А. Б. Шапиро 1951 года, см. [Шапиро 1951: 149], вот один из них: *Нет, я бы посмотрела на писателя. Вы читали, а я нет-нет да и подумаю, какой он. Молодой? старый? брюнет?..* (М. Горький, «Мещане»).

По нашим, однако, наблюдениям, в современных текстах проявляется скорее обратное: не замена прописной графемы на строчную после соответствующего пунктуационного знака, а, наоборот, употребление прописной в начале фрагментов текста, не являющихся фактически самостоятельными предложениями. Так, можно встретить контексты следующего типа: *Сериал «Наша Раша» (Название говорит само за себя)*; или: *Да и сейчас выражение «Не жлобись!» означает «Не жадничай!»*; или: *Слово «Йога», в переводе с санскрита, означает «союз, соединение, связь, единение» и направлено на приближение к Богу, то есть являет собой понятие очень философское* (Блоги, 2016). Эта странная тенденция начинать с прописной любые мало-мальски обособленные отрезки письменной речи, возможно, связана с компьютерной обработкой текста и невысоким с лингвистической точки зрения качеством автоматических текстовых редакторов.

4.2.2. Помимо стандартного текста, прописная графема в рамках синтаксической функции может служить для выделения вещей более специфических. Таковым, например, является а) зачин стихотворной строки или б) элемент какого-либо перечня, записанный с абзаца. Графическое выделение стихотворных строк поддерживаются традицией, которая, впрочем, носит необязательный характер. Что касается перечней, то их оформление весьма условно; некоторые рекомендации см. в [Мильчин, Чельцова 2003: 44]. На наш взгляд, предпочтительным в этом плане следовало бы считать подчинение оформления перечня синтаксической структуре текста, в который данный перечень включен (т. е. не следует, к примеру, писать прописную после двоеточия, предваряющего этот перечень, и т. п.).

4.3. Наряду с рассмотренными основными функциями прописной графемы она может употребляться и в иных функциях, например стилистической и этикетной.

4.3.1. Приобретая высокую стилистическую окраску, некоторые слова начинают писаться с прописной буквы. Данная норма применяется нечасто и обычно затруднений не вызывает. Повышение буквенного регистра в этих

случаях выполняет стилистическую функцию и ограничено конкретным контекстом. Типичные примеры: *Был ли в Вашей жизни Учитель (с большой буквы)? Если да — расскажите о нем людям* (Открытый класс. Сетевые образовательные сообщества. <http://www.openclass.ru/node/53193>); *Поэта, ностальгировавшего по Царскому Селу, которое он считал своим Отечеством, вдохновляла именно эта близость к воспоминаниям юности — «когда в садах Лицея» он «безмятежно расцветал»* (Ю. Кантор. Пушкинский дом. Открылась мемориальная дача поэта в Царском Селе // «Известия», 2002.06.07) — ср. *нет пророка в своем отечестве*, и т. п. Обычно это слова с положительной семантикой, но необязательно: *Даже заседания правительства он начинает с молитвы. А потому можно совершенно точно сказать, что он не циник. (...) Он искренне верит, что борется с Мировым Злом* (С. Лурье. Мир, который «строит» Джордж (2003) // «Спецназ России», 2003.03.15).

4.3.2. Следующую функцию, на наш взгляд, уместно назвать этикетной. К ней относится прежде всего употребление «Вы-вежливого». Эта простая вещь, как ни странно, довольно часто вызывает вопросы и сомнения. Дело в том, что в соответствии с правилом прописная буква употребляется тогда, когда *Вы* адресовано одному лицу — см., напр., [Розенталь, Джанджакова, Кабанова 2001: 30]: «С прописной буквы пишутся местоимения *Вы* и *Ваши* для выражения вежливого обращения к одному лицу, например: *Прошу Вас, уважаемый Сергей Петрович...*».

Данная норма детализирована в «Полном академическом справочнике», см. [Правила... 2009: 166]: «С прописной буквы пишутся местоимения *Вы* и *Ваши* как форма выражения вежливости при обращении к одному конкретному лицу в письмах, официальных документах и т. п. (...) Так же пишутся слова *Вы* и *Ваши* в текстах, предназначенных для многократного использования, типа анкет, реклам, листовок». Такое уточнение послужило правилу не на пользу, поскольку рождает ряд вопросов и недоумений: а) применима ли данная норма, если адресат не конкретен (например, точно не известен), но при этом единственен? б) если адресат один и конкретен, но текст не эпистолярный и не документальный (а, например, публицистический)? в) если текст рассчитан на многократное прочтение, но при этом не носит рекламный характер (например, обращен к интернет-пользователю или является инструкцией по применению чего-либо)? г) если из контекста неясно, к одному или нескольким лицам обращено местоимение «Вы»? и т. д.

В интернет-сообществах нередки обсуждения и споры на подобные темы, что говорит о том, что данная норма не вполне логична и пользователям не вполне понятна. Много обращений по этому поводу в справочные службы русского языка. Постановка и решение всех перечисленных задач нам представляется надуманным усложнением этикетной условности, каковой, по сути, и является данная норма. Этикетные орфографические раз-

личия не имеют прямой лингвистической основы. Ни в коей мере не являясь сторонником упрощения правил правописания ради самого упрощения, автор статьи, тем не менее, считает, что в данном случае орфографические различия не обоснованы ни лингвистически, ни логически. Так ли уж важно разбираться, к примеру, в жанровых особенностях каждого контекста? Какой смысл запрещать употребление вежливого *Вы* даже и в случае, если адресатов больше одного (например, «*обращаюсь к Вам, уважаемые Иван Иванович и Мария Ивановна*»)? Есть ли вообще какой-то смысл бороться со стремлением пишущего к вежливости? Правило было бы полезно упростить, предложив во всех сомнительных случаях употреблять прописную графему. Судя по всему, к этому и движется стихийный узус.

5. Итак, прописная графема в современном тексте выполняет роль выделения лексических или синтаксических единиц на основе их различных признаков, которое обусловлено парадигматически или контекстно. На сегодняшний день недостаточно четки представления об основаниях, требующих такого выделения. При этом весьма заметна тенденция в сомнительных случаях решать вопрос в пользу прописной — как при выделении слов с особым значением, так и при выделении фрагментов текста. Как к ней относиться? В русской орфографии, как было отмечено, принято поддерживать по возможности минимизацию употребления прописных графем. Тем не менее было бы желательно найти баланс между толерантностью в отношении свободного выбора пишущих при нечеткости лингвистических оснований для написания той или иной единицы — и поддержкой орфографических традиций.

Л и т е р а т у р а

Болотов 1978 — В. И. Болотов. Множественное число имени собственного и апеллятива // *Имя нарицательное и собственное*. М., 1978. С. 93—106.

Валева 2014 — Н. Т. Валева. Употребления прописных и строчных букв: академическая норма, корпоративная норма, узус // *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*. Вып. 2. М., 2014. С. 274—281.

Грот 1876 — Я. К. Грот. Спорные вопросы русского правописания от Петра Великого доньше. СПб., 1876.

Грот 1888 — Я. К. Грот. Русское правописание. 7-е изд. СПб., 1888.

Еськова 1965 — Н. А. Еськова. Об одном наивном орфографическом приеме (Прописные и строчные буквы в собственных именах, употребленных переносно) // *Вопросы культуры речи*. Вып. 6. М., 1965. С. 147—152.

Зализняк 1979 — А. А. Зализняк. О понятии графемы // *Balkanica*. Лингвистические исследования. М., 1979. С. 134—152.

Иванова 1975 — В. Ф. Иванова. Трудные вопросы орфографии. М., 1975

Крацевский 2015 — А. Г. Крацевский. Материалы дискуссии об употреблении прописных букв в книгах церковной печати (1876—1892) // *Труды Института*

русского языка им. В. В. Виноградова. Вып. 5. Лингвистическое источниковедение и история русского литературного языка. М., 2015. С. 149—185.

Мильчин, Чельцова 2003 — А. Э. Мильчин, Л. К. Чельцова. Справочник издателя и автора. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Обзор... 1965 — Обзор предложений по усовершенствованию русской орфографии (XVIII—XX вв.). М., 1965.

Подольская 1994 — Н. В. Подольская. Заглавная и строчная буквы в культовых словах // Русская речь. № 1. 1994. С. 49—57.

Правила... 1956 — Правила русской орфографии и пунктуации. М., 1956.

Правила... 2009 — Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. / Под ред. В. В. Лопатина. М., 2009.

Розенталь, Джанджакова, Кабанова 2001 — Д. Э. Розенталь, Е. В. Джанджакова, Н. П. Кабанова. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. Изд. 4-е, испр. М., 2001.

РОС — Русский орфографический словарь / О. Е. Иванова, В. В. Лопатин, И. В. Нечаева, Л. К. Чельцова / Под ред. В. В. Лопатина, О. Е. Ивановой. Изд. 4-е, испр. и доп. М., 2012.

Суперанская 1965 — А. В. Суперанская. Прописная и строчная буква в собственных именах разных категорий // Орфография собственных имен. М., 1965. С. 25—43.

Суперанская 1973 — А. В. Суперанская. Общая теория имени собственного. М., 1973.

Суперанская 1978 — А. В. Суперанская. Групповые обозначения людей в лексической системе языка // Имя нарицательное и собственное. М., 1978. С. 59—83.

Чельцова 1997 — Л. К. Чельцова. Прописная буква // Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1997. С. 389.

Чельцова 2009 — Л. К. Чельцова. О правилах употребления прописной буквы // Лингвистические основы кодификации русской орфографии. М., 2009. С. 247—271.

Шапиро 1951 — А. Б. Шапиро. Русское правописание. М., 1951.

Резюме

В статье рассматривается проблема лингвистических оснований для употребления прописной графемы в современном русском письме. Главное внимание посвящено двум основным ее функциям: семантической и синтаксической; затрагиваются также стилистическая и этикетная функции. В рамках семантической функции выделяются функции десемантизации, индивидуализации, идентификации и аксиологическая (оценочная) функция. На языковом материале показано, что единичность (уникальность) обозначаемого словом денотата не может служить диагностическим признаком она и не является основанием для употребления прописной графемы. Напротив, аксиологический критерий, несмотря на его лингвистическую несостоятельность, на практике нередко служит основанием для применения *caps lock*'а.

В связи с исследуемой проблемой затрагивается вопрос о статусе имени собственного. В поле зрения автора находятся такие номинации, как *n/Перестройка*, *Б/ближнее зарубежье*, *и/Интернет*, наименования моделей автомобилей типа (*«*)*ф/Форд ф/Фокус*(*»*) и др. Делается попытка установить причины орфографиче-

ской вариативности упомянутых номинаций. В целях изучения спонтанных письменных предпочтений был проведен опрос среди образованных носителей языка в отношении написания названий автомобильных моделей, результаты которого представлены в статье.

Рассматривается также вопрос об употреблении местоимения «Вы-вежливого». Предлагается корректировка посвященного ему орфографического правила, представленного в «Полном академическом справочнике» 2009 года.

Ключевые слова: орфография, прописная буква (графема), вариативность, правило правописания, имя собственное, имя нарицательное, оним, аппеллятив

Получено 09.07.2016

IYA V. NECHAEVA

CAPITALIZED GRAPHEMES AND THEIR FUNCTION IN MODERN WRITING

This paper is concerned with the problem of the linguistic grounds for using capitalized graphemes in modern Russian writing. Emphasis is placed on two main functions: semantic and syntactic; stylistic and etiquette functions are also touched upon. Within the framework of semantic function the functions of desemantization, individuation, identification, and evaluation (the axiological function) are singled out. Linguistic material shows that uniqueness of the denotatum referred to by a word is not a diagnostic feature of an onym and does not necessitate the use of upper-case graphemes. On the contrary, in practice the axiological criterion, despite its linguistic groundlessness, frequently serves as the reason for using CAPS LOCK.

The status of a proper name is also treated in connection with the problem under investigation. The author has in mind nominations like *p/Perestroika*, *b/Blizhnee zarubezh'e*, *i/Internet*, automobile names like ("*f*")*Ford* *f*/*Fokus*(") etc. An attempt is made to determine the cause of orthographic variation in the above nominations. To study spontaneous written preferences, a public inquiry was made among educated native speakers concerning the writing of car models' names; the results of this inquiry are given in the paper.

Also considered is the issue of using the "polite" pronoun *Vy*. A correction to the orthographic rule concerning its use, as given in the "Polnyi Akademicheskii Spravochnik" (Complete Academic Reference Book) of 2009, is proposed.

Keywords: orthography, capital letter (grapheme), variability, orthographic rule, proper name, common name, onym, appellative

Received on 09.07.2016

И. В. БЕГУНЦ

**ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ
МНОГОКРАТНЫХ ГЛАГОЛОВ
В ОДНОМ СЕВЕРНОРУССКОМ ГОВОРЕ**

В последние годы среди специалистов в области русской диалектологии возрос интерес к комплексному исследованию говоров отдельных населенных пунктов, включающему детальный анализ фонетических, грамматических и лексических особенностей конкретного диалекта как микро-системы. Такой подход позволяет не просто зафиксировать наличие в говоре специфических черт, но подробно, «под лупой», рассмотреть их функционирование и взаимосвязь, увидеть закономерности и дать диалектным фактам адекватную лингвистическую интерпретацию. Думается, что нынешний этап развития диалектологии закономерно вытекает из предыдущих: за XIX—XX вв. был собран богатейший материал, вышли в свет многочисленные областные словари и диалектологические атласы; при этом большинство исследовательских работ носило скорее обобщающий характер. Теперь, во многом благодаря появлению удобной и надежной звукозаписывающей техники, появилась возможность получить значительные объемы пригодных для лингвистического анализа аудиозаписей и перевести фокус внимания на особенности функционирования диалектных явлений и системные отношения между ними.

Материалом для настоящей статьи стали аудиозаписи, сделанные автором и студентами филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова в ходе диалектологических экспедиций 2011—2015 гг. в деревню Тавреньга Коношского района Архангельской области¹. Тавреньга (официальное название — муниципальное образование «Тавреньское») находится в южной части Архангельской области, однако до 1929 г. Тавреньгская волость входила в состав Вельского уезда Вологодской губернии. На первой карте диалектного членения русских говоров эта территория отнесена к восточ-

¹ Автор выражает искреннюю признательность за помощь в сборе материала студентам, принимавшим участие в экспедициях 2011—2015 гг., в особенности — К. Ю. Дойкиной, А. В. Поповой и Н. А. Седуковой.

ной группе северновеликорусского наречия, на карте 1965 г. — к Вологодской группе говоров. Говор Тавреньги демонстрирует хорошую степень сохранности: в речи старшего поколения активно используются не только многочисленные лексические диалектизмы, но и разнообразные диалектные грамматические формы и конструкции. Из наиболее типичных черт можно назвать следующие: именительный падеж объекта (*Пойду баня затоплять*); многократные глаголы типа *хаживал*; формы плюсквамперфекта (*Отец уж тогда на войну был ушёл*); так называемые безличные конструкции с краткими причастиями (*Вон у меня воды принесёно, В баню в субботу хожено*), в том числе от возвратных глаголов (*У его уж сколько дён не мытось*); возвратный пассив (*В том доме не топится и не живётся*); конструкции со словом *есть* (*Есть наварено варенье; Не знаю, где фонарик есть*). Как видно, глагольная морфология особенно богата; в говоре существует строгая (и весьма отличающаяся от литературной) система употребления глагольных форм, каждая из которых имеет свою грамматическую семантику и функциональную нагрузку. Изучение этих особенностей, по всей видимости, должно включать: а) сплошную выборку релевантных примеров из достаточно большого объёма записей; б) анализ употребления диалектных форм в контекстах²; 3) соотнесение результата с более широкой картиной функционирования глагола в говоре, т. е. установление системных отношений между грамматическими особенностями.

В настоящей статье рассматривается вопрос об употреблении в говоре Тавреньги так называемых многократных глаголов (итеративов), т. е. глаголов несовершенного вида, образованных от глаголов также НСВ при помощи суффиксов *-а-*, *-ва-*, *-ива-*, *-ыва-*. Этот тип глаголов неоднократно привлекал к себе внимание как историков языка (подробный обзор работ см. [Шевелёва 2012: 140—143]), так и диалектологов. Функционирование итеративов, распространённых сейчас преимущественно в черте севернорусского наречия, исследовалось на материале вышедших томов «Архангельского областного словаря» (далее — АОС) [Пожарицкая 1991] и на более обширном материале всей картотеки АОС [Пак 1995]; ряд работ основывается на аудиозаписях из экспедиций в один населённый пункт (д. Шевелёвская Вологодской области [Ровнова 1993]) или в один район (Пинежский, Архангельской области [Сими́на 1970]). Наше исследование представляет собой анализ итеративных глаголов на материале более 600 контекстов (исследовано 150 часов аудиозаписей³) из одного населён-

² Отметим, что наличие аудиозаписи принципиально важно при изучении диалектной грамматики, так как оно позволяет переслушать широкий контекст, понять коммуникативную ситуацию и стратегию говорящего, увидеть соотношение временных планов повествования, что крайне важно для интерпретации глагольных форм.

³ Аудиозаписи, подробные данные об информантах, а также введенные в компьютер материалы для Электронной картотеки АОС хранятся в кабинете диалектологии филологического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. В статье приме-

ного пункта. Вначале рассматриваются бесприставочные итеративы, особенности их образования, вопрос об инвариантном значении на материале утвердительных и отрицательных контекстов; затем обсуждаются особенности глагола *бывать* и вопрос о приставочных итеративах.

Бесприставочные итеративы. В говоре отмечены следующие глаголы: *бивать, бирать, бйрывать, бранивать(ся), бывать, валиваться, вйрывать, видать, вйзывать, гйдывать, гйнивать, гйцивать, гйжывать, говйрывать, гребать, дйвывать, дйивать, дйрывать, дйливаться, дйлы-вать, дйржывать, едйть, ёзжывать, жйниваться, жйрывать, жывйть, жинйть, звйнивать, зывйть, кйтывать, кйрывать, лйчивать, лйжывать, мйзывать, матйюкивать, минйть, молйчивать, мывйть(ся), нйшивать, нйчйёвывать, нйхывать, пйивать, пйхывать, пёвйть, пёкйть, пивйть, пйсы-вать, прйшйивать(ся), прйдывать, рйжываться, рйзывать, робйтывать, ругйваться, рывйть, сйжывать, сёжывать, смйтрывать, стйрывать, сы-пйть, тйпливать, тйскивать, тыкйть, хйжывать, хйбывать, хйстывать, чйшйивать, шывйть, шйпывать.*

Словообразовательные и морфологические особенности севернорусских итеративов подробно рассмотрены в работах [Саркисьян 1991; Ровнова 1993; Пак 1995]. Записанные в Тавреннге глаголы с формальной точки зрения устроены достаточно стандартно: дистрибуция суффиксов и характер чередований гласных и согласных ожидаемы и закономерны. Отметим лишь, что, строго говоря, для каждого итератива необходимо находить в говоре производящую основу НСВ (а не предполагать, что она по умолчанию равна основе, имеющейся в литературном языке). Так, для глагола *жарывать* мотивирующим является регулярно употребляемый в говоре глагол *жорать* 'жрать', а не наддиалектное *жрать*; таким образом, чередование *o/a* законное. Исторически «незаконными» следует признать формы типа *хлябывать, хлястывать, дяржывать, ляржывать, жаниваться*, поскольку удлинение этимологического гласного в корне должно было бы давать **ё*. Видимо, корневое [ʼa] возникает в результате фонологизации чередования *o/a* после твердого согласного (*гостить* — *гащивать*) и его обобщения на позицию после мягкого (то же систематически происходит в имперфективах, ср. *расчасывать, поддяржывать, стясывать, повярты-ваться, отчарпывать, выпляскивать, прищалкивать*). Глагол *сеживать* сохраняет этимологический корневой **ё* (от *сёдъти*). Глагол *даивать* соотносится только с *доить* (не с *давать*, ср. [Саркисьян 1991: 104]). Только для глагола *брать* зафиксированы два итератива: *бирать* и *бйрывать*; второй используется существенно реже первого. В список включён глагол *жаниваться*: несмотря на наличие двувидовой мотивирующей основы, в говоре он функционирует именно как итератив.

ры из записей приводятся в стандартной орфографии, курсивом; ссылки на название аудиофайла и время звучания контекста опущены во избежание громоздкости. В ряде случаев, если это существенно для понимания, дается комментарий к ситуации или краткий пересказ более широкого контекста (в круглых скобках).

Перечисленные глаголы (кроме *бывать*) имеют дефектную парадигму: в подавляющем числе случаев они употребляются в прошедшем времени (93%), редко — в формах инфинитива и презенса, крайне редко — в форме кратких страдательных причастий (в предикативной функции, см. подробно далее). Такое распределение в целом типично для севернорусских говоров: преобладание форм прошедшего времени можно назвать характерной особенностью парадигмы итеративов ([Пожарицкая 1991: 86; Пак 1995: 4]).

Наиболее интересным и существенным в изучении так называемых многократных глаголов является вопрос об их основном (инвариантном) значении. Сам термин предполагает в качестве основного значение многократности; именно так оно и трактуется в ряде исследований (ср. [Пак 1995: 10]); особенно активно такое понимание высказывалось в работах по истории языка и в грамматической традиции XIX в. Тем не менее, термин уже подвергался критике как «априорный» [Пожарицкая 1991: 84], а в качестве основного значения называлось общефактическое или обобщенно-фактическое [Там же: 86; Ровнова 1993: 17]. В последней работе наряду с общефактическим выделяются также неопределенно-кратное и узואльное значения. Кроме того, принято считать, что грамматическая семантика итеративов подразумевает идею «давности» (в разных трактовках, вплоть до плюсквамперфектного значения).

На основании наблюдений над говором Тавреньги и анализа контекстов мы можем сформулировать основное (инвариантное) значение итеративов следующим образом. Употребляя итератив, говорящий констатирует, что некоторое действие имело место по крайней мере один раз на протяжении некоторого промежутка времени (по умолчанию — в течение жизни говорящего и до момента речи, но необязательно, могут быть другие периоды, см. подробно далее); у говорящего нет интенции локализовать это действие во времени, привязать его к конкретному месту временной оси; важен сам факт, что действие (вообще) имело место; подводится некоторый итог; употребление итератива в отрицательной форме означает, соответственно, что действие не имело места, не произошло ни разу на протяжении некоторого временного отрезка (опять же, возможны разные периоды). Все остальные параметры, такие, как «многократность», «давность», «плюсквамперфектность», не являются инвариантными (присущими итеративам во всех типах употреблений), они могут быть контекстуальными, но не более. Тем самым, итератив указывает на факт наличия (или отсутствия) действия безотносительно к его единичности или повторяемости, при этом действие не локализовано во времени; такое значение принято называть общефактическим⁴.

⁴ Функционально севернорусские итеративы во многом схожи с временами группы Perfect (Present Perfect, контекстуально Past Perfect) английского языка. Принципиальным моментом здесь оказывается отсутствие четкой временной локализации: итеративы не распространяются обстоятельствами времени типа *вчера, три года назад, в субботу*, но прекрасно сочетаются с такими словами и оборота-

Перейдём непосредственно к анализу материала; рассмотрим вначале формы прошедшего времени в утвердительных контекстах, затем в отрицательных, затем в вопросах.

В утвердительных высказываниях итеративные глаголы существенно чаще, чем можно было бы ожидать (от многократных глаголов), называют однократное действие. Тот факт, что действие имело место лишь один раз, может выражаться эксплицитно лексически (*один раз, раз, как-то*), ср.: *Я только всего-навсего один раз гадывала; ну, мне-то семнадцать наверно уж было* (далее рассказ, как они гадали в тот раз); *Я один-от раз мывалась в бане такой; Она ведь как-то говаривала мне, на какой реке дом-от у ей стоит; Сейчас она Лебедева, я забыла, (она) как-то говаривала, как детская-то фамиль, забыла, не вспомнить; Ну, как-то он прашивался, что божатка, как надо что сделать, скажи, дак я приду; Я к сестре бывала⁵ раз на Урал; На Якушевской дак я не бывала, один-единственный раз бывала, а так я по деревням не хаживала и пр. Однократность может устанавливаться из контекста (или всего рассказа), ср.: *Так конечно не молодой: он жанивался, а разошлись с жёнкой-то*; (Рассказывает, как соседку укусила собака) *И меня собака кусывала: я как раз на Погосте жила, а здесь вот кормила коров, и всё мимо ихнего огороду и бегала* (далее рассказ о том, как ее укусила собака); *Там на Красивом дом сгорел, а они в этом доме живали*; (Рассказывает о местной знахарке, как она лечила соседа) *Она и меня лечивала: у меня был не знаю который палец выставлен, так та лечила тёплой водой, распарит, и больно жмёт-от то место; А мне кажется, я и не пекала вам (творожник), я вот рыбник дак помню что пекала* (действительно, пекла нам один раз); *У меня муж до меня жанивался, он меня старше на шесть годов, дак у его была жонка, а жонка умерла от аборта* и др. Привести все примеры в статье нет возможности; для многих необходим слишком широкий контекст, ср.: (Рассказ о неудачной попытке уехать из колхоза; маленькая пауза) *Мне ещё цыганка говаривала; мы ещё пахали в колхозе, а против Ереминских цыгане ночевали, и гадала она Сашке по книге, а написано не по-русски, и вот она открое**

ми, как ещё, никогда, с тех пор, после того, сейгод 'в этом году', сегодня (незаконченный промежуток времени). Итератив не может выступать в качестве одного из звеньев нарративной цепочки (**встал, умылся, хаживал на работу*), но может служить начальной или конечной фразой повествования, обобщая сюжет в одном слове. При этом, разумеется, было бы некорректно говорить о полном совпадении сфер употребления итеративов и времён группы Perfect: во-первых, в результативном значении, т. е. при наличии актуального результата действия на момент речи, в говоре используются конструкции с краткими причастиями типа *У меня самовар поставлен*; кроме того, итеративы используются и при указании на период времени, полностью лежащий в прошлом, в то время как времена Perfect этой функции не имеют (используется Past Simple или обороты типа *used to / would + inf.*).

⁵ Особенности глагола *бывать* рассмотрены в статье далее; пока он приводится вместе с остальными итеративами в тех случаях, когда типы употреблений совпадают.

книгу и судит; и вот этой Сашке выгадала, что уедешь, а я грю, давай, цыганка, погадай и мне, а она книгу закрыла: в колхозе родилась, в колхозе и помрёшь.

Иногда однократность выясняется после уточняющего вопроса собирателя: *Вот в том доме, где сейчас школа, раньше больница ведь была, дак и я там ляживала*. — (Часто?) — *Один раз, ногу сломила дак.*

Возможность употребления итеративов в однократном значении отмечалась исследователями и в некоторых работах трактовалась как тенденция к разрушению исконного многократного значения ([Пак 1995; Сими́на 1970]). Однако новейшие исследования в области исторической русистики показывают, что и в древнерусском языке основным значением итеративов также было общефактическое, а не многократное [Шевелева 2016].

Если информант сам не знает, сколько раз действие имело место (или не уверен, имело ли оно место вообще), он тоже может использовать итератив, ср.: *При девках, может, и ругивались (родители), а при мне никогда; И цыганы у нас живали, я-то не помню, до меня (про детство)*. Затем, имеется достаточное число контекстов, где итератив обозначает действие, имевшее место небольшое число раз (один-два, два, три раза): *А при дяде я вообще (спиртного не пила) — наверно, раз ли, два ли пивала при дяде, и то маленько; Ни за что нахлестал муж — два раза вот эк хлястывал; У Зины-то так ведь я и ночывывала да не один раз, с праздника дак, вот Николая не было, так я два раз у ее ночывывала; Он обидит — а неотхоже и сердце было, вот «извини» раза два всего, наверно, говаривал, ни перед кем не извинялся; Я два раза бывала только (в соседней деревне), я мало ходила по праздникам; Я только раза три и пивала кефир. Как видно, во всех приведённых контекстах подводится некоторый итог; говорящий сообщает, что действие имело место один, два, три раза на момент речи, и не конкретизирует время действия.*

Больше половины случаев употребления итеративов в утвердительных контекстах составляют примеры, в которых речь идёт о регулярном, многократном действии в прошлом. Многократность может быть выражена эксплицитно (*много раз, сколько раз, не один раз, всю жизнь* и пр.), например: *Я Нинке много раз говаривала: дом-от застрахуй; Она у меня много раз бывала здесь, да и денег много раз бирывала; Меня дак не один раз хлястывал Вася; Я ведь у их там бывала сколько раз; Мне мама всю жизнь говаривала: ой, Асенефка, вот будешь жить одна, так ты все деньги на конфетах съешь и пр. Чаще, особенно если речь идет об укладе жизни, обычных занятиях, быте, регулярность (многократность) действия лексически не выражена и вытекает из широкого контекста: *Редьку-то мы хлябывали в молоке, чтоб не так горько (рассказ о детстве); Я шила, и платья, всё шивала на руках, а нонь ничего не делаю; Я брусники нашивала по шесть ведер, лес-от рядом; Помню, дак в сенокосы хаживали за ягодой; Я хаживала, недалеко-то, дак хаживала и по чернику, болото недалеко есть; Крючком она вяжет — я-то ведь тоже вязывала крючком, кружками та-**

кими; *Я ещё на этой ведь повесть молачивала; По деревне-то они жарывали* (волки овец) и мн. др. Рассуждая формально, косвенными указаниями на многократность можно считать формы множественного числа существительных (*платья, кружками*) и употребление дистрибутивных конструкций (*по шесть ведер*), однако, кажется, в этом нет необходимости.

Носителю литературного языка именно такое употребление итеративов (типа *Я за черникой хаживала*) интуитивно представляется «законным» и «исходным», так как немногочисленные литературные глаголы типа *хаживал, видывал, сиживал* стойко ассоциируются у нас с многократностью. Думается, что именно поэтому за севернорусскими итеративами так прочно закрепился термин «многократные глаголы», в действительности, на наш взгляд, не отражающий основного (инвариантного) значения этой глагольной группы. Разумеется, собиратель, являясь носителем литературного языка, так или иначе проецирует свой языковой опыт на изучаемую диалектную систему, часто видя в ней лишь подтверждения своих собственных (скорее интуитивных, чем осознанных) представлений об устройстве языка. Конечно, без общей для собирателя и информанта языковой базы сбор материала был бы крайне затруднителен, однако наличие этой базы создает предпосылки для интерференции, и в ходе полевой работы собирателю приходится делать некоторое сознательное усилие, чтобы абстрагироваться от собственных языковых моделей и по возможности избегать ложных проекций.

Заметим, что в контекстах с многократным значением так же, как и с однократным, утверждается, что некоторое действие имело место (разница только в числе итераций). Другими словами, фраза *Я хаживала по чернику* в говоре может равным образом обозначать как однократное, так и многократное действие. Статистическое преобладание контекстов, описывающих ситуацию многократного действия (около 70 %), объясняется, на наш взгляд, тем жизненным обстоятельством, что большинство действий мы совершаем в жизни более одного раза (особенно это касается традиционного деревенского уклада жизни). На выбор формы итератива однократность/многократность не влияет; для говорящего важен факт, не привязанный ко временной оси.

Таким образом, многократность оказывается не более чем контекстуально обусловленной; то же можно утверждать для такого параметра, как «давность» действия. Действительно, нередко описываемое итеративом действие относится к далёкому прошлому (отчасти потому, что собиратель сам про него спрашивает, или потому что образ жизни пожилого человека существенно изменился со времён молодости, о которой идёт речь), однако это вовсе не обязательно, ср.: *Я прашивала сейгод, а мне сказали — где стоит дом, там и страховать надо.*

В связи с идеей давности действия отметим ещё один важный аспект в употреблении итеративов. В ряде грамматических сочинений XVIII—XIX вв. формы типа *хаживал* трактуются как плюсквамперфектные. Действитель-

но, в некоторых примерах действие, выраженное итеративом, относится к более раннему временному плану, нежели основное время повествования, или это действие было совершено до некоторого значимого момента в прошлом, ср: *У меня были серьги, бабушка еще даывала Пуминовская (рассказ про молодость, отсылка к детству); Дали третью группу, работать не может, а он роботной экой, на лесовозке работал, робатывал хорошо, а тут группу дали — повешался тоже, скоро вот год будет; Там на Красивом дом сгорел, а они в этом доме живали; Он в колхозе-то робатывал еще до войны, сено возил да; С Коноши приезжаю — у меня тут форма, хлеб-от пекут, с Красивого женщина, я у ее прашивала — она принесла, поставила тут форму-ту, я прихожу — вижу, что форма привезёна (— А Вы что ли до этого у нее просили?) — Да, я у ее попросила, у ее дочь на пекарне работала. Несколько забегая вперед, отметим, что ещё больше таких случаев в отрицательных контекстах (их в целом больше, чем утвердительных, см. далее), ср.: *Поужнали, он лёг в той половине на диване, отдохнул, да тут он ещё газеты глядел, давно газет не гляживал, а журналы; спать легли поздно; Я только собралась — она идёт; я говорю: «ты чего? — посидим немножко, давай посидим»; я — «посидим»; вот и засели, и посидели, эх и не сеживали, эх не бывало; Галина Степановна привезла мне козочку — ну, надо доить, а я козочки не даивала, ну ничего, подоила, пятисотку надоила; У меня бывало тоже — жала серпом, а ещё не жинала, а пришла маме пособить на своей усадьбе (далее — рассказ, как стала жать и с непривычки порезалась серпом) и др.**

Очевидно, что в приведенных примерах итератив используется для обозначения действия, которое предшествует другому, основному и сюжетообразующему. Однако выделять плюсквамперфектное значение как специальное, а тем более инвариантное для итеративов представляется излишним — не столько потому, что такие употребления относительно редки, сколько ввиду полного соответствия этого значения сформулированному выше. Во всех приведенных примерах утверждается, что действие имело (или не имело) место на некотором временном промежутке, только правой границей (концом) этого промежутка служит здесь не момент речи, а основное время повествования. Показательно, что одна и та же форма итератива может использоваться для обозначения действия и до некоторого момента в прошлом, и до настоящего момента, даже в одном контексте, ср.: *(Собрались с девками и стали петь по очереди; девки говорят:) Ну, Сефка, теперь ты пой — а я что, голоса нет, да нигде не певала я так, чтобы с людьми; я так им спела песенку, что Линка и захохотала — и с тех пор я всё, не певала. Таким образом, «давнопрошедшее» значение итеративов обусловлено лишь контекстуально.*

Рассмотрим подробнее контексты с отрицанием. Они составляют около 75% от общего числа, что в целом соответствует статистическим подсчётам в других исследованиях (70% [Пожарицкая 1991: 86], 73,8% [Пак 1995: 9]). Отрицание итератива всегда, в сущности, выражает одну идею, а именно:

некоторое действие не имело места ни р а з у на протяжении некоторого временного отрезка. Отрезки эти могут быть разными; приведем далее примеры в зависимости от их типов.

1) Действие не имело места никогда в течение жизни информанта или лица, о котором идёт речь: *Шампунем я не мывалась; Мы не жили без собаки, всё были с собаками; А я телят кормила, а коров-то не давала; Я не шивала из ряднины-то штанов, я только шью порточки; Я не знаю, кто как гадал, я не гадовала; Меня не бивал (муж), синяка не нашивала, с дому не убежала, не бивал; Она его не боялась: он как пьяный, придёт покричит, а не хлястывал ее; (Жена спекулировала, а муж) бедный мужик, он у ее копейки не бирывал, честный был мужик и мн. др.* Часто в таких контекстах имеются указания на временной период, как с отрицанием (никогда, нисколько, ни разу), так и без него (век, сроду, (за) всю жизнь, я сколько помню): *А вот не прашивал сынок дак, алкоголик, а денег никогда не прашивал; Я пива век не пивала, да я его не хочу; Я вот век барана-та не дярживала; Он никогда даже зубов не чищивал; Она мне ни разу не писывала, что хочет купить дом; Я и сама всю жизнь ничего не пивала; За всю жизнь никто не саживался на еенну лошадь; При нас — я сколько помню, он (отец) при нас не бранивался с мамой.* В ряде контекстов распространителем итератива служит слово ещё: *А чтоб я руки чем мазала или натирала — я ещё ничем рук не лечивала; Они у меня часто бегают на улицу-то (кошки) — дома-то, в избе, можно сказать, ещё и не сыпали, всё там в хлеве спят, где скотина жила.*

2) Действие не имело места после какого-то момента в прошлом и до момента речи: *Один мужик примался (на работу), да за пьянку выгонен, после того и не робатывал; Он как взял да затынулся и больше не куривал; А вот не езживал, после того удара не езживал (на мотоцикле) и сейчас не ездит; Артёма вывезла домой, и Артём больше там не гащивал, на Украине не бывал ни разу; Как Ирина вышла за него замуж, она не робатывала дак; Мальый в Северодвинске учился на заводе, подводные лодки дак вот делают там где-то, кончил — и не робатывал; то туды, то сюды, и всё с папы деньги; Она вылила спирт под умывальник, и с тех пор мы с ей вина не пивали; Тата умер — у меня мама не чищивала трубы, никого и не зывала, всё я чистила; (Нищий заговорил маме зуб) — дак больше и не баливали зубы, не баливал ни один, а все вытрухли.*

3) Действие не имело места до определенного момента в прошлом — см. выше, в связи с вопросом о плюсквамперфектном значении.

4) Действие не имело места на протяжении некоторого ограниченного периода времени в прошлом (начало и конец периода относятся к прошлому): *Сорок восемь годов он меня не бивал (о покойном муже); Марья с Леной уехали, дак она шесть годов и письма не писывала (дело было тридцать лет назад); Я не топлю эти печки, не тапливала всю зиму (запись сделана летом); За всю зиму ни разу не стирывала постельно (то же); Он (муж Яша) ударил, кровь пошла, ну меня увёл этот, Сергей-от; и он*

долго-долго-долго, с неделю наверно, прямо в глаза не гляживал, Яша, чтобы если садиться есть, обедать ли, ужинать ли, чтобы сели, один на одного поглядели в глаза — он долго не гляживал.

5) Действие не имело места в течение некоторого непродолжительного периода перед моментом речи: (Очень хозяйственная информантка, у которой обычно чисто, просит не разуваться): *А пол дак никто не мывал — всё мыть, а лентяжкой ('шваброй') не умею мыть, а спина заболела — наклониться не могу*; (Зима; я говорю: что-то у Вас холодно) — *А я вот русской печи не тапливала; Я сейгод дак не бирала и в руки (вязанье), не вязала, начать как — забываю; Я уж тринадцать дней как не бывала домой*.

Во многих работах как по диалектологии, так и по истории языка высказывалось мнение, что употребление итератива с отрицанием имеет некоторое усилительное, эмфатическое значение (сравнительно с отрицанием обычного глагола НСВ, т. е. *не хаживал* является своего рода эмфазой к *не ходил*). Думается, однако, что здесь (по крайней мере в сфере диалектологии) мы опять имеем дело с проекцией представлений носителя литературного языка на диалектный материал: в языковом арсенале собирателя просто нет специального средства (формы) для выражения соответствующего значения («ни разу не»), поэтому возникает ощущение «усиления». Сами же контексты, как правило, носят бытовой характер, фраза произносится ровно, без интонационных акцентов; итератив сам порой нуждается в усилении, и в некоторых случаях вокруг него можно видеть нагромождение отрицаний, ср.: *А Ирина Григорьевна ни разу не робатывала нигде ни дня*. Как показатель эмфазы иногда трактуется и использование инфинитива (НСВ мотивирующего глагола в препозиции к итеративу); такие примеры тоже есть, ср.: *Я вот так прясть шерсть — не прядывала, сроду я не прядывала, я машинкой, я вязать вязала шерстяные носки, безрукавку, а так чтоб узорчато какое-нибудь — тоже не вязывала; Она работница была хорошая, хоть жать, хоть молотить; ну, молотить — я не знаю, я с ей не молачивала; А вот у меня дурак был (муж; дурак 'хулиган, драчун'), а не хлястывал, не хлястывал; матюкать — выгонит, дня по три бывает что дома не ночую; а чтобы хлестать — не хлястывал. Возможно, у этой конструкции и есть некоторый усилительный эффект, но основная ее функция, на наш взгляд, подобна функции именительного темы (своего рода «инфинитив темы»: «что касается прядения, то я не прядла»; ср. в приведенных контекстах: *а чтобы хлестать* аналогично *а так чтоб узорчато какое-нибудь*, т. е. «а что касается узоров»).*

Употребление итеративов в вопросе. Задавая вопрос (в наших записях встретились примеры только с общим вопросом), говорящий хочет выяснить, имело ли место некоторое действие вообще, т. е. хотя бы один раз; часто речь идёт о наличии у собеседника некоторого опыта в прошлом. Распределение утвердительных и отрицательных вопросов такое же, как в повествовательных контекстах (отрицаний 75%). Постановка общего вопроса в негативную форму характерна и для разговор-

ной речи литературного языка; вероятно, говорящий тем самым скорее предполагает отрицательный ответ. Примеры без отрицания: *Сморода, за-нашистая — ты нюхивала смороду? Крапивы вот нарвать и в бане пошоркаться.* (— Так ведь жжется!) — *Да ты крапиву рывала? Бабушка это тоже может тебе говаривала, нет?* Примеры с отрицанием: *Ты не бира-да климовска-то молока?* (Рассказывает, что холодец едят жидким, я удивляюсь) — *Холодец не хлябывала так-то? Вы у Бубновых-то не бывали? Я в районе в больнице лежала — не знаю, не писывала тебе? — в общем, сердечко у меня прихватило; Бразильский сериал идёт, вот я его с первой серии всё и смотрю — вы такого не сматривали? Ты не видала Катю-то моей? Вы не бывали этой дорогой?* (Начав рассказ, перебивает себя — опасается, что уже рассказывала) — *Я тебе не говаривала?* В одном вопросе могут сочетаться формы с отрицанием и без: *А я Ксюшу-то видала, не видала?* Как видно, значение итеративов в вопросе тождественно их значению в утверждениях.

В связи с вопросительными контекстами интересно следующее наблюдение. Беседа с информантами, особенно в начале знакомства, строится преимущественно на вопросах собирателя, при этом сам собиратель использует не итеративы, а обычные глаголы НСВ (*Вы в колхозе работали? Вы в лес ходили? Вы шерсть пряли?*). Обычно эта же форма глагола дублируется в ответе, но иногда реакция информанта выдает, что для него более естественно употребить здесь итератив, ср.: (*Вы солому мяли?*) — *Минала.* То есть происходит своего рода моментальный пересчёт — порой ещё до того, как собиратель произнесёт вопрос до конца. Встретилась и такая реакция: (*А Вы ходили за грибами?*) — *Когда?* Видимо, для значения «когда-либо, вообще» информант ожидает формы *хаживали*, а форма *ходили* для него скорее предполагает временную локализацию.

Как было сказано выше, итеративы используются в говоре преимущественно в формах прошедшего времени (93% случаев). Теперь рассмотрим остальные формы: это причастия, инфинитив и презенс.

Употребление итеративов в кратких формах страдательных причастий (с отрицанием). В записях встретилось чрезвычайно мало таких примеров (всего три), что соответствует статистике, приводимой М. К. Пак в её исследовании, основанном на общей выборке примеров из картотеки АОС (82 карточки из 9012, т. е. менее 1%). Приведём их все: *А кофту я уже хватилась через много время, надо было мне куда-то идти, я думаю, ужю-ка новую-ту кофту одену, и не нашивана, стала искать — а кофты-то нет; А у меня есть наверно еще половичок, дак он столько годов уж и не стирыван, дак грязной; А сама мала — я была и не хлястывана, я была вынежена у их (у родителей, самая младшая, баловали, не пороли). Очевидно, что формы *не нашивана*, *не стирыван*, *не хлястывана* имеют нормальную семантику отрицания итеративов: «никогда не носила», «столько лет не стирала», «никогда не пороли». Редкость примеров, вероятно, объясняется тем, что здесь мы имеем дело с наложе-*

нием двух диалектных особенностей — итеративных глаголов и так называемых безличных конструкций, и вероятность такого совместного употребления, соответственно, крайне низкая. Примеров с полными формами причастий типа *биваной, сушиваной* в записях не встретилось.

Употребление итеративов в форме инфинитива. Инфинитив многократных глаголов относит действие в будущее; при этом высказывание приобретает модальный оттенок неизбежности/(не)возможности, ср. примеры с отрицанием: *Если поведешь себя худо — так никак добро не *жизвать**; *Ну что ты, тебе надо с девками дружить, а то тебе потом и не *жизниваться*, давай, разбудишь* (шутливо, сонному коту); *Скусные были пироги, сейчас таких не *едать**; *Отец сядет курить: девки, вы забыли, надоть выколотить жернова-ти, а то ведь и домой не *бывать* — вот и побежим, чтобы скоряе выколотить* (а то домой не пушу); *Ой, жили дак... дай Бог больше так не *жизвать**. Формы без отрицания: *Если тебе бывать у Нины Николаевны, вот на Малой Горе, так может та знает, она много помнит старинно-то*; (Рассказ о том, как в молодости информантка увидела во сне местность в лесу за деревней и спросила потом у знающей женщины, что бы этот сон мог значить; та ответила) *Э, девка, да тебе там жизвать* (и далее: *Мне Агния-то сказала, что мне жизвать там, так ведь и пришлось жить*); *Может, уже не увижу Иры — кто знай, видаться ли нет*. Очевидно, что в таких контекстах речь идёт именно о действии как факте (вряд ли многократном). Вообще же малое число примеров и наличие в них самых частотных глаголов могут свидетельствовать о вторичности такого рода употреблений. Возможно, использование итеративов в форме инфинитива обусловлено аналогией; нередко инфинитив встречается в одном контексте с формой прошедшего времени: *А он (сын) приезжал ко мне в январе, говорил, что на кладбище охота в Трошцу, а я давно не *бывал*, а потом позвонил, что не *бывать* — Людка на операцию легла с ногами; Я не *бывала* тамока и не пойду, дай Бог мне тамока и не *бывать* к им*.

В записях нет примеров с итеративами в составе составного глагольного сказуемого или аналитических форм будущего времени (ср. *Девки... которые умеют плакивать; А на другой год буду нахивать* в примерах М. Пак [1995: 12]); впрочем, такие употребления единичны даже в картеке АОС. Ни в наших записях, ни в других работах не отмечены случаи употребления итеративов с фазисными глаголами и модальными словами типа *надо, можно*.

Употребление итеративов в настоящем времени. Помимо глагола *бывать* (см. ниже), в формах настоящего времени отмечены несколько глаголов; примеров, опять же, крайне мало, всего четыре: *Я говариваю, вы скоро меня похороните, а им даром всё; А я мало видаю девушек с косой; Я не люблю, когда меня во сне видают; Вы вот учились много и слышаете много*. Как и в случае с инфинитивом, возможно, формы презенса возникают в говоре аналогически.

Употребление глагола *быва́ть*. Глагол *быва́ть* и особенности его функционирования в говоре представляют сюжет для отдельного исследования; в пределах настоящей статьи можно обрисовать картину его употребления лишь в общих чертах. Это, безусловно, самый частотный глагол рассматриваемой группы, во многом за счёт неглагольных употреблений. Форма *бывало* регулярно используется в функции частицы, вводящей рассказ о некотором событии в прошлом (*Деревня бывало сгорела, У нас бывало Люся Соболева пожила, Бывало крёстный пришёл на Троицу, Я луну бывало купила, Бывало медведь всех коров придавил, Бывало торфяник горел* и пр.). Чаще всего *бывало* маркирует рассказ об однократном событии; если же в контексте заложена идея повторяемости (типичности) действия, то вместо прошедшего времени может использоваться простое будущее (*Вот муж бывало придёт с реки...*). В одном контексте с *бывало* зафиксировано употребление итератива: *Я бывало Клашке давивала котёнка; больше ей — хоть бы и кошка, я бы ей больше не дала: пинает, кричит* (рассказ об однократном событии). Затем, форма 3 л. ед. ч. настоящего времени *бывает* употребляется в значении модального слова 'наверное' (в вариантах *бывает, быват, бывай*), ср.: *Снегу было много сейгод, так ведь эка засуха была, так бывает, всё в землю ушло; Люта была на меня, а сейчас-то бывай прошло всё, замолкла; Она по две субботы ходила к нам, не знаю, в эту пойдёт ли, нет ли: может, опять куды Ленка уедет, напарница, дак быват опять скажет — подмени меня и под.* (хотя отметим, что такое употребление в Тавренье существенно реже, чем, к примеру, на Пинеге).

Что касается собственно глагольных употреблений *быва́ть*, то основное его отличие от нормальных бесприставочных итеративов состоит в расширенном употреблении форм презенса (по значению тождественного литературному). В формах прошедшего времени *быва́ть* в целом функционально близок итеративам, однако в ряде контекстов он выступает как обычный глагол НСВ (с временной локализацией либо в нарративной цепочке), ср.: *Я когда маленькая бывала, мама, покойница, напечёт шанег гороховых; У Альбины-то Григорьевны отец бывал судьей, и они крутили-вертели и Альбину-ту во всё оправдали* (был судьёй на момент процесса); *Она с Великого Поля бывала, жила напротив тут; Она из Попчеевской бывала родиной; У меня тоже бывало два котика больших: чёрный кот, весь чёрный, и рыжий; А тут учительница бывала, я уж не знаю, я в школу-то не ходила; она заблудилась* (далее рассказ о том, как учительница искала дорогу из леса; она жила в деревне). Таким образом, глагол *быва́ть* имеет ряд существенных отличий от других итеративов, поэтому он исключён из статистических подсчётов в настоящей статье.

Приставочные итеративы. В работах по диалектологии нет единого мнения о том, какие приставочные глаголы относятся к многократным: в ряде исследований к итеративам относится огромное число диалектных глаголов со структурой основы приставка-корень-суффикс (чаще всего *-ива/-ыва-*: *загаривать, уганивать, розрезывать, залезывать,*

выпадывать, вываживать, отлётывать и пр. [Пожарицкая 1991: 86—87]); в других работах собственно многократными считаются только бесприставочные образования, а примеры вроде перечисленных выше называются «формально-семантическими вариантами имперфективов на -а-», функционально отличными от нормальных итеративов [Там же: 12]. Вопрос о критериях выделения приставочных итеративов действительно спорный; постараемся выстроить логику работы с глаголами этого типа на материале наших записей.

Во-первых, можно с уверенностью сказать, что итеративами не являются глаголы типа *заганивать, переганивать, отганивать* и проч., поскольку мотивирующими для них служат глаголы СВ *загонить, перегонить, отгонить*, образованные в свою очередь от НСВ *гонить*, распространенного на всём русском Севере (на эту особенность обращала внимание О. Г. Ровнова [Ровнова 1993: 6], однако в других исследованиях по диалектной грамматике производные от *гонить* можно встретить среди итеративов, ср. [Пожарицкая 1991]). О том, что перед нами не итеративы, говорит не только словообразовательная структура, но и возможность употребления перечисленных глаголов в контекстах, где нормальный бесприставочный итератив невозможен, а именно в сочетании с фазисными глаголами (*Удолище взяла, коров стала отганивать*) и модальными словами (*Мне надо уж в шестом часу телят заганивать*), а также в нарративной цепочке с привязкой ко времени (*А молодая была, тогда всех уганивали на лесозаготовку, и я пошла*).

Напротив, можно выделить ряд глаголов, однозначно относящихся к итеративам. Рассуждая с позиций словообразования, приставочными итеративами безусловно можно считать только глаголы с двумя суффиксами имперфективации; таковых в Тавренъге зафиксировано всего два: *спрашивливать* (со словообразовательной цепочкой *просить — спросить — спрашивать — спрашивливать*) и *россказывливать* (*сказать — рассказать — рассказывать — россказывливать*). Таким образом, перед нами глаголы НСВ, образованные также от глаголов НСВ; судя по контекстам, сфера их употребления соответствует описанной выше для бесприставочных итеративов, ср.: *У нас вот Дуська Спирина всё не один раз россказывливала — ходила к им в класс из Першинской девка* (далее история про девуку); *Маленькую крестили или нет, я маму не спрашивливала*; *А я у Вальки как-то не спрашивливала, сколько ей годов, ей далёко ли за восемьдесят, не могу сказать*; (Сестра Сашка спалила сапоги на печке, мачеха пришла и говорит:) *Не реви да батьку не сказывай, дак и так мы у ей не спрашивливали* (вообще; кто спалил сапоги, для всех осталось тайной).

Основную сложность в решении вопроса о приставочных итеративах представляют все остальные глаголы, имеющие структуру основы приставка-корень-суффикс, где суффикс *-ива-/-ыва-* соответствует литературному *-а-* (*отдавыивать, замениивать, задыхиваться, покупывать, посылиивать, убегиивать*) или *-и-* (*принашивать, поднашивать, выхаживать,*

ухаживать, сваживать и под.). Считать, что все глаголы такого типа образованы от соответствующих глаголов НСВ типа *отдавать, заменять, задыхаться, приносить* и пр. с заменой суффикса, представляется некорректным: такая трактовка предполагает наличие в говоре исходных литературных глаголов, что, по всей видимости, не соответствует действительности: доказано, что в севернорусских говорах суффикс имперфективации *-ива-/-ыва-* гораздо более продуктивен, чем в литературном языке [Ровнова 1993: 5], и это действительно могут быть лишь суффиксальные варианты к литературным глаголам на *-а-/-и-*. С другой стороны, однозначно относить все такие образования к суффиксальным вариантам представляется также чересчур категоричным решением, поскольку особенности употребления некоторых из перечисленных глаголов в говоре однозначно свидетельствуют об их принадлежности к классу итеративов.

На наш взгляд, чтобы определить, относится ли некоторый приставочный глагол к итеративам, необходимо: 1) установить, имеется ли в говоре (желательно у того же информанта) вариант данного глагола НСВ с суффиксом *-а-/-и-* (*покупать* для *покупывать*, *посылать* для *посылывать* и пр.); 2) проанализировать все контексты (для глаголов со всеми суффиксами); определить характер дистрибуции, если она имеется; особое внимание следует обратить на использование глаголов с суффиксами *-ива-/-ыва-* в контекстах, невозможных для беспривставочных итеративов, т. е. с фазисными глаголами, в нарративной цепочке; важна также парадигма (например, расширенное употребление форм презенса).

Такой «штучный» подход, основанный на анализе большого объема записей и применении к приставочным образованиям закономерностей, выявленных для беспривставочных итеративов, показывает, что «спорные» глаголы, записанные в Тавреннге, достаточно чётко делятся на два типа. Первый — это диалектные имперфективы с суффиксами *-ива-/-ыва-* (действительно словообразовательные варианты к литературным глаголам на *-а-/-и-*), такие, как *заменявать, сменявать, приваживать, подваживать, сваживать, поднашивать, принашивать, задыхиваться* и др. Они не имеют в речи информанта вариативности суффикса и употребляются в маловероятных для итеративов контекстах, ср.: *Надо ведь операция делать, хрусталик заменявать, в район вот поеду; Спасибо Ийка другой раз прибежит, принесёт (пирогов), вот в Троицу, в Новый год принашивала, восьмого марта принашивала — Ийка крутая ещё, может пироги пекчи; Ты сейчас не вздумай туда идти, к Ирине Григорьевне, да их приваживать домой к чаепитью — ты от их не отмолишься, они тебя оцыганят; А потом девушки, женщины запрягали короба и на этих коробах сваживали снопы в гумна, а потом уже сушили, в овин закидывали* и пр.

Ко второму типу можно отнести глаголы, имеющие в говоре (и у того же информанта) вариант с другим суффиксом (тем самым, это не вариант, а мотивирующая основа НСВ), употребляемые в итеративных контекстах и, напротив, не отмеченные в нехарактерных для итеративов контекстах:

покупывать, посыловать, убеживать, выхаживать, ухаживать, отдавывать. Так, глагол *покупывать* зафиксирован в контекстах типа *Я всего только один раз покупывала* (духи) — ну, в молодости ещё, с Алевтиной Ивановной, она себе попрыскала и на меня-то попрыскала, а долго больно пахло-то, я и в баню ходила, думала, и не сойдёт у меня, кажется, всё пахнет, и больше тех пор дак не покупывала. Как видно, тип употребления здесь тот же, что и у бесприставочных итеративов; при этом в узусе информанта есть глагол *покупать*, употребляемый в прочих контекстах, например, с указанием на время, ср. *У меня где-то купленные есть рукавицы, несколько давно и покупала*. Аналогично для глагола *отдавывать* есть вариант *отдавать*, который может быть употреблён с модальным словом, ср.: *Я где-то вычитала, что два месяца после того, как родит мать, не надо никому отдавать* (котят); *так я после того никому не отдаывала раньше двух месяцев*. То же с глаголом *посыловать*: *Как Сашика умерла, так я наверно только два раза и посылавала Вале (денег), всё думаю, надо послать* (у того же информанта: *А посылать — тоже ведь откуда, пенсия-та*). Для глагола *убивывать*: *Охотник-то знал (как ставить ловушку), он ведь не одного медведя убивывал*. К итеративам можно отнести и некоторые глаголы движения, например, *убеживать*, *ухаживать*, *выхаживать*, ср.: (Сбежавшего пса домой) *привели — и больше он никуда не ухаживал*; *Меня не бивал* (муж), *синяка не нашивала, с дому не убеживала, не бивал*. При описанном подходе важны все параметры, но наиболее существенным следует признать возможность или невозможность употребления «кандидата в итеративы» в контекстах, нехарактерных для бесприставочных итеративов.

А н о м а л и и. На общем фоне употребления итеративов аномально ведут себя два глагола: *раживаться* и *умирывать*. Они употребляются в контекстах с чётким указанием на время, например: *Подружка моя, Лидка Ершова, мы с одного году, я в августе раживалась, она в ноябре; У свекровы день рождения, она раживалась в Казанскую; Неля, старшая, с пятьдесят девятого году, в апреле раживалась, ей сейгод было пятьдесят пять лет; Котёнок у меня — когда принесли-то его, наверно, месяц как принесён ко мне, он в мае раживался; Помню, что тата умер шестнадцатого февраля, да Алькина мать, Анюшка, сестра, тоже шестнадцатого февраля умерла, а мама третьего марта, вру, апреля, умирывала, а так больше никого и пр.* Что касается глагола *раживаться*, то в говоре не отмечен НСВ *рож(д)аться*, так что, возможно, перед нами видовая пара к *родиться* (тем самым, не итератив). Глагол *умирывать* менее частотный, особенности его употребления проследить сложнее; возможно, это также лишь диалектный имперфектив к *умереть*. Существенно другое, а именно употребление в такого рода контекстах глаголов НСВ, совершенно аномальное для литературного языка.

Вероятно, объяснить такое употребление можно будет лишь на фоне более масштабного исследования особенностей видового противопоставления глаголов в говоре. Для соотнесения полученной картины использо-

вания итеративов с глагольной системой говора в целом необходимо также детально рассмотреть принципы употребления форм давнопрошедшего времени и конструкций с краткими причастиями в предикативной функции. Даже первичный анализ этих особенностей показывает, что в говоре имеется вполне стройная система грамматических значений, регулярно передаваемых диалектными формами; между звеньями этой системы прослеживаются чёткие взаимосвязи. Так, например, итеративные глаголы никогда не употребляются в составе давнопрошедшего времени (невозможно **был хаживал*); при этом существуют контексты, в которых значение итеративов и плюсквамперфекта нейтрализовано, что проявляется в варьировании форм у самого информанта (например, имеется рассказ о незамужней женщине, жившей в деревне после войны; информант периодически называет её вдовой, поскольку большинство женщин в то время были вдовами, и сразу себя исправляет: *Ой, не вдова, она же не выхаживала*, — и через минуту: *Да не вдова, нет, она была не выходила*). Таким образом, для описания системных отношений в глагольной системе говора необходим анализ ещё нескольких существенных диалектных особенностей.

Л и т е р а т у р а

Пак 1995 — М. К. П а к. Многократные глаголы в архангельских говорах. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1995.

Пожарицкая 1991 — С. К. П о ж а р и ц к а я. О семантике итеративных глаголов в севернорусских говорах // Современные русские говоры. М., 1991.

Ровнова 1993 — О. Г. Р о в н о в а. Многократные глаголы в одном севернорусском говоре. Автореферат дисс. ... канд. филол. наук. М., 1993.

Саркисян 1991 — С. Г. С а р к и с ь я н. К вопросу о морфологии многократных глаголов (на материале архангельских говоров) // Современные русские говоры. М., 1991.

Сими́на 1970 — Г. Я. С и м и н а. Глаголы со значением кратности в говорах Пинежья // Севернорусские говоры. Вып. 1. Л., 1970.

Шевелёва 2012 — М. Н. Ш е в е л ё в а. Ещё раз о бесприставочных итеративах на *-ыва-/-ива-* типа *хаживать* в истории русского языка // Русский язык в научном освещении. 2012. № 1 (23). С. 140—178.

Шевелёва 2016 — М. Н. Ш е в е л ё в а. К истории грамматической семантики форм типа *хаживал*, *бивал*, *бирал* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2016. № 2 (32). С. 71—90.

Резюме

В статье рассмотрены особенности функционирования так называемых многократных глаголов в одном севернорусском говоре на материале экспедиционных аудиозаписей. Показано, что основным значением этой глагольной группы является общефактическое, а такие параметры, как многократность и давность действия, могут быть лишь контекстуально обусловленными. Основное значение реализует-

ся во всех типах контекстов: отрицательных (которые составляют большинство примеров), утвердительных и вопросительных. В статье особо рассмотрен вопрос о критериях выделения приставочных итеративов; предлагается считать итеративами только те образования, которые имеют в говоре мотивирующую основу НСВ и последовательно употребляются в контекстах, характерных для бесприставочных итеративов.

Ключевые слова: многократные глаголы, итеративы, севернорусские говоры, диалектная грамматика

Получено 19.06.2016

IRINA V. BEGUNTS

**ITERATIVE VERBS AND THEIR FUNCTION
IN ONE NORTH-RUSSIAN DIALECT**

The article concerns the so-called iterative verbs and their function in one North-Russian dialect. It is proved that these verbs mostly refer to a past action taken as a fact with no reference to the time axis, whereas such parameters as frequency and remoteness of action are contextually bound. The basic, or invariant, meaning shows in all types of contexts, i.e. positive, negative and interrogative. Prefixed iterative verbs are treated separately; criteria for distinguishing them from imperfective verbs are suggested. Namely, it is claimed that a verb can be treated as prefixed iterative only, if it derives from an imperfective verb (which occurs in the same dialect) and tends to be used in contexts that are typical of unprefixed iterative verbs.

Ключевые слова: North-Russian dialects, dialect grammar, iterative verbs

Received on 19.06.2016

Г. А. МОЛЬКОВ

ПРОСТОЙ АОРИСТ В ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ*

Существующие пособия по исторической грамматике русского языка, как правило, констатируют отсутствие в древнерусских письменных памятниках форм асигматического (простого, корневого) аориста или вовсе не упоминают их. Например, П. С. Кузнецов описывает ситуацию так: «Древнерусскому языку, начиная с древнейших памятников, известен лишь сигматический аорист, притом для глаголов с основой инфинитива на согласный — лишь сигматический аорист нового типа» ([Кузнецов 1959: 190], ср. также [Соколова 1962: 203; Иванов 1982: 75; Силина 1995: 412] и др.). Тем не менее, эта разновидность аориста присутствует в восточнославянских рукописях древнейшего периода, но в норму оригинальной письменности не проникает, встречаясь только в русских списках со старославянских оригиналов и «очень редко» [Дурново 2000: 296]. До настоящего времени не предпринималось попыток обозначить круг древнейших рукописей русского извода, в которых сохраняются формы простого аориста, примеры их употребления обычно приводятся только в исследованиях, описывающих язык конкретных рукописей.

При большой доле списков с южнославянских оригиналов в древнерусской письменности редкость использования форм простого аориста обусловлена также и тем, что в старославянской письменности они были свойственны только памятникам кирилло-мефодиевской традиции и поколению текстов, непосредственно следующему за ними, и устранялись при дальнейшем редактировании [Пичхадзе 2008: 152]. Среди старославянских памятников, в языке которых присутствовал асигматический аорист, А. А. Пичхадзе называет в первую очередь Евангелие в виде тетра и краткого апракоса, Паримейник, древнейшую гимнографию, Учительное Евангелие Константина Преславского. По нашим наблюдениям, древнерусские списки этих и ряда других произведений, относящиеся к XI—XIII вв. (в отдельных случаях — и к более позднему периоду), сохраняют асигматические формы с разной степенью устойчивости. На одном полюсе нахо-

* Исследование выполнено при поддержке РГНФ (проект 15-04-00283).

дятся те из них, которые сохраняют к древнерусскому периоду лишь единичные примеры в списках XI в., на противоположном — тексты, в которых в древнейших восточнославянских списках простой аорист остаётся употребительным, а единичные его примеры сохраняются и в списках значительно более позднего периода.

Использование простого аориста — согласно существующим исследованиям и нашим наблюдениям — свойственно целому ряду восточнославянских по происхождению рукописей и заслуживает внимания в нескольких аспектах: степень сохранности этой грамматической особенности в разных произведениях, её морфологические характеристики и круг глаголов, от которых образуется эта форма.

1. Древнерусские списки сохраняют в разном объёме формы простого аориста в достаточно широком круге древнеболгарских переводов. Наименьшей устойчивостью среди них архаический аорист обладал в гимнографических произведениях, что, по всей видимости, связано с историей этого типа текста на Руси. В середине XI в., в связи с переходом на новый богослужебный устав, была проведена масштабная правка всей переводной гимнографии [Момина 1992: 215], в ходе которой, по всей видимости, были последовательно устранены формы простого аориста. Только сигматический аорист используется в древнейших списках минеи (XI в. — минея Дубровского, «ягичевь» минеи), триоди, кондакаря (списки XII в.); такая же ситуация наблюдается в древнейших списках стихирая [Малыгина 2012: 11].

Исключениями на общем фоне — «важнейшими свидетелями древнеболгарской гимнографии конца девятого — десятого веков» [Кривко 2012: 154] — являются Путятин Миней и Ильина книга — два списка миней XI в., а также Триодь Моисея Киянина второй половины XII в. И только в минеях присутствуют редкие асигматические формы: один пример в Путятиной Минее (**овидоу** 53¹); и, по наблюдениям В. Б. Крысько, два примера в Ильиной книге: **придж** 97, 135 об. [Крысько 2015: 23]².

Вероятно, устранение архаичных форм из основного корпуса переписывавшихся на Руси гимнографических сборников повлияло также на его раннее устранение и при переписывании текстов древней редакции³. Отсутствие

¹ Найдено по указателю форм к электронной публикации рукописи на портале Манускрипт (http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=19&p_lid=1).

² Согласно указателям форм к электронной публикации Триоди Моисея Киянина на портале Манускрипт (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=31210856), простой аорист в этой рукописи не используется.

³ В поэтическом тексте в ряде случаев удаётся установить наличие в тексте правки формы аориста. Метрическая структура одного из колонов песни четвёртой старославянского канона Кириллу Философу, согласно реконструкции В. Б. Крысько, предполагает наличие формы простого аориста: «После того как форма простого аориста **овръѣтомъ** была утрачена языком, её место в 4-м колоне заняла сигматиче-

в Путятиной Минее маркированных западноболгаризмов Р. Н. Кривко считает «естественным результатом ее русификации» [Кривко 2015: 213].

2.1. Более устойчивым простой аорист оказывается в евангельских текстах разных типов. Древнейшие дошедшие до нас списки Евангелия содержат краткоапракосную версию текста, и именно в кратких апракосах XI в. сохранилось наибольшее для Евангелия количество архаичных аористных форм, хотя в самом раннем списке Остромирова евангелия используется всего одна такая форма: **възможеѣ** 16 [Козловский 1885—1895: 87]⁴. Как отмечает М. А. Соколова, в Архангельском евангелии 1092 г. «у первого писца находим аорист несигматический, правда, только в форме 3 л. мн. ч.: **идоу** 28, 40 об. (вм. **идоша**), **придоу** 2 об., 3, 23, 40 об., **изидоу** 31 об., 37, 40 об., **отидоу** 44 об., **обрѣтоу** 44 об., **овидоу** 6 об.» [Соколова 1930: 129]⁵. Как показала Л. П. Жуковская [1997: 20], Архангельское евангелие представляет собой компиляцию краткого и полного апракосов, и формы простого аориста закономерно наблюдаются не во всей рукописи, а только в первой её части (л. 1—76 об.), списанной с краткого апракоса.

В большем объёме простой аорист представлен в другом кратком апракосе XI в. — Погодинском евангелии. По уточнённым по сравнению с работой [Мольков 2016: 249] данным, в этой рукописи встретились 22 асигматические формы: **градоу** 31 об., **идете** 71 об., **придоу** 76, 128 об., **могоу** 77, **ѡидоу** 82 об., 85, **вънидете** (3 л., дв. ч.) 118, **въвьргоу** 119, **обрѣ//томъ** 126 об.—127, **изидъ** 127 об., 178 об., **възмогоу** 112 об., 131 об., **идоу** 133, 137, **придоу** 140 об., 146 об., 194 об., **изидоу** 141, 141 об., **вънидоу** 146 об. В одном случае также аористная форма была исправлена на презенс: **изидоутъ** 146. Возможность концентрации таких форм — в частности в одном из чтений Страстной недели (л. 140—141 об.) — показывает, что простой аорист не устранялся переписчиком рукописи последовательно и считался допустимым.

В составе краткого апракоса единичные чтения с простым аористом могли сохраняться достаточно долго. В частности, в краткоапракосном Евсевиевом евангелии 1283 г. ещё остаются две асигматические формы: **възможеѣ** 8 (в том же чтении, что и в Остромировом евангелии, Мф. XXVI.40), **придоу** 83 об. [Голоскевич 1914: 50].

В дошедших до нас списках четвероевангелия XII в. простой аорист почти не сохранился. Два древнейших тетра — Типографское и Галицкое

ская форма **обрѣтохомъ**, что привело к удлинению колона, и так превышавшего образец на 2—3 слога, еще на один слог» [Крысько 2014: 187].

⁴ Кроме того, А. Вайан указывает на сохранение простого аориста в искажённом виде в форме **приде** Л. XXIII. 33 (< ***придж**) [Вайан 1952: 265].

⁵ Список форм, приведённый М. А. Соколовой, не вполне точен; по данным словоуказателя к изданию Архангельского евангелия [АЕ], из 12 приведённых форм в рукописи есть только 11 (отсутствует форма **изидоу** на л. 40 об.).

евангелия — неоднородно отражают кирилло-мефодиевский текст. Галицкое евангелие 1144 г., содержащее следы восточноболгарской правки в протографе [Евангелие 1998: 30; Пичхадзе 2008: 152], уже не дает примеров простого аориста. В более близком к изначальному тексту переводу Типографском списке (РГАДА, ф. 381, № 1), по нашим наблюдениям, сохранились две асигматические формы: **нападоу** 14б, **възможете** 53в.⁶

Приведённые данные для евангельского текста можно дополнить также по нескольким спискам полного апракоса XII в., в которых отмечаются единичные употребления асигматических форм. В. М. Марков, говоря о том, что «памятники русского извода XI—XII веков знают не только формы сигматического, но и простого аориста», приводит два примера из Пантелеймонова евангелия конца XII в.: **придоу** 199 об. (Л.ХХIV.23), **ѡидоу** 217 (Л.П.15) [Марков 2001: 50]. Известны подобные формы и Полоцкому евангелию рубежа XII—XIII вв., при просмотре лл. 1—36 нами отмечен один пример: **придоу** 21б (И.ИV.27). Все приведённые формы обнаруживают закономерную зависимость от литургического членения текста: они присутствуют только в тех циклах апракосных чтений, которые есть в кратком апракосе: это чтения 5-го воскресенья по Пятидесятнице (И.ИV.27), воскресного евангелия (Л.ХХIV.23) и навечерия Рождества Христова (Л.П.15). При этом можно отметить, что архаичные формы аориста распределены по частям краткого апракоса, относящимся к разным этапам его составления (перечень древнейших частей краткого апракоса см. [Темчин 1991: 34]).

Наличие форм простого аориста в списках полного апракоса — дополнительное свидетельство его относительной устойчивости в евангельском тексте. Такие формы не были полностью устранены из текста при составлении полного апракоса в Восточной Болгарии и спорадически сохраняются в отдельных древнерусских списках по крайней мере до конца XII в. Однако закономерно большей устойчивостью простой аорист обладает непосредственно в представителях краткого апракоса.

2.2. К той же группе текстов, что и Евангелие — с сохранением относительно небольшого количества асигматических форм в списках XI—XII вв. — относятся и древнеболгарские переводы других жанров, относящиеся к эпохе царя Симеона⁷.

Во-первых, среди них можно выделить группу богословских сочинений: Пандекты Антиоха Черноризца, Слова Григория Богослова, Учительное Евангелие, Паренесис Ефрема Сирина и некоторые другие.

В списке Пандектов Антиоха XI в. (ГИМ, Воскр. 30 перг.) использовано 6 древних аористных форм: **оѡрѣмѣ** 93, **нападоу** 107, **ѡидоу** 123, **съвър-**

⁶ Выявлено по указателю форм к электронному изданию на портале Манускрипт (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=54366871).

⁷ О круге этих переводов см., например [Мошин 1963: 52—53].

гоу 151 об., прѣвъзидоу 164 об., придоу 304 об. [Копко 1915: 87]. В следующем по времени списке Пандектов в составе Троицкого сборника рубежа XII—XIII вв., для которого рукопись XI в. является антиграфом, простого аориста уже не наблюдается [Паймина 2012: 20].

В рукописи XI в., содержащей 13 Слов Григория Богослова (РНБ, Q.п.I.16), по данным А. С. Будиловича, встречается 5 форм простого аориста: **прїидомъ** 1б, **прїдъ** 324б, **идомъ** 313г, **истъхъ** 319г, **обрѣтомъ** 335г [Будилович 1871: 19]. Примеры распределены по тексту неоднородно, что может быть связано с текстовой гетерогенностью славянского перевода [Петрова 1991: 70—71]. Из приведённых одна форма находится в самом начале рукописи (Слово на Крещение, л. 1—18г), три формы — в тексте Слова на побиение полей градом (л. 304—324в) и одна — в Слове на Пасху (л. 324г—356б). Все примеры приходятся на текст гомилий сборника, использовавшихся в литургии [Молдован 2013: 8—10]; причем особое внимание привлекает пример в Слове на Пасху. Анализ Л. Я. Петровой показал, что это Слово было переведено на более позднем этапе, чем Слово на Рождество (также присутствующее в рукописи Q.п.I.16), в нём отражается «новый перевод, возможно, преславской школы; архаизмы — их не так уж много — можно объяснить следованием кирилло-мефодиевской литературной традиции» [Петрова 1991: 74]. К числу таких стилистических архаизмов, видимо, следует отнести и форму **обрѣтомъ**.

В большем объёме, при этом — в более позднем списке, второй половины XII в. (ГИМ, Син. 262)⁸, простой аорист представлен в Учительном Евангелии в переводе Константина Преславского. По нашим наблюдениям⁹, эта форма использована в древнерусском списке 12 раз¹⁰: **придоу** 27d 12, 30d 17, 32b 20, 151c 15, **въ/змогоу** 38d 15—16, **възмо/жетѣ** 123b 20—21 (3 л., дв. ч.), **прїдъ** 159b 1, 188c 21, 230b 16, **навѣкъ/** 193d 13, **обрѣ/томъ** 221c 1—2, **възи/детѣ** 229c 14—15. Ещё две формы Т. И. Афанасьева отмечает в тексте Сказания церковного, входящего в один кодекс с Учительным Евангелием: **сѣдоу** 240а, **спасомъсѣ** 257а [Афанасьева 2010: 249]. Такое сравнительно активное использование асимметричного аориста в переводах, атрибутируемых Константину Преславскому, согласуется с рядом других языковых архаизмов, говорящих о древности старославянских антиграфов его произведений и западноболгарском регионе их происхождения [Афанасьева 2010: 249—250; Кривко 2015: 199—206].

В кругу рассматриваемых текстов следует упомянуть также и единственный пример простого аориста в Изборнике Святослава 1073 г., в тексте Ответов Анастасия Синаита: **сѣматъсѣ** 73б [Розенфельд 1899: 194].

⁸ Ср. мнение о более раннем происхождении этой рукописи в [Уханова 2012: LXIX]; а также возражения против этой гипотезы [Крысько, Мольков 2017].

⁹ Наблюдения произведены по изданию Учительного Евангелия — [УЕ].

¹⁰ Р. Н. Кривко, описывая языковые особенности рукописи Учительного Евангелия, указывает на 8 форм простого аориста [Кривко 2015: 203].

Вероятно, к рассмотренной группе богословских сочинений можно отнести и сохранившийся в относительно поздних списках Паренесис Ефрема Сирина. Древнейшие свидетели отдельных частей этого сочинения в славянском переводе относятся к рубежу XII и XIII веков (отдельные главы в составе Успенского и Троицкого сборников), но архаичных форм аориста в них не наблюдается; единичную подобную форму О. Ф. Жолобов отмечает в списке 70—80-х гг. XIII в. (РГАДА, ф. 381, Тип. 38): **изидоу** 37а [Жолобов 2012: 202]. Сохранение этой грамматической формы в позднем списке связано с тем, что «антиграфом рукописи должен был быть очень ранний источник — по-видимому, конца XI или начала XII в.» [Жолобов, Паймина 2012: 30]. Таким образом, есть основания полагать, что в гипотетическом списке конца XI в. простой аорист мог быть представлен большим количеством примеров — возможно, в объёме, известном по рассмотренным выше спискам Пандектов Антиоха и гомилий Григория Богослова этого времени.

Ещё одну группу переводов Симеоновской эпохи с остатками асигматических форм на русской почве составляют агиографические тексты. Списки житий XI в. сохранились в отрывках, и в сохранившихся частях текста наблюдается только сигматический аорист [Тот 1975: 265; 1976: 260]. Однако в Успенском сборнике конца XII в. примеры употребления простого аориста есть во многих входящих в его состав житийных текстах южнославянского происхождения¹¹. По нашим наблюдениям, такие формы сохранились в Мучении Ирины (**ѡтидоу**/ 68г, **изи/доу** 71в, **обрътъ** 74б, **обидоу** 77в, **испадоу** 78г¹²), в чтениях на память Иова (**придоу** 84в, **приидоу** 85б), в Житии Мефодия (**приидоу** 103б), Мучении Вита (**отъпадоу** 126в), Повести Поливия о кончине Епифания Кипрского (**възмогъ** 159б); одна форма наблюдается также в апокрифическом Видении Исаяи (**вънидоу** 90б). Помимо перечисленных, к свидетельствам простого аориста в Успенском сборнике относится также несколько искаженных форм. Дважды в тексте Жития Епифания Кипрского архаичный аорист 1 л. мн. ч. был исправлен на форму настоящего времени: **и цѣло/вахомъса. И идемъ къ/ждо поутъмь своимь** 150а (< *идомъ), и **въсть служьба./ по отъпоуцении же цркъ/вынѣмь възидемъ въ є/пѣник** 154в (< *възидомъ); в одном примере исправлению подверглась форма простого аориста 3 л.

¹¹ На этот факт обращал внимание А. Н. Попов [1879: 5—6]; в качестве примера ученый приводит три формы простого аориста.

¹² Просмотр позднейших списков Мучения Ирины показывает, что форма 1 л. ед. ч. могла сохраняться неисправленной, видимо, осмысляясь в синтаксически сложном для восприятия контексте как форма причастия; ср. в списках XV в. — Волоч. 597: **вобрѣтъ** 142г (<http://old.stsl.ru/manuscripts/sobranie-rukopisnykh-knigiosifo-volotskogo-monastyrya/199>); Тр. 752: **вобрѣтъ** 174об. (<http://old.stsl.ru/manuscripts/medium.php?col=1&manuscript=752&pagefile=752-0177>). В списке Волоч. 597 сохранилась также одна из форм 3 л. мн. ч.: **изидѣ** 140а.

мн. ч. в составе апокрифической Повести Иеремии о пленении Иерусалима: **бл̑жнн соутъ о̑ци на/ши. авраамъ. и исакъ, и па/ковъ. тако изидоуть отъ/ мира сего. и не видѣша по/греблениа града сего** 1в (< *изидоу). В общей сложности в Успенском сборнике встретилось 14 форм простого аориста. Единичный пример данной формы в агиографическом жанре фиксирует В. Б. Крысько в близком Успенскому сборнику по времени создания древнейшем списке Пролога: **навъикъ** 62г [Крысько 2011: 826].

Рассматриваемая грамматическая особенность может сохраняться в житийных текстах и в XIII в.; единичные фиксации асимметрических форм сохранялись и в более поздней рукописной традиции, в том числе они реконструируются по переосмысленным словоформам. В списке Жития Нифонта 1222 г. (РГБ, Тр. 35) Т. О. Пономаренко отмечает 5 форм простого аориста: **ѡидѣ** 272, **придоу** 263, **ѡидоу** 366, **ѡпадоу** 329, **срѣтоу** 374 [Пономаренко 2009: 206—207]. Остатки видоизмененных асимметрических форм встречаются в тексте Римского Патерика по одному из списков XVI в.: **вниде** вм. **вънидѣ**, **донде** вм. **дондѣ**; в отрывках этого сочинения, относящихся к XIV в., последний пример присутствует в еще не искаженном виде: **дондѣ** [Дидди 2001: X, сноска 21].

Отдельно нужно упомянуть тексты, сохранившие формы простого аориста, но известные только в списках начиная с XIV в. В первую очередь к ним относится Евангелие от Никодима, древнейший восточнославянский список которого (Соф. 1264) датируется XV в. [Сперанский 1895: 55; Кобяк 1987: 121]. Содержащий и многие другие архаизмы в языке, свидетельствующие о древности перевода [Сперанский 1895: 58—61], этот список включает несколько примеров асимметрического аориста. По нашим наблюдениям, в пределах первых тринадцати глав (из имеющихся 27) употребляются формы¹³: **придѣ** 2, **придѣ**, **обрѣтъ** 14, **ѡтидѣ** 28, **обрѣтѣ** 34 (bis); также в искаженном виде сохранилась форма 3 л. дв. ч.: **ѡт<и>д<е>тѣ** 34 (по другому списку — **ѡтидоста**). Необычным для столь позднего списка является сохранение не только форм 3 л. мн. ч.; это может быть свидетельством преобладания асимметрических форм над симметрическими в более ранних, не дошедших списках (ср. употребление текстов, рассмотренных в п. 3).

Другое апокрифическое Евангелие со следами асимметрических форм — от Фомы — в древнерусских списках сохранилось только с XVI в. О древнеболгарском происхождении этого перевода свидетельствует, в частности, форма простого аориста **възмогоу** в сербском списке этого произведения XIV в.; М. Н. Сперанский замечает, что русский писец, «не поняв этой формы, пишет **могоу(т)** (т. е. наст. вр.)» [Сперанский 1895: 50].

Вероятно, сходная с переводами симеоновской эпохи степень употребительности рассматриваемых форм была свойственна и более позднему переводу — Хронике Георгия Амартола. В совокупности, исследователи

¹³ Текст цитируется по изданию А. Вайана — [EN: 2—38]. Формы приводятся со ссылкой на страницу издания.

указывают на 4 формы простого аориста (**оѡрѣтоу(са)** и **възидоу** по два раза [Пичхадзе 2011: 60]) в этом тексте, древнейший список которого относится к XIV в. Несмотря на наличие восточнославянской лексики в славянском тексте Хроники, совокупность языковых данных памятника, рассмотренных А. А. Пичхадзе, указывает на то, что перевод был выполнен носителем южнославянского диалекта [Пичхадзе 2011: 352].

3. Наконец, в наилучшей степени западноболгарский облик аориста сохраняется на древнерусской почве в нескольких книгах, основанных на текстах Ветхого Завета. Непосредственно связанный с деятельностью Кирилла и Мефодия Паримейник сохранился лишь в сравнительно поздних списках (с XIII в.) и будет рассмотрен чуть ниже.

Для настоящего описания значимым оказывается другой ранний перевод, который появился «в качестве непосредственного продолжения труда Кирилла и Мефодия» [Алексеев 1999: 159], — это перевод Толкований псевдо-Афанасия Александрийского на Псалтырь. С небольшими утратами этот текст сохранился в древнерусском списке XI в., известном как Толстовская псалтырь (РНБ, Ф.п.1.23). Эта рукопись по использованию аориста заметно выделяется на фоне рассмотренных выше. Уже первый исследователь рукописи П. А. Лавровский отметил, что в ней формы простого аориста «весьма обыкновенны и по количеству своему едва ли не превышают формы на **-ша**» [Лавровский 1858: 28], и привёл для примера 11 таких форм.

По нашим подсчётам, общее количество употреблений асигматического аориста в Толстовской псалтыри составляет не менее 124 форм. Представим полный список замеченных примеров:

— 1 л. ед. ч.: **придѣ** 60 об., 231 об. (bis), **възмогѣ** 61, **отъврьгѣ** 113 об., **оуглѣвѣ** 115 об., **отъпадѣ** 184, **исъхѣ** 184, **оѡрѣтѣ** 221, 233 об., **въздвигѣ** 229 об., **простѣрѣ** 229 об., **възнесѣ** 248, **привѣгѣ** 265 об.;

— 3 л. дв. ч.: **отъпадете** 80, **нищезете** 115 об., **изнеможете** 213;

— 3 л. мн. ч.: **овидоу** 4, 18 об., 19, 38 об., 113 об., 158, 210 об., 223 об., **овидѣ** 5 об., 221, 223 об. (bis), **прондѣ** 7, **изидоу** 12 об., **разидоу(са)** 19, **прѣвъзидоу** 55, **придоу** 56 об., 89, 144 об., 197 (bis), 261 об., 269 об., **придѣ** 68 об., **прѣидоу** 65, 157 об., 158, 164 об., 191 об., 195, **сънидоу** 79, 206, **сънидоутѣ (!)** 91 об., **вънидоу** 108 об., 115, 224, **вънидѣ** 247, **мимоидоу** 164 об., **възидоу** 242, **падоу** 4, 15, 16, 28 об. (bis), 44 об., 49, 95 об., 128, 139 об., 142, 143 об., 164 об., **отъпадѣ** 10 об., **отъпадоу** 31, 182 об., **въпадѣ** 44 об., **въпадоу** 96 об., **въпадоу(са)** 95 об., **нападоу** 65, 98, 116 об., 262, **съпадоу** 71, **низъпадоу** 93 об., **поврьгѣ** 8, **отъврьгоу** 224 об., 260, **отъврьгоу(са)** 11, **отъврьгоу(са)** 131 об., 140 об., **отъврьгоу во са** 143, **възврьгѣ** 19 об., **исповрьгоу** 196 (bis), 197, **изнемогоу** 28 об. (bis), 104 об., 204 об., **могоу** 97, **възмогоу** 104 об., **прѣмогоу** 105 об., **оуѡззоу** 44 об., **нищезѣ** 52, 128 об., **нищезоу** 104 об. (bis), 110 об., 183, **изоѡрѣтоу** 61, **оѡрѣтѣ** 119, 134 (bis), 194, 203 об., **оѡрѣтѣ** 204, **въздвигоу** 113, 170 об.,

въздвигж 170 об., **погыбноу** 128 (bis), **погыбж** 269 об., **възникж** 169, **стьсху҃са** 183, **отгьтра҃соу** 213, **сѣдоу** 242, **развѣгжса** 266.

Приведённое выше высказывание П. А. Лавровского о том, что формы простого аориста в Толстовской псалтыри количественно «едва ли не превышают» формы сигматического, не вполне точно. Западноболгарские формы в этой рукописи не просто превосходят по количеству соответствующие восточноболгарские, но и являются основными. Их соотношение можно наглядно продемонстрировать на примере самой частотной глагольной основы, образующей простой аорист. От основы **-ид-**, как видно из приведённого выше списка, в 3 л. мн. ч. образовано 39 бессуффиксальных аористных форм, в то время как сигматический аорист от неё встретился в толковой псалтыри только 8 раз; аналогичное соотношение и в 1 л. ед. ч.: три архаичных формы и только одна суффиксальная.

В отдельных основах использование простого аориста ещё более последовательно. Например, от глаголов с корнем **-мог-** сигматическая форма встретилась только один раз; от глагола **ицезнжти** в Толстовской псалтыри образуются только асигматические аористные формы.

Все перечисленные особенности аористных форм в рассмотренном списке Псалтыри с Толкованиями псевдо-Афанасия Александрийского показывают, что употребление простого аориста в этом тексте является действующей языковой нормой. Соотношение двух типов аориста здесь оказывается противоположным тому, которое наблюдалось в рассмотренных выше рукописях.

Есть возможность сопоставить приведённые данные с показаниями другого восточнославянского списка того же произведения XI в. — с Евгениевской псалтырью (РНБ, Погод. 9), дошедшей в отрывке. В этом списке формы простого аориста сохранились в заметно меньшем объёме. На 20 сохранившихся листов приходится всего одна асигматическая форма: **прѣидж** 19а [Гринкова 1924: 306]. В основе этого списка мог лежать протограф, прошедший восточноболгарскую правку, хотя Н. П. Гринкова отмечает сохранение в списке характерных западноболгарских языковых черт.

Списки Толкований псевдо-Афанасия на Псалтырь в рукописях древнерусского извода сохраняют асигматические формы аориста и в значительно более поздних списках. Выборочное сопоставление форм Толстовской псалтыри со списком XVI в. из собрания Троице-Сергиевой Лавры¹⁴ показало, что при дальнейшем переписывании текста далеко не все формы подвергались замене на сигматический аорист. При наличии соответствий типа **повьргж** 8 — **повергоша** 35 об., **отгьпадоу** 31 — **ѡпа(до)ша** 65 и др. нередко встречается и сохранение (иногда искажённое) архаичной формы: **падоу** 4 — **падоу҃ть (!)** 31 об., **овидоу** 5 об. — **ови/дѣ** 33 и др. В частности, в рукописи XVI в. читается следующий пассаж с концентрацией подобных

¹⁴ <http://old.stsl.ru/manuscripts/173-iii/109?fnum=4>.

форм: **врази мон. ти/ иꙗнемоꙗ** и **падоꙗ**. **Жиꙗовьстѣи/ ѿроци. мнѣшеꙗ стоꙗжити х(с)оꙗ./ иꙗнемоꙗ въ свѣтъѣхъ своиѣхъ и падоꙗ** 61 об.

Отметим также наличие единичной формы простого аориста Толковой Псалтыри в более позднем переводе — Псалтыри с Толкованиями Феодорита Киррского по списку XI в. (Чудовская псалтырь, ГИМ, Чуд. 7): **въꙗдвигоꙗ** 116г¹⁵ (в тексте толкования на 73-й псалом).

По степени активности форм простого аориста рассмотренная Толстовская псалтырь сопоставима только со старославянскими рукописями. Этот прецедент показывает жизнеспособность на восточнославянской почве текстов с подобными грамматическими особенностями. В связи с этим показательные данные содержит древнейший восточнославянский список Паримейника 1271 г. (РНБ, Q.п.1.13), так называемый Захариинский. Обративший внимание на заметное количество асигматических форм аориста в рукописи О. Ф. Жолобов отмечает, что здесь их «не менее 15» [Жолобов 2016: 163]. По нашим наблюдениям, основанным на указателе форм к электронному изданию Захариинского паримейника на портале Манускрипт¹⁶, в рукописи представлены следующие формы: **вънидоꙗ** 10а, 81а, 84б (bis), **вѣрѣтоꙗ** 10г, **въꙗдвигоꙗ же сѧ** 11б, **придоꙗ** 11б, 11б, **мимондоꙗ** 12б, **падоꙗ** 17б, **въꙗргоꙗ** 17в, **проꙗл/воꙗ** 22г, **сѧ ѿꙗргоꙗ** 27г, **моꙗоꙗ** 65г, **идете** 134б (3л. дв. ч.). Приведенный список (15 форм) выделяет Паримейник на фоне списков XIII в. других произведений, рассмотренных выше. Можно предположить, что более ранние восточнославянские списки этого кирилло-мефодиевского перевода могли по активности асигматических форм быть близкими к норме Толстовской псалтыри.

Подтверждает это и сохранение отдельных асигматических форм в более поздних списках Паримейника. По данным критического аппарата в публикации А. А. Пичхадзе [Пичхадзе 1998], единичные примеры простого аориста сохраняются также в списке Соф. 53 XIII в. (**вѣрѣтъ** Исх. XXXIII.15), в Сковородском паримейнике XIII—XIV вв. (**внидж** Исх. I.1), в Никифоровском II паримейнике XIV в. (**придж** Исх. XV.27), в Строгановском паримейнике XIV в. (**въꙗдвигнѣсѧ** Исх. XVI.1); в исправленном на презенс виде также — в Покровском паримейнике XV в. (**придоꙗтъ** Исх. XVI.1)¹⁷.

Цитирование Паримейника также могло происходить с сохранением форм простого аориста. Об этом свидетельствует единичный пример **вѣрѣтъ** в цитате в тексте Толкового Евангелия Феофилакта Болгарского, включенного в Великие Минеи Четьи [Пичхадзе 2011: 32].

¹⁵ Найдено по электронной публикации рукописи на портале Манускрипт (http://manuscripts.ru/mns/main?p_text=44342283).

¹⁶ <http://manuscripts.ru/mns/portal.main?p1=57>.

¹⁷ Интересен также пример ошибочного устранения причастной формы, принятой за аорист 1 л. ед. ч., в позднем списке Паримейника Син. 159 (1585 г.): **да бꙗдоꙗ оꙗво вѣрѣто(х)** вм. **да воꙗдоꙗ оꙗво вѣрѣтъ** (Исх. XXXIII.13).

Возможно, та же традиция в использовании аористных форм, что и в описанных ранних переводах, была первоначально представлена в славянском тексте Толковых пророков, переводе Симеоновской эпохи [Алексеев 1999: 163]. Его списки сохранились только с XV в., и в тех из них, которые отражают языковые черты протографа наиболее полно, можно наблюдать редакторскую правку аористных форм 3 л. мн.ч.: **въвергоу** > -гоша, **обидоу** > -доша [Калугин 2014: 59, сноска 2].

4. В совокупности имеющиеся на сегодняшний день данные по употреблению корневого асигматического аориста в памятниках древнерусского извода составляют значительный корпус примеров (более 240 форм)¹⁸. В формальном отношении основную их часть составляют формы 3 л. мн. ч. (около 82 % всех примеров). По приведённым выше примерам видно, что количественное преобладание форм 3 л. мн.ч. связано не только с количественным преобладанием этой граммы в текстах. В целом ряде памятников разных жанров, как правило, сохраняются исключительно формы 3 л. мн. ч. (Ильина книга, Архангельское евангелие 1092 г., Житие Нифонта 1222 г., Захариинский паримейник 1271 г. и др.). Примеры, в которых данные словоформы подвергаются гиперкорректной правке, начиная с древнейших списков (ср. **сънидоутъ** в Толстовской псалтыри, **изидоутъ** в Погодинском евангелии, Успенском сборнике и др.), показывают, что фактором, поддерживающим простой аорист именно в 3 л. мн. ч., была возможность отождествления аориста с употребительными в древнерусской письменности формами настоящего времени без **-тъ**, восходящими к индоевропейским формам со вторичными окончаниями [Жолобов 2012: 195—197].

Тем не менее, в древнерусских списках в разной степени представлены и другие граммы простого аориста — почти в том же составе, что и в старославянских памятниках. Относительно часто встречается аорист 1 л. ед.ч. (**съматъса** в Изборнике 1073 г., **изидъ** в Погодинском евангелии, **оуглъвъ** и др. в Толстовской псалтыри, **навтъкъ** в Прологе и др.); сохраняются формы 1 л. мн. ч. (**обрътомъ** в Погодинском евангелии, 13 Словах Григория Богослова, Учительном евангелии, **спасомъса** в Сказании церковном и др.); 2 л. мн. ч. (**възможете** в Остромировом и Евсевиевом евангелии, **идете** в Погодинском евангелии, **възидете** в Учительном Евангелии); и 3 л. дв. ч. (**ищезете** и др. в Толстовской псалтыри, **възмо/жете** в Погодинском евангелии, искаженное **отидете** в Евангелии от Никодима). Не встретилось только форм 2 л. дв. ч.

В формальном отношении привлекают внимание параллельные формы простого аориста от глагола на **-нж-** в Толстовской псалтыри: **погыбноу**

¹⁸ Корпус старославянских примеров, по данным Х. Ланта, составляет более 650 употреблений [Lunt 2001: 104].

128 (bis)¹⁹, но погыѣж 269 об. Подобные формы с сохранением **-н-** в асигматическом аористе не известны в старославянских памятниках, хотя допустимы параллельные образования сигматического аориста, типа **оужа-соша** — **оужаснѣша**, **истопоша** — **истоппнѣша** [Lunt 2001: 106—107]. О. Ф. Жолобов приводит подобную искажённую словоформу по древнейшему среднеболгарскому (Григоровичеву) списку Паримейника: **възъ-двигнѣ...** **са** на фоне **въздвигоу...** **са** в Захариинском списке [Жолобов 2016: 163]. При наличии раннего примера Толстовской псалтыри можно предположить, что простой аорист с **-н-** мог в определенный период образовываться по аналогии с параллельными формами сигматического аориста.

Нестандартно образование аористой формы **садоу**, отмеченной Т. И. Афанасьевой, в цитате из 121-го псалма в Сказании церковном [Афанасьева 2010: 249—250]. Если она не связана с искажением текста, то представляет собой аорист от основы настоящего времени, не встречающийся в ранних славянских памятниках (ср. в данном чтении в Синайской псалтыри — **сѣдѣ** 169а [СП: 169], а также старославянские **сѣдѣ**, **въсѣдѣ** [Вайан 1952: 263]).

Древнерусский материал даёт фиксации некоторых граммем простого аориста у ряда глаголов, отсутствующих в старославянских памятниках, как, например, форма **възможете** Остромирова евангелия, приводимая А. Вайаном [1952: 263], известная, как показано выше, и другим древнерусским рукописям. Также расширяется круг глаголов, образующих асигматические аористные формы; к известным по старославянским текстам можно добавить глаголы **сѣмастиса**, **грати**, **испасти**, **донти**.

Обращает на себя внимание форма **възнесѣ** в Толстовской псалтыри. С одной стороны, её можно считать правильной формой простого аориста от глагола **възнести**. В Синайской псалтыри в этом контексте (псалом 130) использован сигматический аорист древнего типа: **възнѣсь** 172b 14 [СП: 172]. Варианты **възнесѣ**/**възнѣсь** потенциально могут быть неза свидетельствованными в старославянских памятниках параллельными аористными образованиями. Как пишет Х. Лант, у нескольких глаголов в старославянском языке возможно образование сразу двух непродуктивных типов аориста [Lunt 2001: 107]. В частности, в евангельском тексте (Мф. XXVIII.4) встречаются такие параллельные образования, как **сѣтрадѣса**/**сѣтрадѣса**. Но с другой стороны, по словам А. М. Селищева, в старославянских текстах у простого аориста «для основ с кратким *e* в корне (*ved-*, *nes-*, *rek-* и др.) были только формы 2 и 3 л. ед.: **веде**, **рече** и др.» [Селищев 1952: 169], т. е. формы 1 л. (***ведѣ**, ***несѣ**) глаголы «с кратким *e*», по дан-

¹⁹ Форма повторяется в псалме и тексте толкования: **Исконъчашасѣ погы/бноу за безаконикъ свокъ: Безаконьноваша/ бо на ѣа. въоружьшенсѣ и погыбноу яко не/ быти имъ:** (ср. **погыѣж** 91b 16—17 в Синайской псалтыри, цит. по [СП: 91]).

ным старославянских памятников, не образовывали. Правило, сформулированное А. М. Селищевым, распространяется не на все основы с [e] в корне (ср. выше примеры **ищежж**, также **легъ**, **възлежж** в старославянском), однако присутствие формы **възнесеъ** в восточнославянском списке всё же с большой долей вероятности может быть связано с адаптацией незнакомого писцу написания, принятого за ошибочное (например, форма может быть «подогнанной» восточнославянским переписчиком под форму причастия).

5. Рассмотренный материал показывает, что использование асимметричного аориста в языке книжных памятников на древнерусской почве в древнейший период зависело от грамматической системы, представленной в болгарском протографе. В тех случаях, когда текст, дошедший до древнерусского переписчика, сохранял древние болгарские глагольные формы, в XI в. на Руси ещё не происходило их последовательного устранения. Несмотря на то, что ограниченные книжным употреблением формы не во всех случаях правильно опознавались переписчиком (ср. гиперкорректные формы уже в Толстовской псалтыри, Погодинском евангелии), простой аорист в древнейший период входил в компетенцию древнерусских книжников. Он встречается в большинстве сохранившихся рукописей XI в., среди которых в отдельных случаях может преобладать над сигматическим аористом. Отголосками активности этого архаизма в древнерусской письменности можно считать сохранение его в списках отдельных произведений вплоть до периода XIV—XVI вв.

Л и т е р а т у р а

АЕ — Архангельское евангелие 1092 года. Исследования. Древнерусский текст. Словоуказатели / Изд. подгот. Л. П. Жуковская, Т. Л. Миронова. М., 1997.

Алексеев 1999 — А. А. Алексеев. Текстология славянской Библии. СПб., 1999.

Афанасьева 2010 — Т. И. Афанасьева. Языковые особенности «Сказания церковного» по спискам XII—XVI вв. // Русский язык в научном освещении. № 2 (20). 2010. С. 243—269.

Будилович 1871 — А. Будилович. Исследование языка древнеславянского перевода XIII слов Григория Богослова по рукописи Императорской публичной библиотеки XI века. СПб., 1871.

Вайан 1952 — А. Вайан. Руководство по старославянскому языку. М., 1952.

Голоскевич 1914 — Г. К. Голоскевич. Евсевиево евангелие 1283 года. Опыт историко-филологического исследования. СПб., 1914.

Гринкова 1924 — Н. П. Гринкова. Евгениевская псалтырь как памятник русской письменности XI в. // Известия отделения русского языка и словесности РАН. Т. XXIX. 1924. С. 289—306.

Дидди 2001 — К. Дидди. Патерик Римский: Диалоги Григория Великого в древнеславянском переводе. М., 2001.

Дурново 2000 — Н. Н. Дурново. Очерк истории русского языка // Н. Н. Дурново. Избранные работы по истории русского языка. М., 2000. С. 1—340.

Евангелие 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Издание подгот. А. А. Алексеев, А. А. Пичхадзе, М. Б. Бабицкая, И. В. Азарова, Е. Л. Алексеева, Е. И. Ванеева, А. М. Пентковский, В. А. Ромодановская, Т. В. Ткачёва. СПб., 1998.

Жолобов 2012 — О. Ф. Жолобов. О рефлексах инъюнктива в древнерусских книжных источниках // Русский язык в научном освещении. № 1 (23). 2012. С. 194—231.

Жолобов 2016 — О. Ф. Жолобов. Простой индикатив в кирилло-мефодиевских источниках (к интернет-изданию Захариинского паримейника 1271 г.) // Russian Linguistics. № 40. 2016. С. 153—172.

Жолобов, Паймина 2012 — О. Ф. Жолобов, О. С. Паймина. К лингвотекстологической характеристике Троицкого сборника конца XII века // Ученые записки Казанского ун-та. Т. 154, кн. 5. Гуманитарные науки. 2012. С. 23—33.

Жуковская 1997 — Л. П. Жуковская. Текстология и лексика Архангельского Евангелия 1092 года // АЕ. С. 18—37.

Иванов 1982 — В. В. Иванов. История временных форм глагола // Историческая грамматика русского языка. Морфология. Глагол / Под. ред. Р. И. Аванесова, В. В. Иванова. М., 1982. С. 25—131.

Калугин 2014 — В. В. Калугин. Глаголица в Толковых пророчествах 1047 года (Опыт текстологической и палеографической реконструкции) // Palaeoslavica. 2014. XXII, № 2. С. 52—100.

Кобяк 1987 — Н. А. Кобяк. Евангелие Никодима // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 1 (XI — первая половина XIV в.). Л., 1987. С. 120—123.

Козловский 1885—1895 — М. М. Козловский. Исследование о языке Остромирова Евангелия // Исследования по русскому языку. Т. I. СПб., 1885—1895. С. 1—127.

Копко 1915 — П. М. Копко. Исследование о языке Пандектов Антиоха XI в. // Известия отделения русского языка и словесности РАН. Т. XX. Кн. 4. С. 1—92.

Кривко 2012 — Р. Н. Кривко. Раннедревнеболгарский пласт в ростовской служебной минее XIII века (РНБ, Ф.п.I 37) // Slověne. № 1. 2012. С. 145—221.

Кривко 2015 — Р. Н. Кривко. Очерки языка древних церковнославянских рукописей. М., 2015.

Крысько 2011 — В. Б. Крысько. Морфологические особенности житийной части Софийского пролога // Славяно-русский Пролог по древнейшим спискам. Синаксарь (житийная часть Пролога краткой редакции) за сентябрь—февраль. Т. II: Указатели. Исследования. М., 2011. С. 798—837.

Крысько 2014 — В. Б. Крысько. Старославянский канон Кириллу Философу: Источники и реконструкция. М., 2014.

Крысько 2015 — В. Б. Крысько. Основные особенности языка Ильиной книги // Ильина книга (XI в.): Исследования. Указатели / Подгот. В. Б. Крысько, И. М. Ладыженский, Т. И. Межиковская. Под ред. В. Б. Крысько. М., 2015. С. 17—37.

Крысько, Мольков 2017 — В. Б. Крысько, Г. А. Мольков. Языковые особенности Учительного евангелия Константина Преславского и его древнейшего списка // Zeitschrift für Slavische Philologie. 2017 (в печати).

Кузнецов 1959 — П. С. Кузнецов. Очерки исторической морфологии русского языка. М., 1959.

Лавровский 1858 — П. А. Лавровский. Описание семи рукописей Императорской С.-Петербургской публичной библиотеки // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. Т. 4. Отд. III. 1858.

Малыгина 2012 — М. А. Малыгина. Языковые особенности и состав Минейного стихиряря (по древнерусским спискам XII века). Дисс. ... канд. филол. наук. М., 2012.

Марков 2001 — В. М. Марков. Избранные работы по русскому языку. Казань, 2001.

Молдован 2013 — А. М. Молдован. О составе сборника 13 Слов Григория Богослова // Лингвистическое источниковедение и история русского языка (2012—2013). М., 2013. С. 5—15.

Мольков 2016 — Г. А. Мольков. Особенности языка и письма Погодинского евангелия (РНБ, Погод. 11) // Die Welt der Slaven. LXI. 2016. Heft 2. С. 230—253.

Момина 1992 — М. А. Момина. Проблема правки славянских богослужебных гимнографических книг на Руси в XI в. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Т. 45. 1992. С. 200—219.

Мошин 1963 — В. А. Мошин. О периодизации русско-южнославянских литературных связей X—XV вв. // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы (Пушкинский дом) РАН. Т. 19. 1963. С. 28—106.

Паймина 2012 — О. С. Паймина. Языковые особенности Троицкого сборника XII—XIII вв. Автореф. дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2012.

Петрова 1991 — Л. Я. Петрова. К вопросу о древнеславянском переводе Слов Григория Богослова // Советское славяноведение. № 4. 1991. С. 70—75.

Пичхадзе 1998 — А. А. Пичхадзе. Книга «Исход» в древнеславянском Пармейнике // Ученые записки Российского православного университета ап. Иоанна Богослова. Вып. 4. М., 1998. С. 5—60.

Пичхадзе 2008 — А. А. Пичхадзе. Южнославянские традиции в древнерусской письменности (лексика и грамматика) // Письменность, литература и фольклор славянских народов: XIV Международный съезд славистов. Докл. рос. делегации. М., 2008. С. 152—172.

Пичхадзе 2011 — А. А. Пичхадзе. Переводческая деятельность в домонгольской Руси: лингвистический аспект. М., 2011.

Пономаренко 2009 — Т. О. Пономаренко. Языковые особенности Жития Нифонта 1222 г. Дисс. ... канд. филол. наук. Казань, 2009.

Попов 1879 — А. Н. Попов. Библиографические материалы. Ч. I: Описание сборника русского письма конца XII века // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1879. Январь—Март. Кн. 1.

Розенфельд 1899 — А. Розенфельд. Язык Святослава Изборника 1073 года // Русский филологический вестник. 1899. Т. 41. Кн. 1—2. С. 152—197.

Селищев 1952 — А. М. Селищев. Старославянский язык. Ч. II: Тексты. Словарь. Очерки морфологии. М., 1952.

Силина 1995 — В. Б. Силина. Аорист // Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Морфология. М., 1995. С. 411—428.

Соколова 1930 — М. А. Соколова. К истории русского языка (Рукопись московской библиотеки им. Ленина, № 1666) // Известия по русскому языку и словесности АН СССР. Т. III. 1930. С. 75—135.

Соколова 1962 — М. А. Соколова. Очерки по исторической грамматике русского языка. Л., 1962.

СП — Синайская псалтырь. Глаголический памятник XI века / Приготовил к печати С. Северьянов. Петроград, 1922.

Сперанский 1895 — М. Н. Сперанский. Славянские апокрифические евангелия. М., 1895.

Темчин 1991 — С. Ю. Темчин. Дистрибуция глагольных разночтений в древнейших славянских списках евангелия и объем первоначального перевода // Исследования по глаголу в славянских языках. История славянского глагола / Под ред. Г. А. Хабургаева и А. Бартошевича. М., 1991. С. 9—41.

Тот 1975 — И. Х. Тот. Житие Кондрата // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. XXI. Fasc. 3—4. 1975. С. 237—275.

Тот 1976 — И. Х. Тот. Житие Феклы // *Studia Slavica Academiae Scientiarum Hungaricae*. Т. XXII. Fasc. 3—4. 1976. С. 233—262.

УЕ — Старобългарското Учително Евангелие на Константин Преславски / Издадено от Мария Тихова с детайлно описание от Елена Уханова на най-стария препис (ГИМ Син. 262). (*Monumenta linguae slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes*. Т. LVIII). Freiburg i. Br., 2012.

Уханова 2012 — Е. В. Уханова. Палеографические и кодикологические особенности древнейшего списка Учительного Евангелия Константина Преславского (ГИМ, Син. 262) и история его создания // УЕ. С. LVI—LXXVII.

EN — A. V a i l l a n t. L'évangile de Nicodème: Texte slave et texte latin. Paris, 1968.

Lunt 2001 — H. G. L u n t. Old Church Slavonic Grammar. Berlin; New York. 2001.

Резюме

Представленный в статье обзор памятников древнерусской письменности показывает, что на восточнославянской почве формы простого аориста при переписывании текста сохранялись в достаточно широком круге источников. Наибольшее количество таких форм сохраняют рукописи XI—XII вв., однако в составе отдельных произведений их примеры остаются в списках вплоть до XVI в. Степень сохранности простого аориста заметно варьировалась в текстах различных жанров — от преобладания над другими типами аориста в некоторых текстах, связанных с Ветхим Заветом, до единичных примеров в гимнографии. Сведения, извлеченные из древнерусских списков памятников, позволяют дополнить представления о формообразовании простого аориста и круге глаголов, от которых он образовывался.

Ключевые слова: историческая грамматика, старославянский язык, древнерусский язык, глагол, простой аорист

Получено 19.06.2016

GEORGY A. MOL'KOV

THE ROOT AORIST IN OLD RUSSIAN MONUMENTS

As a review of Old Russian manuscripts presented in the article shows in a wide range of sources forms of the root aorist were fairly well preserved by the East Slavic

scribes who copied the texts. The largest number of such forms are found in the 11th- and 12th-century manuscripts but in some texts they remain in the manuscripts until the 16th century. The degree of preservation of the root aorist varies significantly in the texts of different genres — from predominance over other types of aorist in some texts based on the Old Testament to isolated examples in hymnography. Information extracted from the Old Russian written monuments contributes to our knowledge about the derivation of the root aorist and to the list of stems with which it occurred.

Keywords: historical grammar, Old Church Slavonic, Old Russian, verb, root aorist

Received on 19.06.2016

Т. И. АФАНАСЬЕВА

УПОТРЕБЛЕНИЕ УКАЗАТЕЛЬНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ В ФУНКЦИИ ЛИЧНЫХ МЕСТОИМЕНИЙ 3-ГО ЛИЦА В РУССКИХ ПЕРЕВОДАХ КОНЦА XIV ВЕКА *

Введение

Яркая языковая особенность, отличающая русские переводы XIV в., сделанные книжниками митрополита Киприана, — это частотное употребление местоимений **тѣ**, **та**, **то** в качестве личных. Таким образом они употребляются в тех случаях, когда указывают на только что упомянутое лицо или предмет, т. е. выполняют анафорическую функцию. В Евхологии Великой церкви¹ таких примеров очень много, в качестве иллюстрации приведем лишь несколько по рукописи ГИМ, Син. 900: **еже на камени вѣры создавъ цркъвь свою бл҃гини. в тои исправи молбы наша** (55 об.), **ѿрекосте ли са дивабола. даже до конца того възненавидите** (155), **словеснѹю снѹ паствѹ вкупѣ собравъ... незарочнѹ тѹю сѣлюди** (171), **спси князѣ наша... схрани тѣхъ подѣ кровомѣ твоеѣ бл҃гости** (172), **внегда хотѣть приводими быти къ православнои вѣрѣ. поститисѣ тѣмъ днни т или ѿ** (196).

Подобные примеры можно найти в переводе Диатаксиса Филофея Коккина — уставе Божественной литургии, выполненном при Киприане [Афанасьева 2015: 173—186]: **въздоух же прїимъ ѿ рама дїаконова. и покаднѣ того... покрываетъ с нимъ стѣаа** (ГИМ, Син. 601, л. 24), **глѣть сщ҃никъ млтвѹю входною тѣи. тои же скончавшисѣ. глѣть дїаконѣ** (Vat. slav. 14, л. 127), а также в переводах самого митрополита: **земля оубо слѹжащи вл҃дкѣ твоемѹ вж҃ственомѹ повелѣннѹ лѣтних изведе плодовъ нѣ твоею бл҃гстию и росѹ временнѹю проситъ к тѣхъ возрастению** (канон «о гобзине плода» по списку РНБ, Соф. 837, л. 353 об.).

По нашим наблюдениям, употребление местоимения **тѣ** в анафорической функции распространено в произведениях Евфимия Тырновского.

* Статья написана при финансовой поддержке РГНФ, грант 14-04-00150а.

¹ О времени и месте данного перевода см. подробнее [Афанасьева 2014: 237—251].

Так, например, в Житии Иоанна Рыльского, написанном Евфимием², находим немало таких употреблений: **въскорѣ къ рацѣ стго притече и тѣплыми слъзми тѣ облявѣ, весь црковный съзва причѣтъ и въсѣ прѣдреченаа тѣмъ сказа, авне посла къ патрїархоу своему курь Василюу сжцоу томоу въ тръновѣ... писанїе велашее сице.** Исследования славянских переводов литургий показали, что редакция Евфимия и редакция митрополита Киприана, единомышленника и последователя тырновского патриарха, очень близки друг другу по переводческим установкам. Так, в области употребления местоимения 3-го лица в обеих редакциях многочисленны случаи постановки местоимения **тѣи, тѣа, тѣо** на месте ***и, *ѣ, ѣ** в древних и в Афонской редакциях [Афанасьева 2004: 63—64].

На наш взгляд, эта языковая особенность имеет южнославянское происхождение и заимствуется русскими переводчиками в конце XIV в. В настоящей статье предпринимается попытка охарактеризовать данное явление и показать, как оно адаптируется в русских переводах XIV в.

1. Местоимение *тѣ* в старославянском и древнерусском языке XI—XIV вв.

В старославянских памятниках существовала троичная (тернарная) система указательных местоимений *сь, тѣ, онѣ*, и они совмещали в себе две основные функции — заместительную (анафорическую) и указательную (дейктическую). Местоимения *сь* и *онѣ* в большей степени были указательными и указывали на ближний и дальний предмет соответственно. Местоимение *тѣ* было противопоставлено местоимению *сь*, в его семантике подчеркивалась не удаленность предмета как таковая, а скорее известность, определенность предмета [Вайан 1952: 169]. В заместительной функции чаще всего употреблялось местоимение **ѣ*, однако в разных памятниках соотношение местоименных субстантивов *тѣ, сь, онѣ* и **ѣ* было различным. Подробное исследование этого соотношения было проведено Й. Курцем, однако в сферу его интересов входило употребление указательных местоимений в атрибутивной функции, поскольку он исследовал механизмы формирования постпозитивного артикля и ставил перед собой вопрос, имеется ли в старославянских памятниках категория определенности и можно ли найти в них местоимения в функции артикля. В результате проведенного им исследования было выяснено, что в старославянском языке *тѣ* имеет подчеркивающее значение, выступает при отсылке к уже упомянутому, а также в большей степени носит экспрессивный оттенок [Курц 1963: 121—182].

В данном исследовании нас будет интересовать употребление местоимений вместо существительных, т. е. в заместительной функции. Здесь в

² Примеры цитируются по изданию Е. Калужняцкого [Калужняцки 2010: 106—107].

нейтральном значении преобладает местоимение **ъ*, но наряду с ним используются и указательные местоимения. Так, в старославянских памятниках местоимение *тъ* имело самый широкий спектр значений и могло соответствовать всем греческим указательным местоимениям *αὐτός*, *οὗτος* и *ἐκεῖνος*, тогда как *сь* чаще всего соотносится с *οὗτος*, а *онь* — с *ἐκεῖνος* [Минчева 1987: 33]. По большей части, когда местоимение *тъ* выступает в функции замещения, оно имеет указательно-заместительные оттенки значения: 1) указывает на то, о чем недавно говорилось (**благени плачущен ѣво ти оутѣшатъся**), 2) указывает на непосредственно предшествующий член предложения (**творачен во зъло ти сжтъ страждущен зълѣ**), 3) выступает как коррелятивное местоимение в придаточном предложении (**иже ма сътвори цѣла тъ мнѣ рече**) [Večerka 1993: 52—55].

Тем не менее, по памятникам соотношения местоимения *тъ* с греческими местоимениями представляют довольно пеструю картину. Так, в рукописях Евангелия именно *тъ* имеет самые разнообразные соотношения с греческими местоимениями; более того, славянские местоимения, соответствующие одному греческому, могут иметь разные варианты по спискам. В соответствии с *ἐκεῖνος* *тъ* частотно в атрибутивной позиции: **ѿ часа того, из града того, до дне того**. В заместительной функции оно по большей части употребляется в соответствии с *αὐτός* и *οὗτος*: **ен глаю вамъ того оубоитеса** (Лк. 12:5 *τούτων*), **тъ есть болен въ црствии нѣнѣмь** (Мф. 18:4 *οὗτός*), **и посла того к ним** (Мк. 12:6 *αὐτόν*), **и тому единому послужши** (Лк. 4:8 *αὐτῷ*), **благени смѣрении дхомъ тако тѣхъ есть црствие нѣснок** (Мф. 5:3 *αὐτῶν*), **пать притворъ имжцихъ в тѣхъ лежаше** (Ин. 5:2 *ἐν ταύταις*). Случаи употребления в соответствии с *ἐκεῖνος* единичны: **паки посла к нимъ другого раба и того каменнемъ по главѣ бивше...** (Мк. 12:4 *ἐκεῖνον*), **они же и того бивше...** (Лк. 20:11 *ἐκεῖνον*).

Только в именительном падеже регулярно выдерживается соответствие с *αὐτός*: **тъ во спасетъ люди своа** (Мф. 1:21 *αὐτός*), **тъ вы крститъ доухомъ стѣмь и огнемъ** (Мф. 3:11 *αὐτός*), **тъ неджгы наша приатъ и болезни понесе** (Мф. 8:17 *αὐτός*), **тъ съпааше** (Мф. 8:24 *αὐτός*). Это связано с тем, что в греческом языке местоимение *αὐτός* употреблялось в нейтральном значении лишь в косвенных падежах, в именительном падеже местоимение опускалось, а если оно было употреблено, то имело выделительное, подчеркивающее значение.

В Супрасльской рукописи соотношение *тъ* с греческим оригиналом было несколько иным. По нашим подсчетам, местоимение *тъ* в заместительной функции чаще соотносится с греческим *οὗτος*, хотя единичные случаи с *αὐτός* и *ἐκεῖνος* встречаются. Так, по результатам исследования 1-го тома издания этого памятника [Супр. 1982]³ в соответствии с *οὗτος* *тъ* встречается в четыре раза чаще, чем с *αὐτός*, и во столько же раз чаще, чем

³ В качестве поискового механизма использовался интернет-портал Манускрипт: http://mns.udsu.ru/mns/main?p_text=85179364.

с ἐκεῖνος. Кроме того, именно в Супрасльской рукописи местоимение *тѣ* нередко выступает в функции постпозитивного артикля [Минчева 1987: 39]. Нам представляется, что в выборе *тѣ*, *сѣ*, *онѣ* греческий текст не оказывал решающего влияния. Видимо, выбор между местоимением *тѣ* и *сѣ* диктовался нормами славянского языка, и нормы восточноболгарские, представленные в Супрасльской рукописи, заметно отличались от норм, представленных в старославянских евангелиях.

Ранние древнерусские памятники, видимо, унаследовали троичную систему указательных местоимений от старославянского языка, и в некоторых древнерусских памятниках она используется. Так, в Житии Феодосия Печерского, например, есть немало контекстов, где местоимение **тѣ** указывает на уже известное и только что упомянутое лицо⁴: **Таче же тако и минуша мѣ дньни дѣтицю, крщениемъ того осватиша** (27 об.); **они же видѣвъше отрока простость и ризами же хѹдами облечена, не рачиша того припати** (31). В древнерусском языке все три местоимения могли выполнять роль семантического 3-го лица, примеры таких употреблений имеются во многих памятниках Киевского периода: в Сказании о Борисе и Глебе, Житии Феодосия Печерского, Студийском уставе, в Чудесах св. Николая [ДРГ 1995: 369]. Однако вопрос о том, чем объясняется выбор конкретного местоимения, остается открытым и требует изучения по целому ряду памятников. На сегодняшний день проведено исследование только Русской Правды, где, по данным Т. А. Сумниковой, в качестве основного замещающего субстантива выступает местоимение **жѣ*. В результате подсчетов было выяснено, что на 149 случаев употребления местоимения **жѣ* приходится 14 случаев местоимения **тѣ**. Значения указательных местоимений, по мнению Сумниковой, в заместительной функции нейтрализуются, и они выступают практически как синонимы, т. е. имеет место семантически нейтральная анафора [Там же: 372—373].

В среднеболгарский период местоимения **тѣ**, **та**, **то** начинают употребляться в членной форме **тон** (из **тѣи**), **тиа** (вм. древней **таа**, получившейся в результате влияния местоимения **сиа**) и **тоѣ**. Так, новые формы известны в Дубровницкой грамоте 1230 г., Берлинском сборнике, Врачанском евангелии [Харалампиев 2001: 109—110]. В продукции Тырновской книжной школы членные формы **тон**, **тиа**, **тоѣ** уже носят регулярный характер [Иванова-Мирчева 1974: 203]. Употребление местоимения *тои* в анафорической функции в среднеболгарских памятниках не изучалось, поэтому вопрос, сохраняется ли тернарная система местоимений 3-го лица или она заменяется бинарной, еще ждет своего исследователя. Однако наши наблюдения над переводами Евфимия Тырновского и митрополита Киприана позволяют предположить, что в восточноболгарской письменности XIV века еще использовалась тернарная система указательных местоимений. Тернарная система сохранилась лишь в некоторых современных славянских

⁴ Примеры приводятся по изданию [Успенский сборник 1971: 73, 80].

языках, причем она характеризуется яркой тенденцией к сведению трехчленной системы в двучленную, — это чешский язык (к нему близка система указательных местоимений словацкого, верхнелужицкого и нижнелужицкого языков) и сербский (к нему близка система местоимений македонского языка) [Кржижкова 1972: 144—153].

2. Местоимения **тъ, та, то** в русском переводе Евхология Великой церкви

В данном разделе мы проследим употребление местоимений **тъ, та, то** в анафорической функции в соответствии с греческим местоимением $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$, $\alpha\upsilon\tau\acute{\eta}$, $\alpha\upsilon\tau\acute{o}$ в русских переводах XIV в. Материалом для исследования был выбран Евхологий Великой церкви, переведенный русскими книжниками при митрополите Киприане, поскольку он является самым большим по объему русским переводом конца XIV века и в нем гораздо отчетливее, чем в других, видно, в каких падежах новая норма проявляется интенсивнее, в каких предпочитается старая. Отметим также, что старая норма употребления анафорических местоимений от **ъ* продолжает использоваться в переводе и конкурирует с новой. Исследование проводилось на материале списка ГИМ, Син. 900 начала XV в., поскольку он полнее древнейшего списка ГИМ, Син 675 конца XIV в., греческие параллели там, где они необходимы, приводятся по изданию М. Арранца [Арранц 2003].

Евхологий Великой церкви представляет собой собрание церковных служб, совершаемых священником и дьяконом, большую часть которых составляют молитвы. По своей структуре молитвы — это тексты, лишенные нарратива и имеющие в своем составе восхваления Бога и просьбы к Богу, для выражения которых используются глаголы во втором лице единственного числа и в первом лице множественного числа. В таких текстах формы местоимений третьего лица присутствуют по большей части в косвенных падежах. Нарративные тексты содержатся в рубриках Евхология — пространных богослужебных указаниях о том, в какой последовательности нужно совершать ту или иную службу.

Именительный падеж

В нарративном тексте личное местоимение в именительном падеже как в греческом, так и в церковнославянском языке, как правило, опускалось, а если оно употреблялось, то имело усилительное значение. Употребление местоимения мужского рода **тон** в соответствии с греческим $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ встречается только в нарративных пассажах, и таких случаев только два: **но бъ творитьъ ꙗкоже хощеть и всакому бѣгомю и лукавому виновенъ тон есть.** 238 об; и **надъ всѣми сими проклинаю бога моамедова. ѡ немже глеть ꙗко тон есть бъ единъ** 241. Во множественном числе 4 раза встречается форма **тии**: **штрываемѣ же трапезѣ съ ангтимисѣми. тии ѿ сцѣнникѣ**

оубо абие прелагаеми бывають на ч(с)тъномъ мѣстѣ (44 об.); и въ прѣдвѣи поминати ст҃хъ пастырей и оучитель нашихъ... како и тии тѣ прославиша (132 об.), Проклинаю оубо тако речесѧ. еже паче си҃хъ мудроствующи(х) ... паче же какоже тии владословать (200 об.), всѧ терпѣлю ради избранны(х) да и тии спснїе получать (288).

Местоимение онѣ, она оно в тексте почти не отмечено. Лишь форма мн. числа они встретилась дважды: они же гл҃ють. Ѡрекохомсѧ (л. 153) — λέγουσιν Ἀλεταξάμεθα; они же Ѡвѣщавають. счѣтахомсѧ (л. 154) — λέγουσι Συνεταξάμεθα. Данные формы употребляются, как видно из примеров, для передачи подлежащего, опущенного в греческом предложении.

В молитвах в форме именительного падежа употребляется местоимение самъ (98) / сами (3), имеющее усилительное значение, например: самъ члвколюбче ц(с)рю и во всемъ бл҃гнн оудовли насъ въ множествѣ щедротъ твоихъ (10 об.) — αὐτὸς φιάνθρωπε Βασιλεῦ καὶ κατὰ πάντα ἀγαθὲ ἰκάνωσον ἡμᾶς ἐν τῷ πλήθει τῶν οἰκτιρμῶν σου; самъ бесмртне и великодоровитын ц(с)рю. помани щедроты твоя (39) — αὐτὸς ἀθάνατε καὶ μεγαλόδωρε Βασιλεῦ μνήσθητι τῶν οἰκτιρμῶν σου; самъ и нѣтъ низпосли бл҃гть ст҃го тї дха. (41 об.) — αὐτὸς καὶ νῦν κατὰλεμψον τὴν χάριν τοῦ ἀγίου σου Πνεύματος. В древних редакциях служебника в подобных контекстах употреблялось личное местоимение ты, то есть передавалось контекстуальное значение, получавшееся за счет того, что сказуемое стояло в повелительном наклонении во втором лице (оудовли, помани, низпосли и под.). Замена ты на самъ — это последовательная инновация XIV века, характерная также для Афонской и Киприановской редакций литургий.

Контексты с множественным числом крайне редки в молитвах. В Евхологии Великой церкви данные формы встречаются в чинах принятия в православии: сами прочта вѣсте како схраните (155 об.) — αὐτοὶ λοιπὸν οἶδατε πὼς φυλάττετε; вѣрѣтохомсѧ и сами грѣшни (278) — εὐρέθημεν καὶ αὐτὸ ἀμαρτωλοί.

Таким образом, в молитвенных контекстах предпочтительно местоимение сам/сами, имеющее выделительное значение, в нарративных превалируют местоимения тои и тии, однако есть ряд пассажей, где встречается форма они на месте опущенного подлежащего в греческом.

Родительный и винительный падежи

Развитие генетивно-аккузативных отношений у личных и неличных местоимений привело к тому, что древняя форма винительного падежа местоимения 3-го лица мужского рода и, а также форма множественного числа мужского и женского родов ѧ вышли из употребления и в изучаемом тексте не встречаются. Вместо них представлены формы родительного падежа, а винительный падеж сохраняется только у местоимений женского рода единственного числа и у местоимений среднего рода. Генетивные формы в изучаемом тексте употребляются для замещения как одушевленных, так и неодушевленных существительных.

Употребление местоимений мужского рода **того/его** в соответствии с $\alpha\upsilon\tau\acute{o}\varsigma$ можно разделить на две большие группы — в функции несогласованного определения и в функции дополнения, как прямого, так и косвенного. Наши наблюдения показывают, что форма **того** чаще встречается в переводе во всех значениях, она зафиксирована 175 раз, тогда как форма **его** — 143 раза. В функции прямого дополнения заметно доминирует форма **того**, таких форм насчитывается 114, например: **приними раба своего имѣркѣ... и сподови того** (197), **паки ницѣлѣва брата нашего болашаго... ницѣли того** (118 об.), **нигѣ стоитъ к западомъ днаволъ... да ѿвергъшеса того и дунувше, еже на того въспримѣте брань** (152); в функции определения она зафиксирована 61 раз, например: **по заповѣдемъ того жительства** (144), **въ среднемъ того мѣстѣ** (54 об.), **еже на землю того съ нѣсъ пришествиѧ** (134 об.).

В функции определения чаще употребляется форма **его** (114 раз): **безпакоствы съхранѧ. уснованиѧ его** (30), **и суды его расхитивъ** (94), **вгради входъ и сходы его** (106). Как дополнение она встречается в 29 случаях: **сладуи его** (царя) **даже до скончаниѧ вѣка неподвижна** (40); **призри на раба твоего... оутверди его тако на крѣпкомъ камени** (93), **ницѣли раба твоего... и животвори его по твоему оугодию** (99 об.).

Винительный среднего рода ед. числа чаще всего представлен формой **то** (14 раз), например: **аще ли же во инъ ссудъ праздниъ впадетъ что скверно достонитъ то измыти** (102), **писание свершисѧ. вѣдка то на нѣсѣхъ имѣеть** (154). Форма **ѣ** встретилась только один раз, и она не имеет соответствия в греческом оригинале: **аще оубо кто васъ имѣеть что днаволе въ дши да привержетъ ѣ томү** (151) — $\pi\rho\sigma\tau\rho\upsilon\pi\acute{\alpha}\tau\omega\ \alpha\upsilon\tau\acute{o}\varnothing$.

Что касается варьирования местоимений женского рода **тоѧ/ѧ**, то наблюдается противоположная картина. Здесь доминирует старая форма **ѧ**, она отмечена в 22 случаях, а форма **тоѧ** отмечена только в пяти. При этом форма **тоѧ** в качестве несогласованного определения не встречается, она употребляется только в функции дополнения: **празнүющи^х вновление сеѧ стѣна цркви и ради тоѧ перстное тѣло наше съ дшами... свершилъ еси** (63 об.), **ѿлагающи^х оубо сворнүю цркви... разүмѣющи^х вмѣсто тоѧ своѧ усобнаѧ сворица** (206).

Форма **ѧ** в функции определения употреблена 7 раз: **и оүкраси ѧ главу красотою тевѣ блгооугодною** (99); **и оутверди тварь оүтоли зыбаниѧ ѧ** (119); **въздагаеть на главу ѧ** (188 об.).

В 15 случаях **ѧ** является прямым и косвенным дополнением. Косвенное дополнение встретилось 4 раза, например: **пригнѣтають рүками ст҃үю трапезү... кадит окрест ѧ** (59), **еже ѿ неѧ** (воды) **почерпающимъ питие нескверно** (102), **въ еже не погнѣнүти ѿ неѧ** (от паствы) **единомү ввчати** (171).

В переводе Евхология Великой церкви в качестве прямого дополнения встречается форма **ѧ**, которая употребляется вместо древней формы винительного падежа **ю**. В тексте встретилось 4 таких случая, и они по большей

части не связаны с категорией одушевленности существительного, которое они замещают: **Ῥῆςτις εἶα** (дочь) **ἵακο ζοветь въ слѣдѣ насъ** (279) — ἀλόλυσον αὐτήν; и **προλιβατα εἶα** (воду) **на все лице земное** (193) — καὶ ἐκχέων αὐτό; и **просвѣти εἶα** (душу) и **настави на всѣщнии х̄а твоего** (219 об.) — καὶ φωτίσον αὐτήν; **приводима бываеть ц(с̄)рица препоситы и поставляютъ εἶα прѣ^А патриархомъ** (188) — παραστῶσιν αὐτήν. В одном случае форма **εἶα** соответствует греческому местоимению αὐτή: **по^Адержитъ εἶα** (трапезу, л. 31 об.) — ἀνέχει ταύτην. Замена форм винительного падежа женского рода родительным происходила, видимо, под влиянием этого же процесса в местоимениях мужского рода, но протекала не так интенсивно. Данное явление было свойственно древнерусскому языку, где замена неличных местоимений винительного падежа родительным наблюдается в памятниках XII—XIII вв. Правда, случаев таких замен зафиксировано немного, но древнейшие из них содержатся в Успенском сборнике: **сѣздавъ еѣ** (церковь)... **прѣстависѣ** [ДРГ 1995: 355]. Регулярные же замены винительного падежа на родительный у местоимений женского рода встречаются в деловой письменности с конца XIV в.: в грамоте Олега Рязанского Дмитрию Донскому и в Двинской грамоте XV в. [Борковский, Кузнецов 1963: 222]. Таким образом, наряду с южнославянской языковой нормой в тексте перевода представлены и живые русские формы местоимений.

В винительном падеже женского рода ед. числа конкурируют варианты **т҃ю/ю**, причем новая форма заметно вытесняет старую. Замена старославянской формы **т҃ж** на членную форму **т҃ыж** происходит в среднеболгарских памятниках XIII—XIV вв. под влиянием местоимения **сѣа/сѣа**: она встречается, например, в Берлинском сборнике начала XIV в. [Берлински сборник 2006: 398]. Однако в переводе Евхология Великой церкви употреблен другой вариант этого местоимения — **т҃ю**, видимо, образованный от формы **таа**. Форма **т҃ю** зафиксирована в памятнике 28 раз: **помазавъ т҃ю** (312), **възлагають т҃ю на столпы** (35об.), **сгибають т҃ю надвое** (58). Старая форма **ю** сохранена в 4 случаях: **се слышахомъ ю въ ефраѣѣ**, **верѣтохомъ ю в полих** (45), **насади ю** (лозу, 106).

Во множественном числе наблюдаем следующие закономерности: местоимение **т҃ѣхъ** чаще употреблено в объектном значении (53), чем в функции определения (27). Местоимение **ихъ**, наоборот, превалирует в качестве притяжательного местоимения (47), в функции объекта встречается 13 раз.

Винительный падеж среднего рода мн. числа в переводе встречается только два раза и только в древней форме **ѣа**: и **нова платна, срѣзѣмы бываю^т надробно. и по скончании матѣвы. раздаеть ѣа сѣа всѣмъ с҃цимъ въ ватари** (67 об.), **въздари ѣа** (т. е. **благодательства** 118).

Таким образом, в родительном и винительном падежах употребляются как древние, так и новые формы. Интенсивность введения новых форм наблюдается у местоимений мужского рода, употребленных в качестве прямого дополнения.

Дательный падеж

Формы **томѹ/емѹ** распределяются в тексте с явным преобладанием **томѹ** (76 раз) над формой **емѹ** (23 раза). Во множественном числе также доминирует новая форма **тѣмъ** (56), в то время как старая форма **имъ** наблюдается в 28 случаях. Напротив, в женском роде древняя форма преобладает: 9 раз встретилась форма **ѣи**, 4 раза форма **тои**. Отметим, что новые формы превалируют в составе дательного самостоятельного и новых инфинитивных калек с предлогами (**по еже** + inf; **въ еже** + inf и под.), которые широко распространяются в языке переводов XIV века: **очисти въ воду сню... въ еже быти тои еже ѿ неа почерпающимъ питие нескверно** (102) — εἰς τὸ γενέσθαι αὐτὸ τοῖς ἐξ αὐτοῦ ἀρρομένοις εἰς πόσιν ἀρούραρον; **и по еже дунѹти тѣмъ** (крещаемым) **паки начинаетъ** (151 об.) — μετὰ τὸ ἐμφουῆσαι πάλιν ἄρχει. Напротив, формы дательного падежа от *и, *ѧ, κ крайне редко встречаются в новых синтаксических оборотах. Нам встретился только один пример: **въ еже помолитисѧ имъ** (людям) **на мѣстѣ семъ** (309 об.), в большинстве случаев они выражают дательный адресата: **даѧ имъ, покорн емѹ, вѣаша емѹ**.

Творительный падеж

В единственном числе форма творительного падежа **тѣмъ/имъ** полностью омонимична форме дательного множественного. В результате отвердения конечных губных старая форма творительного **имъ** в переводе не встречается, а форма **тѣмъ** зафиксирована только 4 раза: две формы стоят в дательном падеже и две формы в творительном.

Форма **тѣмъ** в тексте доминирует в творительном падеже, а форма **имъ** используется только в значении дательного падежа. Формы женского рода **тою/єю** распределяются в переводе следующим образом: **тою** употребляется 7 раз, например: **иже водою нас наздавъ... оугаси тою раженныѧ вражнѧ стрѣлы** (136 об.), **очисти кроплением тою** (водой) (137), **и всего ма ѡсти всесвершена силою своею невидимою и дѡвною десницею. да... тою подати** (149 об.), **ересь снѧ състависѧ... тою держими** (229 об.). Форма **єю** в тексте не встречается, она употребляется только в составе местоимения **иже: еюже**. Множественное число творительного падежа выражено в основном формой **тѣми**, она встретилась в тексте 9 раз, а форма **ими** — только 2 раза: **чѹдоѡбиствовати ими** (55 об.) и **стѹжающе ими** (278).

Местный падеж

Варианты **томъ/(н)емъ** распределены в переводе одинаково: 7 форм **томъ** и 7 форм **немъ**, например: **слѹжити в томъ** (в жертвеннике 122 об.), **нашихъ грѣховъ на томъ** (кресте) **пригвоздивъ** (167); **и дѣлающихъ и слѹжительствоующи(х) в немъ** (в храме) **оукрѣпи** (30), **еже нами на немъ** (на кресте) **свершаемыми** (180 об.). Форма женского рода **тои** встретилась только один раз: **в тои** (в церкви) **исправи молбы наша** (51 об.). Форма **неи** в данном тексте употребляется 7 раз: **и погасити сѹщии в неи свѣтъ** (231),

створивши землю и члвѣка на неи (107). Во множественном числе форма тѣхъ встретила 4 раза, например: тако ангимсы преже всѣиши, рѣжемы бывають... а по еже всѣити. сѧ ничтоже ѿ си^х в тѣхъ дѣветьсѧ (57), ради свершаемыя в тѣхъ (в храмах) бж(с)твныя и бескровныя жертвы (120 об.), и по тѣхъ ·р· ги помиауи (297 об.). Форма ихъ употреблена 3 раза: да въ ихъ шествѣемъ (143), еже в ихъ видимымъ же вѣемъ и невидимымъ (205 об.), живъ бѣдетъ въ ихъ (210).

Выводы

Активное употребление местоимений тѣ, та, то в заместительной функции в русских переводах киприановского времени, на наш взгляд, можно связать с тем, что в церковнославянском языке XIV века в качестве нормы сохраняется старославянская тернарная система указательных местоимений, где местоимение тѣ указывало на уже известный, только что упомянутый предмет или лицо. Видимо, эта норма использовалась в восточноболгарских тырновских памятниках письменности и не была характерна для афонских переводов. Наблюдение над употреблением местоимений в анафорической функции позволяет нам сделать вывод о том, что в русском переводе Евхология Великой церкви активно используются местоимения тѣ, та, то в большинстве падежных форм, хотя для живого древнерусского языка этого времени такая норма не была характерна. Представим присущую этому памятнику систему указательных местоимений, выполняющих функцию личных местоимений 3-го лица, в таблице:

падеж	единственное число	множественное число
Им.	самъ (98) тон (2)	сами (3) тии (4) они (2)
Род-Вин.	того (114 в знач. дополнения, 61 в знач. определения) тол (6 в знач. дополнения, 5 в знач. определения) его (29 в знач. дополнения, 114 в знач. определения) ел (15 в знач. дополнения, 7 в знач. определения)	тѣхъ (53 в знач. дополнения, 27 в знач. определения) ихъ (13 в знач. дополнения, 47 в знач. определения)
Дат.	тому (76) / тон (4) ему (23) / ни (9)	тѣмъ (56) имъ (28)
Вин.	тъ (0) / то (14) / тѣю (33) и (0) / е (1) / ю (5) / ел (5)	— л (0) / та (2)
Тв.	тѣмъ (10) / тою (7)	тѣми (19) ими (2)
Мест.	томъ (7) / тон (1) немъ (7) / неи (7)	тѣхъ (4) нихъ (5)

Как видно из статистических данных, местоимение **тѣ**, **та**, **то** употребляется в качестве субститута чаще, чем традиционное для церковнославянского языка русского извода местоимение *и, *ѧ, к. Можно с определенной долей уверенности утверждать, что в творительном падеже замена старой формы новой проходит наиболее последовательно, здесь в единственном числе употребляется только новая норма — **тѣмъ**, **тою**, во множественном числе есть несколько исключений. Форма **имъ** стала основной в дательном падеже множественного числа, в творительном падеже она не употребляется.

Заметна определенная последовательность в распределении вариантов в родительном падеже мужского и среднего рода: здесь форма **того** функционирует в качестве дополнения, тогда как форма **его** употребляется в атрибутивном значении. Однако это распределение не распространяется на женский род, здесь мы наблюдаем обратную картину.

Интенсивность введения местоимения **тѣ** проявляется больше всего в родительном и дательном падежах мужского рода — наиболее частотных формах в тексте. Такие формы заметно преобладают над остальными. В местном падеже интенсивность употребления местоимений **тѣ**, **та**, **то** самая низкая: в мужском роде ед. числа старая и новая нормы равнозначны, а в женском роде ед. числа старая преобладает.

Наряду с употреблением новой нормы, в переводе встречаются региональные употребления. Так, форму **ѣ** в функции прямого дополнения вместо традиционной формы **ю** можно расценивать как русскую языковую норму XIV века. При этом форма **тоѣ** в этой функции ни разу не отмечена, в винительном падеже прямого объекта всегда выступает форма **тѣю**, не совпадающая со среднеболгарской нормативной формой **тыж**.

Отметим также, что все варианты формы местоимений, относящихся к 3-му лицу, равномерно распределены по всему тексту, а не группируются на отдельных участках памятника. В связи с этим нельзя утверждать, что перевод осуществлялся русским и болгарским книжником, каждый из которых употреблял свойственные его языку местоимения в переводимом им фрагменте. Складывается впечатление, что переводчик (или переводчики) все же имели определенные установки в распределении старых и новых форм, однако допускали немало отступлений. Пестрота в употреблении новых и старых форм, введение региональных русских употреблений на всех уровнях языка является яркой характерной приметой данного перевода [Афанасьева 2014: 244—246]. С одной стороны, его можно квалифицировать как инновационный, открытый к новой, не свойственной русскому языку норме и тем самым отдаляющийся, отталкивающийся от национального языка. С другой стороны, обилие русизмов на всех уровнях языка, в том числе и в употреблении местоимений, относящихся к 3-му лицу, может характеризовать данный перевод как адаптирующий многие живые русские особенности своего времени.

Л и т е р а т у р а

Арранц 2003 — М. А р р а н ц. Евхологий Константинополя в начале XI века и Песенное последование по требнику митрополита Киприана // М. А р р а н ц. Избранные сочинения по литургике. Т. III. М.; Рим, 2003.

Афанасьева 2004 — Т. И. А ф а н а с ь е в а. Славянская литургия Преждеосвященных Даров. Текстология и язык. СПб., 2004.

Афанасьева 2014 — Т. И. А ф а н а с ь е в а. К вопросу о месте и времени славянского перевода Евхология Великой церкви // Русский язык в научном освещении № 1 (27). 2014. С. 237—251.

Афанасьева 2015 — Т. И. А ф а н а с ь е в а. Литургии Иоанна Златоуста и Василия Великого в славянской традиции (по служебникам XI—XV вв.). М., 2015.

Берлинский сборник 2006 — Х. М и к л а с, Л. Т а с е в а, М. Й о в ч е в а. Берлински сборник. София; Виена, 2006.

Борковский, Кузнецов 1963 — В. И. Б о р к о в с к и й, П. С. К у з н е ц о в. Историческая грамматика русского языка. М., 1963.

Вайан 1952 — А. В а й а н. Руководство по старославянскому языку. М., 1952

ДРГ 1995 — Древнерусская грамматика XII—XIII вв. / Под ред. В. В. Иванова. М., 1995.

Иванова-Мирчева 1974 — Д. И в а н о в а - М и р ч е в а. Евфимий Тырновски, писател-творец на книжовния български език от Късното средновековие // Тырновска книжовна школа Т. I. София, 1974.

Калужняцки 2010 — Е. К а л у ж н я ц к и. Съчинения на Българския Патриарх Евтимий (1375—1393). Велико Търново, 2010. (Переиздание: E. K a l u ž n i a s k i. Werke des Patriarches von Bulgarien Euthymius (1375—1393). Wien, 1901, с предисловием Д. Кенанова).

Кржижкова 1972 — Е. К р ж и ж к о в а. Замечания о системе указательных местоимений в современных славянских литературных языках // Русское и славянское языкознание. К 70-летию члена-корреспондента АН СССР Р. И. Аванесова. М., 1972. С. 144—153.

Курц 1963 — Й. К у р ц. Проблема члена в старославянском языке // Исследования по синтаксису старославянского языка. М., 1963.

Минчева 1987 — А. М и н ч е в а. Старобългарският език в светлината на българистиката. София, 1987.

Супр. 1982 — **Български или Ретков сборник** / Под ред. Й. Заимов и М. Капалдо. Т. I. София, 1982.

Успенский сборник 1971 — Успенский сборник XII—XIII вв. / Под ред. С. И. Коткова. М., 1971.

Харалампиев 2001 — И. Х а р а л а м п и е в. Историческа граматика на българския език. Търново, 2001.

Večerka 1993 — R. V e č e r k a. Altkirchenslavische (Altbulgarische) Syntax. T. II. Die Innere Satzstruktur. Monumenta Linguae Slavae Dialecti Veteris. XXXIV (XXVII/2). Freiburg, 1993.

Резюме

В статье исследуется вариантность местоимений **тъ**, **та**, **то** и **и**, **па**, **к** в заместительной функции в русском переводе Евхология Великой церкви конца XIV в. В качестве основного местоимения в большинстве падежных форм выступают ме-

стоимения **тъ**, **та**, **то**, которые, по мнению автора, являются отражением литературной нормы, свойственной Тырновской книжной школе, которая сохраняла тернарную систему указательных местоимений старославянского языка. Характерное для древнерусского языка XI—XIV вв. заместительное местоимение **его**, **ему** и под. употребляется в меньшем объеме, в некоторых случаях имеет место формальное распределение этих местоимений по разным падежам и числам.

Ключевые слова: тернарная и бинарная системы указательных местоимений, семантика местоимения *тъ*, употребление местоимения *тъ* в русских переводах XIV века

Получено 03.06.2016

TATIANA I. AFANASJEVA

**USE OF DEMONSTRATIVE PRONOUNS IN THE FUNCTION
OF 3rd-PERSON PRONOUNS IN LATE 14th-CENTURY RUSSIAN TRANSLATIONS**

The article investigates the variation of demonstrative pronouns *тъ*, *та*, *то* and *и*, *ја*, *је* in the function of the 3rd-person pronoun in the Russian translation of the Euchologion of the Great Church (late 14th cent.). The basic pronoun in most cases is *тъ*, *та*, *то*, and this usage reflects the literary norm of the Tŭrnovo school, which preserved the Old Slavonic ternary system of demonstrative pronouns. The substitutive pronoun *и*, *ја*, *је*, which was common in Old Russian, is used less often. In some cases, there is a formal distribution of *тъ*- and *и*-pronouns in different cases and numbers.

Keywords: ternary and binary system of demonstrative pronouns, semantics of the pronoun *тъ*, the pronoun *тъ* in 14th-century Russian translations

Received on 03.06.2016

ГЕРД ХЕНТШЕЛЬ

ОДИННАДЦАТЬ ВОПРОСОВ И ОТВЕТОВ ПО ПОВОДУ БЕЛОРУССКОЙ «ТРАСЯНКИ»*

Введение

Статья является итогом исследовательского проекта, посвященного белорусско-русской смешанной речи (БРСР)¹, которую обычно пренебрежительно называют «трасянкой» — словом, первоначально означавшим сено, смешанное с соломой, т. е. низкачественный корм для скота². БРСР используют как субвариант миллионы людей в Беларуси, как правило, в дополнение к русскому языку; см. [Хентшель, Киттель 2011]. Статья не явля-

* Первоначальный вариант статьи опубликован по-английски в «Russian Linguistics» № 41/1, 2017 г. Перевод выполнен Антоном Соминим, русская версия содержит некоторые изменения по сравнению с английской.

¹ Проект, который был осуществлен в Университете Ольденбурга (Германия), назывался “Die Trasjanka in Weißrussland — eine ‘Mischvarietät’ als Produkt des weißrussisch-russischen Sprachkontakts: Sprachliche Strukturierung, soziologische Identifikationsmechanismen und Sozioökonomie der Sprache” (Трасянка в Беларуси — «смешанный идиом» как результат белорусско-русского языкового контакта: языковая структура, механизмы социологической идентификации и социоэкономические аспекты языка) и был любезно поддержан фондом «Фольксваген» (Volkswagen Stiftung) в рамках их программы “Einheit in der Vielfalt? Grundlagen und Voraussetzungen eines erweiterten Europas” (Единство в различии? Основания и предпосылки для расширения Европы). Руководителями проекта были автор настоящей статьи и социолог Бернард Киттель (тогда Ольденбург, сейчас Вена). Этот проект не мог бы быть осуществлен без поддержки кафедры истории белорусского языка и Центра социологических и политических исследований Белорусского государственного университета в Минске. Я очень благодарен многим минским коллегам, особенно Давиду Ротману и Сергею Запрудскому.

² Этот термин предполагает, что трасянка — это речь простых, грубых и необразованных крестьян, которые волею судьбы оказались в городах. При таком отношении этот термин является средством стигматизации белорусско-русской речи, ср. в [Brüggemann 2014: 162—163] обсуждение концепции трасянки как коллективного психического заболевания, предложенной Зеноном Позняком — бывшим лидером национально ориентированной оппозиции президенту А. Лукашенко.

ется детальным анализом корпуса текстов, собранного в рамках проекта. Основной моей целью было суммировать идеи и наблюдения, изложенные в ряде уже опубликованных работ по итогам отдельных полномасштабных исследований, на которые я буду ссылаться ниже. При этом там, где это было сочтено целесообразным, я также добавил результаты новых исследований. Итоги проекта будут представлены в формате вопросов и ответов³.

Небольшое замечание о терминах: я разделяю скепсис белорусских коллег (ср., например, мнение Н. Б. Мечковской в работе [Meškova 2014]) по отношению к тому, может ли в научных работах использоваться термин с негативными коннотациями, такой как «трасянка», — хотя подобная практика зародилась как раз в Беларуси. В публикациях в рамках нашего проекта мы уже долгое время пользуемся термином «белорусско-русская смешанная речь» (БРСР). Здесь я сознательно буду использовать оба термина: по отношению к нашим результатам я буду употреблять термин БРСР, тогда как термин «трасянка» я буду, подразумевая цитирование, использовать при ссылках на исследования других ученых, в работах которых существует соответствующая терминологическая практика. Для корпусного анализа в рамках нашего проекта, т. е. по отношению к собственно языковому материалу, термин БРСР был строго определен: он использовался только для тех высказываний в корпусе, которые содержали (на более глубоких, чем фонетика и фонология, уровнях) как белорусские, так и русские и/или гибридные элементы (словоформы или даже морфемы) или абстрактные структуры (например, морфосинтаксические связи вроде управления и согласования [Hentschel 2008a]). Характеристики «белорусский, русский или гибридный» присваивались с лингвистической точки зрения и не обязательно коррелируют с определениями, данными конкретными носителями. Выбор существительного в наименовании «белорусско-русская смешанная речь» мотивирован тем, что объектом эмпирического исследования, конкретных анализов являлась именно смешанная речь. Одним из центральных вопросов нашего исследования было определение того, в какой степени такое смешение в процессе речи можно считать регулярным и, следовательно, имеющим в качестве основы некую «гибридную» систему («белорусско-русский смешанный идиом» — БРСИ), а в какой степени это является спонтанным смешением элементов двух систем (белорусского и русского языков), которые были усвоены говорящими (по крайней мере в некоторой степени).

³ Более ранняя, наполовину меньшая версия этих наблюдений была представлена под названием «Белорусско-русская смешанная речь (“трасянка”): восемь вопросов и ответов» на международном конгрессе (IX Супруновские чтения, Минск, 17—18 сентября 2014 года) и впоследствии опубликована в сборнике по итогам конференции [Хентшель 2015]. Обсуждение восьми вопросов, представленных в докладе, было расширено и дополнено, были добавлены три новых вопроса; порядок вопросов также изменился. Так как ответы на вопросы предполагаются исчерпывающими, в некоторых случаях неизбежны повторы небольших фрагментов ответов на другие вопросы.

1. Когда возникла БРСР/трасянка?

Этот вопрос в большей степени теоретический, нежели эмпирический: вернее сказать, что речь идет о вопросе определения. Если учитывать все когда-либо зафиксированные случаи смешения белорусских и русских выражений и конструкций, можно согласиться с Н. Б. Мечковской ([Мячкоўская 2013; Меўковская 2014]) и отнести появление трасянки к концу XVIII века, если не раньше. Однако ранние фиксации (до XX века) являются скорее примерами простой интерференции, т. е. спонтанного смешения. Первый белорусский письменный язык, который использовался в том числе в качестве официального языка⁴ Великого княжества Литовского до полонизации значительной части национальных элит, в течение XVII столетия был замещен в этой функции польским языком и в конечном счете вымер⁵. В конце XVIII столетия вся территория Беларуси, где польский язык доминировал в области культуры и литературы вплоть до второй половины XIX века, отошла к Российской империи. Следствием этого стало спонтанное смешение языков, проявлявшееся в виде вплетения русских слов или, возможно, целых выражений в белорусскую речь, в первую очередь в виде так называемого переключения кодов по типу инсерции (*insertional code switching*, т. е. вставки элементов одного языка в морфосинтаксическую рамку другого). Взаимодействуя с коренными россиянами (великороссами), которые зачастую являлись представителями имперской власти, местные жители стремились лингвистически подстроиться под своих собеседников — новых правителей на белорусской земле. Мы, однако, не можем сказать, в какой степени это было бессознательной аккомодацией (спонтанного, коммуникативно-зависимого типа), а в какой — осознанной имитацией⁶. Те белорусы, кто учился в России (весьма незначительная часть общества), в частности, учившиеся в Санкт-Петербурге, определенно демонстрировали более или менее стабильную интерференцию с белорусским субстратом, похожую на русский язык сегодняшней Беларуси — белорусский «нациолект» русского языка (ср. [Норман 2008]).

Ситуация двуязычия, подобная белорусской, становится интересной с точки зрения социолингвистики тогда, когда большее число носителей

⁴ Здесь не следует забывать и об украинском вкладе в так называемый «вильнюсский язык делопроизводства». Язык делопроизводства Великого княжества Литовского никогда не был кодифицирован, однако его узус (нормы употребления) все же сложился, хотя и с учетом региональных особенностей (ср. [Stang 1935]).

⁵ «Проста мова» в значении, предложенном в [Успенский 1994: 64—70], то есть часть первого письменного белорусского языка, которая использовалась за пределами сферы делопроизводства, действительно характеризовалась конвенционализированным смешением (в том числе с церковнославянскими элементами), была вытеснена в XVIII веке польским языком как языком образованных сословий.

⁶ По поводу различия см. [Trudgill 1986: 1—15].

первого языка (даже если под этим подразумеваются местные диалекты) начинает регулярно, если не ежедневно, сталкиваться со вторым языком, и при этом из-за политического или социального доминирования последнего стремится перейти на этот язык. В случае с генетически близкими и структурно очень похожими языками коммуникация значительно упрощается даже при частичном сближении с заимствующим языком, особенно в области лексики. И только в ситуации массовых и интенсивных контактов возникают предпосылки для того, чтобы «лингвистические мигранты» начали использовать смешанную речь — «интерязык» (недоусвоенный целевой язык) в понимании Л. Селинкера [Selinker 1972] — не только с носителями второго языка, но и друг с другом. В конечном итоге эта смешанная речь начинает использоваться в общении с детьми: она находится ближе к целевому языку, которым старшее поколение (по крайней мере, поначалу) овладело не до конца, чем их «старый» язык, который оценивается как помеха на пути к профессиональному и социальному продвижению детей. Другой вопрос — насколько при этом родители осознавали «недочеты» своей речи в сравнении с нормой целевого — русского — языка (см. Вопрос 8).

В свою очередь, именно передача смешанной речи детям является необходимым условием для стабилизации или конвенционализации смешения и, соответственно, развития БРСИ из первоначально исключительно спонтанной БРСР. Но, конечно, спонтанное смешение языков-доноров всегда после хоть частичной стабилизации смешанного идиома может вмешаться в этот процесс, если языки — как белорусский или особенно русский в Беларуси — длительное время существуют в определенной коммуникативной среде. В Беларуси необходимые социальные предпосылки для развития БРСИ появились лишь в связи с активной индустриализацией и урбанизацией, вызванными значительными разрушениями и миллионными человеческими потерями во Второй мировой войне и связанным с этим массовым стремлением нового белорусского городского населения (преимущественно белорусских сельских мигрантов) перейти на русский язык. С. Запрудский [Zaprudski 2007] и А. Тараненко [Taranenko 2007] описывают эту взаимосвязь для трасянки и украинского суржика соответственно. Вполне возможно, что на востоке Беларуси, т. е. в Советской Белоруссии периода между двумя мировыми войнами, подобное развитие частично началось даже раньше (см. [Klímař 2014]).

В любом случае, сегодняшняя трасянка не является следствием социальной преемственности или какой-либо межпоколенческой передачи смешения белорусского и русского языков до XX века. Строго говоря, она не восходит и к традиции старых «гибридных форм» Юго-Западной Руси, как полагает Д. Штерн [Stern 2013: 179], но является одним из многих проявлений койнеизации автохтонных вариантов (территориальных диалектов) и доминирующего литературного языка. Подобное наблюдалось и во многих европейских странах в условиях индустриализации и урбанизации

и последующей миграции из сельской местности в города. Единственным отличием было то, что в Беларуси на протяжении почти всего XX века доминирующим литературным языком был русский (с определенными ограничениями в 1920-х годах). Иными словами, функцию языка-«крыши» (согласно определению в [Kloss 1977]) выполнял не структурно близкий литературный белорусский язык, который был доступен с 1920-х годов, а фактически иностранный, хоть в определенной мере понятный язык-«крыша» — русский. При этом широкое распространение и утверждение в обществе литературного белорусского языка не поддерживалось ни советской властью (начиная с 1930-х годов), ни постсоветскими политиками (за исключением начала 1990-х). Если рассматривать происхождение БРСР/БРСИ, то литературный белорусский язык играет скорее роль адстрата между белорусским диалектным субстратом и доминирующим русским суперстратом — роль, основанную на его сохраняющейся представленности в школах, обычно в качестве школьного предмета и значительно реже в качестве языка обучения (последнее имело место в первую очередь в сельской местности), а также на использовании в некоторых СМИ.

2. Как появилась БРСР/трасянка и как происходит процесс ее усвоения?

Широко распространено мнение, что трасянка — это не до конца усвоенный русский язык (см. работы И. Лисковец [Лисковец 2006; Liskovets 2009]), характерный для белорусов, переселившихся из села в город и отказавшихся — добровольно или вынужденно — от собственного, основанного на диалекте, белорусского идиома, который, в свою очередь, оказал сильное влияние на их городскую речь. Отметим, что ответ на вопрос о том, в какой степени их сельский белорусский идиом был уже подвержен русскому влиянию, не входит в задачи этой статьи. Давно имеются свидетельства сильного влияния русского языка на белорусский в восточной части Беларуси в период между двумя мировыми войнами: это было отмечено еще в конце 1920-х годов белорусским лингвистом Иосифом Волк-Левановичем⁷. С другой стороны, и сегодня белорусские диалекты описываются как в определенной степени жизнеспособные [Курцова 2005]. Как бы то ни было, хорошо известно, что сейчас лишь немногим более четверти белорусского населения живет в сельской местности, и есть данные, что даже в маленьких городах русский язык вытесняет все другие идиомы [Хентшель и др. 2016]. Послевоенные переселенцы из сельской местности

⁷ Я благодарен Н. Б. Мечковской, обратившей мое внимание на этого автора. И. Волк-Леванович был арестован в 30-е годы и умер в одном из лагерей ГУЛАГа в 1943 году. Его работы были практически неизвестны в Советском Союзе; см. [Германовіч 2006: 120—129].

были вынуждены стараться говорить на структурно близком к их идиомам русском языке так, как умели, используя в том числе свои школьные знания. Таким образом, справедливо высказанное ранее утверждение, что для первого поколения сельских мигрантов трасянка была приближением к русскому, иными словами — «праформой» современной трасянки. В известной мере это поколение не получило трасянку из своего окружения, а создавало ее в интерактивном режиме, поначалу общаясь с русскоязычными из других республик СССР, а впоследствии — и используя ее в разговорах между собой (т. е. не только с носителями русского языка) и, как уже отмечалось, со своими детьми. Почти половина опрошенных нами респондентов (особенно из маленьких и средних городов) указывали трасянку как первичный код своей социализации в детстве [Хентшель, Киттель 2011]. Это значит, что за последние десятилетия значительное число, если не большинство, белорусских детей в качестве первого языка усвоило трасянку, получив ее естественным путем от своих родителей и от других людей в своем повседневном общении. Иначе говоря, они росли не билингвами, а монолингвами — носителями смешанного кода с высокой степенью так называемого свободного варьирования между «этимологически» белорусскими и русскими элементами.

Усвоение же белорусского и русского языков, то есть белорусско-русский билингвизм, приходит позже. Зачастую уже только в школе у детей целенаправленно развивают способность подавлять элементы того кода, который нежелателен в данной коммуникативной ситуации, и тем самым учат их различать белорусский и русский языки. Таким образом, формирование белорусско-русского двуязычия у таких детей и молодых людей являет собой развитие фильтров, которые в каждой конкретной коммуникативной ситуации должны подавлять неподходящие языковые выражения и конструкции. Известно, что наименее успешно это удается в произношении, то есть в области фонетики и фонологии [Hentschel, Zeller 2014]. И с учетом того, что русский язык значительно шире, чем белорусский, распространен в белорусских школах, а также, как правило, доминирует за пределами семейного и приятельского круга, и не в последнюю очередь в СМИ, в среднем русским языком овладевают лучше, чем белорусским⁸. Исследование, которое было проведено в рамках проекта в 2008

⁸ Для белорусских лингвистов описанная здесь ситуация представляется замечательной возможностью. Как отмечает Я. Матрас [Matras 2009], до сих пор билингвальное усвоение языков систематически и эмпирически изучалось лишь на материале детей, живущих в условиях западных городов, где вовлеченные в процесс коды достаточно четко разграничены. Беларусь дает потрясающую возможность описать усвоение языка в (раннем) детстве в ситуации, где множество детей встречаются с двумя кодами в смешанной и в высокой степени вариативной форме, т. е., в принципе, как с единственным кодом, из которого позже возникает их двуязычие. Тот факт, что это обычно происходит асимметрично и не в пользу бе-

году, выявило, что из 1230 респондентов белорусской национальности для более чем 80% белорусский язык глубоко вторичен: 49% говорят на нем лишь изредка, а 32% не говорят никогда (подробнее см. [Хентшель, Киттель 2011]). При этом многие белорусы очевидным образом избегают белорусского языка из опасения «скатиться» в непрестижную трасянку (см. ниже)⁹.

3. Является ли БРСР/трасянка формой речи малообразованных людей?

Трасянка часто описывается как речь людей, не способных говорить на «чистом» белорусском или русском языке. Это представление в значительной степени повлияло на стигматизацию смешанной речи в Беларуси¹⁰. Н. Мечковская [Мячкоўская 2007; Mečkovskaja 2014] и И. Лисковец [Liskovets 2009] даже определяют термин «трасянка» как смешанную речь людей,

лорусского языка, обусловлен социально. В частных случаях, безусловно, возможно развитие как сбалансированного билингвизма, так и асимметрии в пользу белорусского языка.

⁹ Новый репрезентативный опрос, проведенный осенью 2013 года на территории всей страны, показал, среди прочего, следующие результаты: почти 100% из 1000 опрошенных в возрасте от 17 до 32 лет сообщили, что свободно говорят и пишут по-русски, но даже половина из них не могла сказать то же самое о белорусском языке. Лишь немногим более трети молодых людей заявили, что могут свободно говорить по-белорусски [Хентшель и др. 2016]. Кроме того, учитывая тот факт, что около 90% респондентов всегда говорят по-русски и только 5% регулярно используют белорусский язык, можно утверждать, что значительное большинство молодых белорусов неспособны порождать более длинные фрагменты дискурса на литературном белорусском языке.

¹⁰ Отметим, что Н. Мечковская [Мячкоўская 2013: 63] утверждает, что среди белорусских лингвистов нет никого, кто имел бы отрицательное отношение к трасянке. Однако она сама описывает трасянку как «тупик гибридного говорения» и забывает или не обращает внимания на однозначно негативные высказывания коллег по отношению к этому идиому. Так, по мнению Г. Цыхуна, «культивирование трасянки как бы парализует языковую деятельность индивидуума», Л. Семешко видит в трасянке «разрушение обеих языковых систем», Б. Плотноков пишет, что «речь на трасянке и непривлекательна, и некрасива даже с точки зрения ее звучания», А. Михневич считает, что «трасянка — это вредный результат плохого владения своим, родным языком и другими», а С. Прохорова приходит к выводу, что «трасянка — чудовищная смесь языков — не только показатель низкого культурного уровня страны — это система формирования акультурных личностей с сумятицей в душах и головах». Эти и многие другие негативные высказывания в адрес трасянки приводит С. Запрудский [Запрудскі 2009; Zaprudski 2014]. Конечно, он также обращается и к полемике вокруг трасянки со стороны нелингвистов: «Полуязык “трасянка” — главная причина ограниченного культурного уровня» (З. Позняк); ср. также сноску 2.

не способных общаться на приемлемом уровне на хотя бы одном из языков-доноров¹¹. Г. Хентшель [Hentschel 2014b: 13—14; Хентшель 2016: 3—4] критиковал подобный подход в основном по двум причинам. Во-первых, такое описание тавтологично. Жители Беларуси, не владеющие на приемлемом уровне хотя бы русским языком, безусловно, принадлежат к числу малообразованных. Значит, те части белорусского населения, для которых верны определения «малообразованные» и «не способные говорить на приемлемом уровне по-русски (и/или по-белорусски)», фактически совпадают. Соответственно, утверждение, что трясанка является речью малообразованных, не несет в себе никакой аналитической ценности. Это утверждение верно, но только по отношению к малообразованным, и, таким образом, является тривиальным, так как недостаток образования сам по себе в скрытом виде является фрагментом рестриктивного определения.

Во-вторых, ограничение круга носителей БРСР подобным определением скрывает реальный масштаб ее распространения в белорусском сообществе. На данный момент нет никаких оснований предполагать наличие принципиальных структурных различий между БРСР малообразованных и БРСР (более) образованных, за исключением того факта, что частотность русских элементов в БРСР последних может быть несколько выше в связи с постоянным воздействием на них русской речи ([Hentschel, Zeller 2012; 2014]). И, конечно, в речи малообразованных людей всегда есть какие-либо особенности и «недостатки», а образованные люди могут предпочитать избегать использования «низкого варианта» по идеологическим соображениям, особенно если он в значительной мере стигматизирован, как трясанка в Беларуси.

Социологические исследования, проведенные в рамках Ольденбургского проекта, показывают, что в общественной жизни большинство респондентов использует русский язык, тогда как в быту преобладает БРСР — и в целом такое распределение характерно для говорящих всех уровней образования [Хентшель, Киттель 2011]. Лишь люди с высшим образованием значительно реже упоминают БРСР как часть своего языкового спектра [Там же]. Анализ корпуса семейного общения подтверждает широкое распространение параллельного использования русского языка и БРСР отдельными носителями [Hentschel, Zeller 2012]: в общении в кругу семьи в речи большинства говорящих встречались высказывания (в том числе длинные), которые могут быть однозначно классифицированы как БРСР. Однако в других случаях те же носители однозначно используют русский язык, даже если в их речи слышно белорусское влияние (в частности в их произношении). Есть и некоторые другие черты, которые Б. Норман описывает как характерные для «белорусского нациолекта» [Норман 2008].

¹¹ В некоторых своих публикациях Н. Мечковская [Мечковская 1994: 315] вскользь упоминает «трясанку для образованных», однако не приводит никаких подробностей.

Анализ различных интервью продолжительностью около часа [Hentschel et al. 2014] показывает то же самое. Русскоязычные фрагменты, которые особенно характерны для начала интервью, сменяются фрагментами явно смешанной речи. Из этого следует, во-первых, то, что трасянку можно встретить в речи говорящих с любым уровнем образования, хотя белорусы с высшим образованием, очевидно, используют ее реже; то же верно и для младших поколений [Хентшель и др. 2016]. А во-вторых, языковой ландшафт Беларуси в значительной степени характеризуется отношением диглоссии между русским языком и трасянкой (см. подробнее ниже)¹². За исключением первого поколения носителей современной трасянки (и вопреки мнению Д. Штерна [Stern 2013]), трасянку значительной части говорящих нельзя рассматривать как попытку говорить по-русски, так как при желании или в случае необходимости многие, если не большинство носителей БРСР, могут говорить на хорошем, а то и очень хорошем русском языке (под которым мы здесь понимаем белорусский диалект русского языка).

4. Есть ли у БРСР/трасянки что-либо общее с пиджинами, креольскими или другими «смешанными языками»?

С точки зрения структурных характеристик, однозначный ответ — нет. В научный дискурс этот вопрос ввел Геннадий Цыхун ([Цыхун 1998; Suchun 1999]), назвавший трасянку белорусским вариантом креольского языка. Как правило, креолизация является следующей стадией после пиджинизации контактировавших друг с другом языков в определенных социальных условиях. Однако в БРСР нет абсолютно никакого редуцирования флективной морфологии, характерного для пиджинов (ср. еще в [Лисковец 2003]): в ней сохранены все категориальные противопоставления обоих языков-доноров, что неудивительно, учитывая высокую степень изоморфизма между ними. Более того, набор флексий в БРСР значительно богаче, чем в (литературных) русском и белорусском языках. Появление в БРСР русских флексий в большой степени является сопутствующим эффектом значительного лексического воздействия русского языка на БРСР. «Этимологически» русские основы предпочитают характерные русские окончания, а немногочисленные этимологически белорусские основы, среди которых в основном встречаются лексемы с высокой знаковой частотностью (token frequency), с русскими окончаниями не употребляются практически никогда [Tesch 2014: 83—95]. Общие для обоих языков основы при этом

¹² В последнее время и украинские лингвисты все чаще используют подобное отношение диглоссии для описания украинской ситуации, где суржик рассматривается как «низкий вариант» среди «высоких вариантов», представленных русским и/или украинским языками (ср. [Tarasenko 2014; Šumarova 2014]).

характеризуются свободным варьированием [Menzel, Hentschel 2015; Hentschel 2013; 2014a], хотя тенденции к стабилизации новых парадигм нельзя упускать из вида (ср., например, [Hentschel 2008b]).

Будучи устным субвариантом, БРСР, безусловно, демонстрирует множество синтаксических упрощений: преобладают простые предложения, часто встречается эллипсис и т. п. Но подобные проявления никоим образом не выходят за пределы аналогичных упрощений в устной разговорной речи других языковых образований, включая устные варианты в общепризнанно «моноязычных» сообществах. То же самое относится и к ограниченному словарю повседневной коммуникации, для которой БРСР широко используется в Беларуси. В еще большей степени это применимо по отношению к людям, которые из-за недостаточного образования или отсутствия возможности его получить не смогли овладеть русским или литературным белорусским языком на приемлемом уровне (см. выше). Для таких людей структурно ограниченная речь является следствием недостатка образования, но это не имеет ничего общего со смешением языков, так как подобные явления хорошо известны и в «моноязычных» ситуациях.

Безусловно, определенная структурная схожесть с креольскими языками существует. Так, в креольских языках с колониальным прошлым язык правителей доминирует в сфере лексики — и это то, что мы видим в случае с БРСР, если считать языком правителей русский. Явное этимологическое разделение между лексикой и грамматикой характерно и для смешанных языков, которые не являются структурно упрощенными и редуцированными пиджинами и креолами, но, как и последние, восходят к структурно и типологически разным и генетически отдаленным друг от друга языкам (ср. [Matras, Bakker 2003]). Однако в БРСР не обнаруживается такого строгого этимологического разделения между лексикой и грамматикой (*lexicon-grammar-split*), несмотря на существенное доминирование русского языка в области лексики. Напротив, русификация скорее следует хорошо известной «иерархии заимствований» (“*borrowability hierarchy*”) [Field 2002], которую в упрощенном виде можно представить следующим образом: фонетика/фонология < флективная морфология < служебные части речи < самостоятельные части речи < дискурсивные маркеры, где белорусский язык доминирует в левой части шкалы, а русский — в правой [Хентшель 2013: 73; Hentschel 2014a: 117]. Отсутствие *lexicon-grammar-split* не удивительно, так как БРСР (в отличие от обычно обсуждаемых примеров смешанных языков) основана на двух структурно очень близких языках-донорах. Смешение в БРСР в значительной мере напоминает процессы, происходящие при контакте разных диалектов одного языка (например, при столкновении групп людей из разных диалектных ареалов в рамках миграции село — город), т. е. диалектное нивелирование (*dialect levelling*) в смысле уменьшения вариативности между диалектами языка или диалектным субстратом и структурно схожей, генетически родственной лите-

ратурной формой языка¹³. Разумеется, также встречается и окказиональное создание структур, не свойственных ни одному из языков-доноров (или диалектов). Так, например, С. Теш [Tesch 2014: 223—234] указывает, что в тех случаях, где в русском языке противопоставлены предлоги *из* и *с*, а в белорусском используется предлог *з*, в БРСР практически всегда используется *с*. Таким образом, в БРСР, как и в белорусском языке, один предлог выполняет функции двух русских предлогов *из* и *с*. Однако этим предлогом является не белорусский *з*, но преимущественно русский *с* (разумеется, определить последний мы можем, только если он не находится перед звонкими согласными, вызывающими ассимиляцию). Я. П. Целлер [Zeller 2013; 2015] отмечает, что в первом предударном слогe после мягкого согласного многие говорящие демонстрируют так называемое еканье, т. е. звук [э], на месте иканья — [и] — в литературном русском языке и яканья — [а] — в литературном белорусском, что объясняется влиянием соответствующих белорусских диалектов. И еще один пример из области лексики: если русским словам *отец* и *papa* в белорусском языке соответствуют лексемы *бацька* и *tata*, то в нашем корпусе БРСР мы обычно встречаем, с одной стороны, слово *бацька* и практически никогда — *отец*, а с другой стороны, слово *papa* и практически никогда — *tata* (подробнее об этом см. в Вопросе 6). Подобные инновации в БРСР не приводят к (значительным) категориальным отличиям от языков-доноров или их вариантов. Такие категориальные различия, однако, характерны для креольских языков (ср. [Thomason 2001: 157—195]), к которым БРСР/БРСИ (или трасянка) с точки зрения своей структуры не относится.

Следующее различие между пиджинами и креолами, с одной стороны, и смешанными языками, с другой стороны, связано с причинами появления этих языков. Для первых целью является преодоление коммуникативного барьера между двумя (или более) контактирующими языками. В случае вторых важную роль играет аккультурация — замена традиционных культурных устоев заимствованными из других культур: в нашем случае — заимствование белорусами у русских (рассматриваемых как прототип советского гражданина). Коммуникативные барьеры между близкородственными и структурно очень близкими языками, такими, как белорусский и русский, слишком незначительны, чтобы стать причиной появления пиджина, подобно тому, как это бывает в (соседствующих) диалектах одного языка.

Несмотря на нынешнюю независимость, в советскую эпоху белорусы — по социально-экономическим причинам — полностью отучили себя от мысли, что белорусский язык может быть хоть сколько-нибудь самоценным

¹³ Здесь важно то, что, к примеру, в области флективной морфологии БРСР встречаются лишь те характерные для русского просторечия явления, которые также закреплены и в норме литературного белорусского языка, как, например, производные склоняемые притяжательные местоимения типа *ихный*.

(по крайней мере, в повседневной жизни)¹⁴: таковой была постсоветская деформация. Соответственно, люди, говорящие на БРСР, зачастую характеризуются как носители советской идентичности или же обладающие недостаточной белорусской этнической или национальной идентичностью: это мнение, основанное на позициях национальной языковой идеологии, т. е. на принципе «один народ, один язык» [Woolhiser 2014: 49—50]. В социальных науках действительно принято говорить о креольских идентичностях, если элементы различных по происхождению культур смешиваются в одном сообществе. Здесь, однако, не подразумевается никакой негативной коннотации. К.-Х. Штолль [Stoll 2005: 147—149] подчеркивает, что креолизацию можно рассматривать как живой, творческий процесс обновления. Конечно, настоящая статья — не место для детального обсуждения сложного вопроса национальной идентичности и языковой ориентации белорусов. Однако по результатам исследований, проведенных в рамках проекта, можно отметить, что среди белорусских граждан на сто белорусов по национальности¹⁵ приходится только четверо тех, кто описывает себя как наполовину белоруса, наполовину русского или как исключительно русского¹⁶ [Хентшель, Киттель 2011: 132—133]. Таким образом, языковая ориентация не имеет никакого отношения к осознаваемой этнической и национальной принадлежности. Даже носители, говорящие преимущественно на русском языке и/или БРСР и определяющие себя как белорусов по национальности, не ощущают себя своего рода русскими.

Наконец, есть и еще один аспект, в определенной степени объединяющий БРСР и креольские языки. Развитие креольских языков идет рука об руку с регуляризацией или даже созданием абсолютно нового набора правил на основе очень неустойчивого языкового материала, предоставляемого языковым окружением (преимущественно в ситуации пиджина). Если бы трясанка возникла вследствие креолизации, то должны были бы наблюдаться аналогичные тенденции к регуляризации. Но как раз регуляризация и ставится под вопрос Г. Цыхуном [Cychun 1999; 2014], который, с другой стороны, сам называет трясанку белорусской разновидностью креольского языка [Cychun 2014], не осознавая появляющегося внутреннего противоречия. Конечно, регуляризацию как описанное выше зарождение узуса БРСР нельзя сравнивать с креолизацией на базе «лишенного морфологии» пиджина. Здесь мы видим нормализацию распределения принципиально свободно варьируемых и потому противоборствующих языковых выражений

¹⁴ А. Лянкевич [Ljankevič 2014] отмечает, что — несмотря на свое периферийное положение в повседневной жизни — белорусский язык обладает значительным престижем.

¹⁵ Последние несколько десятилетий количество людей, определяющих себя как белорусов по национальности, оставалось неизменным — 80% населения [Мечковская 2011].

¹⁶ Около 10% опрошенных не ответили на этот вопрос.

и конструкций, которые происходят из двух близкородственных и структурно очень схожих языков. В целом можно констатировать, что введение термина «креолизация» по отношению к трасянке лишь привело к путанице и дальнейшей стигматизации БРСР.

5. Является ли БРСР/трасянка примером переключения кодов (code switching), смешения кодов (code mixing) или смешанного кода (fused lect)?

Термины «переключение кодов» и «смешение кодов» по-разному употребляются в научной литературе. Некоторые используют первое как общий термин (т. е. в более широком смысле), а второе — как более частный, тогда как для других все в точности наоборот, ср. обсуждение этой терминологической проблемы в [Muysken 2000: 1—34]. Что же касается термина «смешанный код» (fused lect), то он используется по отношению к диалектам, социолектам и языкам, возникшим на основе как минимум двух других. Пиджины и креольские языки обычно выделяют в отдельную категорию (ср. [Thomason 2001: 157—217]). Разумеется, в смешанных идиомах смешение должно проявляться внутри предложений, словосочетаний или даже словоформ. Если же два (или более) контактирующих языка встречаются только в отдельных предложениях или речевых фрагментах, о смешанном коде речь не идет: перед нами прототип чередующегося переключения кодов (alternating codeswitching). Такие чередования встречаются в записанных нами семейных разговорах. В речи одного говорящего высказывания с явным внутриклаузуальным смешением (преимущественно, хотя и не всегда, целые предложения) или даже целые фрагменты речи, состоящие из подобных высказываний, чередуются с высказываниями или целыми фрагментами высказываний на русском языке, в очень редких случаях — на белорусском [Hentschel, Zeller 2012]. В таких чередованиях (в основном между русским языком и БРСР) отчетливо виден функциональный характер. Код может выбираться в зависимости, например, от собеседника или темы разговора (см. Вопрос 9). Однако такое чередование является примером не смешанной речи в узком понимании термина, но, скорее, смешанного дискурса. Внутри предложений, как показывает исследование С. Теш [Tesch 2014: 147—159], крайне редки ситуации, которые можно однозначно интерпретировать как переключение кодов на стыке синтаксически связанных частей предложения — альтернацию (alternation) или как вставку элементов одного кода (обычно словоформ) в структуру другого — инсерцию (insertion). Столь же редко встречаются и самоисправления или повторы на другом языке выражений, произнесенных на первом языке, характерные для обоих типов переключения кодов¹⁷.

¹⁷ Это противоречит описанию минской трасянки, предложенному в [Лисковец 2006], где подобные исправления и повторы описываются как типичные. Причина

Наилучшим образом охарактеризовать чередование элементов русского и белорусского языков в БРСР можно с помощью понятия «конгруэнтной лексикализации» [Muysken 2000]. Этот тип смешения кодов характерен для контакта между диалектами одного языка, между близкородственными языками или между диалектом и родственным ему литературным языком или языком-«крышей». Отличительной чертой таких ситуаций является то, что оба контактирующих кода (диалекты или языки) имеют не просто в высшей степени схожие синтаксические структуры, но и очень похожие устроенные словообразование и словоизменение (то есть схожие внутренние структуры словоформ). Чередования элементов языков-доноров могут происходить везде, даже внутри словоформ (ср. [Хентшель 2013; Hentschel 2014a; Tesch 2014: 101—118]). Это означает, что принципиальная возможность различения матричного языка (matrix language) и гостевого языка (embedded language) исчезает [Myers-Scotton 2002: 59—62]. Даже фонологическая репрезентация отдельных морфем / морфов может представлять собой смешение обоих кодов-доноров, как видно на примере формы родительного падежа множественного числа указательного местоимения близкого дейксиса: в БРСР распространена форма *этых*, в которой, в сравнении с белорусским *гэтых* и русским *этих*, мы видим «русское» начало на гласный, но «белорусскую» основу на твердый [т] и, соответственно, «белорусское» окончание с гласным [ы]. Чередование корней /эт/ и /эт'/, характерное для русского языка, также отсутствует [Hentschel 2008b; Генчэль 2013]. Смешение кодов такого типа, когда внутри предложения поочередно появляются элементы то одного языка, то другого, в большинстве случаев никак функционально не мотивировано.

Согласно П. Ауэру [Auer 1999], переход от смешения кодов к смешанному коду (fused lect) достаточно плавный¹⁸: чем меньше в речи свободного варьирования, тем ближе она к смешанному коду. Иными словами, смешанный код представляет собой в значительной мере, хотя и не абсолютно, конвенционализированное смешение. Спонтанное смешение, однако, может возобладать над конвенционализацией, особенно если хотя бы один из языков-доноров все еще активно используется в речевом сообществе. В Беларуси это безусловно верно по отношению и к русскому языку и, с некоторыми ограничениями, к белорусскому ([Хентшель, Киттель 2011; Хентшель и др.

этого кроется в методике автора: И. Лисковец собирала свой материал в основном путем интервью, которые она проводила на русском языке, например, на рынках. Поэтому естественно или даже тривиально, что в подобной ситуации общения — асимметричной с точки зрения языка и организации коммуникации — носители трясанки вставляют в свою речь самоисправления и повторы на русском языке.

¹⁸ П. Ауэр в цитируемой работе также предполагает плавный переход от переключения кодов по типу альтернации к смешению кодов и в диахронии. Это предположение уже подвергалось сомнению в работе [Matras, Bakker 2003] и не нашло подтверждений в нашем исследовании.

2016]). Из наложения друг на друга спонтанного и конвенционализованного смешения следует вопрос нормы употребления языка, т. е. узуса.

6. Есть ли у БРСР/трасянки узус или узуальная норма?

В белорусской лингвистике преобладает мнение о том, что трасянка «несистемна», т. е. в ее основе не лежит система, так как она не имеет узуса. Наиболее четко это мнение сформулировано Н. Мечковской (ср. [Мечковская 1994: 313; 2000: 108])¹⁹. С ее точки зрения, появление белорусских или русских вариантов непредсказуемо, спонтанно и хаотично, или, иными словами, распределение вариантов всех переменных, различающихся в белорусском и русском языках, нестабильно. С этим мнением согласен и Г. Цыхун [Cychun 2014], который, более того, полагает, что проводить в современных сообществах масштабные эмпирические, а тем более количественные исследования форм «креолизованной речи» (см. выше) типа трасянки в принципе не имеет смысла.

Во-первых, такой взгляд, конечно, резко противоречит старому подходу, который был принят в западноевропейском языкознании. Младограмматик Герман Пауль еще в конце XIX столетия [Paul 1995: 404 (¹1880)] писал, что любой узус (по Паулю, «das Usuelle»), а особенно узус «общенародного языка», является абстракцией по отношению к «настоящим процессам живой речи», но сам «не имеет реального существования»²⁰.

¹⁹ Н. Мечковская [Мячкоўская 2013] даже высказывает мнение, что все специалисты по трасянке и суржику в «отечественной» (т. е. в белорусской/украинской) лингвистике рассматривают эти формы смешанной речи как лишённые системности. В случае с суржиком она ссылается на украинскую коллегу Л. Масенко и вице-президента Украинской академии наук, физика по специальности. Похожую аргументацию, как у Л. Масенко, можно увидеть и в недавней работе М. Мозера [Мозер 2016]. Поразительно, что все лингвисты, заявляющие об отсутствии системности в вариативности трасянки и суржика или даже говорящие об их хаотической вариативности, абсолютно не принимают во внимание достижения социолингвистической теории и методологии за последние пять-шесть десятилетий.

Загадочным образом Н. Мечковская не упоминает ряд (хорошо ей известных) специалистов по суржику и трасянке, которые отмечают хотя бы частичную стабилизацию, конвенционализацию и системность этих идиомов. Среди украинских коллег можно назвать А. Тараненко [Taratenko 2013; 2014] и Н. Шумарову [Šumarova 2014], за пределами Украины — М. Флайера [Flier 2008] и С. дель Гаудио [del Gaudio 2010]. В Беларуси же, вероятно, единственным лингвистом, который видит конвенционализированный код в белорусско-русской смешанной речи (называемой им полудиалектом), является И. Климов [Klimau 2014]. Следует также упомянуть американского коллегу К. Вулхайзера, который говорит о койнеизации трасянки [Woolhiser 2014].

²⁰ Структуралистское, а позже и генеративистское языкознание практически без исключения относились к вариативности враждебно. Свободное варьирование

Во-вторых, Г. Цыхун не принимает во внимание развития современной (надо признать, западной) социолингвистики, которая функционирует в рамках предложенной Уильямом Лабовом «вариационистской парадигмы» и широко использует количественные методы анализа. Смешанные идиомы, возникшие из диалектного субстрата и литературного языка как суперстрата, сами являются объектами для изучения в рамках исследования городских диалектов, а БРСР, как упоминалось раньше, является смешанным идиомом, состоящим из белорусских диалектов как субстрата и доминирующего литературного языка страны, русского, как суперстрата с небольшой долей белорусского литературного языка как адстрата²¹. Позиция Г. Цыхуна лежит в русле европейской лингвистической традиции первой половины XX века, в рамках которой в качестве объекта для изучения рассматривались лишь литературные языки и «старые» диалекты, но не социально обусловленные языковые проявления.

Социолингвисты, работающие в рамках лабовской парадигмы, особо подчеркивают, что современные социальные субстандарты отличаются от других идиомов в том же языковом пространстве не столько качественно, сколько количественно [Romaine 1994: 70]. Отсюда следует, что в речи носителей субстандартов можно найти многие, если не все существующие реализации языковой переменной, имеющиеся в данном языковом пространстве, — и это не зависит от того, считаем ли мы этих говорящих монолингвами или билингвами. Однако в таких субстандартах наблюдаются особые паттерны распределения частотности каждого варианта.

Согласно вариационистской парадигме Лабова, представленные в языковом пространстве идиомы являются кластерами языковых признаков в пределах континуума, который характеризуется наличием пучков совместно появляющихся признаков [Downes 1984: 27; Berruto 2009; Geeraerts 2010: 253]. Наш анализ трясянки доказал наличие таких пучков признаков

было вытеснено на периферию языковой теории (ср. [Lüdtke, Mattheier 2005: 16]). Если правило распределения вариантов невозможно было увидеть невооруженным глазом, такое свободное варьирование не принималось в расчет и рассматривалось как проявление речевой деятельности (*parole*) или речепорождения (*performance*), а не как часть собственно языка. При этом даже в сегодняшнем разговорном литературном языке вариативности больше, чем принято полагать. Еще более сильны представления о якобы гомогенности старых сельских говоров. Однако и здесь возникает вопрос о том, в какой степени описываемая гомогенность диалектов является следствием имплицитного метода традиционной неколичественной диалектологии, оставляющей без внимания все, что воспринимается чужим и неавтохтонным.

²¹ Обнаружить значительно влияние русского просторечия на БРСР не удастся. О. Брандес [Brandes 2015] отмечает, что в словоизменении БРСР можно найти лишь те общие с просторечием явления, которые также характерны и для белорусского литературного языка, как, например, производные анафорические притяжательные местоимения типа *(й)ихный*. Русизмы в морфологии БРСР восходят практически исключительно к литературному русскому языку.

или вариантов различных переменных на разных структурных уровнях языка (ср. [Hentschel 2013; Hentschel, Zeller 2014; Хентшель 2016]). Это значит, что мы можем указать такие переменные в области фонетики и фонологии [Hentschel, Zeller 2014; Хентшель 2016], морфологии [Хентшель 2013; Hentschel 2014a; Menzel, Hentschel 2015], лексики [Hentschel 2013; Хентшель 2016] и морфосинтаксиса [Tesch 2013; 2014: 169—237], которые явно демонстрируют подобные паттерны²². Чем выше языковая подсистема находится в иерархии заимствований, тем сильнее будет тенденция к использованию русских вариантов. Белорусские варианты при этом присутствуют на всех уровнях языка, но особенно на тех, которые расположены ниже в иерархии заимствований. Кроме того, существуют разнообразные сочетания гибридных конструкций. Также в некоторых случаях для разных регионов страны характерны различные паттерны (ср. [Hentschel 2014c: 207—216]), что зачастую обусловлено наблюдаемыми различиями в диалектах белорусского языка как субстрате (см. [Hentschel, Zeller 2014]). И, конечно, переменные, для которых мы можем установить предпочтения русского, белорусского или гибридного варианта (по всей стране или только в определенной местности), также в определенных контекстах могут реализовываться и в виде других вариантов, используемых (в широком смысле) спонтанно ради стилистического эффекта.

Конечно, в нашем корпусе есть немало переменных, для которых мы не можем однозначно установить предпочтение русского, белорусского или гибридного варианта и которые являют собой образцы «сравнительно свободного» варьирования. Очень часто это переменные, принадлежащие к тем структурным уровням языка, которые находятся в середине иерархии заимствований. Но даже в таких случаях мы обычно можем указать на некоторые, пусть даже слабые предпочтения.

Обнаруженные в БРСР предпочтения образуют относительно устойчивый иерархический паттерн распределения конкурирующих вариантов, устроенный следующим образом: если среди вариантов переменной *A*, относящейся к определенному структурному уровню, явно преобладает белорусский вариант, для переменной *B* его преобладание выражено слабее, и так далее до переменной *E*, для которой преобладающим оказывается русский вариант, то можно говорить о тенденции, т. е. о неслучайной вероятности того, что подобное распределение будет верно и для всех других разновидностей языка (ср. [Hentschel 2013; Хентшель 2016]). Устойчивость этих иерархий и тенденций выбора белорусского или русского варианта подтверждаются: (а) сравнением данных, полученных в разных городах²³, (б) сравнением разных ситуаций общения (для этого сравнения у нас есть

²² См. также примеры выше.

²³ Это, однако, может нарушаться из-за влияния диалектного субстрата, поскольку некоторые формы переменных в белорусских диалектах, как известно, соотносятся с литературным русским, а не белорусским языком [Ramza 2008; Hentschel, Zeller 2014].

два корпуса — семейного общения и интервью) с разными участниками и (в) сравнением разных типов говорящих, расклассифицированных по тому, в какой степени они используют русский язык в своей повседневной коммуникации [Hentschel, Zeller 2014]. Такие устойчивые иерархии переменных в терминах русификации или сохранения белорусских характеристик нельзя назвать спонтанным, случайным или хаотичным варьированием. Следовательно, можно с уверенностью утверждать, что БРСР в значительной степени основан на смешанном коде — БРСИ.

В работе [Chambers 2002: 350—351] говорится о социально обусловленной «частотной интуиции», которая срабатывает у носителей разных регистров или стилей, когда им необходимо порождать высказывания с элементами более формального или менее формального регистра. Повидимому, у носителей БРСР (по крайней мере, тех, кто достаточно хорошо владеет русским языком) имеются устойчивые представления относительно частотности использования тех или иных вариантов различных переменных. Переменные, относящиеся к разным структурным уровням, организованы в иерархии, определяющие вероятности использования белорусских или русских вариантов. Это значит, что внутри каждой ступени иерархии заимствований есть также иерархии переменных, описывающие тенденции к большей или меньшей русифицированности. Эти иерархии, в отличие от иерархии заимствований, объясняются конкретными различиями соперничающих языков или особыми социокультурными коннотациями данного языкового ландшафта [Hentschel 2013; Хентшель 2016; Hentschel, Zeller 2014].

Вместо представления о строго очерченных вариантах трясянки (как в [Лисковец 2006; Mečkovskaja 2014])²⁴, основанного на статической структуралистской модели языка, следует принять, что система устных субстандартных кодов может быть осмыслена в динамике варьирования. БРСР иногда может склоняться то в сторону белорусского языка, то в сторону русского, в зависимости от собеседника, темы разговора, индивидуальной стилистической вариативности, разного уровня представленности русского языка в повседневной жизни респондентов или их «речевых сообществ» («communities of practice» — ср. [Meyerhoff 2002]; дальше см. Вопрос 9), или в зависимости от различий между двумя местностями, но иерархии переменных, основанные на тенденции к русифицированности (или —

²⁴ Выделение разных вариантов трясянки, проводимое этими двумя исследовательницами, основано на критериях социологии языка. В их работах предлагается разное количество вариантов, и поэтому они не сравнимы между собой. Обе исследовательницы утверждают, что эти варианты можно с трудом [Лисковец 2003] или вообще невозможно [Mečkovskaja 2014] изучать методами эмпирического анализа, который, соответственно, они и не пытаются проводить. Что же касается позиции Н. Мечковской, процитированной выше, то возникает вопрос, как с точки зрения логики могут существовать разновидности трясянки, если — по ее словам — вариативность трясянки устроена нерегулярно и хаотично.

с другой стороны — к устойчивости белорусского языка), будут сохраняться. Эти иерархии переменных на некоторых структурных уровнях, характерные для конкретных ситуаций языкового контакта, вместе с иерархией заимствований вписываются в вероятностную модель паттернов вариативности, о необходимости разработки которой говорит П. Мейскен [Muysken 2000: 249].

Конечно, если белорусское сообщество продолжит русифицироваться в области языка (см. ниже Вопрос 10), русские варианты внутри этих иерархий будут становиться доминантными для все большего и большего количества переменных. И только переменные с наиболее сильной тенденцией к сохранению белорусских вариантов будут передавать региональную белорусскую специфику в русской разговорной речи. Уже сейчас это можно услышать в речи многих белорусов, использующих белорусский диалект русского языка в качестве своего основного кода, тогда как другие все еще крепко держатся за БРСР.

7. Можно ли отличить БРСР на белорусской основе от БРСР на русской основе?

Такое разграничение проводит, к примеру, С. Запрудский [Запрудски 2008: 72]. В диахронической перспективе это разграничение имеет смысл: как упоминалось выше, деревенские жители, переезжавшие в города в 1960—1970-е годы, неизбежно привозили с собой белорусскую диалектную базу. А поскольку в то время литературный белорусский язык преобладал в сельских школах в качестве основного языка обучения, то и он оказал влияние на белорусскую базу многих говорящих, которые позже, уже в городе, попытались перейти на русский язык и таким образом сформировали современную БРСР. Переход в обратную же сторону — с русского языка на белорусский (как, к примеру, в Украине, где с 1990-х гг. русскоговорящие стали добровольно или в силу определенных причин переходить на украинский язык) — если и наблюдается в Беларуси, то лишь в единичных случаях. Однако смешанная белорусско-русская речь людей с родным русским является скорее не групповым кодом, а идиолектами, и используется ими только в сообществах с преобладающим использованием БРСР с белорусской основой или белорусских диалектов²⁵. Кроме случаев белорусско-русских браков, еще один сценарий появления БРСР на русской основе демонстрируют люди, происходящие из семей белорусской

²⁵ Конечно же, имеют место единичные случаи, когда русскоязычные являются членами сообществ, говорящих в основном на литературном белорусском языке. Здесь невозможно ответить, в какой степени эти люди затем используют белорусский литературный язык или же насколько они усваивают белорусский, однако для данной дискуссии это не играет никакой роли.

русскоязычной интеллигенции, которые в силу профессиональной необходимости (врачи, ветеринары, учителя в сельской местности) могут со временем развить вариант речи, близкий к прототипической БРСР на белорусской основе. У таких говорящих БРСР возникает из-за произвольных вкраплений белорусских или гибридных выражений в русскую речь. Тем не менее они не используют БРСР в своих русскоговорящих семьях или других русскоговорящих сообществах, поэтому вышеописанных предпосылок для появления устойчивого социального субварианта недостаточно.

Однако с учетом того, что для многих белорусов среднего и младшего поколения кодом первичной языковой социализации является трасянка или БРСР (ср. Вопрос 2), тогда как русский язык они усваивают преимущественно в школе и других сферах общественной жизни, в том числе через СМИ, с синхронической точки зрения более корректно было бы говорить о русском языке, основанном на трасянке или БРСР. Аналогичным образом следует говорить и о белорусском языке на основе БРСР в тех более редких случаях, когда носители БРСР хорошо усваивают литературный белорусский язык.

Конечно, нельзя забывать, что нынешнее младшее поколение городских жителей (18—30 лет) выросло в ту эпоху, когда в семьях говорили в основном по-русски, тогда как для молодых сельских жителей основным языком была БРСР (см. [Хентшель и др. 2016]). В связи с этим возникает вопрос о том, в какой мере русский язык молодых людей, особенно из малых и средних городов, соотносится если не с московской нормой, то хотя бы с узусом русскоязычной белорусской интеллигенции (см. [Норман 2008]). Не является ли он просто «более русским» вариантом БРСР, который они сами оценивают как русский язык в сравнении с «более белорусской» БРСР сельских жителей?

В сугубо синхронической перспективе разделение на трасянку с русской основой и трасянку с белорусской не имеет особого смысла, если учитывать значительное число тех говорящих, кто, с одной стороны, рос в среде БРСР, но, с другой стороны, начиная с младших или даже средних классов и затем благодаря высшему образованию и другим сферам общественной жизни овладел русским, а в некоторых случаях и белорусским языком на (очень) хорошем уровне. Я согласен с Сергеем Запрудским [Запрудскі 2008: 72 и сл.] в том, что БРСР младшего поколения «более русская» и может стать еще «более русской» в будущем, поскольку, по крайней мере в небольших городах и сельской местности, молодежь находится в ситуации диглоссии и в дополнение к неформальному общению на БРСР использует грамотный русский язык в ситуациях формального общения. Частое использование русского языка в повседневной жизни, конечно, влияет на БРСР: чем чаще носители имеют дело с русским языком в повседневной жизни, тем более «русской» становится их БРСР. И, конечно, часть младшего поколения полностью отказывается от БРСР в пользу русского языка из-за боязни выглядеть малообразованными.

8. Является ли БРСР/трасянка белорусским или русским «диалектом»?

Не так давно Д. Штерн [Stern 2013] и Н. Мечковская [Mečkovskaja 2014] выдвинули предположение о том, что трасянка могла бы развиваться в диалект или региолект русского языка. Напротив, А. Лукашанец включает трасянку в число разновидностей белорусского языка²⁶. Мнения специалистов также разделяются: из 1200 респондентов преимущественно из малых и средних городов лишь около 20% считают БРСР вариантом русского языка; 40% полагают, что БРСР — это вариант белорусского языка, и еще столько же склонны думать, что это самостоятельный «язык» на стыке белорусского и русского [Хентшель, Киттель 2011].

Белорусские и российские исследователи (см. [Лисковец 2003]), напротив, неоднократно указывали на то, что говорящие на трасянке считают свою смешанную речь русской. В отдельных случаях это может соответствовать действительности, особенно среди сельских мигрантов с низким уровнем образования. Они могут, замечая приближение своего языка к русскому (то есть находя отличия от того белорусского, на котором говорят в их деревне), считать его уже не белорусским и, так как третьего не дано, определять свой интеръязык как русский. Впрочем, такое определение БРСР, предлагаемое малообразованными сельскими мигрантами, в целом не столь показательно. Среди опрошенных в ходе одного из исследований, проведенных в рамках нашего проекта, вариантом русского языка БРСР чаще всего называли респонденты с высшим образованием (около четверти опрошенных). При этом респонденты со средним или средним специальным образованием называли БРСР вариантом русского языка реже всех остальных (около 1/8 опрошенных). Эти данные позволяют выдвинуть гипотезу о том, что благодаря своему более глубокому знанию русского языка первая группа респондентов лучше распознает лексические заимствования оттуда и основывает на этом свои суждения.

Хорошо видно, что возраст респондента и размер населенного пункта, в котором он проживает, значительно сильнее влияют на определение принадлежности БРСР, чем уровень образования. В то время как почти половина пожилых респондентов (50—70 лет) и такая же доля респондентов из маленьких городов (до 10 000 жителей) расценивают БРСР как вариант белорусского языка, лишь немногим больше трети молодых респондентов (17—49 лет) и чуть меньше трети респондентов из средних городов и из столицы согласны с ними. Напротив, около половины респондентов из последних двух групп — что выше среднего значения для данного параметра — считали БРСР «особым языком»²⁷. При этом возраст респондента и

²⁶ См. <http://vks.belpak.by/archive/624-drm.html> (дата обращения 30 июня 2014 г.).

²⁷ Распределение по возрасту респондентов из городов разного размера было практически идентичным, поэтому влияние одного из факторов нельзя рассматри-

размер города, в котором он проживает, не оказывали особого влияния на отнесение БРСР к разновидности русского языка (везде в среднем по 20%). Одним из объяснений может быть то, что молодые респонденты и жители больших городов в среднем больше вовлечены в русскоязычную коммуникативную среду, чем пожилые респонденты или жители маленьких городов, и потому сильнее ощущают дистанцию между БРСР и русским языком и несоответствие первого второму. Напротив, в речи старшего поколения и в маленьких городах БРСР часто не настолько далека от белорусского языка, чтобы ее нельзя было считать его разновидностью.

С лингвистической точки зрения вопрос, обсуждаемый здесь, имеет два аспекта: социолингвистический и структурный. С точки зрения социолингвистики, доминирующим языком-«крышей» в определении Клосса [Kloss 1977], как уже указывалось, является русский. В сравнении с белорусским литературным языком русский является «иностранным» языком-«крышей» (или, осторожнее, несколько более иностранной «крышей», чем белорусский) над БРСР и белорусскими диалектами.

Еще до недавнего времени нижненемецкий разговорный идиом рассматривался как диалект немецкого языка (в европейских дебатах, посвященных региональным и малым языкам, он был «повышен» до регионального языка). При этом швейцарский немецкий (*schwitzerdütsch*), алеманнские говоры (и городские койне) в Швейцарии все еще считаются диалектами или субвариантами немецкого языка, даже несмотря на то, что они по большей части непонятны немцам, говорящим только на верхненемецком (за исключением тех, кто живет в самой юго-западной части Германии). Но альтернативной классификации не существует. Для «повышения» швейцарского немецкого идиома до особого регионального языка явно не хватает политической воли — равно как и недостаточно «политической логики» для присвоения ему такого статуса, так как швейцарский немецкий характерен для всей немецкоязычной территории Швейцарии. По этой причине литературный немецкий язык (*Hochdeutsch*) играет роль такой же расширенной «крыши» над швейцарским немецким, как русский язык не только над БРСР, но и над разговорными вариантами белорусского языка.

С учетом того, что структурная разница между разновидностями белорусского и в первую очередь БРСР, с одной стороны, а с другой стороны — русским языком не столь велика, можно рассматривать БРСР как вариант русского языка, особенно в связи с их значительной социолингвистической взаимодополняемостью. Русский литературный язык играет для БРСР роль «крыши». В таком, социолингвистическом, представлении о БРСР как о субстандарте под языком-«крышей» мы, безусловно, можем

вать как побочное следствие других. Восприятие БРСР как разновидности белорусского или русского языков или же как особого третьего идиома заслуживает более внимательного изучения (в понимании «(социальной) диалектологии восприятия» (“perceptual (social) dialectology”), чем это было возможно в рамках данного проекта.

рассматривать БРСР как дополнительный региональный субвариант (или просто диалект) русского языка.

С точки зрения же структурного подхода требуется иной ответ на вопрос о том, является трасянка разновидностью белорусского или русского языка. Здесь вопрос состоит в том, на каких структурных уровнях трасянка испытала влияния русского и белорусского языков и в какой степени. Как упоминалось выше, русский в большей степени повлиял на лексику (особенно на дискурсивные маркеры) и далее на морфосинтаксис (ср. [Хентшель 2013; Hentschel 2014a; Tesch 2013; 2014]). Белорусское влияние все еще сильно в области словоизменения, фонетики и фонологии, но также и в части базисной лексики и служебных слов, т. е. в закрытых областях языковых структур. С точки зрения структуры мы можем описать трасянку/БРСИ как разновидность белорусского языка (или, опять же, как его диалект) по тем же причинам, по каким сегодня английский классифицируется как германский язык, несмотря на все романско-латинские влияния, а румынский — как романский язык, несмотря на огромное славянское влияние.

9. Можно ли описывать БРСР / трасянку через классические концепты «диглоссия» и «билингвизм»?

Как известно, Дж. Фишман [Fishman 1967] пересмотрел исходный концепт «диглоссии» Ч. Фергюсона [Ferguson 1959] и противопоставил ее «билингвизму». За билингвизмом Фишман закрепил языковую разносторонность личности (*linguistic versatility*), тогда как термин «диглоссия» он применял для описания (реальных, не формальных) норм распределения кодов или языков в обществе²⁸, включая предложенное Фергюсоном противопоставление высоких (H, high) и низких (L, low) вариантов. Что же касается использования и представленности белорусского языка в обществе, то не вызывает сомнений, что русский язык и БРСР используются абсолютным большинством жителей в повседневной жизни [Хентшель, Киттель 2011; Kittel et al. 2010; Хентшель и др. 2016]. Треть белорусов вообще никогда не говорит по-белорусски, еще половина — редко. Примерно пятнадцать человек на сто опрошенных используют его регулярно, еще двое — все время. Основным языком общения в повседневной жизни лишь для 5% опрошенных является белорусский, тогда как БРСР — для 41%, русский язык — для 45%. Обращает на себя внимание тот факт, что абсолютное большинство респондентов (85%), принявших участие в опросах в рамках Ольденбургского проекта [Хентшель, Киттель 2011], были жителя-

²⁸ См. в [Jaspers 2017] глубокое и заставляющее задуматься обсуждение этих, как их называет автор, «важнейших особ» (*grandes dames*) контактной социолингвистики и более новых концептов, которые были предложены, чтобы компенсировать недостатки прежних.

ми городов с примерной численностью населения от десяти до ста тысяч человек; остальные были жителями Минска, где показатели для белорусского языка оказались еще ниже. Из этих данных и данных по младшему поколению в [Хентшель и др. 2016] следует, что в условиях большого города белорусский язык находится еще дальше на периферии (подробнее см. ниже). Упомянутое исследование также показывает, что в сельской местности положение белорусского языка лишь немногим лучше, и, конечно, именно здесь возникает вопрос о том, что подразумевают под белорусским языком сельские жители: литературную норму, диалектные разновидности или что-то среднее, а также в какой степени русский язык уже успел повлиять на их белорусский.

Кроме собственно использования двух (трех) языков, их реального распределения у отдельных говорящих (*practice*), еще одним аспектом языковой многосторонности (*versatility*) этих говорящих является уровень владения этими языками (*competence*). Если спросить белорусов о том, как они оценивают свой уровень владения белорусским и русским языками²⁹, результаты не будут значительно различаться: для русского немногим больше 60% оценивают свое знание как «хорошее», еще 18% — как «очень хорошее», для белорусского же это 53% и 8% соответственно (см. [Хентшель, Киттель 2011: 126]). Одна из причин, объясняющих такие скорее небольшие различия при колоссальной разнице в данных по использованию языков, — это то, что почти все белорусы понимают и белорусский, и русский языки как в письменной, так и в устной форме. Для большей наглядности нужно разделить в опросе активное и пассивное владение языками. Как отмечается в [Хентшель и др. 2016], среди младшего поколения лишь немногим более половины утверждают, что могут свободно писать по-белорусски, и значительно меньше половины — что могут свободно говорить. Для русского же языка в обоих случаях цифры близки к 100%. Кроме того, для той половины опрошенных, кто несмотря ни на что заявляет о своем свободном активном владении белорусским языком, остается без ответа вопрос, о каком уровне свободного владения может идти речь, если при этом абсолютное большинство из них говорит по-белорусски редко или вообще никогда не говорит.

Что же касается билингвизма в понимании Фишмана (а здесь, скорее, «трилингвизма» или «трикодизма»), то доминирующими кодами оказываются русский язык и БРСР, тогда как белорусский (повторим это снова) занимает периферийную позицию. Согласно социальным нормам или, скорее, теоретическим социальным нормам, русский³⁰ и белорусский языки

²⁹ Разумеется, что не было бы никакого смысла задавать вопросы об их владении БРСР.

³⁰ О белорусском варианте русского языка, его статусе, характеристиках и отношении к нему со стороны представителей элит в сравнении с литературным русским («российским русским») см. недавнюю работу К. Вулхайзера [Woolhiser 2012].

(если точнее, литературный белорусский) являются Н-вариантами (среди прочего — государственными языками с формально равными правами). На практике же литературный белорусский язык отсутствует в повседневной жизни абсолютного большинства белорусов даже в разговорной форме³¹. БРСР, естественно, является L-вариантом, на котором говорят практически исключительно в неформальных ситуациях в частной жизни. L-вариантами также можно считать «старые» автохтонные территориальные диалекты белорусского языка. Правда, остается открытым эмпирический вопрос о том, в какой мере еще можно говорить об их существовании в «чистом» виде (оно является основным предметом интереса традиционных диалектологических исследований в Беларуси и в других странах), т. е. до какой степени они защищены от русификации или «трясянизации». Сомнения в подобной их защищенности высказывались еще до Второй мировой войны (см. выше замечания И. Волк-Левановича). Как бы то ни было, абсолютное большинство наших респондентов, выросших в сельской местности, первичным кодом своей социализации в детстве называют БРСР. На втором месте для старшего поколения оказывается белорусский язык (вероятно, диалектный), для младшего — русский [Хентшель, Киттель 2011: 117—118; Хентшель и др. 2016]. Таким образом, мы можем говорить о ситуации диглоссии (более или менее) в понимании Фергюсона: Н-варианты — русский язык и (с незначительной практической значимостью) литературный белорусский язык, L-варианты — БРСР и белорусские диалекты; при этом и высокостатусный белорусский язык, и низкостатусные территориальные диалекты занимают достаточно периферийное положение. Кроме того, в отношении белорусского литературного языка вне всякого сомнения можно говорить о ситуации шизоглоссии в понимании Хаугена [Haugen 1962]: многим людям неловко говорить на нем. В наших свободных интервью (и у других исследователей тоже, ср. [Woolhiser 2014]) одним из типичных ответов на вопрос о том, почему люди мало говорят по-белорусски, было то, что они боятся «скатиться» в трясянку — любопытный эффект бумеранга для тех, кто стигматизировал трясянку, пытаясь поддержать белорусский язык (подробнее см. ниже в последнем разделе).

Бинарное разграничение двух концептов, диглоссии и билингвизма, было одной из основных причин для критики с 1980-х и по наше время (ср. [Jaspers 2017]). Р. Фэсолд в работе [Fasold 1984] предложил выделять три уровня вместо двух — триглоссию, или «двойную перекрываемую диглоссию» (“double-overlapping diglossia”): базилект (L), мезолект (M) и акролект (H). Это трехчастное деление было использовано Ю. Коряковым [Коряков 2002: 124] для описания белорусской ситуации с учетом распределения четырех кодов в различных типах городских и сельских условий:

³¹ Ср. [Woolhiser 2014: 9—12], где приводятся сравнимые величины, взятые из иных источников.

	крупные города	средние города	мелкие города	деревня
акролект	Р, БЛ	Р	Р	Р; Т
мезолект	Р	Р/Т	Р; Т	Т
базилект	Р/Т	Т	Т/БД	БД

Р — русский язык; Т — трасянка; БД — белорусские диалекты; БЛ — белорусский литературный язык

Подход Ю. Корякова был детально разобран К. Вулхайзером в [Woolhiser 2012] и рассмотрен применительно к белорусской ситуации в [Woolhiser 2014: 149—150]. Как указывается в последней работе, некоторые эмпирические данные в анализе Ю. Корякова заслуживают критики, как, например, заявленное полное отсутствие белорусского литературного языка в средних городах: как бы то ни было, периферийно он однозначно представлен везде. Наши данные по сельской местности также противоречат указанному в работе Корякова: в графе «базилект» для деревни помимо белорусских диалектов следовало бы указать и трасянку/БРСР. Тем не менее, подход Корякова верно отображает вариативность социостилистического «посткреольского континуума», зависящего от размера сообщества. Наши данные подтверждают описание, предложенное им для русского языка и БРСР (трасянки): чем больше сообщество, тем сильнее в нем русский язык, чем меньше сообщество, тем сильнее БРСР [Хентшель, Киттель 2011: 117—119]. Периферийная представленность или полное отсутствие литературного белорусского, с одной стороны, и белорусских диалектов, с другой — скорее является вопросом местных особенностей в больших и малых городах и деревнях.

Размер сообщества, однако, является только одним из нескольких измерений, которые дают такое же или сходное распределение кодов. Вынося за скобки белорусские диалекты в связи с нехваткой достоверных данных, мы можем наблюдать аналогичную вариативность, т. е. распределение в обратной зависимости русского языка и БРСР, например, для возраста (чем моложе, тем больше доля русского языка) и для формальной vs. неформальной ситуации общения (чем более формальная, тем больше доля русского языка), при этом оба фактора существенно влияют друг на друга (ср. [Хентшель, Киттель 2011: 120, 124—125]). Что же касается образования, то здесь, по-видимому, играет роль только противопоставление высшего (больше доля русского языка) и среднего формального образования без дополнительной градации (ср. [Хентшель, Киттель 2011: 120]). Разумеется, все эти измерения и факторы взаимодействуют между собой.

В этом заключается основная сложность для подходов, основанных на строгой классификации кодов: «голоса перетекают из одной сферы (domain; или: из одного языка) в другую» [Jaspers 2017]. Такие утечки в первую очередь зависят от базовой направленности индивидуума (более или менее

формальная), уровня владения языком (в нашем случае это особенно касается белорусского), идеологической направленности (не использует определенный код по той или иной причине). Кроме того, наблюдается и влияние некоторых социальных и структурных факторов с различными взаимозависимостями между ними, такими, как те, что были упомянуты выше³². Интеракционная социолингвистика (*interactional sociolinguistics*) заменяет более или менее традиционные концепты, связанные с X-гlossией, на концепты вроде стилистического оформления (*styling*), стилевого сдвига (*style shifting*) [Coupland 2007; Eckert 2008; Schilling-Estes 2002] или возникновение у носителей социальной или лингвокультурологической маркированности отдельных элементов идиома (*enregisterment*) [Agha 2005; 2007]. При этом границы между «расклассифицированными» кодами достаточно размытые: хотя белорусы и могут отличить речь на белорусском языке (литературном и диалектном), трасянке (БРСР) и русском языке, это не всегда происходит по схожим основаниям и не всегда с абсолютной уверенностью. Эта возможность разграничить три кода зависит от кластерных эффектов встречающихся вместе языковых характеристик речи, осознаваемой как прототипическая белорусская или русская (или даже БРСР). В сущности, у носителей есть «подразумеваемое знание адекватной частотности (вариантов большого количества структурных переменных), которая соответствует их социальному статусу» [Chambers 2002: 350] и различным ситуациям общения. Во-первых, в той степени, в какой это им под силу (см. выше об усвоении БРСР), говорящие выбирают себе основной или желаемый код (русский язык, БРСР, белорусский язык), но в активном использовании могут менять его на любой другой, в разных случаях более или менее отчетливо (см. [Hentschel, Zeller 2012]). Естественно, смена кода может происходить и внутри одного разговора. Например, в нашем корпусе женщина в возрасте примерно 30 лет, обычно общающаяся со своей матерью (около 55 лет) на БРСР, во время ссоры постепенно переходит с БРСР на русский язык, которым она свободно владеет. Очевидно, русский язык воспринимался ею как более эффективное средство для доказательства своей точки зрения в этом словесном конфликте. Во-вторых, изменения могут происходить и внутри самого базового кода, который выбирают говорящие: они допускают определенное количество белорусских элементов в своей русской речи³³ и наоборот, не называя это БРСР³⁴. Сама БРСР мо-

³² Еще в первой работе, посвященной трасянке, Г. Хентшель и С. Теш [Hentschel, Tesch 2006] отмечали достаточно свободные постепенные колебания (*oszillation*) между русским языком и БРСР, а для некоторых говорящих — еще и белорусским языком.

³³ Хорошо известно, что белорусский вариант русского языка имеет свои особые характеристики. Отношение к ним (или, по крайней мере, к некоторым из них) в значительной степени варьируются; см. недавнее подробное обсуждение этого вопроса в [Woolhiser 2012; 2014].

жет в значительной степени варьироваться в сторону близости как к русскому, так и к белорусскому языку. Хотя подобное варьирование и смесь «этимологически» русских и белорусских черт в определенной степени спонтанны и зависят от стилистического оформления, во-первых, как уже упоминалось выше, некоторые иерархии большей или меньшей русифицированности языковых переменных остаются постоянными и тем самым отображают конвенционализацию смешения (см. выше), а во-вторых, можно выделить несколько типов говорящих в зависимости в первую очередь от объемов русской речи и БРСР, с которыми они встречаются в своей повседневной жизни (см. [Hentschel, Zeller 2012]).

Таким образом, на вопрос, поставленный в этом разделе, можно ответить следующим образом: старые концепты социолингвистики и контактной лингвистики — диглоссия и билингвизм, которые были введены в научный оборот Ч. Фергюсоном и Дж. Фишманом в лучшие дни структурализма, дают лишь приблизительную, очень схематичную интерпретацию такого сосуществования кодов (лингвистической архитектуры), как в Беларуси (и в других местах, см. [Jaspers 2017]). Если мы ограничим наше исследование и нашу аргументацию только ими, они станут лишь мешающими пониманию «священными чудовищами», как они названы в [Jaspers 2017]. При стремлении к более глубокому пониманию функционирования языков и кодов они абсолютно не годятся для того, чтобы пытаться разобраться в устройстве языкового ландшафта Беларуси.

10. Является ли БРСР / трясанка временным явлением в языковом сдвиге от белорусского языка к русскому?

Этот вопрос также имеет несколько аспектов, и многое говорит в пользу положительного ответа на него. Во-первых, как уже отмечалось, именно сельские мигранты в новом для себя городском окружении отказывались от белорусского языка, несшего на себе отпечаток диалекта, в пользу русского, даже если (как объяснялось выше) это удавалось им не полностью. Следующий феномен возникает прямо на наших глазах: некоторые из респондентов (разумеется, не все), чье языковое поведение в семейном кругу

³⁴ Обращает на себя внимание тот факт, что среди многочисленных респондентов, которые назвали русский язык основным кодом своей повседневной речи, четыре из пяти характеризовали его как русский «с некоторыми белорусскими словами». А среди тех немногих, кто назвал таковым белорусский, девять из десяти признали, что это белорусский язык с некоторыми русскими словами [Хентшель, Киттель 2011]. Не приходится сомневаться, что такая классификация не совпадает полностью у всех белорусов, но в настоящий момент имеется недостаточно эмпирических исследований в рамках «(контактной) социолингвистики восприятия» (“perceptual (contact-) sociolinguistics”), аналогичной «диалектологии восприятия» (“perceptual dialectology”) Д. П. Престона [Preston 1989].

мы записывали, сегодня используют преимущественно русский язык (более или менее хороший), в том числе и во внутрисемейном общении, и избегают усвоенной в детстве смешанной речи едва ли не во всех ситуациях общения. Это в большинстве своем молодые люди. И даже в тех ситуациях, когда они действительно используют смешанную речь, в ней значительно меньше следов белорусского языка, чем это бывает обычно (см. [Hentschel, Zeller 2012]). Эти говорящие в первую очередь не устояли перед социальной, экономической и культурной привлекательностью русского языка³⁵; кроме того, они зачастую хотят избежать ярлыка провинциала, «понаехавшего» в город. У таких молодых людей переход на русский язык уже практически завершился. Некоторые представители младшего поколения, однако, демонстрируют иное языковое поведение. Их трасянка/БРСР качественно не отличается от идиома 50—60-летних. Однако в их семейном общении встречаются фрагменты, где они свободно используют русский язык: обычно в разговорах со своими братьями или сестрами или своими собственными детьми, но не только (см. Вопрос 9 выше). В упомянутом ранее недавнем общенациональном исследовании около трех четвертей представителей молодого поколения утверждают, что русский язык является основным средством общения в семье, а БРСР в этом качестве назвали чуть больше пятой части. Значительно чаще БРСР используется в качестве дополнительного средства общения в частной коммуникации наряду с русским языком (см. ниже). Аналогичным образом обстоят дела и у взрослых [Хентшель, Киттель 2011]. Абсолютное большинство молодых людей заявили, что между собой они говорят по-русски. Частой моделью проанализированной нами внутрисемейной коммуникации было использование БРСР взрослыми детьми в общении со своими родителями, а также бабушками и дедушками и русского языка в общении друг с другом. По мере того как старшие поколения уходят, объем БРСР тоже может сокращаться.

Вне всякого сомнения, БРСР занимает меньше места в коммуникативном поведении молодого поколения, чем у старших. Но следует ли из этого, что БРСР исчезает? Если так, то, конечно, это случится существенно позже, чем исчезнет сам белорусский язык. Тем не менее возможность того, что БРСР сохранится, безусловно существует даже в том случае, если позиция русского языка будет усиливаться не только в публичной жизни, но и в частной (во внутрисемейном общении). Это видно на примере похожих языковых ситуаций в других странах. Например, если рассмотреть ситуацию в Верхней Силезии, мы увидим, что за время урбанизации и индустриализации, начавшейся в конце XVIII столетия, польско-силезские

³⁵ Молодые матери часто стремятся воспитывать своих детей на том языке, который бы способствовал их успехам в образовании и профессиональной деятельности. Именно по этой причине моя мать в 1950—1960-е годы в Северной Германии не говорила со мной на нижненемецком, хотя это был местный диалект — код ее первичной социализации.

диалекты испытали сильнейшее влияние немецкого языка: в результате на их основе возник аналогичный трасянке смешанный идиом, характеризующийся высокой степенью вариативности. Он получил презрительное наименование «водяной польский» (нем. *Wasserpölnisch*)³⁶, подразумевающее под собой польский язык, который был разбавлен немецким. (В данной статье этот термин употребляется абсолютно нейтрально.) В «водяном польском» похожим образом имеет место особенно сильное влияние немецкого языка в области лексики и морфосинтаксиса, но допускается значительная вариативность с заменой на функционально эквивалентные польские (или альтернативные немецкие) элементы и конструкции. Вот один из примеров сильно «германизированного» предложения: *Moj junge se schlecht auffiruje, ani sztyfli se ne wikswat*³⁷ (ср. его немецкий эквивалент: *Mein Junge führt sich schlecht auf, er wuchste (putzte) sich nicht einmal die Stiefel*) ‘Мой мальчик плохо ведет себя, он даже не почистил свои ботинки’. Во время «культурной борьбы» при Бисмарке на территории всей Верхней Силезии, а затем, после Первой мировой войны, в тех ее частях, которые остались в составе Германии, многие польские верхнесилезцы полностью перешли на немецкий язык, особенно во времена Третьего Рейха. Известно, что их «водяной польский» был еще более приближен к немецкому. В их речи на «водяной польский», и без того сильно германизированный, накладывался феномен языкового упадка (*language attrition*), когда, например, окончания косвенных падежей заменялись окончаниями именительного падежа: ведь в немецком языке грамматическое значение падежей редко формально выражено в словоформах существительных, а скорее в артиклях, прилагательных и т. д. В общих чертах похожая ситуация наблюдается и в случае вышеописанных белорусов, перешедших на русский язык: в их речи растворяется сильно русифицированная, но все же имеющая в своей основе белорусский язык БРСР. Польско-силезско-немецкий пример растворения остатков автохтонной речи просто более яркий, потому что структурные различия между немецким и польским языками значительно больше, чем между белорусским и русским. Например, флективные системы белорусского и русского очень похожи, поэтому, конечно же, в БРСР не наблюдается потери грамматических окончаний, но в ней распространяются и грамматические окончания русского происхождения.

Несмотря ни на что, в силезском регионе до сих пор сохранился идиом, восходящий к «водяному польскому»: современный силезский диалект со своими многочисленными германизмами, причем не только лексическими,

³⁶ Известно, что понимание «водяного польского» в смысле «разбавленного» — это переинтерпретация значения выражения «водяной польский», которое изначально относилось к польскому языку, на котором говорили на воде, т. е. на Одере.

³⁷ У этого предложения, цитируемого в [Kaisig 1933: 220], долгая история в литературе, посвященной «водяному польскому». Об этом и других аспектах см. в [Hentschel 2001].

демонстрирует койнеизацию, похожую на то, что происходит с трасянкой/БРСР. Даже если во времена Германской Империи существенная часть верхнесилезцев в общественной жизни перешла на немецкий язык, «водяной польский» все равно не исчез, так как на нем продолжали говорить в быту. После Второй мировой войны польский вытеснил немецкий в качестве языка-«крыши» для «водяного польского» или (сильно германизованного) силезского диалекта, а один из факторов вариативности исчез, по крайней мере, в значительной степени: прекратилось спонтанное смешение с немецким языком. Впрочем, силезский диалект и сейчас отличается высокой степенью вариативности, так как он не кодифицирован и используется весьма активно (см. [Tambor 2008]).

Разумеется, сделать достоверный прогноз относительно будущего БРСР невозможно. Как Александр Тараненко по отношению к суржику [Tarapenko 2014], так и я по отношению к БРСР считаю очень сомнительным сценарий постепенного, но в итоге полного растворения ее в русском языке. Как показывает еще не завершённое исследование по бытованию БРСР среди белорусских детей, проводимое в Ольденбургском университете³⁸, даже в речи учеников начальных классов регулярно встречаются элементы БРСР, так что, как видно, БРСР все еще жива. Если, как принято считать, белорусский национальный диалект русского языка включает в себя различные характеристики автохтонного белорусского, то было бы странно ожидать, что субстандарт, который не регулируется в школе, будет демонстрировать меньше белорусских элементов. У социальных субвариантов в Беларуси столь же мало шансов исчезнуть, как у аналогичных идиомов в России, где русское просторечие сохранилось по сегодняшний день и не исчезло, несмотря на советскую мечту о его исчезновении путем повышения культурного уровня; ср. [Яхнов 1987]. Младшее поколение — самоуверенное и неконформистское, но при этом ни особо национально ориентированное, ни отчетливо элитарное не поддавалось натиску «культуры речи», практикуемой в системе образования вплоть до университетов, и обратилось к русскому языку исключительно из социоэкономических соображений — но лишь частично. В частной коммуникации БРСР с ее большим количеством белорусских «этнических маркеров» может удовлетворить желание выразить свою особую идентичность. Другие молодые люди, лингвистически и культурно «сознательные» представители интеллигенции, сталкиваются с выбором исключительно из двух вариантов — либо только русский, либо только белорусский³⁹. Все указывает на направление в сторону русского языка [Хентшель и др. 2016]. И наконец, БРСР безусловно

³⁸ Kraučanka N. Die belarussisch-russische gemischte Rede (“Trasjanka”) als Kommunikationsmittel bei belarussischen Jugendlichen und Kindern (Schülern). Oldenburg (in preparation).

³⁹ Об очень маленькой в настоящий момент группе новых носителей белорусского языка см. [Woolhiser 2013]; дополнительная информация в Вопросе 11.

могла бы выжить даже в таком мире (который сегодня трудно себе представить), где белорусский был бы единственным государственным и доминирующим в публичной белорусской жизни языком, аналогичным разговорному чешскому, который значительно отличается от литературного чешского, возрожденного в XIX веке. В таком случае БРСР была бы рефлексом прошлого, прошедшим через сильное воздействие русского языка.

11. Какую роль может играть трасянка/БРСР в поддержке или возрождении белорусского языка?

Без сомнения, белорусский язык находится под угрозой. Старые территориальные диалекты или исчезают, как во многих частях Европы, или на протяжении многих лет интерферируют с доминирующими литературными языками. А поскольку основным литературным языком в белорусском обществе является русский, это приводит к «трасянизации» белорусского языка. Литературный белорусский язык, бесспорно, все еще существует, хотя и на периферии: он используется в образовании, СМИ, на нем звучат записанные объявления автоинформатора (но не живых людей) в минском метро, однако уровень владения им среди широких слоев населения невысок. Если мы строго разграничим возрождение языка (*revitalisation*) и его сохранение (*maintenance*), что считается обязательным в работах по ревитализации (ср. [Grenoble 2013: 793]), то, учитывая, что литературный белорусский язык даже в лучшие для него времена не был широко распространен среди белорусского населения, мы имеем дело скорее не с возрождением, а с сохранением и актуализацией (*vitalisation*) языка.

Существенным барьером для поддержки белорусского языка могут быть сомнения в целях и пользе этой деятельности, равно как нехватка идеологической и политической воли и необходимого финансирования со стороны государства и органов власти (см. [Grenoble 2013: 793]). Желание укрепить позицию белорусского языка, и не только среди младшего поколения, широко распространено, однако мало кто готов лично этим заниматься или инвестировать в развитие языка (см. [Хентшель и др. 2016]). Государственные органы также не готовы принимать серьезные меры для поддержки языка⁴⁰. Как результат — белорусский язык может исчезнуть, а БРСР, как было сказано выше, может продолжить сосуществовать с русским языком, хотя и становясь еще более на него похожей.

В сложившихся условиях Н. Мечковская утверждает, что БРСР не разовьется в «новый» общий язык всех белорусов, поскольку соотношение бе-

⁴⁰ В прессе порой мелькают слабые лучи надежды (например, статья Инго Петц во *Frankfurter Allgemeine Zeitung* от 17 июня 2015 г.), которые воспринимаются как наименее репрессивное «лечение» (потенциально оппозиционного) белорусского культурного мира.

лорусских и русских (в широком понимании) черт, т. е. уровень русифицированности, очень различия [Мечковская 2011]. Однако помимо того, что, как было показано ранее, регулярность в БРСР выше, чем полагает Н. Мечковская, она еще и не поясняет, почему социально обусловленная (в широком смысле) вариативность идиома представляется большей преградой в развитии и укреплении нового или обновленного (актуализированного) языка-«крыши», чем «старая» территориальная вариативность. Это в особенности верно для современных многодиалектных литературных языков, которые культивируются представителями интеллигенции для закрепления их в обществе. В обоих случаях не исключено, что один или несколько соперничающих вариантов получают преимущество над множеством других структурных (фонетико-фонологических, морфологических, лексических и т. п.) вариантов, которые восходят к различным разновидностям идиома, — это своего рода санкционированное смешение.

Вопреки такому фону, глава Общества белорусского языка Олег Трусов использует весьма интересную стратегию, пытаясь привлечь белорусскую молодежь более активно использовать белорусский язык. Он призывает их говорить на трасянке, но постепенно все больше и больше заменять русизмы белорусизмами⁴¹. Его цель — помочь молодым людям перестать стесняться белорусского языка, побороть шизоглоссию (ощущение неполноценности своего родного языка) и ее последствия. Соответственно, трасянка представляется ему отправной точкой для актуализации белорусского языка среди его соотечественников.

Не нужно быть ясновидящим, чтобы понять, что такая стратегия не приведет к замене всех русизмов белорусскими эквивалентами. Постоянный тесный контакт с русским языком, как минимум в области экономики и СМИ, который бы сохранился даже при гипотетическом переходе на белорусский язык со стороны государства, способствовал бы сохранению многочисленных русизмов. Актуализированный таким образом белорусский язык, возможно, позаимствовал бы даже больше черт из русского языка или обрел бы больше сходств с ним, чем официально признанный (но мало употребляемый) стандарт современного литературного белорусского языка, который, как известно, основан на второй, советской версии белорусского языка — так называемой наркомовке 1930-х годов. При этом белорусские националисты начала 1990-х годов считали даже наркомовку одной из разновидностей трасянки, а не литературным языком [Zaprudski 2014].

⁴¹ О Трусове см. http://www.belgazeta.by/ru/2004_08_16/sobytiya_otsenki/8079/ (дата обращения: 30 ноября 2016 г.) и <http://nn.by/?c=ar&i=103005> (дата обращения: 30 ноября 2016 г.). Следует также подчеркнуть, что, в противовес мнению многих белорусских лингвистов (см. выше), Трусов не рассматривает своих учеников, говорящих, кроме русского, только на трасянке (а не по-белорусски), как «предателей родины».

Предложенная Трусовым стратегия может быть адресована широким слоям белорусского населения, что является ее несомненным достоинством. Вопрос лишь в том, примут ли элиты (и если да, то какие) такой новый вариант белорусского языка. Это кажется сомнительным, учитывая преобладающую национальную языковую идеологию, нацеленную на сохранение социолингвистической чистоты языка (не только в Беларуси, но и, например, в России и Украине) и распространенную в том числе и в среде белорусских филологов.

Другая модель актуализации белорусского языка в настоящее время практикуется некоторыми представителями образованной городской молодежи из русскоязычных семей — так называемыми «новыми говорящими» на белорусском (см. [Woolhiser 2013]), которые перешли на белорусский язык по идеологическим соображениям или из-за ощущения элитарности и часто отдают предпочтение тарашкевице — досоветской кодификации языка [Woolhiser 2013: 46]. Этот стандарт (по крайней мере в современном его варианте) более отдален от русского языка (то есть «менее русский»), чем официально принятая наркомовка (в ее современной версии), используемая в системе образования. О группе «новых говорящих» на белорусском языке главным образом известно, что это сообщество (пока?) очень маленькое. Некоторые видные лингвисты и деятели культуры, включая отдельных «старых говорящих» на белорусском, считают их «ненастоящими» или даже «показушными» носителями [Там же: 19—21]. Если не принимать во внимание этих «новых говорящих» на белорусском, очевидно, что в случае исключительно русскоязычных граждан Беларуси БРСР не может сыграть никакой роли в деле привлечения их к активному использованию белорусского языка. Однако наше исследование показало, что лишь около 1/8 населения, определяющих себя как белорусов по национальности, утверждают, что никогда не пользовались БРСР [Хентшель, Киттель 2011], тогда как среди младшего поколения таковых оказалось почти половина [Хентшель и др. 2016]. Исходя из этого, можно утверждать, что, если дело дойдет до всеобъемлющего возрождения белорусского языка, следы БРСР будут встречаться у подавляющего большинства населения.

Итак, мы видим достаточно резкий контраст между (предложенными) концепциями возрождения и/или актуализации белорусского языка в стране. Кроме того, наблюдается нехватка того, что Дж. Фишман [Fishman 1991] в своей работе, посвященной языковому возрождению (*reversing language change*), назвал «предварительным идеологическим просвещением» (*prior ideological clarification*). Если бы все были вынуждены согласиться, что белорусский язык должен не только сохраняться как музейный экспонат, но и актуализироваться в массах, то было бы необходимо достичь компромисса в определении целей. Пуристически-идеологическому, стигматизирующему исключению миллионов людей, которые сегодня используют БРСР в качестве основного или второстепенного кода, не нашлось бы места в такой концепции.

Л и т е р а т у р а

Генчэль 2013 — Г. Генчэль. Да пытання развіцця словозмяняльных парадыгмаў у беларускай трасянцы (на прыкладзе ўказальных займеннікаў) // Замежная мовазнаўчая беларусітыка на міжнародных з'ездах славістаў / Под ред. Г. Цыхуна. Мінск, 2013. С. 148—175.

Германовіч 2006 — І. К. Германовіч. Беларускія мовазнаўцы. Мінск, 2006. Т. 1.

Запрудскі 2008 — С. Запрудскі. Маўленчая акамадацыя і пераклучэнне кодаў у працэсе міжкультурнай камунікацыі: выпадак Беларусі // *Belarusian Trasyanka and Ukrainian Surzhyk. Structural and social aspects of their description and categorization* / Gerd Hentschel, Siarhiej Zaprudski (eds.) (*Studia Slavica Oldenburgensia* 17). Oldenburg, 2008. P. 57—97.

Запрудскі 2009 — С. Запрудскі. Некаторыя заўвагі аб вывучэнні «трасянки», або Выклікі для беларускіх гуманітарных і сацыяльных навук // *Arche*. 2009. № 11—12. С. 157—200.

Коряков 2002 — Ю. Б. Коряков. Языковая ситуация в Белоруссии // *Вопросы языкознания*. 2002. № 2. С. 109—127.

Курцова 2005 — В. М. Курцова. Стан дыялектнага маўлення ў другой палове XX ст. і яго месца ў сістэме сельскіх сацыяльна-камунікатыўных зносін // *Скарбы народнай мовы. Дыялекталагічны зборнік*. Мінск, 2005.

Лисковец 2003 — И. В. Лисковец. Новые языки новых государств: явления на стыке близкородственных языков на постсоветском пространстве. Беларусь // <http://www.eu.spb.ru>. (дата обращения: 2008).

Лисковец 2006 — И. В. Лисковец. Русский и белорусский языки в Минске: Проблемы билингвизма и отношения к языку. Дисс. ... канд. филол. наук. СПб., 2006.

Мечковская 1994 — Н. Б. Мечковская. Языковая ситуация в Беларуси: Этические коллизии двуязычия // *Russian Linguistics*. Vol. 18. 1994. № 3. С. 299—322.

Мечковская 2000 — Н. Б. Мечковская. Социальная лингвистика: Пособие для студентов гуманитар. вузов и учащихся лицеев. 2-е изд., испр. М., 2000.

Мечковская 2011 — Н. Б. Мечковская. Почему в постсоветской Беларуси все меньше говорят на белорусском языке? // *Неприкосновенный запас*. 2011, 6 (80). <http://magazines.russ.ru/nz/2011/6/m16.html> (дата обращения: 2016).

Мозер 2016 — М. Мозер. «Суржик» чи «суржики»? // *Українська мова*. 2016. № 1. С. 27—54.

Мячкоўская 2007 — Н. Б. Мячкоўская. Трасянка ў кантынууме беларуска-рускіх ідыялектаў: хто і калі размаўляе на трасянцы? // *Веснік БДУ. Сер. IV. Філалогія. Журналістыка. Педагогіка*. 2007. № 1. С. 91—97.

Мячкоўская 2013 — Н. Б. Мячкоўская. У лінгвістычнай лабараторыі прафесара Генчэля: метады і вынікі даследавання трасянки // *Веснік БДУ. Сер. 4. Філалогія, журналістыка, педагогіка*. 2013. № 2. С. 62—69.

Норман 2008 — Б. Норман. Русский язык в Беларуси сегодня // *Die Welt der Slaven*. 53. 2008. С. 289—300.

Успенский 1994 — Б. А. Успенский. Краткий очерк истории русского литературного языка (XI—XIX вв.). М., 1994.

Хентшель 2013 — Г. Хентшель. Белорусский, русский и белорусско-русская смешанная речь // *Вопросы языкознания*. 2013. № 1. С. 53—76.

Хентшель 2015 — Г. Хентшель. Белорусско-русская смешанная речь. Восемь вопросов и ответов // Языковой контакт. Сборник научных статей. Минск, 2015. С. 172—186.

Хентшель 2016 — Г. Хентшель. Регулярная вариативность или «хаос»: вопрос об узусе смешанной языковой разновидности на примере белорусской «трасянки» // Вопросы языкознания. 2016. № 6. С. 84—112.

Хентшель и др. 2016 — Г. Хентшель, М. Брюггеманн, Х. Гейгер, Я. Целлер. Языковая и политическая ориентация молодых совершеннолетних белорусов: между русским и белорусским — между востоком и западом // Социология (Минск). 2016. № 2. С. 57—76.

Хентшель, Киттель 2011 — Г. Хентшель, Б. Киттель. Языковая ситуация в Беларуси: Мнения белорусов о распространенности языков в стране. // Социология (Минск). 2011. № 4. С. 62—78.

Цыхун 1998 — Г. Цыхун. Трасянка як аб'ект лінгвістычнага даследавання // Беларуская мова ў другой палове ХХ стагоддзя. Матэр. міжнар. навук. канф. / Под ред. Л. І. Сямешка, М. Р. Прыгодзіч. Мінск, 1998. С. 83—89.

Яхнов 1987 — Г. Яхнов. [Рец. на:] Земская Е. А., Шмелев Д. Н. (ред.). Городское просторечие — проблемы изучения. Москва, 1987 // Russian Linguistics. Vol. 11. 1987. С. 87—95.

Agha 2005 — A. Agha. Voice, footing, enregisterment // Journal of Linguistic Anthropology. Vol. 15 (1). 2005. P. 38—59.

Agha 2007 — A. Agha. Language and social relations. Cambridge, New York, 2007.

Auer 1999 — P. Auer. From codeswitching via language mixing to fused lects. Towards a dynamic typology of bilingual speech // International Journal of Bilingualism. Vol. 3 (4). 1999. P. 309—332.

Berruto 2009 — G. Berruto. Identifying dimensions of linguistic variation in a language space // P. Auer, J. Schmid (eds.). Language and space. Vol. 1: Theories and methods (= Handbooks of Linguistics and Communication Science, 30 (1)). Berlin, 2009. P. 226—241.

Brandes 2015 — O. Brandes. Die weißrussisch-russische gemischte Rede als Subvarietät im Vergleich zu russischen nicht-hochsprachlichen Varietäten und Weißrussisch: Phänomene der Flexionsmorphologie (Doctoral dissertation). Oldenburg. Available at <http://oops.uni-oldenburg.de/2419/>.

Brüggemann 2014 — M. Brüggemann. Die weißrussische und die russische Sprache in ihrem Verhältnis zur weißrussischen Gesellschaft und Nation. Ideologisch-programmatische Standpunkte politischer Akteure und Intellektueller 1994—2010 (= Studia Slavica Oldenburgensia, 23). Oldenburg, 2014.

Chambers 2002 — J. K. Chambers. Patterns of variation including change // The handbook of language variation and change / J. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (eds.). Malden, 2002. P. 349—372.

Coupland 2007 — N. Coupland. Style. Language variation and identity. Cambridge, 2007.

Cychun 1999 — H. Cychun. Białoruski wariant języka kreolizowanego (trasianka) // Acta Universitatis Lodzianensis. Folia linguistica. Vol. 38. 1999. S. 3—10.

Cychun 2014 — H. Cychun. Soziolinguistische, soziokulturelle und psychologische Grundlagen gemischten Sprechens // Trasyanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und

der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). Frankfurt, 2014. S. 163—172.

del Gaudio 2010 — S. del Gaudio. On the nature of Suržyk: a double perspective (= Wiener Slavistischer Almanach. Sonderband, 75). München — Berlin — Wien, 2010.

Downes 1984 — W. Downes. Language and society. Cambridge, 1984.

Eckert 2008 — P. Eckert. Variation and the indexical field // Journal of Sociolinguistics. Vol. 12 (4). 2008. P. 453—476.

Fasold 1984 — R. Fasold. The sociolinguistics of society. Oxford, 1984.

Ferguson 1959 — C. A. Ferguson. Diglossia // Word, 1959. Vol. 15 (2). P. 325—340.

Field 2002 — F. W. Field. Linguistic borrowing in bilingual contexts (= Studies in Language Companion Series 62). Amsterdam, 2002.

Fishman 1967 — J. A. Fishman. Bilingualism with and without Diglossia; diglossia with and without bilingualism // Journal of Social Issues. Vol. 23 (2). 1967. P. 29—38.

Fishman 1991 — J. A. Fishman. Reversing language shift. Theoretical and empirical foundations of assistance to threatened languages (= Multilingual Matters, 76). Clevedon, 1991.

Flier 2008 — M. Flier. Suržyk or suržyks? // Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization (= Studia Slavica Oldenburgensia, 17) / G. Hentschel, S. Zaprudski (eds.). Oldenburg, 2008. P. 39—56.

Geeraerts 2010 — D. Geeraerts. Schmidt redux: How systematic is the linguistic system if variation is rampant // Language usage and language structure (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 213) / K. Boye & E. Engberd-Pedersen (eds.). Berlin, 2010. P. 237—262

Grenoble 2013 — L. A. Grenoble. Language revitalization // The Oxford handbook of sociolinguistics / R. Bailey, R. Cameron, C. Lucas (eds.). Oxford, 2013. P. 792—811.

Haugen 1962 — E. Haugen. Schizoglossia and the linguistic norm (= Monograph Series on Languages and Linguistics, 15). Georgetown, 1962. P. 63—73.

Hentschel 2001 — G. Hentschel. Das Schlesische: eine neue (oder auch nicht-neue) slavische Sprache? // Deutschlands Osten — Polens Westen. Vergleichende Studien zur geschichtlichen Landeskunde (= Mitteleuropa—Osteuropa. Oldenburger Beiträge zur Geschichte und Kultur Ostmitteleuropas, 2) / M. Weber (ed.). Frankfurt, 2001. S. 149—174.

Hentschel 2008a — G. Hentschel. Zur weißrussisch-russischen Hybridität in der weißrussischen ‘Trasjanka’ // Slavistische Linguistik 2006/2007. Referate des XXXII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Mannedorf bei Zurich, 18.—20. September 2006 und Referate des XXXIII. Konstanzer Slavistischen Arbeitstreffens Potsdam, 4.—6. September 2007 (= Slavistische Beiträge, 464) / P. Kosta, D. Weiss (eds.). München, 2008. S. 169—219.

Hentschel 2008b — G. Hentschel. On the development of inflectional paradigms in Belarusian trasjanka: the example of demonstrative pronouns // Belarusian Trasjanka and Ukrainian Suržyk. Structural and social aspects of their description and categorization (Studia Slavica Oldenburgensia, Vol. 17) / G. Hentschel, S. Zaprudski (eds.). Oldenburg, 2008. P. 99—133.

Hentschel 2013 — G. Hentschel. Zwischen Variabilität und Regularität, ‘Chaos’ und ‘Usus’: Zu Lautung und Lexik in der weisrussisch-russischen gemischten Rede // Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten. Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien (= Studia Slavica Oldenburgensia, 21) / G. Hentschel (ed.). Oldenburg, 2013. S. 63—99.

Hentschel 2014a — G. Hentschel. Belarusian and Russian in the mixed speech of Belarus // Congruence in contact-induced language change. Language families, typological resemblance, and perceived similarity (= *Linguae & litterae*, 27) / J. Besters-Dilger, C. Dermarkar, S. Pfander, A. Rabus (eds.). Berlin, 2014. P. 93—121.

Hentschel 2014b — G. Hentschel. ‘Trasjanka’ und ‘Suržyk’ — zum Mischen von Sprachen in Weißrussland und der Ukraine: Einführung in die Thematik und Ausblick auf den Band // *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). Frankfurt, 2014. S. 1—26.

Hentschel 2014c — G. Hentschel. On the systemicity of Belarusian-Russian Mixed speech: the redistribution of Belarusian and Russian variants of functional words // *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). Frankfurt, 2014. P. 195—220.

Hentschel et al. 2014 — G. Hentschel, J. P. Zeller, S. Tesch. Das Oldenburger Korpus zur weißrussisch-russischen gemischten Rede: OK-WRGR. Oldenburg. Available at: <http://diglib.bis.uni-oldenburg.de/bis-verlag/ok-wrgr/>.

Hentschel, Tesch 2006 — G. Hentschel, S. Tesch. “Trasjanka”: eine Fallstudie zur Sprachmischung in Weißrussland // *Marginal linguistic identities. Studies in Slavic contact and borderland varieties* (= *Eurologuistische Arbeiten*, 3) / D. Stern, C. Voss (eds.). Wiesbaden, 2006. S. 213—243.

Hentschel, Zeller 2012 — G. Hentschel, J. P. Zeller. Gemischte Rede, gemischter Diskurs, Sprechertypen: Weißrussisch, Russisch und gemischte Rede in der Kommunikation weißrussischer Familien // *Wiener Slawistischer Almanach*. Bd. 70. 2012. S. 187—215.

Hentschel, Zeller 2014 — G. Hentschel, J. P. Zeller. Belarusians’ pronunciation: Belarusian or Russian? Evidence from Belarusian-Russian mixed speech // *Russian Linguistics*. Vol. 38 (2). 2014. P. 229—255.

Jaspers 2017 — J. Jaspers. Diglossia and beyond // *The Oxford handbook of language and society* / O. Garcia, N. Flores, M. Spotti (eds.). Oxford, 2017. P. 179—198.

Kaisig 1933 — C. Kaisig. Zur Frage der oberschlesischen Mundart. // *Muttersprache* 48/6 (Beilage). 1933. S. 220—223.

Kittel et al. 2010 — B. Kittel, D. Lindner, S. Tesch, G. Hentschel. Mixed language usage in Belarus. The sociostructural background of language choice // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 206. 2010. P. 47—71.

Klimaŭ 2014 — I. Klimaŭ. Trasjanka und Halbdialekt: Zur Abgrenzung von Phänomenen der *parole* und der *langue* // *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine?* / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). Frankfurt, 2014. S. 173—192.

Kloss 1977 — H. Kloss. Über einige Terminologie-Probleme der interlingualen Soziolinguistik // *Deutsche Sprache. Zeitschrift für Theorie, Praxis, Dokumentation*. Vol. 5. 1977. S. 224—237.

Liskovets 2009 — I. Liskovets. Trasjanka: A code of rural migrants in Minsk // *International Journal of Bilingualism*. Vol. 13 (3). 2009. P. 396—412.

Ljankevič 2014 — A. Ljankevič. Die Einstellung zu den gemischten sprachlichen Kodes in Weißrussland (am Material eines matched guise-Tests) // *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher*

Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). Frankfurt, 2014. S. 233—252.

Lüdtke, Mattheier 2005 — J. L ü d t k e, K. J. M a t t h e i e r. Variation — Varietäten — Standardsprachen. Wege für die Forschung // Varietäten — Theorie und Empirie (VarioLingua. Nonstandard—Standard—Substandard 23) / N. Lenz, K. J. Mattheier (eds.). Frankfurt, 2005. S. 13—38.

Matras 2009 — Y. M a t r a s. Language contact. Cambridge, 2009.

Matras, Bakker 2003 — Y. M a t r a s, P. B a k k e r. The study of mixed languages // The mixed language debate. Theoretical and empirical advances (= Trends in Linguistics. Studies and Monographs, 145) / Y. Matras, P. Bakker (eds.). Berlin, 2003. P. 1—20.

Mečkovskaja 2014 — N. B. M e č k o v s k a j a. Die weißrussische Trasjanka und der ukrainische Suržyk: Quasi-ethnische, russifizierte Substandards in der Geschichte der sprachlichen Situation // Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). Frankfurt, 2014. S. 53—89.

Menzel, Hentschel 2015 — T. M e n z e l, G. H e n t s c h e l. Zum Einfluss des Russischen auf die Flexionsmorphologie der weißrussisch-russischen und ukrainisch-russischen gemischten Rede // Wiener Slawistischer Almanach. Bd. 75. 2015. S. 123—158.

Meyerhoff 2002 — M. M e y e r h o f f. Communities of practice // The handbook of language variation and change / J. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (eds.). Malden, 2002. P. 526—548.

Muysken 2000 — P. M u y s k e n. Bilingual speech. A typology of code-mixing. Cambridge, 2000.

Myers-Scotton 2002 — C. M y e r s - S c o t t o n. Contact linguistics. Bilingual encounters and grammatical outcomes. Oxford, 2002.

Paul 1995 — H. P a u l. Prinzipien der Sprachgeschichte. Tübingen, 1995 (10th unchanged edition, arranged by P. Eisenberg and H. Kiesel, of the first one in 1880).

Petz 2015 — I. P e t z. Eigene Sprache plötzlich bevorzugt // Frankfurter Allgemeine Zeitung. 17. Juni 2015. № 137. 11.

Preston 1989 — D. R. P r e s t o n. Perceptual dialectology. Nonlinguists' view of areal linguistics (= Topics in Sociolinguistics, 7). Dordrecht, 1989.

Ramza 2008 — T. R a m z a. Die Evolution der Trasjanka in literarischen Texten // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 53 (3). 2008. S. 305—325.

Romaine 1994 — S. R o m a i n e. Language in society. An introduction to sociolinguistics. New York, 1994.

Schilling-Estes 2002 — N. S c h i l l i n g - E s t e s. Investigating stylistic variation // The handbook of language variation and change / J. K. Chambers, P. Trudgill, N. Schilling-Estes (eds.). Malden, 2002. P. 375—401.

Selinker 1972 — L. S e l i n k e r. Interlanguage // International Review of Applied Linguistics in Language Teaching. Vol. 10 (3). 1972. P. 209—231.

Stang 1935 — C. S. S t a n g. Die westrussische Kanzleisprache des Grossfürstentums Litauen. Oslo, 1935.

Stern 2013 — D. S t e r n. Die Trasjanka und die Regiolektalisierung des Russischen in Weißrussland // Zeitschrift für Slawistik. Bd. 58 (2). 2013. S. 169—192.

Stoll 2005 — K.-H. S t o l l. Translation als Kreolisierung // Lebende Sprachen. Vol. 50 (4). 2005. P. 146—155.

Šumarova 2014 — N. Š u m a r o v a. Der Suržyk im System nah verwandter Zweisprachigkeit: soziolinguistischer und linguistischer Aspekt // Trasjanka und Suržyk —

gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.). Frankfurt, 2014. S. 307—326.

Tambor 2008 — J. T a m b o r. Mowa gornoślazakow oraz ich świadomość językowa i etniczna. Katowice, 2008.

Taranenko 2007 — O. T a r a n e n k o. Ukrainian and Russian in contact: attraction and estrangement // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 183. 2007. P. 119—140.

Taranenko 2013 — O. T a r a n e n k o. Варіантність vs. стабільність у структурі українсько-російського «суржику» (УРС): сукупність ідіолектів vs. соціолект // *Variation und Stabilität in Kontaktvarietäten: Beobachtungen zu gemischten Formen der Rede in Weißrussland, der Ukraine und Schlesien (= Studia Slavica Oldenburgensia, 21) / G. Hentschel (ed.)*. Oldenburg, 2013. C. 27—62.

Taranenko 2014 — O. T a r a n e n k o. Ukrainisch-russischer Suržyk: Status, Bewertungen, Tendenzen, Prognosen // *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (Eds.)*. Frankfurt, 2014. 265—288.

Tesch 2013 — S. T e s c h. Morphosyntaktische Phänomene in der weißrussisch-russischen gemischten Rede: präpositionale Konstruktionen // S. Kempgen, M. Wingender, N. Franz, M. Jakiša (eds.). Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress, Minsk 2013 (= *Die Welt der Slaven. Sammelbande, 50*). München, 2013. S. 283—292.

Tesch 2014 — S. T e s c h. Syntagmatische Aspekte der weißrussisch-russischen gemischten Rede. Kodemischen und Morphosyntax (= *Studia Slavica Oldenburgensia, 25*). Oldenburg, 2014.

Thomason 2001 — S. G. T h o m a s o n. *Language contact. An introduction*. Washington, 2001.

Trudgill 1986 — P. T r u d g i l l. *Dialects in contact*. Oxford, 1986.

Woolhiser 2012 — C. W o o l h i s e r. 'Belarusian Russian': Sociolinguistic status and discursive representations // *Non-dominant varieties of pluricentric languages. Getting the picture (= Österreichisches Deutsch. Sprache der Gegenwart, 14) / R. Muhr (ed.)*. Frankfurt, 2012. P. 227—262.

Woolhiser 2013 — C. W o o l h i s e r. New speakers of Belarusian: Metalinguistic discourse, social identity, and language use // *American contributions to the 15th International congress of Slavists / D. M. Bethea, C. Y. Bethin (eds.)*. Minsk, August 2013. P. 63—115.

Woolhiser 2014 — C. W o o l h i s e r. Social and structural factors in the emergence of mixed Belarusian-Russian varieties in rural Western Belarus // *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.)*. Frankfurt, 2014. P. 143—152.

Zaprudski 2007 — S. Z a p r u d s k i. In the grip of replacive bilingualism: the Belarusian language in contact with Russian // *International Journal of the Sociology of Language*. Vol. 183. 2007. P. 97—118.

Zaprudski 2014 — S. Z a p r u d s k i. Zur öffentlichen Diskussion der weißrussischen Sprachkultur, zum Aufkommen des Terminus 'Trasjanka' und zur modernen Trasjankaforschung // *Trasjanka und Suržyk — gemischte weißrussisch-russische und ukrainisch-russische Rede. Sprachlicher Inzest in Weißrussland und der Ukraine? / G. Hentschel, O. Taranenko, S. Zaprudski (eds.)*. Frankfurt, 2014. S. 119—142.

Zeller 2013 — J. P. Z e l l e r. Lautliche Variation in weißrussisch-russisch gemischter Rede // Deutsche Beiträge zum 15. Internationalen Slavistenkongress, Minsk, 2013 / S.Kempgen, M. Wingender, N. Franz, M. Jakiša (eds.). (= Die Welt der Slaven. Sammelbände, 50). München, 2013. S. 335—346.

Zeller 2015 — J. P. Z e l l e r. Phonische Variation in der weißrussischen ‘Trasjanka’. Sprachwandel und Sprachwechsel im weißrussisch-russischen Sprachkontakt (= Studia Slavica Oldenburgensia, 27). Oldenburg, 2015.

Резюме

Эта статья является итогом исследовательского проекта по белорусско-русской смешанной речи (БРСР), которую обычно уничижительно называют «трасянкой». БРСР практикуют как субвариант миллионы людей в Беларуси, как правило, в дополнение к русскому. Результаты проекта будут представлены в формате вопросов и ответов. Речь идет об 11 вопросах, которые широко обсуждались в течение последних двух десятилетий: 1. Когда возникла БРСР/трасянка? 2. Как появилась БРСР/трасянка и как происходит процесс ее усвоения? 3. Является ли БРСР/трасянка формой речи необразованных? 4. Есть ли у БРСР/трасянки что-либо общее с пиджинами, креольскими языками или другими «смешанными языками»? 5. Является ли БРСР/трасянка примером переключения кодов (code switching), смешения кодов (code mixing) или смешанного кода (fused lect)? 6. Есть ли у БРСР/трасянки узус или узуальная норма? 7. Можно ли отличить БРСР/трасянку на белорусской основе от БРСР/трасянки на русской основе? 8. Является ли БРСР/трасянка белорусским или русским «диалектом»? 9. Можно ли описывать БРСР/трасянку через классические концепты «диглоссия» и «билингвизм»? 10. Является ли БРСР/трасянка временным явлением в языковом сдвиге от белорусского языка к русскому? 11. Какую роль может играть трасянка/БРСР в поддержке или возрождении белорусского языка?

Ключевые слова: языковой контакт, смешение кодов, билингвизм, диглоссия, ревитализация

Статья получена 22.02.2017

GERD HENTSCHEL

ELEVEN QUESTIONS AND ANSWERS ABOUT BELARUSIAN TRASYANKA

This paper is a conclusion to a research project on Belarusian-Russian Mixed Speech (BRMS), which is commonly referred to disrespectfully as “Trasyanka”. BRMS is practised as a subvariety by millions of people in Belarus, usually in addition to Russian. The findings of the project will be presented in a question and answer format. At issue are 11 questions, which have been widely discussed during the last two decades: 1. When did BRMS/Trasyanka come into existence? 2. How did BRMS/Trasyanka arise and how is it acquired? 3. Is BRMS/Trasyanka a form of speech of the uneducated? 4. Does BRMS/Trasyanka have anything in common with pidgin or creole languages or other “mixed languages”? 5. Is BRMS/Trasyanka an instance of code switching, of code mixing or a mixed (“fused”) lect? 6. Does BRMS/Trasyanka have a usus or usage norm? 7. Is it possible to distinguish a Belarusian-based BRMS/Trasyanka from a Russian-based

one? 8. Is Trasyanka a “dialect” of Belarusian or Russian? 9. Can we apprehend BRMS/Trasyanka with old concepts like “diglossia” and “bilingualism”? 10. Is BRMS/Trasyanka a transient epiphenomenon in the language shift from Belarusian to Russian? 11. What role does BRMS/Trasyanka play for the maintenance or revitalisation of Belarusian?

Key words: language contact, code mixing, bilingualism, diglossia, revitalization

Received on 22.02.2017

А. В. ПОПОВА

КОНСТРУКЦИЯ ТИПА *ВОДА ПИТИ* ПО ДАННЫМ МОСКОВСКИХ ПАМЯТНИКОВ XVI — НАЧ. XVIII вв.

В статье рассматривается проблема диалектного распространения конструкции типа *вода питу* (далее просто конструкция *вода питу*¹), а именно употребления ее в московском регионе в XVI — начале XVIII вв., и некоторые особенности ее использования.

Рассматриваемая конструкция давно привлекала к себе внимание исследователей (см., например, [Потебня 1888: 415—418; Соболевский 2005: 197—198; Борковский 1949: 338—346; Тимберлейк 1974], недавнюю работу [Ронько 2016], а также диалектологические работы [Кузьмина, Немченко 1964: 160—162; Кузьмина 1993]).

Обратимся сначала к проблеме диалектного распространения конструкции *вода питу*, а именно к вопросу о представленности ее в исследуемый период в говоре Москвы, а затем перейдем к специфике ее семантики по данным исследованных памятников московского происхождения.

Рассматриваемую конструкцию связывают с северо-западной диалектной зоной. По мнению В. И. Борковского [1949: 345—346], конструкция *вода питу* является прежде всего «новгородской особенностью и распространялась она по путям новгородской колонизации»; этим объясняется ее появление в памятниках других территорий, в том числе и в деловом языке Москвы. Предположение о том, что конструкция *вода питу* могла быть древней синтаксической особенностью кривичского ареала, высказывал и А. А. Зализняк, однако гипотеза В. И. Борковского о распространении конструкции на другие зоны в результате новгородского влияния оценивалась им как маловероятная [Зализняк 2004: 157].

При этом исследователи со времен А. И. Соболевского отмечали наличие ее не только в новгородских и псковских памятниках, но также в смоленских, полоцких и московских [Соболевский 2005: 197—198; Борков-

¹ Один из первых ранних примеров данного оборота — *въ волости твоеи толико вода питу в городицких* (грамота Ст.Р. № 10, XII в.; «берестяные грамоты содержат ценный материал по ... конструкции типа *вода питу*» [Зализняк 2004: 156]). Это название используется и в нашей работе.

ский 1949: 338—346]. В работах А. И. Соболевского и В. И. Борковского приводятся примеры конструкции *вода нити* из московских грамот XIV—XV вв. [Соболевский 2005: 197—198; Борковский 1949: 338—346]. А. И. Соболевский [2005: 198] приводит также примеры из Уложения Алексея Михайловича 1649 г. и обращает внимание на сохранение в Москве до нового времени некоторых фразеологизмов, восходящих, по его мнению, к данной конструкции: («современные московск. *туда рука подать, шутка сказать*»).

Представлена ли конструкция *вода нити* в северо-восточных говорах центра в старорусскую эпоху, насколько она закреплена в приказном языке Москвы, остается вопросом. Вряд ли возможно предполагать здесь новгородское влияние. Можно предположить, что конструкция *вода нити* употреблялась в живом разговорном языке Москвы и именно поэтому закрепились в нормах приказного языка.

Обратимся к данным исследованных памятников, связанных своим происхождением с Москвой.

1. Данные исследованных памятников

Была исследована Никоновская летопись в части за XVI век (далее НЛ), Коншинский список «Домостроя» (рубеж XVI — XVII веков) и сочинения И. Т. Посошкова — «Донесение И. Т. Посошкова боярину Ф. А. Головину о ратном поведении» (1701), «Книга о скудости и богатстве» (1721—1724). Рассмотрим данные каждого памятника отдельно.

Никоновская летопись

НЛ составлена в XVI веке в Москве при кафедре митрополита Даниила (до 1520 г.). В качестве ее источников использованы также другие московские летописцы: Воскресенская летопись (за 1521—1541 гг.) и Летописец начала царствования Ивана Васильевича (за 1542—1556 гг.), воспроизведенные в НЛ достаточно точно [Клосс 1980: 88—96; 191—192].

В записях НЛ за XVI в. встретилось 30 примеров конструкции *вода нити*, большинство из которых явно связаны с устойчивыми формулами делового языка. Например:

- (1) ... а на которой записи царю *правда дати* и на которой княземъ *правда дати* и всей земли людемъ [ПСРЛ XIII: 54];
- (2) ... и на той записи шерътной царю въ Казани передь великого князя сыномъ боярьскимъ *правда учинити* и къ записи царю *печатъ своя приложити* [Там же: 54];
- (3) ... и всей земли Казанскимъ людемъ *правда учинити* передь тѣмъ же сыномъ боярьскимъ [Там же: 54];
- (4) ... з грамотами съ перемирными, на которыхъ королю и королевичю крестъ цѣловати и *печатъ своя* имъ къ тѣмъ грамотамъ *приложити* [Там же: 142] и др.

Однако встречаются в НЛ и контексты, не связанные с формулами деловых грамот. Ср.:

- (5) ... царь же благочестивый повелѣ во всѣхъ полцѣхъ уготовитися х приступу къ недѣлѣ, и очистятця вси и у отцовъ духовныхъ исповѣдаютца, достойны же благодати сподобятся, приближи бо ся день, въонже *пити общая чаша* всѣмъ [Там же: 214].

Примеры конструкции *вода пити* встречаются и в послании митрополита Макария² к Ивану Грозному, включённом в летопись:

- (6) ... заповѣди же Его не суть тяжкы, токмо еже *имѣти истиннаа, праваа и непорочнаа вѣра* ко всемогущему Богу и милость и миръ и любовь *нелицемѣрнаа* ко всѣмъ и судъ праведный и бѣднымъ заступленіе и скорое управленіе и плѣннымъ освобожденіе и *чистота душевная*, вкупѣ же и *духовная хранити и блюсти* со всякымъ опасеніемъ, всегда воспоминаючи смертный часъ и страшный судъ во Христово пришествіе [Там же: 181].

Как можно заметить, конструкция *вода пити* допускается и во вполне книжных контекстах. Обращает на себя внимание и то, что в собственных посланиях митрополита Макария (вне состава летописи) данная конструкция тоже вполне употребительна. Ср.: ... токмо еже *имѣти истинная правда и непорочная и теплая вѣра* ко всемогущему Богу, и милость, и миръ, и любовь *нелицемѣрная* ко всѣмъ ... и *чистота душевная вкупѣ же и тѣлесная хранити и блюсти* [Акты исторические I: 288] и др.³.

Оказывается, что благодаря включению деловых документов в текст летописи, большинство примеров (23 из 30) на конструкцию *вода пити* совпадают с типичными примерами, которые встречаются в деловых грамотах. Однако другие примеры из НЛ — из книжных контекстов, а также примеры из оригинальных посланий митрополита Макария — показывают, что эта конструкция имела более широкую сферу употребления.

Примеров независимого инфинитива с модальным значением (далее — модальный инфинитив) в тексте НЛ встретилось мало; преимущественно

²Значимо то, что митрополит Макарий был рожден в Москве. В юности он ушел в Пафнутиев-Боровский монастырь (в Калужской области), в котором провел почти 30 лет [Веретенников 2002: 17—19; СККДР 1989: 78], и уже в зрелом возрасте получил сан архиепископа в Новгороде, а затем — сан митрополита в Москве.

³В посланиях и грамотах митрополита Макария, приведенных в [Веретенников 2002], неоднократно встречается конструкция *вода пити* (6 примеров, из них 1 при отрицании): *обедня служити* [333], *не давати воля* [365], *Божественная Служба свершити* [433], *дати им своя тарханная грамота* [437], *дати ему жалованная лютная грамота; наша грамота явити* [443]. О сходных примерах в сочинениях Посошкова см. ниже.

это зависимый инфинитив, при котором объект стоит в В. или Р. п. Возможно, именно этим обусловлено небольшое количество примеров конструкции *вода пити* в памятнике. Ср.:

- (1) ... *послали* царя Утемешъ — Гирѣя ...*стрѣтити* воеводу [ПСРЛ XIII: 169], ... бояре *велѣли* имъ *чести шертную грамоту* [Там же: 169], ... *велѣль правду учинити* царю [Там же: 172], ... *повелѣваю... милостыню* убогимъ *творити* [Там же: 185] и др. (зависимый инфинитив + объект в В. п.)

vs.

- (2) ... а полону Русского ни въ которой имъ невольѣ не держати, всѣмъ *дати воля...* [Там же: 167]; ничтоже сего болши еже *душа полагати* за други своа [Там же: 203] (модальный инфинитив).

Единственный пример, в котором эта закономерность нарушается (если считать, что инфинитивы *поуправити* и *пожаловати* зависят от личного глагола *хочеть*):

- (1) а во Псковь послалъ Третьяка Далматова и велѣль Псковичемъ сказати, что государь *хочеть* въ вотчинѣ своей быти самъ, живоначалней Троици челомъ ударити, а *вотчина своя поуправити и пожаловати*, да и колоколь бы вѣчной свѣсили [ПСРЛ XIII: 12].

Чтобы решить, использовалась ли в живом языке Москвы конструкция *вода пити*, необходимо привлечь более широкий круг памятников, не столь активно включающих в свой состав деловые документы.

«Домострой»

Другой важный для исследования памятник — «Домострой» по Коншинскому списку.

В ряде исследований высказывается гипотеза, что памятник был создан в Великом Новгороде [Некрасов 1872; Колесов 2007: 306, 309, 312], однако они по большей части обращаются к истории памятника. На основании лингвистических данных рукопись относят к другому региону. М. Н. Соколова, указывая на фонетические черты памятника — сильное отражение аканья в бытовой части памятника и на другие особенности текста, приходит к выводу, что Коншинский список «Домостроя» не мог быть написан в Новгороде: «затруднительно говорить о северном (новгородском) его происхождении как бесспорном. Пестрота диалектных данных (скорее лексических, но также отражение некоторых фонетических особенностей и отсутствии каких-либо новгородских диалектных черт. — А. П.) скорее может свидетельствовать о среднерусской, скорее всего, московской основе его» [Соколова 1957: 172]. А. А. Зализняк, исследовавший ударения в Коншинском списке «Домостроя», считает, что памятник написан недалеко от

Москвы: «наиболее вероятная локализация говора — к юго-западу или югу от Москвы, сравнительно недалеко от нее» [Зализняк 2010: 227].

Стилистически «Домострой» неоднороден: в первой части содержатся поучения «церковные», затем следуют поучения «хозяйственные». Примеры⁴ ниже отражают такое тематическое разделение текста.

(а) Из первой («церковной») части памятника:

- (1) ... а *дора и просфира* и всякая святая *вкушати* бережно, крохи на землю не уронити [Домострой 2007: 89];
- (2) ... кто умѣетъ грамоте, *отпѣти вечерня, навечерница, полунощница* съ молчаниемъ [Там же: 93] — Ср.: а дома всегда *навечерница и полунощница* и часы *пѣти* [Там же: 94];
- (3) ... особъ наедине молитися, и *чистота телесная хранити* отъ всякаго блуда, и пьянства, и лакомства [Там же: 100];
- (4) ... и молебны пѣти, и *вода святити* съ честныхъ крестовъ и со святыхъ мощей и с чудотворныхъ образовъ, и масломъ свящатися... тѣмъ *цѣлба* всякимъ различнымъ недугомъ отъ Бога *получити* ... тѣмъ очиститися отъ грѣха, и *душевная и телесная болезнь исцелити*, и Бога милостива сотворити [Там же: 100] и др.

(б) Из «хозяйственной» части «Домостроя»:

- (5) ... и сама бы знала какъ *мука съяти*, какъ *квашия притворити и замѣсити* и хлѣбы вялити и печи квасны и бухоны [Там же: 104];
- (6) ... а медь сытити самому, а какъ кишеть, *хоромина та запечатати*, самому толко назирати, и кто бы тутъ не ходилъ [Там же: 104];
- (7) ... и той дѣла указати, *рубашка дѣлати* или убрूसъ брати ... а *тафта и камка* и золото и серебро *отвѣсити и отмѣрити* [Там же: 104];
- (8) ... а *соломка* подъ лошади *слати* ... и в хлевы *солома слати и подгребати* и поити *вода ставити* [Там же: 123] и др.

Всего в Коншинском списке около 70 примеров конструкции *вода пити* (26 примеров в «церковной» части и 45 в «хозяйственной»).

Рассматриваемая конструкция допускает вариативность и в «Домострое»: встречается как И., так и В. п. объекта при инфинитиве, но примеры с И. п. здесь значительно преобладают. Примеров с В. п. объекта при независимом инфинитиве мало — всего 4: *цѣлую еству перебрати* [Там же: 119], *купити и рыбу и осетрину и семжину и икру* [Там же: 113—114], *копусту варити и солити* [Там же: 117], *еству засекиши держать* [Там же: 127]⁵. Количественное соотношение этих конструкций таково:

⁴ Отдельные примеры данной конструкции из «Домостроя» приводил еще А. И. Соболевский [2005: 197—198].

⁵ Подобная вариативность известна и в более ранних памятниках, например, в Смоленской грамоте XIII в.: *правду дати* — *правда дати* [Хрест. 1999: 53; 54].

	«Вода пить»	В той же позиции — В. п.
«церковная» часть	26	—
«хозяйственная» часть	45	4

В единственном случае встретился И. п. объекта не при модальном инфинитиве: *соимья рубашка* [Там же: 112]. Примеров с И. п. объекта при зависимом инфинитиве в памятнике не встретилось.

Трудно найти другой памятник, использующий данную конструкцию более активно (и это при том, что Коншинский список написан, вероятнее всего, в Москве или недалеко от нее). Возможно, это связано со спецификой содержания «Домостроя», представляющего собой наставления по разнообразным вопросам жизни: в его тексте много форм независимого инфинитива с модальным значением 'следует поступать так' и, таким образом, возникают благоприятные условия для использования конструкции *вода пить*.

Сочинения И. Т. Посошкова

Наличие конструкции *вода пить* в языке Москвы подтверждают сочинения И. Т. Посошкова. Важен тот биографический факт, что Иван Тихонович Посошков родился недалеко от Москвы. Большую часть своей жизни (с 1652 по 1710 гг.) Посошков жил в селе Покровском (сейчас это село стало частью Москвы) и в Москве; только в пожилом возрасте (с 1710 — 1725 гг.) он переехал жить в Великий Новгород⁶.

Были исследованы следующие сочинения И. Т. Посошкова:

1. «Донесение И. Т. Посошкова боярину Ф. А. Головину о ратном поведении» (1701), примеры приводятся по изданию Академии наук [Посошков 1951]. В донесении встретилось 8 примеров конструкции *вода пить*.

2. «Книга о скудости и богатстве» (1721—1724) [Там же]. В этом сочинении И. Т. Посошков рассуждает о том, какие меры надо предпринять, чтобы государство процветало и людям в нем стало лучше жить. Это произведение содержит много примеров исследуемой конструкции (около 150—160). Приведем некоторые из них:

- (1) ... где ему *взять шуба* и иные потребности, и харчу на что ему купить? [Там же: 50] — о солдатах;
- (2) ... и в коей лавке сидит сотской, то над дверми лавочными *прибить дощочка окруженная, покрытая* белилами, дабы всем она знатна была, и на той дщице написать сице: сотской [Там же: 118—119];
- (3) ... после умерших лутши дробные (земли — А. П.) отставить и *делить земля пустая и жилия* целыми пустошами и деревнями по урочищам [Там же: 185];

⁶ «И. Т. Посошков происходил из семьи потомственных ювелиров-серебренников дворцового села Покровское (или Рубцово-Покровское), которое было расположено недалеко от Москвы, на правом берегу р. Яузы» [Платонов 1989: 9].

- (4) ... а и *продажная* вину *цена положить* бы не по порядной цене смотря, но по самому изволению царского величества [Там же: 226] и др.

В сочинениях И. Т. Посошкова встречаются примеры данной конструкции с инфинитивом, зависящим от личного глагола с модальным значением, ср.:

- (5) ... и буде обида будет явна, то *надлежит дать кара* афицеру, а солдата от хера свободить [Там же: 51];
(6) ... и егда презвитери во учении своем исправятся и всякаго благонаравия навькнут, и тогда и *одежда* им *прежня* своя *гнусяная* и *многوشيная* *господствует* *изменити* [Там же: 39—40];
(7) ... и таковым воинам *подобаает носить* *одежда красная*, понеже они огнистые люди, яко огонь малой многие дрevesа пожигает, тако и сии [Посошков 1951: 50];
(8) ... мне мнится, *надлежит* у него *взять скаска*, как он те деньги заплатит [Там же: 78].

Встречаются также примеры с зависимым инфинитивом при предикативном наречии *мочно*:

- (9) ... и уже чево не затеют (иностранцы — А. П.), и пиво, наваря да налив в бутылки, привозят, да продают бутылку по десяти алтын, а нам *мочно та бутылка наложить* на алтын или на две копейки [Там же: 125];
(10) ... мнитца, простого вина ведру *цена мочно положить* [Там же: 227].

Примеры с инфинитивом, зависящим от личного глагола с модальным значением или от предикатива *мочно*, составляют не меньше половины.

Появление данной конструкции при зависимом инфинитиве исследователи считают признаком начинающегося ее разложения, в ранних источниках таких примеров нет ([Борковский 1949: 341] (об отсутствии их в новгородских берестяных грамотах см. [Зализняк 2004: 156]). Однако в сочинениях И.Т. Посошкова *вода питу* употребляется очень широко и свободно, с разным лексическим наполнением — и при независимом, и при зависимом инфинитиве.

Ср. также примеры при отрицании:

- (11) ... понеже аще *пашня ему не пахать*, то голодну быть [Посошков 1951: 37];
(12) ... с тое земли, коя отъделена будет к крестьянским дворам, с тое земли будет платить крестьяня ... и того ради *та земля* за помещиками и *числить не надлежит* [Там же: 193].

При этом в сочинениях И. Т. Посошкова также встречаются варианты конструкции — с В. п.: *како бы истребити неправду и несправности* [Там же: 8], *от всякаго приплоду давать десятину* [Там же: 37], *подобаает священному чину чистоту во всем имети* [Там же: 40], *в одном свидетеле мочно было правду и неправду сыскать* [Там же: 68], *буде ево есть пра-*

вость, то и наипаче подать ему руку помощи [Там же: 68]. Но и здесь — как и в «Домострое» — они сильно уступают по количеству примерам типа *вода пѣти*.

Количественное соотношение тех и других примеров таково:

	«Вода пѣти»	В той же позиции — В. п.
«Донесение...»	8	6
«Книга о скудости и богатстве»	155	10

Сочинения И. Т. Посошкова имеют большое значение в вопросе об употреблении конструкции *вода пѣти* в Москве. Практически коренной житель ближайших московских окрестностей и Москвы, И. Т. Посошков в своих сочинениях — как ранних, так и поздних — очень широко употребляет конструкцию *вода пѣти*.

Отмеченная вариативность конструкций ставит вопрос о характере их распределения и специфике конструкции *вода пѣти*. К этому вопросу обратимся ниже.

2. Особенности употребления конструкции *вода пѣти* по данным исследованных источников

Некоторые семантико-синтаксические параметры употребления конструкции типа *вода пѣти* рассмотрены в статье [Ронько 2016] (ограничения на референциальный статус и одушевленность объекта). Наш материал существенно увеличивает долю примеров, квалифицируемых в этой работе как исключения.

Референтность/нереферентность

В первую очередь употребление конструкции *вода пѣти* связывается в работе [Ронько 2016] с референциальным статусом объекта (в значении термина, принятом в работе [Падучева 1985]), а именно с преимущественным употреблением в таких конструкциях И. п. объекта нереферентных имен [Ронько 2016: 163—165, 175]. По данным автора, употребления с конкретнореферентными существительными редки и они трактуются как исключения [Там же: 163—164].

Приведем примеры референтных имен в конструкции *вода пѣти*, встретившиеся в исследованных источниках:

- (1) ... а во Псковъ послалъ Третьяка Далматова и велѣлъ Псковичемъ сказати, что государь хочеть въ вотчинѣ своей быти самъ, живоначней Троици челомъ ударити, а *вотчина своя поуправити и пожаловати*, да и колоколь бы вѣчной свѣсили [ПСРЛ 13: 12];

- (2) ... и царь, вшедь къ великой государыни, удариль челомъ въ землю и рекъ: «...такоже хочю умрети, якоже и братъ мой ... и на вашей службѣ государевѣ *голова бы ми своя положить*» [Там же: 103];
- (3) ... з грамотами съ перемирными, на которыхъ королю и королевичю крестъ цѣловати и *печать своя* имъ къ тѣмъ грамотамъ *приложити* [Там же: 142];
- (4) ... и *та дань привести* къ царю и великому князю *вся* сполна; а не исправится бискупъ, ино на немъ *доправить* маистру *дань царева* сполна и прислати къ царю и великому князю [Там же: 240];
- (5) ... а тот священник, в твоей архиепископли области, служил Божественную Литоргию на Николин день, и таковая ему случися в Божественной Службе разболетися и обмертвити, а иному священнику в той святей церкви в ту пору быти не лучилося, которому бы *мощно* в его место *Божественная Служба свершити* [Веретенников 2002: 433];
- (6) ... и мне бы его пожаловать *дати* ему на ту церковь *своя жалованная лготная грамота* на 5 лет... а как отойдет лгота 5 лет, и тому попу *ся наша грамота явити* у нас на Москве [Там же: 443];
- (7) ... а всякому христианину всегда четки въ рукахъ держати, и *молитва Иисусова во устѣхъ* непрестанно *имѣти* [Домострой 2007: 20];
- (8-9) ... мне, государь, мнитца, что лутши б *та дира загородить* накрепко, а крепче того нелзя, что почта, буде мочно, то отставить ее вовсе. А не худо, чаю, чтоб и ездакам *заповедь положить* крепкая, чтоб грамоток в ыныя земли без приказного свидетелства отнюд не возили (дира — ‘почта’; рассуждение о контроле почтового сообщения с другими странами — А. П.) [Посошков 1951: 256];
- (10) ... а нынешная паства вельми неисправна и сего вельми опасно есть, чтобы бог не взыскал на главных пастырех ... и сие чинилось ни от чего иного, токмо от нерадения презвитерскаго ... яко духовным властем, тако и мирским надлежит великое попечение приложити, дабы *та неисправность исправить* [Там же: 38];
- (11) ... мне же ся мнит, *сия статья надлежит расположить* сиц: аще кто беглаго человека примет на житье к себе в проки во крестьянство или в дворовые люди ... единаче зажилые деньги брать на помещике том, в чьей деревне жил, потому, чья земля, того и беда [Там же: 101];
- (12) ... в собрании царского сокровища надлежит прямо и зъдраво собирати, чтоб никаковые обиды ни на кого не навести, *казна бы царская собирати*, а царства бы его не розоряти [Там же: 200];
- (13) ... я то могу разуметь, что и дву запалов не вытерпят, но все остальцы будут смякать, как бы *голова своя унести* [Там же: 49].

Даже если не все из приведенных примеров могут показаться достаточно надежными относительно конкретнореферентного статуса входящих в кон-

струкцию имен (иногда контекст допускает двоякое прочтение), то наличие примеров с именами собственными уже свидетельствует о возможности употребления в этой конструкции референтных имен существительных.

В НЛ встретились следующие примеры:

- (14) ... а *Москва* и чюдотворцевъ на кого *оставити*? [ПСРЛ 13: 104];
 (15) ... и князь Дмитрій по государеву наказу царю то отмовилъ, что Горніе стороны ему государю х Казани никакъ не отдавывать, ему ее Богъ даль: «а *отдать Горняя сторона*⁷, Связскому городу какъ быть?» [Там же: 173].

Оказывается, что, хотя большинство представленных в исследуемых памятниках примеров можно трактовать как нереферентные, однако встречаются примеры, для которых данный критерий не работает: некоторая часть явно не допускает нереферентной интерпретации.

Кроме того, можно наблюдать варьирование И. и В. п., которое трудно связать со значением референтности или нереферентности. Ср.:

- (1) *копусту варити и солити* [Домострой 2007: 117] — *капуста беречи* [Там же: 116];
 (2) *цѣлую еству перебрати* [Там же: 119] — *початая ества давати* [Там же: 119];
 (3) како бы *истребити неправду* и неисправности [Посошков 1951: 8] — как ему правда сыскать и как *неправда познать* [Там же: 37];
 (4) то всячески *надобно* сильному *не дать* ему теснить и *обиду чинить* [Там же: 64] — книги все пропадут, то тогда *мочно обида чинить* [Там же: 190];
 (5) ... и *велеть* ему *зделать* из подлиннаго дела *выметку* и, по выметке разобрав, *зделать выписка полная* [Там же: 59] — ... ради лутшаго разумения *зделать* из дела *выметка коротенькая* [Там же: 75]. Заметим, что в данном примере наблюдается И. п. при модальном инфинитиве и В. п. при зависимом.

Подобная вариативность, впрочем, зафиксирована и в древнерусской эпохе (см. сноску 5).

Возможно, между этими двумя конструкциями и существовали какие-то тонкие семантические различия, но на исследованном материале их с определенностью выявить не удастся.

Одушевленность/неодушевленность

В памятниках встречаются употребления этой конструкции с одушевленными существительными, ср.:

⁷ Горняя сторона — историческое название правобережья Волги в Казанском ханстве в русских источниках.

- (1) ... ино *достойтъ* мужу *жена своя наказывати* и ползовати страхомъ наедине, и наказавъ да пожаловати, и примолвити [Домострой 2007: 111]⁸;
- (2) ... и како *учити и любити* мужу *жена своя* и чада, а жене мужа своего слушати и спрашиватися по вся дни [Там же: 95];
- (3) ... *поучати* мужу *жена своя* какъ Богу угодити и мужу своему уноровити [Там же: 104];
- (4) ... какие нибудь приспѣхи или какое рукодѣлие здѣлаеть хорошо, и за то *служка примолвити и пожаловати* и есть подати [Там же: 107]⁹;
- (5) ... и заплетати косы и *укрутити княгиня молодая* и укрутя покрыти покрываломъ, а на покрывале нашити крестъ [Там же: 74] — «Домострой» по списку ОИДР¹⁰, «свадебный чин»;
- (6) ... в начале попроси прилежным молением у Господа Бога, да даст ти жену благу, понеже сие есть дело Божие, какова кому *невеста дати* [Посошков 2010: 234];
- (7) ... таковым кормом и себя одного не прокормить, а *жена* и дети чем ему *кормить*, толко что по миру ходить, за неволю научат воровать и в мастерстве своем *неправду делать* [Там же: 144] — всего 7 примеров одушевленных существительных в исследуемой конструкции.

При этом встретились одушевленные существительные, входящие в конструкцию *вода пити*, имеющие в своей семантике дополнительное значение собирательности: *животина (животина водити всякая* [Домострой 2007: 113], *животина кормить* [Там же: 117]), *братия (братия пасти* [Посошков 1951: 29]), *паства (паства своя истерять* [Там же: 35]).

Данные конструкции, рассмотренные на письменных источниках, активны в современных русских говорах (см. [Кузьмина, Немченко 1964: 160—162; Маркова 1985: 74—87; Кузьмина 1993: 7—28]). Диалектный материал мог бы, как кажется, явиться дополнительным источником для изучения одушевленности/неодушевленности и референтности/нереферентности объекта в конструкции *вода пити*.

⁸ Отметим, что в «Домострое» представлена грамматическая категория одушевленности у сущ. ж. р.: *поучити мужемъ женъ своихъ* [Домострой 2007: 125], *государыня женокъ и дѣвакъ сзираетъ* [Там же: 104], *малыхъ дѣвокъ учити* [Там же: 105] и др. Встретился единственный пример старой формы (В. мн ≠ Р. мн.): *жены наказывали* [Там же: 100].

⁹ У слов *слуга, служка* тоже в большинстве случаев оформлена категория одушевленности: *кто слугъ держитъ* [Домострой 2007: 104], *слугъ учить* [Там же: 104], *слугъ научити* [Там же: 105], *слугъ будила* [Там же: 104], *слугъ наказывати* [Там же: 108], *служокъ учать* [Там же: 108], *служокъ кормити* [Там же: 121] и др., но: *слуги воротить* [Там же: 109].

¹⁰ Обратим внимание, что в этом списке все имена существительные, которые называют лиц женского пола, одушевленные (во мн. ч. только В. п. = Р. п.): *учили женъ своихъ* [Домострой 2007: 34], *поучати женъ своихъ* [Там же: 40], *малыхъ девокъ учити* [Там же: 40], *женокъ и девокъ збираетъ* [Там же: 60] и др.

Заключение

Конструкция *вода питу* встречается в различных московских памятниках периода XVI — нач. XVIII в., в текстах разных жанров — особенно часто в деловом и бытовом регистрах, которые близки к разговорной речи (примеры употребления конструкции в книжных контекстах немногочисленны), и можно прийти к выводу, что в московском регионе эта конструкция была живой.

В текстах источников отмечены определенные различия. В памятниках XVI в. (НЛ и «Домострое») встретились примеры, в которых объект в конструкции *вода питу* зависит от модального инфинитива, тогда как в сочинении И. Т. Посошкова (нач. XVIII в.) объект может зависеть как от модального инфинитива, так и инфинитива, зависящего от личной формы глагола. «Домострой» и сочинения И. Т. Посошкова содержат также примеры, в которых употребление И. и В. п. в одних и тех же позициях варьируется, при этом на исследуемом материале трудно выявить различие этих падежей в значении объекта.

В исследованных памятниках эта конструкция встречается с достаточно широким кругом имен, и референтных, и нереферентных, даже с именами собственными, как с неодушевленными, так и с одушевленными объектами.

Литература и источники

Акты исторические I — Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. Т. I., СПб., 1841.

Борковский, Кузнецов 2006 — В. И. Борковский, П. С. Кузнецов. Историческая грамматика русского языка. М., 2006.

Борковский 1949 — В. И. Борковский. Синтаксис древнерусских грамот (Простое предложение). Львов, 1949.

Веретенников 2002 — архим. Макарий (Веретенников). Жизнь и труды святителя Макария, митрополита Московского и Всея Руси. М., 2002.

Домострой 2007 — Домострой. СПб.: Наука, 2007.

Зализняк 2004 — А. А. Зализняк. Древненовгородский диалект. М., 2004.

Зализняк 2010 — А. А. Зализняк. Труды по акцентологии. Т. 1. М., 2010.

Клосс 1980 — Б. М. Клосс. Никоновский свод и русские летописи XVI-XVII веков. М., 1980.

Колесов 2007 — В. В. Колесов. Домострой как памятник средневековой культуры // Домострой / Изд. подг. В. В. Колесов, В. В. Рождественская. СПб., 2007.

Кузьмина, Немченко 1964 — И. Б. Кузьмина, Е. В. Немченко. К вопросу о конструкциях с формой именительного падежа имени при переходных глаголах и при предикативных наречиях в русском языке // Вопросы диалектологии восточнославянских языков. М., 1964. С. 160—162.

Кузьмина 1993 — И. Б. Кузьмина. Синтаксис русских говоров в лингвогеографическом аспекте. М., 1993. С. 7—28.

- Маркова 1985 — Н. В. Маркова. Именительный падеж прямого объекта в онежских говорах // История русского языка: Лексика. Яз. худ. лит. М., 1985. С. 74—87.
- Некрасов 1873 — И. С. Некрасов. Опыт историко — литературного исследования о происхождении древнерусского «Домостроя». М., 1873.
- Падучева 1985 — Е. В. Падучева. Высказывание и его соотношенность с действительностью. М., 1985.
- Платонов 1989 — Д. И. Платонов. Иван Посошков. Из истории экономической мысли. М., 1989.
- Посошков 1951 — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951.
- Посошков 2010 — И. Т. Посошков. Книга о скудости и богатстве. Завещание отеческое. М., 2010.
- ПСРЛ XIII — Полное собрание русских летописей. СПб., 1904. Т. XIII.
- Потебня 1888 — А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. I—II. Харьков, 1888.
- Ронько 2016 — Р. В. Ронько. Дифференцированное маркирование прямого дополнения в инфинитивных клаузах в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. № 2. (31). М., 2016.
- СККДР — Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 2: Л—Я // АН СССР. ИРЛИ / Отв. ред. Д. С. Лихачев. Л., 1989. С. 76—88.
- Соболевский 2005 — А. И. Соболевский. Лекции по истории русского языка. 5-е изд. М., 2005.
- Соколова 1957 — М. А. Соколова. Очерки по языку деловых памятников XVI века. Л., 1957.
- Хрест. 1999 — С. П. Обнорский. Хрестоматия по истории русского языка. Изд. 3-е. М., 1999.
- Timberlake 1974 — A. Timberlake. The Nominative Object in Slavic, Baltic, and West Finnic. Munich, 1974.

Резюме

В статье рассматривается проблема диалектного распространения и семантики конструкции типа *вода нити* в старорусский период по данным памятников московского происхождения XVI — начала XVIII в. Исследованы памятники различного содержания: от гетерогенных Никоновской летописи за XVI в. и «Домостроя» до авторских сочинений коренного москвича И. Т. Посошкова. Конструкция типа *вода нити* оказывается вполне употребительной во всех этих текстах и преобладает в большинстве из них над конструкцией с винительным падежом при инфинитиве, что позволяет предполагать ее наличие в живом языке Москвы XVI — начала XVIII в. Рассматривается вопрос о семантических критериях выбора именительного или винительного падежа объекта при инфинитиве и релевантность таких предлагавшихся исследователями параметров, как референтность/нереферентность и одушевленность/неодушевленность имени объекта.

Ключевые слова: конструкция типа *вода нити*, московские памятники XVI—XVIII вв., семантика, референтность, одушевленность

Получено 13.11.2016

ANNA V. POPOVA

**THE CONSTRUCTION *VODA PITI*
ACCORDING TO THE 16th/18th CENTURY MOSCOW MONUMENTS**

The article deals with dialect distribution and semantics of the construction type *voda piti* in Late Middle Russian, according to the 16th / beginning of 18th century written sources of Moscow provenance. We studied various monuments, from the heterogeneous Nikon's Chronicle and "Domostroj" to the works of a native Muscovite, I. T. Pososhkov. The construction type *voda piti* is quite widely used in all these texts and prevails in most of them over the infinitive construction with the accusative, which suggests its presence in the living language of Moscow in the above mentioned period. Also discussed are semantic criteria for selecting the nominative or the accusative case for the object of the infinitive and the relevance of some of the parameters that have been proposed by researchers, such as referentiality/non-referentiality and animateness/inanimateness.

Keywords: structure of the construction *voda piti*, 16th/18th century Moscow monuments, semantics, reference, animacy

Received on 13.11.2016

ИНФОРМАЦИОННО-ХРОНИКАЛЬНЫЕ МАТЕРИАЛЫ

XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья» (13—16 сентября 2016 г.)

13—16 сентября 2016 г. в Арзамаском филиале Национального исследовательского Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского прошла XV Международная научная конференция «Ономастика Поволжья», в которой приняли участие докладчики из России, Беларуси, Туркменистана, Казахстана, Китая и Франции. К началу конференции был издан объемный сборник материалов [Климова, Супрун 2016].

Во время торжественного открытия конференции с приветственными речами выступили ректор ННГУ Е. В. Чупрунов, мэр Арзамаса Т. Ю. Парусова, директор Арзамасского филиала ННГУ С. Н. Пяткин, председатель постоянно действующего оргкомитета конференции «Ономастика Поволжья» В. И. Супрун, председатель оргкомитета XV конференции «Ономастика Поволжья» Л. А. Климова, а также участница конференции из Беларуси А. М. Мезенко. Были зачитаны приветствия от ономастологов: почетного профессора Пензенского государственного педагогического университета В. Д. Бондалетова и профессора Российского университета дружбы народов, председателя правления Гильдии лингвистов-экспертов по документационным и информационным спорам М. В. Горбаневского.

На пленарном заседании рассматривались общие вопросы антропонимии и топонимии. **Н. В. Васильева** (Москва) обратилась к проблеме ономастической нормы, особое внимание уделив ее прагматическому аспекту — стереотипам, связанным с восприятием имени

как релевантного для определенного гендера, этноса, какого-либо ономастического класса и т. д. В совместном докладе **В. И. Супруна** (Волгоград) и **А. В. Данилова** (Санкт-Петербург) были рассмотрены двусоставные имена в индоевропейской (греческой, германской, кельтской, славянской) антропонимии; одним из аспектов доклада стало образование гипокористических форм от славянских композитных имен, в частности зафиксированных в топонимии. **А. М. Мезенко** (Витебск, Беларусь) на белорусском материале XVIII—XXI вв. (с привлечением русского) проанализировала отражение в урбанонимии классической цветовой триады. Огромное количество названий с компонентом *красный* объясняется прежде всего тем, что в народной традиции этот цвет имеет позитивную семантику жизни; непопулярность «белых» и «черных» урбанонимов обусловлена восприятием белого цвета как связанного со смертью и потусторонним миром, а черного — со злом и также со смертью. **Л. А. Климова** (Арзамас) рассмотрела топонимическую систему нижегородского окско-волжско-сурского междуречья в свете языковых миграций: разные волны славянских миграций на эту территорию обусловили разнообразие лексических компонентов микротопонимов (например, *колодезь*, *криница*, *ключ* и т. д.), а также некоторые морфемно-словообразовательные элементы в топонимии. **Т. Б. Радбиль** (Нижний Новгород) обратился к прецедентным именам, выделив такие их свойства, как символичность,

семантическая диффузность, «дейктичность», идиоматичность и ценностная маркированность. В частности, докладчик предложил разделять «псевдопрецедентные» и «квазипрецедентные» имена: в первом случае имя не соотносится со своими культурными коннотациями (ср. апелляции к *Пушкину*, который якобы должен делать что-либо за кого-либо), во втором носителю имени приписываются заведомо ложные высказывания или действия. **Г. Ф. Ковалёв** (Воронеж) на материале Воронежской области рассмотрел появившиеся в советское время названия улиц, противоречащие природным реалиям (например, улица *Красная Площадь*). Особое внимание было уделено онимам типа *Абрикосовая* и *Виноградная*, которые появились благодаря популярной песне «На улице Каштановой», написанной к юбилею Крымской области и вдохновленной крымской же топонимией. **В. Л. Васильев** (Великий Новгород) выступил в пользу исторического подхода к составлению региональных топонимических словарей: без него велика вероятность лингвистически ложных или абстрактных трактовок топонимических фактов. **А. А. Кузнецов** (Нижний Новгород) посвятил свой доклад советскому субстрату в современной российской топонимии — появившимся и укоренившимся в XX в. принципам, которые противоречат традиционным топонимическим закономерностям (например, антропонимы в именительном падеже в качестве ойконимов или образование годонимов и агоронимов от родительного падежа антропонимов). **С. А. Мызников** (Санкт-Петербург) проанализировал прозвища, отраженные в Словаре русских народных говоров: в основе их мотивации может лежать внешний вид человека, одежда, особенности поведения, особенности речи, социальный статус, названия животных (в том числе птиц и рыб); в зонах этно-

языковых контактов в основе прозвищ могут лежать заимствования из других языков.

В секции «Теория и методология ономастических исследований» рассматривались как историко-этимологические проблемы, так и современные языковые процессы. **О. В. Врублевская** (Волгоград) обратилась к понятию языковой моды и охарактеризовала модные тенденции в антропонимии, урбанонимии и конструировании рекламных имен. **А. К. Шапошников** (Москва) оспорил точку зрения о тюркском и вообще алтайском происхождении известных по арабским книжным источникам ранне-средневековых топонимов *Булгар* и *Сувар*, существовавшим в Среднем Поволжье, и пришел к выводу об их балтославянском происхождении. **А. Г. Шайхулов** (Уфа) представил обзор основных аспектов изучения тюркского корня, в частности уделив внимание характеристике типов односложных корневых основ. **С. А. Журавлёв** (Йошкар-Ола) рассмотрел разные типы субстандартных антропонимов и топонимов, которые предложил называть «субантропонимами» и «субтопонимами». **Е. В. Валева** (Арзамас) с позиций культурологии осветила культурные ассоциации, связанные с топонимом *Гаммельн*.

Секция «Проблемы антропонимики» объединила доклады, посвященные личным именам, фамилиям и прозвищам в разного рода письменных документах, в диалектах и в узусе. **В. О. Максимов** (Москва) предложил рассматривать фамилию как свернутый текст, хранящий информацию, которая актуализируется в коммуникации, и выделил следующие компоненты: 1) этимологический, 2) социокультурный, 3) этнографический, 4) географический, 5) структурно-словообразовательный и фонетический, 6) статистический. **Л. П. Батырева** (Шуя) проанализировала особенности употребления антропонимов в частной пере-

писке жителей Ивановской области 1939—1945 гг. В докладе **Э. Н. Акимовой** и **Т. И. Мочаловой** (Саранск) шла речь о функционировании онимов в русских говорах Мордовии (на примере апеллятивной лексики и фразеологии). **М. В. Власкова** (Арзамас) проанализировала антропонимический аспект языковой личности информантки, выросшей в сельской местности. **А. В. Гузнова** (Княгинино Нижегородской обл.) рассказала о принципах создания готовящегося в настоящее время словаря прозвищ в арзамасских говорах. **В. В. Шаповал** (Москва) в своем докладе указал на ошибки и разночтения в публикациях череповецких прозвищ, собранных в конце XIX в. М. К. Герасимовым. **А. А. Кузнецов** (Нижний Новгород) прокомментировал фразу из Лаврентьевской летописи «Георгие мужество тезоимените» (о владимирском князе Георгии Всеволодовиче) как попытку пожелания-побуждения через деэтимологизацию имени. **И. М. Ганжина** (Тверь) на материале Дозорной книги города Твери 1616 г. рассмотрела специфику именованья дворян и детей боярских, церковнослужителей, посадских людей и ремесленников. **Л. В. Козлова** (Орёл) посвятила свое выступление разнovidностям именования ребенка-дошкольника в семейном узусе — от гипокористических форм личного имени до прозвищ.

На секции «Проблемы топонимики» рассматривались различные историко-этимологические аспекты топонимии. **Н. В. Беленов** (Самара) на основе историко-этимологических данных охарактеризовал индоевропейские гидронимы Среднего Поволжья как наиболее архаичные, при этом, по выводам докладчика, самый ранний гидронимический слой составляют названия с формантом *-ра*. **Т. Е. Баженова** (Самара) проанализировала самарские диалектные ойконимы со значением природных объектов. **М. С. Любов** (Арзамас) проанализиро-

вал гидронимы Нижегородского Побережья с точки зрения отражения в них физико-географических особенностей региона. **М. С. Суханов** и **А. Н. Гарашенкова** (Арзамас) рассмотрели этимологию названий поселений в Починковском районе Нижегородской области и их трансформацию в XVII—XIX вв. Предметом доклада **Е. Ф. Галушко** (Ульяновск) стала фонетическая, орфографическая и лексическая вариантность топонимов Ульяновской области. **Б. А. Борзых** и **М. Н. Сербул** (Шуя) предложили этимологизировать топоним (и гидроним) Шуя как продолжение протофинского образования со значением «пенная/грязная река». **О. С. Евсеева** (д. Заборье, Смоленская обл.) обратилась к топонимам смоленско-витебского пограничья, мотивированным личными именами и прозвищами. **Ю. В. Смирнова** (Москва) выявила топонимы финно-волжского (марийского и мордовского) происхождения в отказных книгах Ростовского и Арзамасского уездов XVII в. **А. С. Щербак** (Тамбов) рассмотрела мордовские элементы в тамбовской топонимии (по преимуществу в гидронимах).

Два доклада были посвящены использованию ономастики в образовательном поле (секция «Педагогические аспекты ономастики»). **И. В. Крюкова** (Волгоград) поделилась своим опытом включения ономастического материала в курс социолингвистики, предназначенный для магистрантов-филологов. **Л. В. Филиппова** (Арзамас) рассмотрела подачу ономастической информации в учебных пособиях для младших школьников и ее воспитательный потенциал.

На секции «Вопросы микротопонимики и урбанониимики» затрагивались проблемы функционирования микропонимов и урбанонимов в различные исторические периоды. **Р. В. Разумов** (Ярославль) выявил несколько этапов в

развитии российских урбанонимов — посвящений писателям, поэтам и литературным критикам: 1) в честь Пушкина, Гоголя и Лермонтова (до 1917 г.), 2) в честь лиц, которым, согласно постановлению 1918 г., полагалось ставить памятники (с 1917 по 1960-е годы), 3) в честь локальных и зарубежных авторов, а также советских литераторов (1960—1980-е годы), 4) в честь литераторов, не входивших в официальный советский пантеон (с 1980-х годов по настоящее время). **М. Л. Дорофеенко** (Витебск, Беларусь) проанализировала виконимное семантическое поле «локализация» и его семантические модели: «начало/конец», «верх/низ», «передний/задний», «близкий/дальний», «параллельный/перпендикулярный», «правый/левый». **Л. Ю. Кодынева** (Боровичи) обратилась к городским терминам, означающим нелинейное пространство (*конец, местечко, парк, ряд/рядок, сад, ям*) и их локальное распространение в урбонимии Новгородской области. **Т. П. Соколова** (Москва) рассмотрела продуктивные модели прецедентной номинации жилых комплексов (такие названия чаще всего представляют собой идеонимы или антропонимы) и показала, что наиболее опознаваемыми являются они, усвоенные в процессе школьного обучения. Предметом внимания **Е. В. Цветковой** (Кострома) стали костромские микротопонимы, образованные на основе глаголов и глагольных конструкций (типа *Гуляиха, Вздериножка* и т. п.). **Е. А. Забродкина** (Арзамас) на основе Микротопонимического словаря Нижегородской области (2006) выявила 475 микротопонимов, относящихся к семантическому полю «дом» и предложила их типологию. **О. В. Лихачева** (Арзамас) рассмотрела микротопонимическую систему с. Котиха Арзамасского района. Совместный доклад **А. М. Ибрагимовой, В. В. Боковой и Н. А. Кичиковой** (Элиста) был посвя-

щен особенностям микротопонимии Яшкульского района Республики Калмыкия.

На секции «Литературная и фольклорная ономастика» прозвучали доклады о функционировании собственных имен в литературных произведениях. **Г. Н. Тюрина** (Арзамас) представила анализ антропонимической системы в произведениях нижегородского писателя Н. И. Кочина. **Т. В. Демидович** (Волгоград) рассмотрела отантропонимические жаргонные образования на материале художественной литературы о Великой Отечественной войне (от названий боевых машин типа *илюша* ‘самолет Ил-2’ до именованя немцев *ганс, фриц*). В докладе **С. Н. Пяткина** (Арзамас) обсуждался образ персонажа романа Б. А. Садовского Афродита/Епафродита Егорова и причины выбора его имени. **Т. В. Чумакова** (Арзамас) проанализировала употребление в качестве апеллятива и микротопонима номинации *барский сад*, отражающей концепт «дворянская усадьба». **Г. Т. Безкоровайная** (Москва) сопоставила функционирование антропонимов в русской и английской литературе XIX в. и маркирование в именах социального статуса их носителей. **Е. С. Медведкова** (Тольятти) показала, что В. И. Костылев, выбирая именованя персонажей романов «Кузьма Минин» и «Питирим», использовал Писцовую и Переписную книги XVII в. по Нижнему Новгороду.

Секция «Ономастическая периферия и ономастическое пограничье» объединила доклады, посвященные прагматонимам, катойконимам, эргонимам, мифонимам, хронимам. **Т. П. Романова** (Самара) проанализировала торговые марки конфетно-шоколадной продукции, выделив, во-первых, рационалистические стратегии рекламирования (родовая стратегия, стратегии преимущества, указание на уникальность, позиционирование по отношению к из-

вестной торговой марке и к целевой аудитории), а во-вторых, проекционные (резонанс, аффективная стратегия и стратегия внутреннего драматизма). **Н. Е. Петрова** и **А. О. Семочкина** (Нижний Новгород) рассмотрели прецедентные имена сферы «литература и искусство» в названиях нижегородских кафе: такие имена могут задействовать семантику еды, роскоши, экзотики, неординарности либо вызывать определенные культурные ассоциации. Тема была продолжена в докладе **Е. В. Захаровой** (Ульяновск) и **Н. А. Митрофановой** (Уральск, Казахстан) о названиях пунктов общественного питания Ульяновска. **М. В. Ахметова** (Москва) выделила два «эффекта», обусловленные вариантноостью названий жителей населенных пунктов: 1) контекстуальная, семантическая или стилистическая дифференциация и 2) неразличение фонетически близких названий. В докладе **Л. А. Феоктистовой** и **С. О. Горяева** (Екатеринбург) сопоставлялись диалектные апеллятивы со значением ‘алкогольный напиток (плохого качества)’ и торговые названия алкогольной продукции, в которых задействуется имя *Иван*. **Е. Ю. Любова** (Арзамас) рассмотрела диалектные нижегородские названия мифологических персонажей, образованные на основе как антропонимов (*Иванушко лесной*, *Кузьмадемьян* и т. д.), так и апеллятивов и отапеллятивных образований (*Пятница*, *Красное колесо* и т. д.). **О. В. Никифорова** (Арзамас) на том же региональном материале обратилась к народным названиям праздников. **С. В. Рябушкина** (Ульяновск) проанализировала использование денумеральных онимов в официальной (идеонимы, эргонимы, годонимы, денумеральные личные имена и т. д.) и неофициальной номинации (прозвища лиц, топонимы).

На отдельной секции выступили начинающие исследователи. Арзамасский

филиал ННГУ представили студенты **К. О. Васяева** (доклад о прозвищах в с. Яново Сергачского района), **А. М. Есаева** (о прозвищах и гипокористических именах в пос. Берещино Первомайского района), **Ю. В. Корчагина** (о микротопонимах в с. Атемасове Ардатовского района), **Н. Н. Попкова** (о виконимах с. Бахтызина Вознесенского района), **О. Б. Сидорова** (об антропонимах в романе В. С. Пикуля «Нечистая сила») и **К. В. Костина** (о собственных именах в названиях произведений В. П. Крапивина). Школьники **Семен Туляков** и **Яна Серова** (Кулебаки) рассказали о кулебакской микротопонимии, **Данил Ефимович** (Арзамас) — о собственных именах в сказках П. П. Бажова, **Алина Устимова** (Арзамас) — о названиях арзамасских салонов красоты. Кроме того, состоялся ряд докладов иностранных студентов и магистрантов Ульяновского государственного педагогического университета им. И. Н. Ульянова: о символике собственного имени в разных национальных культурах (**М. К. Ж. Монтан**, Безансон, Франция), об адаптации в русских текстах иноязычных собственных имен — китайских (доклады **Лу Юаньюань** и **Гао Чжэньяна**, Чаньчунь, КНР) и туркменских (доклады **С. А. Аннасовой** и **Е. А. Пановой**, Туркменабат, Туркменистан), о культурных коннотациях китайских антропонимов (**Чжу Юминь**, Хайнань, КНР), о китайской гидронимии (**Чжу Минцзи**, Чаньчунь, КНР), об имянаречении у туркмен (**А. Я. Овезова**, Дашогуз, Туркменистан), о туркменских антропонимах (**М. М. Аллабердиева**, Туркменабат, Туркменистан) и урбанонимах (**Г. Б. Розымурадова**, Туркменабат, Туркменистан, **Г. Н. Якшимурадова**, Лебап, Туркменистан).

В. К. Харченко (Белгород) провела во время конференции мастер-класс «Ориентиры лингвистического поиска на современном этапе» для студентов,

магистрантов, аспирантов Арзамасского филиала ННГУ и всех желающих.

Конференцию завершил круглый стол «Арзамасский край в истории и культуре народов России»; на нем обсуждались различные аспекты истории и географии края, а также славяно-мордовских языковых связей. В круглом столе приняли участие **М. В. Аникина, В. И. Грубов, О. В. Ефимов, Б. К. Кондратьев, А. С. Кудряшова, Ю. А. Курдин, М. С. Любов, А. Р. Панов, Г. И. Родина, Е. П. Титков, Н. В. Хорева** (Арзамас), **В. Н. Беляева** (Нижний Новгород) и **С. А. Мызников** (Санкт-Петербург).

Очередную, XVI конференцию «Ономастика Поволжья» было решено провести 20–23 сентября 2017 г. в Ульяновске.

Л и т е р а т у р а

Климкова, Супрун 2016 — Ономастика Поволжья: Материалы XV Междунар. науч. конф. (Арзамас, 13—16 сент. 2016 г.) / Арзамас. филиал ННГУ; Под ред. Л. А. Климковой, В. И. Супруна. Арзамас; Саров: Интерконтакт, 2016. — 529 с.

М. В. Ахметова

Материал получен 10.11.2016

РЕЦЕНЗИИ

Логика Псевдо-Маймонида в славянском переводе XV века
(The Logika of the Judaizers: A Fifteenth-century Ruthenian.
Translation from Hebrew. Critical edition of the Slavic texts
presented alongside their Hebrew sources with Introduction,
English translation and commentary, by Moshe Taube.
Jerusalem: The Israel Academy of Sciences and Humanities, 2016. 724 с.)

В 1990-е годы, богатые новыми начинаниями, в СПб при Фонде культуры, который возглавлял в эпоху перестройки Д. С. Лихачев, существовала комиссия по сохранению памятников письменности. Ей за недолгую историю удалось сделать два хороших дела: осуществить фототипическое издание Острожской библии в сопровождении небольшого сборника научных статей, и летом 1990 г. при первом появлении Моше Таубе в Санкт-Петербурге обеспечить его микрофильмами главных рукописных источников для изучения одного из сложнейших памятников славянской письменности — Логики. С источникомведением славянского текста был неплохо знаком А. М. Пентковский, тогда сотрудник Института истории естествознания и техники АН СССР, он и указал на местонахождение рукописей и их взаимосвязь. В результате четверть века спустя¹ появилась книга, о которой далее пойдет речь.

Славянский перевод Логики появился в XV веке, о чем говорят особенности языка и наличие одной рукописи этого времени (пропала в годы войны,

но ее текст сохранился в издании 1909 года). Прочие использованные в издании рукописи, числом девять, не старше середины XVI века или относятся к XVII—XVIII векам. Все вместе они собраны первый раз, их взаимное сопоставление, а также сопоставление с оригинальными текстами, произведенное в работе Таубе, говорит о том, что создатель славянского перевода опирался на следующие источники:

1) Трактат Моисея Маймонида (1135—1205) «Гермины логики», написанный по-арабски, но использованный в двух еврейских переводах XIII века, есть критическое издание [Efros 1938]. Недавно было убедительно показано, что это сочинение, всегда приписывавшееся Маймониду, создано мусульманином [Davidson 2005], поэтому Таубе на протяжении всей книги называет автора (pseudo-?) Maimonides.

2) Трактат Абу Хамида аль-Газали (1058—1111) «Намерения философов». Состоит из двух разделов — Богословия и Логики. Написанное по-арабски, сочинение было использовано для славянского перевода в своей еврейской версии, сохранившейся в рукописях XV века. Критическое издание еврейской версии отсутствует, и М. Таубе использовал рукописные источники.

В славянских рукописях эти два источника соединяются в разном порядке и в разных пропорциях. Таубе прини-

¹ За эти годы М. Таубе опубликовал немало статей по вопросам славяно-еврейских литературных связей и принял участие в таких серьезных издательских трудах, как [Altbauer 1991] и [Lunt, Taube 1998]. Мои отзывы см.: [Алексеев 1998; 2003].

мает за базу две рукописи XVII века — Погодина № 1146 (РНБ) и РГБ, ф. 726, поступления 94/2-1976, в которых на первом месте находится Логика Маймонида, на втором Богословие аль-Газали, т. е. только часть «Намерений философов». В других семи рукописях этот же материал представлен с теми или другими отличиями в расположении или с теми или другими сокращениями. Весь остальной текст аль-Газали, содержащий Логику, находился лишь в одной рукописи, а именно утраченном сборнике XV в. из собрания Михайловского златоверхого монастыря в Киеве, № 493 по описанию Петрова [Петров 1897: 218—221]. В этом сборнике текст аль-Газали располагался вразбивку, которая отчасти была вызвана путаницей листов при переплетении сборника. Чем вызвано непоследовательное расположение текста в прочих рукописях, нам неизвестно. В книге Таубе эта третья часть, Логика аль-Газали, воспроизводится по изданию [Неверов 1909], в котором восстановлен первичный порядок. Местами две Логики имеют сходство в содержании.

Издание Таубе организовано следующим образом: на развороте слева находится славянский текст, под ним критический аппарат с разночтениями из списков, еще ниже — перевод славянского текста на английский. Справа на развороте — еврейский оригинал и также с критическим аппаратом (заимствованный из издания Эфроса или публикуемый впервые по рукописям). Комментарии издателя по-английски занимают все свободное место внизу обеих страниц разворота. Текст разбит на стихи со сплошной нумерацией, которая тождественно воспроизводится в славянском тексте, в аппарате к нему, в еврейском тексте и аппарате, в английском переводе и, наконец, в комментарии. Немаловажным дополнением к аппарату является полный индекс в

конце тома (с. 597—720), где дан исчерпывающий перечень употреблений для каждого слова, включая служебные, с отсылкой к местам их нахождения, английским переводом семантики и еврейским соответствием. Эта тщательно продуманная организация позволяет довольно легко пользоваться сложным по своей природе изданием, получая необходимую и щедрую помощь от издателя, и равным образом контролировать многие приемы и решения издательской процедуры.

Основной славянский текст в издании представляет собою реконструкцию, т. е. не совпадает ни с одним из рукописных источников. С помощью различного вида скобок из текста устраняются ошибки и вводятся корректуры и эмендации, опирающиеся не только на славянские источники, но на чтение оригинального текста, которое нередко может быть установлено лишь при сравнении еврейского с арабским оригиналом. При этом в комментариях приводится мотивировка принятых решений. Всего на текст и комментарии к нему приходится в изданном томе внушительный объем в 400 страниц. В отечественной практике издания текстов реконструкции осуществляются крайне редко и лишь в тех случаях, когда уже выполнены дипломатические издания (как это имело место со Словом о полку Игореве и Повестью временных лет). Но думаю, что издатель был прав, выбрав такой способ публикации. Сам А. И. Соболевский, первый вдумчивый читатель Логики, и другие филологи его поколения жаловались на темноту и непонятность славянского перевода, потому реконструкция и комментарий служат благому делу расширения круга тех, кто сможет осилить текст Логики, с какой бы целью он это ни делал. Буквальные переводы средневековья не могут быть прочтены без обращения к оригиналу, который в

данном случае также является искомой величиной. И поскольку всякая деталь славянского текста, исключенная из реконструкции, остается на месте, все другие возможности интерпретации и реконструкции, отвергнутые издателем, не являются потерянными². В издание включен также словарь философской терминологии славянского перевода, он имеет два вида: 1) перечень английских терминов с их славянскими соответствиями и местонахождением в тексте (с. 577—586); 2) перечень еврейских терминов с их английскими и славянскими соответствиями (с. 587—596). Этот словарь, значимый сам по себе и открывающий другие возможности исследования материала, также позволяет сравнительно легко контролировать результаты предложенной в издании реконструкции.

Английский перевод дает в целом убедительную интерпретацию издаваемого текста, не уклоняясь от возникающих на каждом шагу трудностей. Одна из них заключается в исключительном своеобразии лексикона, призванного передать базовые понятия логики Аристотеля, пришедшей к славянам через посредство арабского и еврейского языков. Часть терминов получена от древнего общеславянского наследия: *бытие, естество, единосуцень, истин'на, качество, количество, премудрость* в новом значении 'наука' и др. Часть терминов заимствована из польского: *цоть/цять* 'равность', *мушеньство* 'необходимость' (от нем. *müssen*), *посполитый* 'universalis' с синонимом *всячественный*, и др. Немногочисленные термины еврейского происхождения служат доказательством того, что

еврейским был оригинал: *гиюль/гиюли* 'материя' (евр. *היול* заимствовано из греч. *ὑλη*), *носе* 'субъект' с переводом *держитель* (евр. *נושא* «держатель»), *насу* 'предикат' с переводом в тексте *одержаныи* (евр. *נושא* 'удерживаемый'), *гандасия* 'геометрия' (евр. *הגנסיה* заимствовано из арабского); рядом с последним термином в том же значении употребляются *мърная, мърильная* и *гиометрия*. Появляется также *тимсахъ* 'крокодил' из евр. *תמסח*.

Значительная часть терминологии носит оригинальный характер и заслуживает серьезного исследования³, она бросает свет на личность переводчика. Для некоторых терминов легко находятся соответствия в культурной традиции: *осудъ* 'суждение' отражает лат. *sententia* и евр. *גזר* 'указ'; *противенство* 'оппозиция' — ср. лат. *oppositio*, евр. *בכחות*; *трупъ* 'телесность' — ср. лат. *corpus*, евр. *חומר*. Однако в случае *рównanie* в значении 'syllogismus' очевидно предпочтение еврейской модели *שקף* 'сравнение'; равным образом *погнаныи* обозначает синоним вслед за евр. *גנני* 'гонимый', а *уельъ* 'отрицание' по значению и внутренней форме сходно с евр. *שולל*, *שליה* (от корня *שלל* 'захватывать, грабить'). Интерес представляет термин *путная* для обозначения математической науки. Здесь комментатор указывает на еврейскую параллель в тексте *ההרגלי* 'привычный, приученный': подобно арабскому эквиваленту она отражает греч. *μαθητὶν* 'учиться', от ко-

² Могу только отметить, что из-за слишком сжатой подачи информации в критическом аппарате не всегда легко понять, что же все-таки в данном месте читается в той или другой рукописи.

³ В отношении своего содержания терминология логики стала предметом профессионального обзора в статье: [Симонов, Стяжкин 1977]. Годом позже в работе этих же авторов даны дополнительные замечания о схоластическом характере терминологии и введен в научное обращение список РГБ, ф. 726, № 94/2, 1976, тотчас после его поступления в библиотеку. См.: [Попов, Симонов, Стяжкин 1978].

того образовано название математики. Для объяснения славянского соответствия он допускает, что *путъный* имело значение 'регулярный' (?), которое передает искомый смысл (с. 269). Думаю, что переводчик руководствовался семантикой другого еврейского слова — דָּרָג , которое обладает нужной полисемией, обозначая на протяжении всей истории еврейского языка и путь, и учение⁴. Как еврейское דָּרָג , так греческое $\mu\alpha\theta\eta\mu\alpha\tau\iota\kappa\acute{\eta}$ служат обозначением науки *par excellence*. И коль скоро слово דָּרָג не отмечено в параллельных чтениях оригинала, термин *мудрость путьная* отражает языковые навыки переводчика.

В иллюстрациях правил логики переводчик иногда отступает от оригинала. Поясняя возможность применения одного названия к отдельному предмету и классу предметов, он пишет «ізраиль вѣмъ намъ има и одному межѣ нами» там, где еврейский оригинал оперирует именами небесных светил (с. 242). Там, где еврейский текст упоминает присредиземноморские города Безье, Нарбонну и Монпелье, в переводе читаем Иерусалим, Египет и Рим (с. 478). Эти замены, безусловно, служат знаком того, что переводчик был еврей. Но в другой иллюстрации он же дает персонажам чуждые еврейской традиции имена: «мазімъ убил ходора» и «ходор родился нынѣ» (с. 164).

Квадратными скобками издатель отмечает в славянском тексте дополнения против еврейского оригинала. Часть дополнений в Логике Маймонида могла быть заимствована из публикуемой далее Логике аль-Газали, они отмечены

⁴ С этим «гностическим» значением слово многократно использовано в Новом Завете. Ср. «Произошел в то время мятеж немалый из-за Пути» (Деян 19:23). В Евангелии от Иоанна представлено в форме метафоры: «Я есмь путь и истина» (14:6).

на с. 172 с параллелью на с. 492—493, далее 186 и 504, 194 и 534, 200 и 534. В некоторых местах славянского текста даются отсылки к «долгой логике» (с. 186, 202, 216), под которой могла иметься в виду как раз Логика аль-Газали, действительно значительно большего размера. Привлекает внимание неоднократное упоминание важной для схоластики концепции семи свободных искусств (с. 152, 250, 252, 262). В конце Логике Маймонида помещен дополнительный пассаж с похвалой Аристотелю и упоминанием Александра Афродисийского (с. 246—254), комментатора Аристотеля, писавшего в конце II — начале III в.; М. Таубе отмечает, что этот пассаж восходит к «Наставнику заблудших» Маймонида⁵. Остатки этого же пассажа, где уже Аристотель становится учеником еврейских мудрецов, обнаруживаются в конце Логике аль-Газали (с. 422). Внутри него находится единственная фраза обширного текста, в которой отсутствуют явные признаки белорусского языкового узуса: «а то подобно какъ бы нѣкто рекль иже азъ князю служу а кто тои кна³ не вѣдаю. или хожу в црковь. а гдѣ црковь не вѣдаю» (с. 252). Но она тесно связана с целым⁶.

Славянский текст Логике не кажется легким для восприятия, не ясно, на какого читателя он рассчитан. Очевидно, что переводчик был хорошо образован-

⁵ На него обратил внимание А. И. Соболевский и в сокращенной форме процитировал [Соболевский 1903: 402—403]. Отрывок из пассажа включен в книгу Рафли, см. [Туррилов, Чернецов 1985: 281].

⁶ Мне кажется наивной мысль о том, что эти добавки отражают интересы «заказчика», для которого был сделан перевод, см. [Таубе 1997]. В рецензируемом издании эта мысль заменяется более приемлемым предположением о универсальном характере такого рода взглядов (с. 66).

ный человек, он отчетливо представлял себе смысл оригинала и для выполнения замысла использовал полноценную систему терминов, в тождественных случаях он последовательно принимал тождественные решения. Таубе допускает участие в работе двух переводчиков — ученого еврея и (неученого?) славянина, один диктовал, другой писал (с. 51). Но дублеты и корректуры, на которые опирается это предположение, встречаются в тексте крайне редко, чтобы оправдать пару участников. Конечно, переводчик такого сложного текста мог работать с писцом, секретарем, чтобы диктовать перевод, но это вопрос организации труда, а не формы соавторства. Еврей по рождению не хуже знает язык бытового общения той страны, где живет, чем представитель «титупной нации». Стиль славянского текста уникален, он не следует нормам славянских церковных книг или литовской канцелярии, а других письменных норм в ту эпоху не существовало. Таубе называет язык Логики либо белорусским, когда речь идет о конкретных лингвистических деталях, либо рутенским, когда речь идет о письменности юго-западной Руси в целом. Такая терминология получается в науке все большее распространение, хотя удачной ее нельзя считать. Термин *рутенский* пришел из поздней латыни, в источниках XIII в. он служил обозначением земель Червонной Руси. Главный его недостаток заключается в том, что им обозначаются довольно далекие друг от друга лингвистические системы — язык литовско-русской канцелярии и малорусской проповеди. В научной литературе последнюю разновидность называют также по-украински *мовой*. Никому, однако, не придет в голову именовать рутенским язык Острожской библии или Псалтыри Федора-жидовина, которые были созданы в этом же культурно-историческом ареале. Другая проблема

связана с термином *белорусский*. Таубе склонен думать, что переводчиком был киевский еврей Схария (с. 61—67). Другой киевский еврей этого времени, Федор, автор так называемой «Псалтыри» (см. [Сперанский 1907]), писал на довольно грамотном церковнославянском языке, но если ошибался, то тоже в сторону белорусских языковых черт, таких как отсутствие «нового ятя», твердое *p* (*въскрасиши* из *въскресиши*), тождественное словообразование (*святъство*, *чстьство*, *сытовъство*)⁷. Согласно Полу Векслеру, славянский язык еврейского населения в своих местных разновидностях не вполне совпадал с диалектным членением славянского ареала, так что, возможно, названные явления характеризуют славянскую речь евреев киево-полесской зоны, а не окружающей их языковой славянской среды [Wexler 1987: 85; 2002]. Здесь есть о чем подумать.

Мне кажется, что в языке данного перевода с еврейского есть одна приметная черта, и это сравнительно малое количество германизмов. Так, в переводе Песни песней с еврейского, выполненный в целом по нормам традиционной церковнославянской книжности [Алексеев 2002: 142], вошли германизмы *ви́рох* ‘благовоние’ (*wiroch*) [Thomson 1998: 874] и *шафран*. В составе пяти свитков Виленского кодекса № 262 (перевод с еврейского конца XV — начала XVI в.) употреблены следующие германизмы: *бальсам*, *листь* ‘письмо’, *мас-*

⁷ Единственный на первый взгляд отклоняющийся от этой тенденции случай — форму *тварение* вряд ли можно признать аканьем, тогда как оно нередко в Логике. Впрочем, вопреки Таубе, форма *острономия* не является гиперкоррекцией аканья (с. 52). Это ложно-этимологическое написание известно широкому кругу славянских источников, форма *острономъ* находится в Коломенской палее, см. [СДРЯ 6: 190].

терь, мурь ‘стена’, *муровьи, рынок* ‘торговое место’, *фундаментъ, шафран, шкода* «ущерб», *шмальць* ‘блеск’, *шнуръ, шпикнаръ* ‘аир’, *штука*. Но в более объемном тексте *Логики* заимствований меньше, а те из них, что имеют немецкое происхождение, взяты, по всей вероятности, из польского (в частности, отсутствуют формы с начальным *ш*): *вага* ‘вес’, *камфоръ, музыка, мураль, мусити, снуръ, фундаментъ*. Вероятно, можно толковать германизмы как признак языка тех евреев, которые начали прибывать в эти области в XIV веке из Германии (ашкеназы) [Weingyb 1962]. Отсутствие этой черты в переводе *Логики* может говорить о том, что переводчик принадлежал к той группе, которая по крайней мере с VIII века жила среди славян и была известна под именем хананев⁸. В самом книжном еврейском языке, на котором писали евреи в Европе, есть грамматические черты местных языков, так что сочинения, созданные в Италии, Франции и Германии, могут быть определены по этому субстрату (см. [Rosén 1995: 65ff.]). Если бы еврейские писатели говорили на еврейском, этого бы не было.

Отмечая эти уникальные черты средневекового славянского текста, хочу еще раз подчеркнуть, что доступность их сегодня стала результатом большого труда и высокой филологической квалификации издателя. Разумеется, в книге есть историческое введение с обзором научной литературы, который сделан грамотно и, вероятно, не нуждается в оценке. Лишь одна мелкая деталь требует объяснения, а именно название всего издания «The Logika of the Judaizers». В целом известно, как Аристотель стал доступен европейскому миру и почему через арабскую среду:

познакомившись с ним в Александрии, арабские авторы, начиная с IX века, стали развивать заложенные им принципы классификации. В этом последовательно участвуют аль-Фараби, Ибн-Рушд, Ибн-Сина, аль-Газали и другие. Моисей Маймонид вырос в арабской Кордове и был первый и, возможно, единственный из иудеев вплоть до эпохи Просвещения (Хаскалы), кто попытался придать логическому хаосу Талмуда подобие системы (Моисею Мендельсону еще в 1761 г. пришлось защищать *Логик* Маймонида). Один из переводов его «Наставника» на латынь был в руках у Фомы Аквинского⁹, и тот на том же самом пути добился нетленной славы, создав систему католического богословия. Евреи, посредники между арабским и христианским мирами Европы, играли в развитии схоластики значительную роль. В Киеве в XV в. произошло то же самое, что происходило уже триста и более лет, — очередной перевод основ аристотелизма. Кроме *Логики* было переведено и другое важное в этом отношении сочинение Псевдо-Аристотеля *Secreta secretorum*. Впервые на славянский текст *Логики* и Тайного тайных обратил внимание большой знаток рукописной традиции А. И. Соболевский. Пассажи из обоих переводов он опубликовал в своей книге 1903 г. в разделе «Литература жидовствующих». В этот раздел вошло все, что можно было считать переводом с еврейского. Решение не было безукоризненным, но на первый случай могло сгодиться; в этом, как и во многом другом, Соболевский был первопроходец. Ведь какая-то логика названа среди книг, которые были у новгородских еретиков в 1489 г., как это известно из письма архиепископа Геннадия бывшему ростовскому архиерею Иоасафу. Рядом с Ло-

⁸ Недавно вышли две серьезные публикации, посвященные этим хананеям: [Jews and Slavs 2014; Bláha et al. 2015].

⁹ Вопрос подробно описан: [Hasselhoff 2004].

гикой новгородский владыка назвал сочинения папы римского Сильвестра, Афанасия Александрийского, слова пресвитера Козьмы, послания Фотия, библейские книги Пророков, Бытия, Царств, Притчей, наконец, Менандра¹⁰, Иисуса Сирахова и Дионисия Ареопажита [Казакова, Лурье 1955: 320]. Перед нами список сочинений, совершенно надежных в конфессиональном смысле и кроме того доступных и известных в Новгороде; в частности, названные здесь библейские книги стали частью Геннадиевского свода, работа над которым здесь уже велась. Еретики не представляли собою организованной группы, чтобы обладать какой-то особой библиотекой, они были клириками центральных церквей Новгорода и Москвы, поэтому и имели доступ ко всей актуальной литературе, что было известно новгородскому владыке. Положение Логик в этом списке говорит о том, что он был знаком с нею. Можно допустить, что Геннадий хотел помочь комплектованию библиотеки Ферапонта монастыря, где проживал на покое ростовский владыка; едва ли случайно, что сохранившиеся списки Логик имеют монастырское происхождение¹¹. Таубе мельком упоминает об этом (с. 58), но вопрос об источниках заслуживает большего внимания. Следовало дать постатейное описание всех сборников, в составе которых Логика сохранилась¹². Перевод XV в. получил на Ру-

си распространение лишь тогда, когда о новгородской ереси уже не было помину. Содержание Логик свободно от какой бы то ни было конфессиональной доктрины, почему нашло такое широкое хождение в христианской Европе. В XIV в. аристотелизм приходит к славянам еще одним и вполне традиционным путем через полный перевод Богословия и Диалектики Иоанна Дамаскина, первого православного аристотелианца¹³; в XVI в. этими текстами увлечен попавший на юго-западную Русь Андрей Курбский. Именно в этой фигуре с историческим опозданием, но вполне отчетливо сказалось то новое, что возникло в Европе благодаря аристотелиз-

ет А. А. о сборнике № 15459 Ярославского музея: «Написан на бумаге с белыми датами 1780—1790-х гг. Почерк можно определить и как скоропись, и как курсив второй половины XVIII в. Логика начинается с л. 429. Сборник содержит не просто сочинения Максима Грека, а собрание его сочинений в 111 главах с предисловием, «Сказанием о иноке Ватопедской обители» (л. 269—369) и «Сказанием о Максиме Философе», которое расположено довольно далеко от блока. На л. 242об.—245об. «Повесть о Евстратии-Велизарии». На л. 387об.—88 «Лаодикийское послание». Судя по числу глав в собрании сочинений Максима Грека, это, вероятно, Синодальная редакция. Сочетание этой редакции с Логикой имеется и в Пог. 1146 (см.: Синицина Н. В. Максим Грек в России. 1977. С. 272—273, № 3). Но там, в отличие от ярославского сборника, только эти два сочинения. Судя по наличию в сборнике жития Никодима Кожеезерского, оригинал рукописи не старше третьей четверти XVII в.» (письмо от 16 июля 2016).

¹⁰ Псевдо-библейская книга Менандр с XV в. систематически включалась в библейские сборники, см. [Алексеев 2010: 179].

¹¹ О рассылке рукописей архиеп. Геннадием см. [Ромодановская 2001].

¹² По моей просьбе А. А. Турилов любезно указал еще один список конца XVIII в., содержащий вместе с Логикой набор богословских и энциклопедических статей, и это жанровое окружение говорит кое-что о жанре самой Логик. Вот что сообща-

¹³ На это слияние двух потоков обращено внимание в исследовании: [Seebohm 1977]. Таубе (с. 114—124) уделяет серьезное внимание этой работе, оставляя все же в стороне опыт Зеебома по оценке аристотелизма как общеевропейского течения.

му и схоластике: осознание того, что философская истина существует независимо от богословия и веры¹⁴. Нет ничего удивительного и в том, что один из участников «новгородской ереси», Федор Курицын знал этого рода литературы, его стихотворение «Душа самовластная» явным образом зависит от Тайной тайных Псевдо-Аристотеля, как показал Таубе¹⁵. Это сочинение имело более широкую известность и сохранилось по крайней мере в двадцати списках [Ruan 1978: 246].

Схоластика, придя наконец к восточным славянам, не стала достоянием узкой группы «еретиков»¹⁶, почему и задержалась здесь еще на два столетия. Соединение Логике с творениями Максима Грека имеет те же причины, по которым она не может быть отнесена к деятельности и интересам религиозных еретиков; оно открывает перед восточнославянским рационализмом XVII века новую, гуманистическую, перспективу. Симпатизировавший католицизму архиеп. Геннадий мог кое-что знать и о Фоме Аквинском, учение которого было церковью дважды проклято (1272, 1277) и посмертно канонизовано (1323). Потому мне кажется, что название фун-

даментального труда Моше Таубе придает археографической случайности исторически неоправданное значение. Следуя в русле этой, можно сказать, архаической научной традиции, издатель оставляет без внимания и достоверные свидетельства того, что евреи пользовались славянским языком столь же уверенно, как сами славяне.

К счастью, качество издания таково, что позволяет избежать дальнейших ошибок и открывает путь к решению застарелых недоумений.

Л и т е р а т у р а

Алексеев 1998 — А. А. Алексеев. [Рец. на кн. Altbauer 1991] // Славяноведение. 1998. № 2. С. 132—135.

Алексеев 2002 — А. А. Алексеев. Песнь песней в древней славяно-русской письменности. СПб., 2002.

Алексеев 2003 — А. А. Алексеев. Еще раз о книге Есфирь // Русский язык в научном освещении. 2003. № 1 (5). С. 185—214.

Алексеев 2010 — А. А. Алексеев. Библиейский канон на Руси // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 61. 2010. С. 171—193.

Алексеев 2012 — А. И. Алексеев. Религиозные движения на Руси последней трети XIV — начала XVI в.: стригольники и жидовствующие. М. 2012.

Алексеев 2015 — А. И. Алексеев. О вступлении Иосифа Волоцкого в борьбу с ересью жидовствующих // Круги времен. В память Е. К. Ромодановской. Т. 2. М., 2015. С. 148—157.

Казакова, Лурье 1955 — Н. А. Казакова, Я. С. Лурье. Антифеодальные еретические движения на Руси XIV — начала XVI века. М.; Л., 1955.

Неверов 1909 — С. Л. Неверов. Логика иудействующих по рукописи 1482 года // Университетские известия. Т. 49. № 8. Киев, 1909. С. 1—62.

¹⁴ По этому вопросу см. в частности: [Marenbon 1990].

¹⁵ См.: [Taube 1995]. Зависимость стихотворения от Логике не очевидна.

¹⁶ Характер ереси остается не выяснен. См.: [Pliguzov 1992] (Таубе способствовал публикации этой статьи, она включена в библиографию книги, но обойдена молчанием в обзоре литературы). Полноценный обзор исторических материалов и точек зрения см.: [Алексеев 2012]. Только что под одной обложкой появились две публикации о новгородской ереси: авторы придерживаются разных точек зрения, но согласны в том, что характер ереси неясен. См. [Алексеев 2015] и [Петрухин 2015].

Петров 1897 — Н. И. Петров. Описание рукописных собраний, находящихся в городе Киеве. Часть 2. Москва, 1897.

Петрухин 2015 — В. Я. Петрухин. Иван III — ересиарх? К вопросу о ереси «кидовствующих» // Круги времен. В память Е. К. Ромодановской. Т. 2. М., 2015. С. 158—170.

Попов, Симонов, Стяжкин 1978 — П. И. Попов, Р. А. Симонов, Н. И. Стяжкин. Логические знания на Руси в конце XV века // Естественнонаучные представления Древней Руси. Сборник статей. М., 1978. С. 98—112.

Ромодановская 2001 — В. П. Ромодановская. О целях создания Геннадиевской Библии как первого русского библейского кодекса // Книжные центры Древней Руси. Севернорусские монастыри. СПб, 2001. С. 278—305.

СДРЯ 6 — Словарь древнерусского языка XI—XIV вв. Т. 6. М., 2000.

Симонов, Стяжкин 1977 — Р. А. Симонов, Н. И. Стяжкин. Историко-логический обзор текстов «Книга, глаголемая Логика» и «Логика Авиасафа» // Философские науки. 1977. № 5. С. 132-143.

Соболевский 1903 — А. И. Соболевский. Переводная литература Московской Руси. СПб. 1903.

Сперанский 1907 — М. Н. Сперанский. Псалтырь жидовствующих в переводе Феодора еврея. М., 1907.

Таубе 1997 — М. Таубе. Послесловие к «Логическим терминам» Маймонида и ересь жидовствующих // In memoriam. Сборник памяти Я. С. Лурье. СПб., 1997. С. 239—246.

Турилов, Чернецов 1985 — А. А. Турилов, А. В. Чернецов. Отреченная книга Рафли // Труды отдела древнерусской литературы. Т. 40. 1985. С. 260—344.

Altbauer 1991 — M. Altbauer. The Five Biblical Scrolls in a Sixteenth-Century Jewish Translation into Belorussian (Vilnius Codex 262). Jerusalem, 1991.

Bláha et al. 2015 — O. Bláha, R. Dittman, K. Komárek, D. Polakovič, L. Uličná. Kenaanské glosy ve středověkých hebrejských rukopisech s vazbou na české země. Praha, 2015.

Davidson 2005 — H. A. Davidson. Moses Maimonides. The Man and His Works. Oxford, 2005. P. 313—324.

Efros 1938 — I. Efros, ed. Maimonides' 'Treatise on Logic'. The Original Arabic and Three Hebrew Translations. New York, 1938.

Hasselhoff 2004 — G. K. Hasselhoff. Dicit Rabbi Moyses. Studien zum Bild von Moses Maimonides im lateinischen Westen vom 13. bis zum 15. Jahrhundert. Würzburg, 2004.

Jews and Slavs 2014 — Кенааниты: Евреи в средневековом славянском мире (= Jews and Slavs. Vol. 24). М.; Иерусалим, 2014.

Lunt, Taube 1998 — H. G. Lunt, M. Taube. The Slavonic Book of Esther. Cambridge, MA, 1998.

Marenbon 1990 — J. Marenbon. The theoretical and practical autonomy of philosophy as a discipline in the Middle Ages: Latin philosophy, 1250—1350 // Knowledge and the Sciences in Medieval Philosophy. Vol. 1. Ed. by M. Asztalos et al. Helsinki, 1990. P. 262—275.

Pliguzov 1992 — A. Pliguzov. Archbishop Gennadii and the Heresy of the Judaizers // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 16. 1992. P. 269—288.

Rosén 1995 — H. D. Rosén. Hebrew at the Crossroads of Cultures. From Outgoing Antiquity to the Middle Ages. Leuven; Paris, 1995.

Ryan 1978 — W. F. Ryan. The Old Russian Version of the Pseudo-Aristotelian *Secreta Secretorum* // Slavonic and East European Review. Vol. 56. 1978. P. 242—260.

Seebohm 1977 — T. M. Seebohm. Ratio and Charisma. Ansätze und Ausbildung eines philosophischen und wissenschaftlichen Weltverständnisses im Moskauer Rußland. Bonn, 1977.

Taube 1995 — M. Taube. 'The Poem of Soul' in the Laodicean Epistle and the Literature of the Judaizers // Harvard Ukrainian Studies. Vol. 19. 1995. P. 671—685.

Thomson 1998 — F. D. Thomson. The Slavonic Translation of the Old Testament // Interpretation of the Bible. Ljubljana; Sheffield, 1998. P. 605—920.

Weinryb 1962 — B. D. Weinryb. The Beginning of East-European Jewry in Legend and Historiography // Studies and Essays in Honour of A. A. Newman. Leiden, 1962. P. 445—502.

Wexler 1987 — P. Wexler. Explorations in Judeo-Slavic Linguistics. Leiden, 1987.

Wexler 2002 — P. Wexler. Two-tiered Relexification in Yiddish: Jews, Sorbs, Khazars and the Kiev-Polesian Dialect. Berlin, 2002.

А. А. Алексеев

Рецензия получена 18.10.2016

**М. В. Копотев, Т. И. Стексова. Исключение как правило:
Переходные явления в грамматике и словаре.**

М.: Языки славянской культуры, 2016. 168 с.

Рецензируемая монография посвящена процессам идиоматизации и грамматикализации, приводящим к образованию единиц, которые занимают промежуточное положение между лексиком и грамматикой или между разными грамматическими уровнями, обладают непрозрачностью формы и некомпозициональностью содержания и в силу этого не вписываются в традиционные лингвистические классификации. Существование таких единиц является серьезным вызовом для лингвистической теории, и авторы монографии предложили свой ответ на этот вызов.

В рамках подхода, который условно можно назвать формально-логическим и который наиболее полно и последовательно был представлен в структурализме, а затем в генеративной грамматике (при всех их важных отличиях), доминируют идеи системности языка, исчислимости релевантных признаков единиц и выводимости сложных структур из элементарных по определенным правилам.

В «идеологии системности» грамматика как система универсальных правил и закономерностей, охватывающих большие классы языковых единиц, противопоставлена «бессистемной» идиоматике, на которую не распространяются не только правила грамматики, но

даже правила лексической сочетаемости. При таком подходе лексикализация, а тем более идиоматизация, рассматривается как досадное исключение, нарушающее стройность системы и ее лингвистического описания. В этом смысле само название рецензируемой монографии М. В. Копотева и Т. И. Стексовой — «Исключение как правило» — является в высшей степени показательным и даже символическим.

Монография является яркой иллюстрацией другого подхода не только к описанию языка, но и к пониманию его природы: «Идиоматичность не периферийное явление, приводящее к возникновению досадных “исключений” из стройной языковой системы, а ингерентное свойство языка» (с. 24)

Этот подход (условно назовем его когнитивно-антропоцентрическим), как и «формально-логический», также имеет продолжительную историю — от идей В. фон Гумбольдта и Сэпира-Уорфа до работ Анны Вежбицкой [2011], в которых обосновывается принципиальная связь языка с человеком и наивной картиной мира и принципиальный отказ от жесткого противопоставления лексики и грамматики. Значимое место в этом направлении науки о языке занимают теория лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст» [Мельчук 1974/1999; Иордан-

ская, Мельчук 2007] и идеи Московской семантической школы (см. [Апресян и др. 2006]; [Апресян и др. 2010]), возглавляемой акад. Ю. Д. Апресяном, в первую очередь — его концепция интегрального описания языка ([Апресян 2006]).

Ключевыми для этих теорий являются идеи (1) принципиальной взаимопроницаемости лексики и грамматики: лексические и грамматические правила, толкование лексических и грамматических значений должны записываться на едином семантическом языке, частные грамматические правила должны помещаться в словарные статьи конкретных лексем, а общие грамматические правила должны включать лексическую информацию; (2) принципиальной идиоматичности естественного языка не только на лексическом, но и на грамматическом уровне и принципиальной необходимости обращения к идиоматике в лингвистическом описании (ср. [Мельчук, Жолковский 1984]; [Апресян 2008]).

Особым направлением в рамках антропоцентрического подхода можно считать когнитивную лингвистику и одну из ее важнейших составляющих — грамматику конструкций, которая получила распространение и в зарубежной, и в отечественной лингвистике, ср. [Langacker 1987; Goldberg 1995; Langacker 1998; Croft 2002; Croft, Cruse 2004; Goldberg 2006; Рахилина и др. 2010]. В этом же ряду нужно упомянуть и монографию одного из авторов книги [Копотев 2008].

В рецензируемой монографии изложению важнейших идей грамматики конструкций посвящено Введение, где последовательно проводится мысль о том, что идиоматичность — неотъемлемая характеристика единиц языка, особенно переходных, а идиоматизация — один из закономерных этапов грамматикализации, т. е. формирования единиц и конструкций грамматической системы.

Дальнейшее изложение можно рассматривать как обоснование этого тезиса.

Важное достоинство работы — широта охвата материала: книга включает описание фразеологизованных единиц всех уровней — это эквиваленты слова, коллокации (глава 1), синтаксические фраземы в простом предложении (глава 2), синтаксические фраземы в квазисложном предложении (глава 3).

Первая глава — «От слова к сочетанию слов» — содержит обзор эквивалентов слова по данным словарей многокомпонентных служебных единиц Р. П. Рогожниковой [1991], Т. Ф. Ефремовой [2001] и др. (*от руки, со стороны, между прочим, на днях, по крайней мере, в первую очередь, кроме того, про себя, при этом, каким образом, где угодно, как ни странно, более того, так или иначе, вместе с тем, тем самым, по силам, не в состоянии, не по себе, к счастью, одним словом, в результате, потому что, по мере того как, хоть бы, вряд ли, мало ли* и под.). В этом обзоре фигурируют эквиваленты наречий, категории состояния (предикативов), а также многокомпонентные вводные слова, предлоги, союзы, частицы, междометия. Авторы поднимают проблему включения неоднородных единиц типа *к сожалению* или *в течение* в словарь в качестве отдельных входов наряду с «обычными» лексемами. Эта проблема давно обсуждается как в теоретическом плане, так и применительно к лексикографической практике, но сейчас, с развитием корпусных методов и технологий, она приобрела, как справедливо отмечают авторы, еще один важный аспект: «Когда единицей словаря фактически считаются только слова «от пробела до пробела», данные частотных словарей дают неправильное представление о частотности таких лексем, как *сожаление* или *течение*» (с. 47).

В первой главе обсуждается также, опять с ориентацией на корпусную лин-

гвистику, расширенное понятие коллокации. В это расширенное понятие включаются не только традиционные коллокации (типа *нанести визит* или *большая просьба*), но и другие устойчивые сочетания лексических единиц разной природы, полученные из реальных текстов с помощью специальных корпусных инструментов, ср. *Бритни Спирс, Ролан Гаррос, по данным, со ссылкой, во время* и под. Обсуждаются особенности описания коллокаций типа *без ведома, без галстука*; дается анализ ряда таких коллокаций (*без оглядки, без шапки, без переводчика*) с использованием аппарата грамматики конструкций. Наконец, рассматривается еще один тип устойчивых сочетаний — переходные явления между зонами лексической и синтаксической идиоматики: *отбросить копыта; мало ли что; была не была; считать до трех*.

Вторая глава — «Монопредикативные фраземы» — посвящена синтаксическим фраземам, которые являются базой монопредикативных конструкций, т. е. простых предложений. Конкретным материалом послужили так называемые тавтологические фраземы, построенные по моделям «X не X» (*хочешь не хочешь, а [вставай]*; *с ним не с ним, [какая разница]* и под.), «Им. п. + Тв. п.» (*дурак дураком, мужик мужиком; шутки шутками*) и другие: *Ну приехал и приехал; Гулять так гулять*. Тавтологические фраземы подвергаются всестороннему анализу: рассматриваются их значения, структура, лексическое наполнение, дискурсивные и прагматические особенности.

По поводу материала второй главы следовало бы сделать некоторые уточнения в связи с термином «монопредикативный». Сами по себе рассматриваемые конструкции, несмотря на повтор предикатного слова в некоторых из них (*Гулять так гулять; Приехал и приехал*), являются монопредикативны-

ми в том смысле, что удвоение предикатного слова не приводит к полипредикативности. Однако с точки зрения взаимодействия с контекстом среди них выделяются разные группы: одни фраземы употребляются автономно (*Приехал и приехал*), по крайней мере не требуют «продолжения», хотя и могут его иметь (*Ну приехал и приехал, мне-то что*); другие, напротив, употребляются в составе сложных предложений. Так, по поводу конструкции «X X-ом» авторы специально отмечают, что она может функционировать как в составе одной предикативной единицы (*дурак дураком*), так и в составе полипредикативной единицы с бессоюзной или сочинительной связью (*Война войной, а права человека святы*). Но некоторые другие рассматриваемые в этой главе конструкции (*Хочешь не хочешь, а вставай; С ним не с ним, какая разница*) также имплицитно вводят вторую часть. Таким образом, в описании предикативных фразем должны быть, по-видимому, предусмотрены два параметра: (1) что собой представляет сама фразема и (2) может ли она употребляться автономно или в составе более сложной структуры.

Третья глава — «Квазисложные предложения», — как и две предыдущие, сочетает в себе изложение концептуального подхода и разбор конкретных конструкций: *Дело в том, что P; Если на то пошло...; иметь в виду + Вин. п. / что P; Что касается..., то; Если [говорить о / сказать...], то; (Если) кто/что..., так это*. Их анализ снабжен богатым иллюстративным материалом из электронных корпусов и интернет-коммуникации.

В выводах к третьей главе формулируются принципы, которые релевантны для сферы синтаксической идиоматизации и содержат в себе краткое, но содержательное изложение авторской концепции, — принцип конструктикона, принцип кристаллизации, принцип

приоритета прагматики и др. Эти принципы ориентированы на основные параметры единиц, находящихся на том или ином этапе процесса фразеологизации/грамматикализации, и в совокупности представляют собой программу изучения таких единиц.

Книга снабжена представительным списком литературы, который свидетельствует об эрудиции и широте научного кругозора авторов, а также указанием терминов и понятий.

Подводя итоги, можно констатировать, что монография М. В. Копотева и Т. И. Стексовой «Исключение как правило: переходные единицы в грамматике и словаре» является пока единственным научным трудом, в котором принята попытка систематизировать в рамках единого концептуального подхода все типы переходных («межуровневых») фразеологизованных единиц, функционирующих как эквиваленты слова или как синтаксические фраземы в простом и сложном предложении.

Хочется выразить уверенность в том, что книга заинтересует самый широкий круг лингвистов разных специальностей.

Литература

- Апресян 2006 — Ю. Д. А пр е с я н. Основания системной лексикографии // Языковая картина мира и системная лексикография / Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006. С. 33—160.
- Апресян и др. 2006 — Языковая картина мира и системная лексикография. Отв. ред. Ю. Д. Апресян. М., 2006.
- Апресян 2008 — Ю. Д. А пр е с я н. О семантической мотивированности лексических функций-коллокатов // Вопросы языкознания. 2008. № 5. С. 3—33.
- Апресян и др. 2010 — Ю. Д. А пр е с я н, И. М. Богуславский, Л. Л. Иомдин, В. З. Санников. Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря. М., 2010.
- Вежбицкая 2011 — А. Ве ж б и ц к а я. Семантические универсалии и базисные концепты. М., 2011.
- Ефремова 2001 — Т. Ф. Е ф р е м о в а. Толковый словарь служебных частей речи русского языка. М., 2001.
- Иорданская, Мельчук 2007 — Л. Н. И о р д а н с к а я, И. А. М е л ь ч у к. Смысл и сочетаемость в словаре. М., 2007.
- Копотев 2008 — М. В. К о п о т е в. Принципы синтаксической идиоматизации. Хельсинки, 2008.
- Мельчук 1974/1999 — И. А. М е л ь ч у к. Опыт теории лингвистических моделей «Смысл ↔ Текст». Семантика, Синтаксис. М., «Наука», 1974. 2-е изд. М., 1999.
- Мельчук, Жолковский 1984 — И. А. М е л ь ч у к, А. К. Ж о л к о в с к и й. Толково-комбинаторный словарь современного русского языка. Wien, 1984.
- Рахилина и др. 2010 — Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М., 2010.
- Рогожникова 1991 — Р. П. Р о г о ж н и к о в а. Словарь эквивалентов слова. М., 1991.
- Croft 2002 — W. C r o f t. Radical Construction Grammar. Syntactic Theory in Typological Perspective. Oxford, 2002.
- Croft, Cruse 2004 — W. C r o f t, D. A. C r u s e. Cognitive Linguistics. Cambridge, 2004.
- Goldberg 1995 — A. E. G o l d b e r g. Constructions: A Construction Grammar Approach to Argument Structure. Chicago and London, 1995.
- Goldberg 2006 — A. E. G o l d b e r g. Constructions at Work: The Nature of Generalization in Language. Oxford, 2006.
- Langacker 1987 — R. W. L a n g a c k e r. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1. Theoretical Prerequisites. Stanford, CA, 1987.
- Langacker 1998 — R. W. L a n g a c k e r. Conceptualization, Symbolization and Grammar // Tomasello, Michael (ed.), The New Psychology of Language: Cognitive and Functional Approaches to Language Structure. New York, 1998. P. 1—39.

Г. И. Кустова

Рецензия получена 29.11.2016

НОВЫЕ КНИГИ

Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов /

А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова (ред.).
М.: ЯСК, Studia Philologica, 2016. 608 с.

Монография, объединившая работы коллектива российских исследователей, посвящена проблематике грамматического моделирования в сфере коммуникативно-синтаксического интерфейса. Своей целью авторы видят построение объяснительной типологии систем порядка слов на основе параметризации (т. е. представления и сопоставления в терминах релевантных параметров) выявляемых в языках синтаксических и коммуникативных феноменов. И содержательно, и методологически книга вносит вклад в активно развивающееся направление лингвистических исследований. В последние десятилетия, в самом деле, все больше грамматических явлений трактуются с привлечением коммуникативно-дискурсивного материала, а параметрическое моделирование как методология зарекомендовало себя и в типологии, и в теоретической лингвистике.

Монография состоит из 16 глав. В первой, вводной, главе (Е. А. Лютикова, А. В. Циммерлинг. Архитектура клаузы и информационная структура) представлено описание предлагаемой модели коммуникативно-синтаксического интерфейса и названы основные вопросы, поднимаемые в современных теориях информационной структуры. К таковым относятся, в частности, оппозиция композиционного и деривационного способов описания вариативного порядка слов. Последний способ, принимаемый авторами как предпочтительный, отличается от первого наличием базового

порядка, из которого прочие порядки выводятся посредством передвижений. С интерпретацией таких — как правило, коммуникативно обусловленных — передвижений, в свою очередь, связан ряд вопросов: о локализации передвижений (о признании их синтаксическими или постсинтаксическими); о структурной позиции, выступающей в качестве конечной точки передвижений; о направлении передвижений. Требуется решения и вопрос о структуре коммуникативных составляющих. В соответствии с подходом, принятым в монографии, коммуникативные составляющие подобны синтаксическим в том, что имеют ядро — словоформу-акцентоноситель, однако принципиально отличаются от синтаксических составляющих отсутствием рекурсии.

Последующие 15 глав книги объединены в три части: «Коммуникативно-синтаксический интерфейс», «Синтаксис клитик», «Падеж, согласование и структура клаузы». Ввиду того, что разрабатываемая модель клаузы мыслится как универсальная, объектом ее приложения в книге служат, наряду с русским, хеттский, осетинский, ирландский, средненорвежский, болгарский, македонский, сербский, татарский, литовский, коми-зырянский и даргинские языки. Глав, посвященных русскому языку, — пять; именно они в центре внимания настоящего обзора.

В главе Е. В. Падучевой «Коммуникативная структура и линейно-акцентные

преобразования предложения (на материале русского языка)» взаимодействие синтаксиса и информационной структуры анализируется в терминах линейно-акцентных преобразований. В соответствии с принятым трансформационным подходом, приводится инвентарь первичных коммуникативных структур и линейно-акцентных преобразований, порождающих производные коммуникативные структуры. При этом ставится цель не только исчислить набор возможных коммуникативных структур в русском языке, но и описать семантическое изменение, сопровождающее каждое из линейно-акцентных преобразований. Наряду с данной основной проблематикой, в главе затрагиваются и другие вопросы, связанные с коммуникативной структурой: о соотношении понятий тема и рема с оппозициями данное/новое и ассерция/презумпция; о взаимодействии коммуникативной структуры с отрицанием; о лексических средствах выражения коммуникативных значений; о коммуникативной структуре вопросительного предложения.

Проблематику линейно-акцентных преобразований продолжает глава А. В. Циммерлинга «Линейно-акцентная грамматика и коммуникативно нерасчлененные предложения в русском языке». В рамках последовательно деривационного подхода описывается порождение тетических предложений из категорических на основе линейно-акцентных правил. Развиваемая формальная модель характеризуется как типологически ориентированная, вместе с тем отмечаются коммуникативно-синтаксические особенности, специфичные для русского языка (например, единый алгоритм выбора акцентоносителя и набор фразовых просодий в невопросительных клаузах и общих вопросах).

В главе О. И. Беляева «Уровневая теория полипредикации: данные осетинского и русского языков» модель

коммуникативно-синтаксического интерфейса разрабатывается применительно к полипредикативным конструкциям. Обосновывается гипотеза о том, что при разграничении сочинения и подчинения типологически наиболее адекватным является трехуровневый подход, определяющий эти понятия отдельно на уровне структуры составляющих, на уровне глубинного синтаксиса и на семантическом уровне. В русле этого подхода анализируются русские причинные союзы *потому что*, *поскольку* и *так как*, традиционно причисляемые к подчинительным: демонстрируется, что только *поскольку* является подчинительным на всех трех уровнях, а, скажем, *потому что* ведет себя как сочинительный союз на уровне структуры составляющих.

Глава П. М. Аркадьева «К вопросу об эндоклитиках в русском языке» посвящена разрывным сочетаниям некоторых местоимений с предлогами (*ни к кому*, *кое с кем* и под.), в составе которых у предлогов признается статус эндоклитик. По свидетельству автора, среди известных в языках мира случаев эндоклитик речь идет чаще всего о разрыве глагольной словоформы. Тем самым, явление эндоклизиса, само по себе типологически редкое, в русском оказывается еще и нестандартным с морфосинтаксической точки зрения.

В пятой из глав, основанных на русском материале (П. В. Гращенков. Синтаксическая и семантическая типология генитива: генитив качества как носитель адъективного признака (на материале русского языка)), у конструкции с генитивом качества (*человек необыкновенный силы*) признается двойственная категориальная природа. Будучи именной группой на поверхностном уровне, по ряду формальных свойств генитив качества сближается с прилагательным. Этот факт перекликается с другим — обязательным присутствием прилагательного в составе конструкции с гени-

тивом качества (ср. ?*человек силы*). В главе предлагается обобщение, возводящее оба факта к особой семантической природе генитива качества, родственной природе прилагательного, и высказывается гипотеза о том, почему в некоторых других языках (ср. англ. *the man of power*) присутствие прилагательного в аналогичной конструкции не требуется.

Параллели с русским языком присутствуют и в некоторых других главах книги, в особенности — в главе Е. Ю. Ивановой «Безличные предложения с обязательным местоименным выражением экспериенциера в болгарском языке».

О. Е. Пекелис

Обзор получен 27.02.2017

Г. Я. Романова: **Объяснительный словарь старинных русских мер.**

М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2017. 304 с.

Выход «Объяснительного словаря старинных русских мер» является долгожданным событием в русской исторической лексикографии. Словарь представляет собой первое системное описание русской метрологической лексики, выполненное на широком материале источников разного жанра и происхождения, причем в словаре подробно отражена как народная метрология (*палец, закрой*), так и официальная (*верста, аршин, пуд*), бывшая в употреблении до 1 января 1927 года, когда международная метрическая система мер и весов была окончательно введена как обязательная во всех отраслях.

Источником для словаря старинных мер послужили картотеки «Словаря русского языка XI—XVII вв.» и «Словаря русского языка XVIII в.», материалы «Словаря русских народных говоров», исследования и работы по исторической лексикологии и этнографии, а также результаты авторских разысканий в рукописных древлехранилищах. Столь разнообразный круг источников позволил собрать в одном словаре метрологическую лексику, бывшую в употреблении как на Руси, так и еще в начале XX века — собственно русскую (*лукно — народно-бытовая мера емкости для сыпучих и влажных продуктов*), усвоенную заимствованную (*кобл, кобел — мера объема сыпучих тел* (пре-

имущественно зерна, муки), раннее заимствование из германских языков) или известную только в качестве экзотизмов по переводным сочинениям (например, термин *стопень* передавал польск. *stopa* ‘фут’), или же диалектную (*позмог — Пермская мера сыпучих тел*).

В словарь помещены следующие наименования старинных мер: линейные меры и меры площади (*уля, вервь, плуг, село*), меры объема и веса (*пригоршня, ведро, золотник, ансырь*), меры времени (*зима, день*), путевые или поверхностные меры, определяемые временными понятиями (*поприще, уповод*), мерно-торговые или мерно-производственные единицы (*кипа, телега*), чужие меры-экзотизмы (*лан (лян)*).

Таким образом, перед читателем раскрывается картина зарождения и развития русской мерной системы от древнейших времен до перехода на международную метрическую систему.

Словарная статья организована следующим образом. В первой части приведено заголовочное слово и его варианты, толкование и разнообразный цитатный материал (из памятников XI—XVIII вв., диалектных записей и художественной литературы). Во второй части статьи проясняется этимология слова, история развития меры и ее содержания, информация о географии

возникновения и распространения меры, приводятся различные сведения историко-этнографического характера. Например, из статьи для слова *зобница* можно узнать, что эта мера объема сыпучих тел, хотя и происходит от распространенного на севере и северо-западе Руси названия корзин из бересты или лучины, «в которой хранили продукты, одежду, давали лошадям овес», в качестве официальной меры была закреплена только в Пскове с начала XIV в. и была равна $9\frac{1}{3}$ московского пуда, а в середине XV в. уже «вмещала 14 пудов хлеба... и была местным псковским наименованием кади».

Читатель встретит в словарных статьях и ряд других полезных сведений, касающихся жизни самого слова: например, зачастую утраченная или забытая уже метрологическая лексика сохраняется в поговорках, старинных и современных (*аршин на сукно, кувшин на вино* — о том, что для чего пригодно), фразеологических сочетаниях, общеупотребительных или специальных (на-

пример, выражение *бегать в закрой* у моряков на Азовском и Каспийском морях означало ‘уходить от берега в море на расстояние, когда берег скрывается из вида’).

Таблицы мер, помещенные в конце словаря, наглядно представляют историю развития русских мер и их метрическое выражение в разные временные отрезки (например, можно узнать, что мера емкости жидких тел *ведро* в XVI—XVII вв. равнялась 10 л., тогда как в XVIII—XIX вв. — 12,299 л.).

Фактически словарь старинных мер носит толково-энциклопедический характер. Представленные в нем сведения будут полезны не только лингвистам, но также историкам и этнографам. Кроме того, словарь может стать увлекательным чтением для тех, кто просто интересуется историей русской культуры, уникальными подробностями бытовой, торговой и духовной жизни.

А. Е. Соболева

Обзор получен 28.02.2017

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / AUTHORS

А. А. Алексеев / Anatoly A. Alexeev
Санкт-Петербургский государственный университет / St. Petersburg State University

В. Ю. Апресян / Valentina Yu. Apresjan
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / National Research University Higher School of Economics; Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

Т. И. Афанасьева / Tatiana I. Afanasjeva.
Санкт-Петербургский государственный университет / Saint Petersburg State University

М. В. Ахметова / M. V. Akhmetova
Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ / School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

И. В. Бегунц / Irina V. Begunts
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

П. В. Гращенков / Pavel V. Grashchenkov
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Московский педагогический государственный университет; Институт востоковедения РАН / Lomonosov Moscow State University; Moscow State University of Education; Institute of Oriental Studies, RAS

Г. И. Кустова
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

Е. А. Лютикова / Ekaterina A. Lyutikova
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова; Московский педагогический государственный университет / Lomonosov Moscow State University; Moscow State University of Education

И. А. Мельчук / Igor A. Mel'čuk
Заслуженный профессор Монреальского ун-та, Обсерватория лингвистики «Смысл-Текст»,

Монреаль, Канада / Professor Emeritus, Université de Montréal, Observatoire de linguistique Sens-Texte, Montréal, Canada

Г. А. Мольков / Georgy A. Molkov
Институт лингвистических исследований РАН / Institute for Linguistic Studies, Russian Academy of Sciences

И. В. Нечаева / Iya V. Nechaeva
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

В. А. Нурiev / Vitaly A. Nuriev
Институт языкознания РАН; Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН / Institute of Linguistics, RAS; Institute of Informatics Problems Federal Research Center "Computer Science and Control", RAS

Е. В. Падучева / Elena V. Paducheva
Федеральный исследовательский центр «Информатика и управление» РАН; Московский педагогический государственный университет / Federal Research Center "Computer Science and Control", Russian Academy of Sciences; Moscow State University of Education

О. Е. Пекелис / Olga E. Pekelis
Российский государственный гуманитарный университет (РГГУ) / Russian State University for the Humanities

А. В. Попова / Anna V. Popova
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова / Lomonosov Moscow State University

А. Е. Соболева / Alexandra E. Soboleva
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН / Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences

Герд Хентшель / Gerd Hentschel
Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого / Carl von Ossietzky Universität Oldenburg

**Адреса университетов и институтов
Addresses of universities and institutes**

- Высшая школа экономики, Национальный исследовательский университет*
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia
- Институт востоковедения РАН*
107031, Москва, Рождественка 12
Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences
12 Rozhdestvenka str., Moscow, 107031, Russia
- Институт лингвистических исследований РАН*
199053, Санкт-Петербург, Тучков пер., д. 9
Institute for Linguistic Studies, Academy of Sciences
9 Tuchkov pereulok, St. Petersburg 199053, Russia
- Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН*
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia
- Институт славяноведения РАН*
Москва, 119991, Ленинский проспект 32-А
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia
- Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова*
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia
- Московский педагогический государственный университет*
119991, Москва, улица Малая Пироговская, 1/1
Moscow State University of Education
1/1 M. Pirogovskaya str., Moscow, 119991, Russia
- Институт проблем информатики Федерального исследовательского центра «Информатика и управление» РАН*
119333, Москва, ул. Вавилова, д. 44, корп. 2
Institute of Informatics Problems, Federal Research Center "Computer Science and Control", Russian Academy of Sciences
44/2 Vavilova str., Moscow 119333, Russia
- Ольденбургский университет им. Карла фон Осецкого*
Аммерлендер Хеерштрассе, 114-118, 26129, Ольденбург, Германия
Carl von Ossietzky Universität Oldenburg
Ammerländer Heerstraße, 114-118, 26129 Oldenburg, Deutschland
- Российский государственный гуманитарный университет*
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Russian State Humanitarian University
6 Miusskaya area, GSP-3, Moscow 125993, Russia
- Санкт-Петербургский государственный университет*
199034, Санкт-Петербург Университетская наб., 11
Saint Petersburg State University
11 Universitetskaya emb., St.-Petersburg 199034, Russia
- Университет в Монреале*
Université de Montréal
2900 Boulevard Edouard-Montpetit, Montréal, QC H3T 1J4, Canada
- Школа актуальных гуманитарных исследований, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ*
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82
School of Advanced Studies in the Humanities, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Prospect Vernadskogo, Moscow, 119571, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу gusyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45—58] или [Иванов 2012: 45—58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34—38; 2012: 78—81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012а: 45—58; 2012б: 12—15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45—58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45—58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45—58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34—38; 2012: 78—81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45—58; 2012b: 12—15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45—58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении
№ 33 (1). 2017

*Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год*

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *А. К. Петрова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 30.08.2017. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 23,73. Заказ № 1046

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812)235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 965 048 04 28